

П О Э Т Ы
1840-1850-х ГОДОВ

Собрание
в 2-х томах

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде, И. Г. Ямпольский*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

П О Э Т Ы 1840-1850-х ГОДОВ

*Вступительная статья и общая редакция
Б. Я. Бухштаба*

*Составление, подготовка текста,
биографические справки и примечания
Э. М. Шнейдермана*

В сборник включены лучшие стихотворения ряда талантливых поэтов 1840—1850-х годов, творчество которых не представлено в других выпусках второго издания Большой серии «Библиотеки поэта»: Е. П. Ростопчиной, Э. И. Губера, Е. П. Гребенки, Е. Л. Милькеева, Ю. В. Жадовской, Ф. А. Кони, П. А. Федотова, М. А. Стаховича и др. Некоторые произведения этих поэтов публикуются впервые.

В сборник включена остросатирическая поэма П. А. Федотова «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора» — своеобразный комментарий к его знаменитой картине «Сватовство майора». Вошли в сборник стихи популярной в свое время поэтессы Е. П. Ростопчиной, посвященные Пушкину, Лермонтову, с которыми она была хорошо знакома. Интересны легко написанные, живые, остроумные куплеты из водевилей Ф. А. Кони, пародии «Нового поэта» (И. И. Панаева).

Многие из стихотворений, включенных в настоящий сборник, были положены на музыку русскими композиторами.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ 1840—1850-х ГОДОВ

1

Время, о котором пойдет речь в этой статье, не принадлежит к числу ярких периодов истории русской поэзии. Это как бы промежуточный этап между эпохой Пушкина и Лермонтова и эпохой Некрасова. Формирование Некрасова — наиболее значительное явление в поэзии этой поры; но Некрасов в те годы еще только идет к своим великим достижениям.

Период этот охватывает время с начала 1840-х годов до середины 1850-х. Вторую половину 50-х годов принято включать в период, условно называемый «60-ми годами». В середине 50-х годов перераспределяются идеологические группировки, начинает завоевывать гегемонию новое поколение писателей-разночинцев, объявляется — после смерти Николая I и проигранной войны — новый, либерально-реформистский курс нового правительства, заметно (после жестокой реакции «лихого семилетия») улучшаются цензурные условия. Меняется общий тон литературы и характер литературной жизни. Начинается новый период истории русской литературы.

40-е годы и первая половина 50-х — это конец дворянского этапа русской литературы, время, в сущности, переходное к буржуазно-демократическому, разночинскому этапу. «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский», — пишет В. И. Ленин.¹ В 40-е годы Белинский, резко повернув от «примирения с действительностью» к идеям социализма, вырабатывает основы революционно-демократической идеологии и ведет — в пределах тогдашних цензурных возможностей — пропаганду материализма.

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

Вокруг Белинского сплачиваются молодые антикрепостнические и демократические писатели, формируется «натуральная школа» — зерно критического реализма второй половины века.

40-е годы и начало 50-х — время выхода на историческую сцену почти всех крупнейших писателей второй половины XIX века. В это время в литературе появляются Герцен, Тургенев, Некрасов, Достоевский, Гончаров, Салтыков, Писемский, Островский, Лев Толстой.

Новый период ознаменован не только появлением нового поколения писателей, которому суждена была длительная гегемония в литературе второй половины XIX века, но и уходом с исторической сцены писателей предыдущих поколений. «Натуральная школа» образовалась под сильнейшим влиянием Гоголя, но сам Гоголь, создав в течение 30-х годов весь круг своих гениальных произведений, в сущности завершил свой творческий путь в 1842 году выпуском собрания сочинений и первого тома «Мертвых душ». После 1842 года Гоголь ничего не создал, пробившись десять лет в тщетных попытках продолжения «Мертвых душ». Второстепенные же беллетристы 30-х годов — Загоскин, Лажечников, Вельтман, В. Одоевский и другие — в 40-е годы перестали писать или отошли в тень, начали восприниматься как устарелые, архаические; для передовых читателей стало очевидным, что литературу создают молодые писатели, объединившиеся под знаменем «натуральной школы».

В поэзии смена поколений оказалась еще более резкой, чем в прозе.

Обычно в литературе одновременно работает несколько поколений. Так, в 1810-е годы пишут Державин, Карамзин, Жуковский и Пушкин. Не то в 40-е годы. К этому времени, как бы задохнувшись в атмосфере николаевского царствования, исчезают все поэты, выдвинувшиеся в предыдущие десятилетия, за исключением только Жуковского, который и считается в 40-е годы «патриархом» поэзии и покровителем молодых поэтических дарований. Но сам он в эти годы занимается только переводами (главным образом «Одиссеи»), да пишет несколько сказок, в подражание пушкинским.

40-е годы — это время, когда полного расцвета творческих сил должно было бы достигнуть пушкинское поколение. Ведь сверстникам Пушкина к началу 40-х годов было около сорока лет. Но поэты этого поколения не пережили своей молодости. Еще до ранней кончины Пушкина русская литература потеряла Рыльева, Веневитинова, Грибоедова, Дельвига, а непосредственно вслед за Пушкиным — Полежаева, Одоевского, Дениса Давыдова, Козлова. В начале 40-х годов еще появляются в журналах и выходят отдельными

сборниками стихотворения Баратынского и Языкова, но и эти два поэта ненадолго пережили остальных представителей «пушкинской плеяды»: Баратынский умер в 1844 году, Языков — в 1846-м.

Немногие уцелевшие поэты пушкинского поколения к 40-м годам замолкают — временно или навсегда. Тютчев, в 20—30-е годы оторванный от русской литературной жизни, публиковавший свои стихи главным образом во второстепенных изданиях и почти всегда без полной подписи, был мало известен читателям и не привлекал внимания критики; в 40-е же годы он совершенно не печатается. Интерес критики к Тютчеву, систематическая публикация его стихов, его известность начинаются лишь в 50-е годы.

Совершенно замолкают к 40-м годам Катенин, В. Туманский, Подолинский. Лишь иногда печатает стихи Вяземский.

Новое литературное поколение, выступившее в середине 30-х годов, сразу выдвинуло двух крупнейших поэтов: Лермонтова и Кольцова. Но оба они погибли в самом начале 40-х годов: Лермонтов в 1841, Кольцов — в 1842 году.

Белинский в статьях 1838—1840 годов обычно называет вслед за Лермонтовым и Кольцовым еще двух поэтов того же поколения — В. И. Красова и И. П. Ключникова (печатавшегося под псевдонимом — Θ —). Красов и Ключников — поэты кружка Станкевича, переживавшие вместе с Белинским настроения «рефлексии», «разлада с действительностью» и «примирения с действительностью». Порвав с «примиренческими» тенденциями, Белинский развенчал обоих поэтов. Они и сами к этому времени почувствовали исчерпанность своих творческих возможностей и, круто оборвав в начале 40-х годов печатание своих стихов, видимо, прекратили или почти прекратили и писание их.

С необычайным успехом дебютировавший в середине 30-х годов Бенедиктов, объявленный «поэтом мысли» и соперником Пушкина, поэт, которого высоко оценили Жуковский, Вяземский, Тютчев, Шевырев, Плетнев, которым на первых порах упивались молодые Тургенев, Фет, Аполлон Григорьев, потерял популярность у художественно развитых читателей так же быстро, как и приобрел ее, чему особенно способствовали статьи Белинского, выявившего в эффектных строках Бенедиктова напыщенность и позерство. С середины 40-х годов Бенедиктов совсем перестает печататься; «воскресает» он ненадолго уже в новую эпоху и в новой роли либерального «гражданского» поэта.

Замирает стихотворная деятельность и других представителей вульгарного романтизма, гремевших в 30-е годы: Н. В. Кукольника,

А. В. Тимофеева, которого Сенковский объявлял преемником Пушкина и вторым Байроном.

Поэтов, начавших печататься до 40-х годов и активно продолжающих свою деятельность, к середине 40-х годов почти не осталось. Жуковский, Вяземский, Хомяков, Федор Глинка, Ростопчина, Губер, Кони — вот и все, если не считать мельчайших. Все это поэты, явно заканчивающие свое поприще или, во всяком случае, не оказывающие серьезного влияния на характер, направление и судьбы поэзии.

На опустевшую сцену в начале 40-х годов выходит новое поколение поэтов. Крупнейшим из них, в отличие от их непосредственных предшественников, суждены были долгая деятельность и первенствующее положение в поэзии в течение нескольких десятилетий.

В 1840 году впервые появились в печати стихотворения Фета, Полонского, Огарева, Мея. Несколько раньше (в 1838—1839 годах) были напечатаны первые стихотворения Некрасова, Майкова, Тургенева, Щербины, Каролины Павловой, несколько позже (в 1843—1844 годах) начали печататься Аполлон Григорьев, Плещеев.

Эти новые имена принадлежали молодежи, выступавшей в печати почти что с первыми своими стихотворными опытами. В основном это люди, родившиеся в начале 20-х годов.

Новое поколение поэтов не заняло, однако, в течение 40-х годов достаточно заметного места в литературной жизни. Слава крупнейших его представителей создается в 50-е годы, а затем в новые десятилетия долго не появляется поэтов, которые могли бы отодвинуть на задний план представителей «плеяды 40-х годов». «Гражданская поэзия» до смерти Некрасова возглавляется им; «маститые» Майков, Фет, Полонский и в 80-е годы заслоняют новую формацию поэтов — приверженцев «чистого искусства».

Но в 40-е годы поколение Некрасова и Фета еще не могло завоевать достаточного авторитета, успеха у читателей. Нет, кажется, другого периода в истории русской литературы, когда поэзия была бы в таком пренебрежении, как в 40-е годы XIX века. Немногочисленные авторские сборники, появившиеся в эти годы, в печати обсуждаются крайне скупно, в критических обзорах литературы почти не уделяется места поэзии. Стихов в журналах печатается мало, а с 1846—1847 и по 1853 год наблюдается явление, кажется, небывалое в истории русской литературы: ведущие журналы вообще перестают печатать стихи — и книжки «Современника», «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения» годами выходят без единого стихотворения. Поэты, возбудившие надежды в начале 40-х годов и оправдавшие их впоследствии, в это время почти совсем не печа-

таются. Стихотворения, датированные 40-ми годами, появляются в журналах или сразу в авторских сборниках уже в 50-е годы.

Единственным исключением в журналистике тех лет является журнал «Москвитянин» — рассадник правительственной доктрины «официальной народности». Здесь печатаются и распространители этой доктрины (Шевырев, Михаил Дмитриев), и поэты, в прошлом близкие к декабристской идеологии, но к этому времени примкнувшие к реакции (Языков, Вяземский, Федор Глинка), и славянофилы старшей формации (Константин Аксаков, Хомяков), и адепты обновленного, более демократического славянофильства из «молодой редакции» «Москвитянина» (Аполлон Григорьев, Мей), и такие «беспартийные» поэты, как Фет или Полонский. «Москвитянин» словно бы особо покровительствует поэтам, обильно печатая стихи Евдокии Ростопчиной, Каролины Павловой, Авдотьи Глинки, Юлии Жадовской. Много печатается стихотворений переводов с древних и новых языков. Имена переводчиков Н. Берга и Ф. Миллера встречаются в «Москвитянине» особенно часто. Несомненной заслугой «Москвитянина» в эту пору пробуждения интереса к славянству в русской науке и русском обществе было ознакомление читателя с фольклором славянских народов. Особенно велика здесь роль Н. Берга, чьи переводы «песен разных народов» высоко ценили Некрасов и Тургенев (см. с. 427—428 наст. изд.).

Отзывы критиков 40-х годов — Белинского прежде всего — показывают, что наиболее значительными событиями в поэзии первой половины 40-х годов были посмертные публикации стихотворений Пушкина и Лермонтова. Пушкин в последние годы жизни почти не печатал своих новых стихов, в черновой тетради Лермонтова остались наиболее зрелые его стихи, — таким образом, со многими вершинными произведениями обоих гениев русской поэзии читатели знакомы после их смерти. Какое событие в поэзии 1841 года могло бы сравниться по значению, по впечатлению на современников с выходом девятого тома «Сочинений Александра Пушкина», где было напечатано 85 неизвестных стихотворений поэта, в том числе «Осень», «Заклинание», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный. . .», «Не дай мне бог сойти с ума. . .» и многие другие? Что в поэзии 1843 года могло сравниться с опубликованными в этом году стихотворениями Лермонтова — такими, как «Пророк», «Свидание», «Утес», «Тамара», «Сон», «Выхожу один я на дорогу. . .», «Из-под таинственной, холодной полумаски. . .», «Нет, не тебя так пылко я люблю. . .»? Выход собраний стихотворений Лермонтова в 1842—1844 годах и Кольцова в 1846 году впервые дал возможность читателям получить полное и цельное представление о творчестве этих поэтов.

Останься Пушкин в живых, весьма вероятно, что он сам опубликовал бы в 40-е годы ряд своих стихотворений 30-х годов. Тогда они были бы оценены как новые завоевания современной поэзии; теперь же они воспринимались не как настоящее поэзии, а как ее новооткрытое прошлое и свидетельствовали не о высоте, на которую поднялась русская поэзия, а о высоте, с которой она упала. Слишком резок был контраст между творчеством только что ушедших великих поэтов и юношескими опытами поэтической молодежи, еще не четко выделявшимися из эпигонской поэзии, в которой владычествовал вульгарный романтизм. Ни о каком соизмерении с предыдущей эпохой не могло быть и речи; всякое сравнение приводило к осуждению мелкости, бледности, узости современной поэзии. «После Пушкина и Лермонтова трудно быть не только замечательным, но и каким-нибудь поэтом! — пишет Белинский в статье «Русская литература в 1843 году». — . . . И теперь в журналах изредка появляются стихотворения, выходящие за черту посредственности; но когда в том же номере журнала находишь стихотворение Лермонтова, то не хочется и читать других». ¹

Читатели сравнивали современную поэзию не только с поэзией недавнего прошлого, но и с современной прозой, — и это сравнение опять-таки оказывалось крайне невыгодным для поэзии. Молодые прозаики, как уже сказано, смогли привлечь к себе интерес и внимание читателей, хотя и их произведения воспринимались и оценивались на фоне творчества гениальнейших писателей России.

Герцен в 1850 году пишет, что после смерти Лермонтова и Кольцова «русская поэзия онемела. Но в области прозы деятельность усилилась и приняла иное направление». ²

40-е годы в истории русской литературы ознаменованы переходом гегемонии от поэзии к прозе. В течение столетия — от образования новой русской литературы в XVIII веке и до 30-х годов XIX века — поэзия безраздельно господствовала. Соотношение поэзии и прозы начинает изменяться в 30-е годы. Внимание и интерес, задачи и надежды начинают сосредоточиваться на прозе. Все же перевеса над поэзией проза еще не достигла в эпоху Пушкина и Лермонтова, хотя это была и эпоха Гоголя, хотя и Пушкин, и Лермонтов сами были захвачены тягой к прозе. Иное дело — в 40-е годы, когда в поэзии нет зрелых дарований. Тут тяга к прозе особенно усиливается, и поэзия оказывается резко отодвинутой.

---

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 63. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи.

² А. И. Герцен, О развитии революционных идей в России. — Собр. соч., т. 7, М., 1956, с. 227.

Это несомненно связано с победой реалистического метода в русской литературе. Как бы ни были велики возможности поэзии в области обрисовки и познания личности, выражения чувства и заражения чувством, постижения красоты в человеке и в окружающем человека мире, — для описания быта, для характеристики социальных отношений, раскрытия социальных процессов проза имеет больше возможностей, чем поэзия. Это и дает прозе перевес в реалистической литературе. В 40-е годы задачи описания быта, раскрытия и оценки социальных отношений были выдвинуты «натуральной школой» на первый план. Тенденции «натуральной школы» находили свое естественное и полное выражение в прозе — в «физиологическом очерке», в социальной повести.

Поэзия 40-х годов идейно отстает от прозы. В ней сильна инерция романтизма, проявляется стремление искать новые пути, преобразуя, но не отменяя художественный метод романтизма.

Поэзия слабо отражает идеологическое размежевание, идейные битвы этого времени. В первой половине 40-х годов оформляются позиции западников и славянофилов, идут бои между ними, а внутри круга западников — между либералами и предшественниками революционной демократии. Но эти процессы мало сказываются на развитии поэзии, не определяют ее направлений. Впрочем, славянофильская доктрина получает прямое — можно сказать, прямолинейное — выражение в стихах, что связано с принципиальным догматизмом и дидактизмом славянофильских эстетических взглядов.

Знаменательно отношение к поэзии 40-х годов Белинского — вождя прогрессивной литературы этих лет. Белинский пропагандирует реалистическую литературу как литературу «мысли», «содержания», «действительности», «дела», противопоставляя ее романтической литературе «побрякушек», «чувств, чуждых мысли», «мечтательного мира». Строгий критерий «содержания», понимаемого как выражение в произведении передовых идей, волнующих человечество, применяется Белинским к поэзии так же, как и к прозе. Но сам Белинский считает, что в прозе его требования могут быть осуществлены глубже и полнее, чем в стихах.

Все внимание, интерес и энергия Белинского устремляются к созданию новой прозы на началах реализма, гуманизма и демократизма, — прозы, отрицающей и разрушающей устой крепостнической России.

В поэзии эти стремления отражаются слабо — и с 1843 года интерес к современной поэзии у Белинского явно падает.

Начиная со статьи «Русская литература в 1842 году», Белинский

в своих годовых обзорах с неизменным одобрением отмечает уменьшение числа «стихотворных продуктов», говорит о них все меньше и пренебрежительнее, а в последнем обзоре (за 1847 год) и совсем игнорирует стихи.

Показательно и суровое отношение Белинского в 40-е годы к лирикам-дебютантам: Полонскому, Плещееву, Аполлону Григорьеву и другим. Основной его упрек лирике 40-х годов — отсутствие «дельности» (это теперь любимое выражение Белинского). «Дельной поэзии, то есть такой поэзии, которою не стыдно заниматься как делом» (X, 35), Белинский не видит в лирике после Лермонтова и Кольцова. Признаки «дельности» он находит в некоторых поэмах и сатирических стихах, близких устремлениям «натуральной школы». С большой похвалой отзывается Белинский о поэмах Тургенева 1843—1846 годов и Майкова 1845—1846 годов, сопоставляя их с «физиологическим очерком» и новой социальной повестью. Но Тургенев вскоре перестал писать стихи, для Майкова же сближение с кругом идей и настроений Белинского оказалось лишь очень недолгим этапом.

Единственный поэт 40-х годов, удовлетворяющий Белинского, — это Некрасов. Но в течение трех лет — с 1845 года, когда Белинский признал Некрасова «поэтом, и поэтом истинным», до смерти Белинского — Некрасов все-таки лишь подавал большие надежды. Трудно сказать, представлял ли себе даже Белинский, какое развитие предстоит творчеству Некрасова, какой высоты достигнет впоследствии его талант.

Статьи Белинского несомненно были выражением широко распространенного недовольства, причем — как мода — вражда к стихам переходила и в журналы, ничуть не связанные с прогрессивной мыслью, — так что наиболее свирепо преследовал молодых поэтов во второй половине 40-х годов Сенковский в «Библиотеке для чтения».

В 50-е годы отношение к поэзии начинает меняться. Тот же «Современник», который в конце 40-х годов почти не печатал никаких стихотворений, кроме пародий на современных поэтов, и отзывался о текущей поэзии с неизменным пренебрежением, с начала 50-х годов предпринимает робкие попытки вызвать вновь интерес читателей к современной поэзии. В первой книге «Современника» 1850 года начата серия статей под общим названием «Русские второстепенные поэты». В нее входят статьи Некрасова о Тютчеве, Боткина об Огареве, Кудрявцева о Фете. В статью Некрасова включены также стихи Огарева, Тургенева и второстепенных поэтов

Н. Спиглазова, В. Солоницына, Д. Лизандера. В журнале начинают появляться стихи. Их печатают петитом в отделе «Смесь».

Осторожные попытки восстановить репутацию стихов длились до 1854 года. С начала этого года стихи хлынули новым потоком на страницы журналов. Номера журналов открываются и закрываются стихами. «„Стихов, каких бы то ни было, но только стихов“ — восклицают издатели журналов», — по словам фельетониста «Современника» И. И. Панаева (Новый поэт).¹ «Наши обозреватели получили привычку радоваться, как только появится в каком-нибудь журнале много стихов», — констатируют «Отечественные записки».² Во всех журналах печатаются переводы стихотворений поэтов всех времен и народов. Выходят большие собрания стихотворений всех сколько-нибудь заметных поэтов. За один 1856 год появились собрания стихов Некрасова, Огарева, Фета, Бенедиктова и Никитина.

В чем же были причины новой ориентации журналов, нового подхода критиков к поэзии, нового подъема читательского интереса к стихам? Стихобоязнь не могла быть особенно длительным явлением: после долгого отсутствия стихов естественным было стремление снять запрет с одной из основных, ни в какую эпоху не стареющих и не отмирающих областей литературного творчества. Притом, хотя и теперь дело шло в основном о тех же поэтах, которым в 40-е годы был затруднен путь к читателю, — но теперь это были уже не начинающие поэты; дарование наиболее крупных из них созрело, а сравнение с гениями русской поэзии не возникало с такой непосредственностью и неизбежностью, как тогда, ибо наследие этих гениев уже несколько отодвинулось в даль истории. Между тем само развитие художественной прозы приводило к необходимости новой переоценки поэзии. Для литературы 50-х годов характерен интерес уже не только к социальной типологии, но и к индивидуальной психологии, к переживаниям людей с богатой душевной жизнью — в частности, к переживаниям самого писателя. Характерно появление в это время автобиографических произведений А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова и др. Но в деле самонаблюдения, раскрытия и передачи душевных движений, «диалектики души» — значение поэзии несомненно. Недаром у Тургенева, Толстого, Достоевского очевидна переключка с Тютчевым, Фетом, Некрасовым.

---

¹ «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики». — «Современник», 1855, № 4, отд. 5, с. 280.

² «Отечественные записки», 1855, № 8, отд. 4, с. 104.

Поэты 40-х годов не могли соревноваться с только что ушедшими из жизни гениями, но, казалось бы, могли учиться у них; высокие достижения реализма Пушкина и Лермонтова должны были бы указывать путь молодым поэтам. На самом деле этого не было. Пушкин слишком обогнал свою эпоху; поэты 40-х годов чтят Пушкина, но не видят его открытий поздней поры.

Лермонтов, как известно, не примкнул к реалистическим достижениям поэзии Пушкина, а заново проделал свой путь от романтизма к реализму. В 40-е годы, по позднему признанию Аполлона Григорьева, «еще всею силою своей давит нас мрачное обаяние поэзии Лермонтова». ¹ Влияние Лермонтова на поэтов этой эпохи действительно очень велико, — но это именно влияние «мрачного», романтического Лермонтова, в гораздо меньшей мере Лермонтова — автора иронических поэм («Сашка», «Сказка для детей»); поздние же достижения реалистической лирики Лермонтова — создателя «Валерика», «Завещания», «Родины» — еще не осваиваются.

На поверхности литературы по-прежнему шумит вульгарный романтизм. В последнем своем годовом обзоре «Русская литература в 1847 году» Белинский бьет по романтизму с энергией и азартом, показывающими, что борьба идет с не сломленным еще врагом.

В ходовой, эпигонской поэзии 40-х годов процветают жанры баллады и романа, в которых вулканические страсти бушуют в экзотической обстановке — испанской, итальянской, кавказской или восточной.

Кричащее «достижение» конца 30-х годов — поэзия Бенедиктова, разоблаченная Белинским, — быстро потеряла кредит у передовых читателей, но и в 1845 году Белинский констатирует: «Почитателей таланта г. Бенедиктова даже и теперь тьма-тьмушая» (IX, 260). Вплоть до 1845 года Белинский не упускает случая уточнить определение поэтической физиономии Бенедиктова, показать ее пошлость и безвкусие при наличии у поэта и таланта, и оригинальности. Некрасов в ту же пору пишет пародии на Бенедиктова; усердно пародирует Бенедиктова в конце 40-х годов Панаев, а в начале 50-х годов — Козьма Прутков. Все это указывает на живучесть «бенедиктовщины».

Ориентированный в значительной мере на обывательский вкус журнал «Библиотека для чтения» в первой половине 40-х годов печатает стихи преимущественно подражателей Бенедиктова.

Бенедиктов и в 40-е годы продолжает ту же линию имитации

---

¹ А. Григорьев, Собр. соч., вып. 13, М., 1915, с. 15.

романтической «поэзии мысли», впечатление которой должны создавать вычурные и грандиозные образы, широко и парадоксально развернутые метафоры, смысловые контрасты, «натурфилософские» темы, космическое глубокомыслие, титаническая страстность, всяческие способы «возвышения» лирика над пошлым миром обыденности.

Эпигоны Бенедиктова в особенности освоили его эротизм, его манеру строить стихотворение как развернутую метафору, его однообразно-патетический эпитет («пышный», «роскошный», «бурный», «горючий», «мятежный» и т. п.).

Среди подражателей Бенедиктова в 40-е годы, рядом с такими неизвестными именами, как С. Степанов, В. Соколов, П. Волков и др., надо назвать имя П. П. Ершова. Имя это прославлено сказкой «Конек-горбунок», написанной девятнадцатилетним поэтом в 1834 году. Затем в течение двенадцати лет Ершов печатал преимущественно лирические стихи, которые не выделяли его из толпы эпигонов романтизма; в середине 40-х годов его творческий путь заканчивается. Подражая в «Коньке-горбунке» народной сказке, Ершов не покидал почвы «романтической народности», не разрывал с романтизмом; поэтому он и смог так легко подчиниться влиянию Бенедиктова и не смог выйти из-под этого влияния. Интерес некоторым стихотворениям Ершова придавал местный сибирский колорит; то же у его земляка Е. Л. Милькеева, стихи которого приветствовали Жуковский, Плетнев, Хомяков, Шевырев, Каролина Павлова. Есть в его стихах известная одушевленность, есть попытки лексического и ритмического новаторства, но за пределы эпигонского романтизма Милькеев не выходит. Налет украинского колорита привлекал в стихах Е. П. Гребенки, известных в качестве текстов популярных романсов; впрочем, не менее популярны, чем «Поехал казак на чужбину», были лишенные местного колорита «Почтальон», положенный на музыку Алябьевым, и особенно «Молода еще девица я была» и «Очи черные».

В сфере «романтической народности» обращают на себя внимание опыты Л. А. Мея и А. К. Толстого; былины и баллады этих авторов ближе к фольклору, чем стихи их предшественников. У Мея часто слышатся сильные отзвуки подлинного трагизма тогдашней народной жизни. Но в печать стихи Мея в 40-е годы почти не попадали, а Алексей Толстой стал печатать свои стихи 40-х годов лишь начиная с 1854 года. Вообще творчество обоих поэтов принадлежит в основном уже следующей эпохе.

В журналах, в сборниках известных и в особенности неизвестных поэтов 40-х годов нередок жанр «русской песни», и часто в стихах этого жанра слышатся колыбельные ритмы, мелькают колыбель-

ские выражения. Но народность этих произведений гораздо более внешняя, чем у Кольцова, она сводится именно к формальным признакам жанра; в сущности, это отход от Кольцова назад — к Дельвигу, Мерзлякову, Цыганову. Опираясь на кольцовскую традицию, но усиливая реалистичность и конкретизируя социальную тему, пишет Некрасов, к концу этого периода — Никитин, в какой-то мере М. А. Стахович, автор стихотворных картин деревенской жизни, не лишенных, впрочем, барски-славянофильского оттенка. Стахович очень недолго работал в литературе и не стал заметным поэтом. Отмечу, что в шутовском стихотворении 1855 года «о русской музе, задремавшей» на несколько лет и вновь проснувшейся («Послание к поэту-старожилу»), Некрасов называет поэтов, содействующих этому пробуждению музыки: Майкова, Щербину, Никитина, Фета, себя, Огарева и Стаховича. О последнем сказано:

Стахович нам поет коров
И вкус густых и свежих сливок.

Исчерпанностью и утомительностью вульгарного романтизма с его аффектированной страстностью, с его симуляцией грандиозных переживаний и вдохновенных видений объясняется, вероятно, успех попыток возрождения антологического жанра в 40—50-е годы.

Антологическая поэзия была санкционирована именем Пушкина: в 1841 году был впервые опубликован ряд его антологических стихотворений, в том числе поздних (1835—1836 годов).

Критики исключительно высоко оценивали антологические стихи Майкова, Фета, Щербины, ставя их рядом со стихами Пушкина и Гете. Стихи этого жанра создавали репутации в ту пору, когда поэту особенно трудно было завоевать внимание читателей.

Майков и Щербина были обязаны своей популярностью антологическим стихотворениям. Когда еще никому не известный Майков напечатал под инициалом «М» в «Одесском альманахе на 1840 год» два антологические стихотворения, Белинский объявил их «отличающимися художественностью формы, напоминающей подражания древним Пушкина» (IV, 125). В специальной статье 1842 года, посвященной первому сборнику стихотворений Майкова, Белинский также ставит некоторые антологические стихотворения Майкова в ряд с лучшими антологическими стихотворениями Пушкина.

Высокая оценка Белинским антологической поэзии в эту пору идет еще от эпохи его «примирения с действительностью». Тогда идеалом поэта для Белинского был «объективный» Гете. Его антологическим стихотворениям — «Римским элегиям» (в переводе

А. Н. Струговщикова) — Белинский посвятил в 1841 году особую статью. В стихах Майкова он восхищается «гармоническим единством с природою, проникнутым разумностию и изяществом» (VI, 17). Вскоре, окончательно преодолев настроения эпохи «примирения с действительностью», Белинский охладел к «антологическому роду». Но другие критики сохраняют пристрастие к этому жанру на всем протяжении рассматриваемого периода.

Н. Ф. Щербина, напечатавший первое свое стихотворение в 1839 году, на протяжении 40-х годов печатался мало, преимущественно в провинциальных изданиях и под псевдонимами; но первый сборник его стихов «Греческие стихотворения», изданный в Одессе в 1850 году, создает поэту исключительное положение в литературе. В рецензии на этот сборник А. В. Дружинин пишет: «Мы смело причисляем г. Щербину к числу замечательных русских поэтов и даем ему одно из первых мест между теми из них, которые еще пишут в наше время».¹ И другие рецензенты отозвались о сборнике почти так же восторженно. На недолгое время Щербина становится самым популярным поэтом. Его печатают в журналах даже в пору полного пренебрежения к поэзии. Так, в «Отечественных записках» 1850 и 1851 годов печатаются стихи одного лишь Щербины; в «Современнике» и в «Библиотеке для чтения» этих двух лет Щербина — основной поэт.

Правда, успех Щербины был очень недолог. Журнальные отзывы 1852 года о новых стихотворениях Щербины выказывают общее разочарование однообразием, выпренностию и напряженностью его произведений.

В 40-е годы в антологическом жанре пишут даже такие поэты, которым этот жанр, в сущности, чужд: Я. П. Полонский, А. И. Пальм, М. Л. Михайлов; много антологических стихотворений написал Фет, и хотя эти стихи явно стоят на периферии его творчества, в стороне от основных его устремлений, — они-то более всего выдвигаются критикой. Ни одно стихотворение Фета на всем протяжении его творчества не имело такого успеха, как антологическая «Диана». «Мастерской, неслыханно прелестный антологический очерк «Диана» сделал бы честь перу самого Гете в блистательный период для германского олимпийца», — писал об этом стихотворении Дружинин.² И почти в таком же тоне отзываються о нем Тургенев, Некрасов, Боткин.

Даже такой малозаметный поэт, как И. П. Крешев, напечатавший в журналах небольшое число переводных и оригинальных анто-

---

¹ А. В. Дружинин, Собр. соч., т. 7, СПб., 1865, с. 26.

² Там же, с. 21.

логических стихотворений, удостоивается одобрения Белинского: «Г-н Майков нашел себе подражателя в г. Крешеве, антологические стихотворения которого не совсем чужды поэтического достоинства, — и, явись такие стихотворения в начале второго десятилетия настоящего века, они составили бы собою эпоху в русской литературе» (VII, 226). Крешев проявил себя в сфере антологической поэзии и как переводчик античных поэтов. В новейшем собрании стихотворений Горация имеется раздел «Приложение. Оды Горация в переводах русских поэтов». Здесь собраны переводы, принадлежащие классикам русской поэзии — Ломоносову, Державину, Жуковскому, Пушкину, Фету, Анненскому, Блоку, и рядом с ними помещены четыре стихотворения Горация в переводе Крешева.¹

Главным признаком антологического жанра считаются не античные образы и темы, а специфическое настроение, специфическое отношение лирика к миру, к жизни, часто проявляющееся и вне античного антуража. «Сущность антологических стихотворений, — пишет Белинский, — состоит не столько в содержании, сколько в форме и манере. Простота и единство мысли, способной выразиться в небольшом объеме, простодушие и возвышенность в тоне, пластичность и грация формы — вот отличительные признаки антологического стихотворения. ...Содержание антологических стихотворений может браться из всех сфер жизни, а не из одной греческой: только тон и форма их должны быть запечатлены эллинским духом. ...Поэт может вносить в антологическую поэзию содержание совершенно нового и, следовательно, чуждого классицизму мира, лишь бы только мог выразить его в рельефном и замкнутом образе, этими волнистыми, как струи мрамора, стихами, с этою печатью виртуозности, которая была принадлежностью только древнего резца» (V, 257—259).

Вдохновенному безумию романтического поэта антологический жанр противопоставляет подчеркнуто спокойное, отрешенное от страстей и поэтому «гармонически» уравновешенное, созерцательное отношение художника к своим объектам. Место поэтического экстаза занимает холодноватая рассудочность, определяющая рациональную, ясную композицию произведения, «пластический» стиль. Выдвигается задача детального описания «прекрасных» предметов:

Чтоб в звуках зрели мы, прозрачных как эфир,
И мрамор Фидия, и краски Апеллеса.

(Шербина. «Стих»)

---

¹ Квинт Гораций Флакк, Оды, эподы, сатиры, послания. Редакция переводов, вступит. статья и комментарии М. Гаспарова, М., 1970, с. 405—407.

Описания произведений живописи и в особенности скульптуры становятся любимыми темами стихотворений. Существенно, что и жизненные сцены даются в статике картины, что и люди описываются как статуи.¹ Основное внимание уделяется фиксации зрительных впечатлений, выявлению и расположению «прекрасных» деталей, иногда в ущерб впечатлению целого. Снижается значение темы: упор делается на выделение эстетически значимых деталей, на кумуляцию «красот».

Одним из требований антологического жанра (далеко не всегда исполнявшимся) была виртуозная отточенность стиха, обычно гекзаметра, элегического дистиха или александрийского стиха. О последнем Белинский пишет: «...к антологическим стихотворениям он идет не меньше гекзаметра: его плавно перекаत्याющиеся, мягко переливающиеся полустихия так отзываются какою-то живою, упругою выпуклостью и делают его так способным задвинуть и замкнуть пьесу, сообщив ей характер полноты и целостности» (V, 260).

Это характерное ритмическое впечатление создается соединением присущей ямбу относительной свободы в числе и месте ударных со строгим делением стиха пополам цезурой; так достигаются замедления, ускорения и выравнивания ритма в полустихиях и стихах.

Вероятно, успех антологических стихотворений Майкова и Фета во многом был обусловлен мастерством стиха, присущим обоим поэтам.

При внешней противоположности устремлениям вульгарного романтизма, «антологическое» течение поэзии 40—50-х годов в сущности не было полярным ему. Стремление к возобновлению «преромантического» жанра антологических стихотворений также является результатом распада романтизма, при котором его идеи оказались расчлененными и выхолощенными.

Тургенев метко назвал направление Бенедиктова—Кукольника «ложно-величавой школой». «Ложная величавость» не чужда и «антологической» установке. Поза поэта, вещающего «в одежде пышной грека» (как сказал Фет о Майкове) размеренные и мудрые слова, требовала не менее высокого пьедестала, чем у романтиков типа Бенедиктова. Антологическую поэзию этой поры сближает с вульгарным романтизмом отрыв от «будничной» жизни, бегство в сферу отрешенной от жизни «красоты».

Антологические поэты противопоставляют «вседневности бесцвет-

---

¹ См.: Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1948, с. 533.

ной» отнюдь не исторически подлинную античность, а условную, эстетизированную, — некий символ вечной, непреходящей красоты.

Идейная линия представителей антологической поэзии 40-х годов ведет в сторону идеологии «искусства для искусства». Характерно, что, когда к середине 50-х годов в русской критике образуется группа проповедников «чистого искусства», она базируется в поэзии в значительной мере на «антологистах», поднимает на щит Майкова и Щербину, проповедуя «чисто эстетическое» — по существу гедонистическое — отношение к искусству, «величавое» отрешение поэзии от интересов «злободневности», сосредоточение на «пластическом» воспроизведении прекрасного, — словом, все то, что было характерно для поэтической практики поэтов-«антологистов». Эти свойства апологеты «чистого искусства», во главе с Дружининым, объявляют признаками «пушкинского направления», и Майков получает звание «преемника Пушкина».

3

Если антологические поэты не только противостоят вульгарному романтизму, но отчасти и смыкаются с ним, то эмоциональный тон таких лириков, как Фет и Полонский, органически чужд выпренности вульгарного романтизма, хотя вначале оба поэта испытали сильное влияние эпигонского романтизма и хотя романтические тенденции в их поэзии сказывались на всем протяжении их творчества.

Для ранних стихов Фета характерна интимность, бесхитрость, даже наивность содержания и тона. «У Фета, — писал Боткин, — поэтическое чувство является в такой простой, домашней одежде, что необходим очень внимательный глаз, чтоб заметить его, тем более, что сфера мыслей его весьма необширна, созерцание не отличается ни многосторонностью, ни глубокомыслием; ничто из так называемого современного не находит в нем ни малейшего отзвука, наконец воззрения его не имеют в основе своей никаких постоянных и определенных мотивов, никакого резкого характера, который вообще так облегчает понимание поэта».¹

«Он призван подметить много новых черт в повседневном и обыкновенном», — писал о Фете Аполлон Григорьев.² Стихи Фета 40-х годов говорят обычно о радости, о наслаждении, а радость доставляют простые впечатления бытия: и «месяца бледный восход»,

---

¹ В. П. Боткин, Сочинения, т. 2, СПб., 1891, с. 369.

² «Отечественные записки», 1850, № 2, отд. 5, с. 72.

и «за лесом благовест дальный», и то, что «солнце встало», «душистый холод веет», «вторит эхо вдалеке», «струи выются» и т. п. Однако простота и «домашность» содержания и тона не вызывали у современников впечатления обычности или незаметности такой поэзии. Напротив, критика 40—50-х годов подчеркивала оригинальность поэзии Фета, связанную с тягой к *фрагментарности* в изображении природы, жизненных явлений и в особенности душевных переживаний. Для поэзии Фета характерна фиксация внимания на *отдельных моментах* и в жизни природы, и в развитии чувства. Чувство у Фета обычно раскрывается не в обобщенном виде, не как результат более или менее длительных переживаний, единство и смысл которых осознаны переживающим; Фет фиксирует сами эти отдельные переживания, отдельные нюансы, отдельные моменты психического процесса, беглые настроения. Это свойство поэзии Фета подчеркивалось всеми современными критиками.

«Никому не удастся, — говорит, например, Аполлон Григорьев, — подмечать так хорошо задатки зарождающихся чувств, тревоги полочувств и, наконец, подымающиеся подчас в душе человека отпрыски прошедших чувств и старых впечатлений, былых стремлений, которые «далёки, как выстрел вечерний», памяти былого, которая „крадется в сердце тревожно...“»¹

Фет стремится передать читателю лирические переживания и настроения, не формулируя и не анализируя их, а заставив почувствовать их в эмоционально выразительных деталях описания природы, внешнего мира вообще.

Эту манеру современники единогласно возводят к Гейне, относят за счет его влияния на Фета, которое признавал и сам Фет. В своих воспоминаниях он говорит о сильнейшем своем увлечении Гейне в молодые годы: «Никто... не овладевал мною так сильно, как Гейне, своею манерой говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине, например, плачущей дочери покойного лесничего и свернувшейся у ног ее собаки».²

В сочинениях Белинского мы находим два кратких отзыва о поэзии Гейне. В 1838 году Белинский говорит, что лирические стихотворения Гейне «отличаются непередаваемою простотою содержания

---

¹ А. Григорьев, Литературная критика, М., 1967, с. 100.

² А. Фет, Ранние годы моей жизни, М., 1893, с. 209. — Фет имеет в виду стихотворение Гейне «Die Nacht ist feucht und sturmisch...» («Сырая ночь и буря...») из раздела «Die Heimkehr» («Опять на родине»).

и прелестию художественной формы» (II, 504). В 1846 году он называет «довольно пустой пьесой» «Лорелею» Гейне и, приведя перевод стихотворения «Был старый король», спрашивает: «Что же дальше?— Ничего. Сам Гейне спрашивает: «докончить ли?», чувствуя, что немного найдется охотников слушать такие пустяки» (IX, 587). По-разному оценивая поэзию Гейне в разные годы, Белинский отмечает в ней те же черты, которые современникам бросались в глаза в поэзии Фета: «простоту содержания» и обрывочность, фрагментарность.

Влияние Гейне на русскую поэзию 40-х годов вообще очень велико. Гейне оказал сильное воздействие на Огарева, Тургенева, Плещеева, Михайлова и других поэтов. Но, говоря о русских последователях Гейне, критики 40-х годов всегда первым называли Фета.

В те годы в России знают, переводят и ценят раннего Гейне, автора «Книги песен», воспринимают Гейне как интимного романтического лирика. Но и в 60-е годы, когда стихи Гейне стали известны в России уже в значительном объеме, Фета продолжают считать «подражателем и последователем» Гейне; так назвал его, в частности, Салтыков-Щедрин, добавивший, правда, что Фет связан с Гейне лишь как с поэтом «неопределенных мечтаний и неясных ощущений».¹

Фет учится у Гейне создавать настроение подбором впечатляющих деталей, описанием природы, как бы откликающейся на настроение лирического героя, разделяющей его эмоции, так что лирическое чувство как бы разливается в мире, находит отклик во всей природе, одушевляя этот мир, «где воздух, свет и думы заодно», где

... в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

О последнем двустишии Лев Толстой писал В. П. Боткину: «И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?»²

Эта свобода лирической деформации мира, манера одушевлять и преображать природу чувствами лирического героя, характерная для немецкой романтической поэзии, казались очень смелыми на русской почве.

Когда Фет в начале 40-х годов пишет:

То на небе, то в звонком саду
Билось сердце слышнее у ней

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, Собр. соч., т. 5, М., 1966, с. 383.

² Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 60, М., 1949, с. 207.

или:

Люблю я химеры,
Где рдеет румяное детство, —

уже то изумление, а часто и негодование, с которым реагировала на подобные образы критика, показывает, что она столкнулась с непривычным методом художественной изобразительности.

Аполлон Григорьев в статье «Русская изящная литература в 1852 году» настойчиво сближает Фета с Гейне как основным представителем «болезненной», субъективной поэзии. Но любопытно, что «случайность» тем и переживаний, отрывочность их восприятия и воспроизведения дают основание Григорьеву сблизить эти тенденции с тенденциями «натуральной школы», очевидно проявляющимися в «физиологическом очерке» и произведениях, близких к нему по манере.

«При рассматривании общих физиологических признаков болезненной поэзии, — пишет Григорьев, — невольно приходит в голову сближение этой поэзии, в общих чертах ее и в миросозерцании, с тем, что мы в повествовательном роде называем натуральной школою; некоторое сходство та и другая представляют даже и в самой форме: как манера натуральной школы состоит в описывании частных, случайных подробностей действительности, в придаче всему случайному значения необходимого, так же точно и манера болезненной поэзии отличается отсутствием типичности и преобладанием особенности и случайности в выражении. . .» Резко отрицательно относясь к «натуральной школе», Григорьев оговаривается, что «в лиризме такое миросозерцание и такая манера имеют некоторое оправдание, даже, пожалуй, свою прелесть; в совершенно же объективном роде творчества — они неуместны и оскорбительны».¹

Фет смело сочетает разнородные образы. Это во многом определяет его словоупотребление, особенно эпитеты. Характерные эпитеты Фета, такие, как «серебряные сны», «благовонные речи» и т. п., не могут быть поняты в прямом смысле: они теряют свое основное значение и приобретают широкое и зыбкое переносное значение, связанное с основным по эмоциональной ассоциации.

Фет стремится «навеять» настроение самой музыкой стиха. В его поэзии выдвинуто все, что близко средствам музыкального воздействия: ритм, подбор звуков, мелодия стиха, приемы «музыкальной» композиции. Стихи Фета отличаются исключительным разнообразием размеров, строфических форм, ритмико-синтаксических фигур,

---

¹ А. Григорьев, Литературная критика, М., 1967, с. 98.

мелодических линий. В создании мелодии у Фета большую роль играют разнообразные словесные повторы. Ряд стихотворений явно ориентирован на романс, написан в традиции романса и в этой традиции прежде всего воспринят: Фет раньше вошел в музыкальную жизнь, чем в литературную. Связь «мелодий» Фета (так называется большой цикл его стихотворений) с романсом сразу почувствовали композиторы, и еще не вышел сборник 1850 года, вызвавший первые серьезные критические отзывы о Фете, а уже его стихи, положенные на музыку популярным Варламовым, получили широчайшее распространение. В 60-е же годы Салтыков-Щедрин констатирует, что романсы Фета «распевают чуть ли не вся Россия».¹

Поэзия Фета, обогатив и расширив приемы и возможности интимной психологической лирики, проложила дальнейшие пути «мелодическому» направлению, идущему в русской поэзии от Жуковского к Блоку. На Блока поэзия Фета оказала большое влияние.

Близок Фету в основных устремлениях Полонский. В 40-е годы он отдает дань и антологической, и рефлексивной поэзии, воспевая то безмятежное наслаждение, то «святое страданье», призывая то «из мрамора храм Вознести на горе и возжечь фимиам», то «разбивать преданья — Остатки форм без содержания». Но по общему признанию критики — и прижизненной, и посмертной, — лучшие стихи Полонского — те, в которых проявились в высшей степени свойственные ему лиризм и эмоциональность. «Там, — писал о Полонском Тургенев, — где он говорит о действительно пережитых им ощущениях и чувствах, там, где он рисует образы, навеянные ему то ежедневной, почти будничной жизнью, то своеобразной, часто до странности смелой фантазией... там он если не всякий раз заявляет себя мастером, то уже наверное всякий раз привлекает симпатию читателя, возбуждает его внимание, а иногда, в счастливые минуты, достигает полной красоты, трогает и потрясает сердце».²

Полонский также несомненно принадлежит к той «мелодической», условно говоря, линии, которая тянется в русской поэзии от Жуковского к Блоку. Недаром Полонский был одним из любимых поэтов Блока.

Мелодический строй стихов Полонского проще, чем у Фета: в значительной мере он ориентирован на так называемый «мещанский романс». Недаром ряд стихотворений Полонского превратился в широко популярные романсы, — не именитых, а безвестных компо-

---

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 5, М., 1966, с. 383.

² И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем. Сочинения, т. 15, М.—Л., 1968, с. 157—158.

зитором. Такие стихотворения 40-х годов, как «Песня цыганки» («Мой костер в тумане светит...»), «Затворница» («В одной знакомой улице...»), «Вызов» («За окном в тени мелькает...») и другие, вошли в песенники как народные песни.

Много стихов Полонского (как и Фета) посвящено грезам, снам, фантастическим мечтаниям, но на основе мечтательности и «мещанского романа» создаются стихи с более, чем у Фета, конкретными сюжетными ситуациями, более психологически и социально определенными характерами. Бегло, но впечатляюще обрисованы образы женщин — с ясной социальной принадлежностью, чертами быта, свойствами характера.

По-иному близка фетовской лирика Тютчева. С начала 50-х годов поэзия Тютчева входит наконец в литературную жизнь, попадает в сферу внимания русских читателей, которые и с его стихами 20—30-х годов знакомятся теперь впервые. В 40-е годы Тютчев не печатался и почти не писал стихов, но с 1848 года его творчество возрождается: в период с 1848 по 1855 год Тютчев написал 75 стихотворений, среди которых ряд шедевров тютчевской лирики.

Стихи Тютчева, глубина и сила которых начала теперь раскрываться перед читателями, привлекали их прежде всего изображением природы. Природа в поэзии Тютчева, действительно, играет первенствующую роль. Поэт стремится прежде всего к передаче эмоций, возбуждаемых природой, и от эмоциональной картины природы обычно идет аналогия к душевной жизни, от образа природы к его символическому смыслу.

С этим связаны особенности словоупотребления Тютчева, как бы стремящегося сблизить, слить человеческие переживания с «душой природы». Тютчев, как и Фет, переносит центр тяжести с предметного значения слова на его эмоциональный ореол. Скажем, придавая слову «сумрак» такие эпитеты, как «тихий, томный, благовонный», Тютчев делает это слово не столько обозначением неполной тьмы, сколько выразителем определенного эмоционального состояния.

В поэзии Тютчева оживают и персонифицируются любые понятия: лазурь небесная смеется, блеск очей тоскует, страх летает, бури спят, звук уснул, труд уснул, детский возраст смотрит туманными очами, весенние дни хороводом толпятся за идущей весной, время глухо стенает, жизнь стоит пред нами как призрак на краю земли и т. д. Тут открывается возможность овеществлять, одушевлять, очеловечивать любые явления, предметы, понятия и ставить их в произвольные отношения с другими предметами и понятиями. Как и у Фета, у Тютчева есть уклон в импрессионистическую манеру.

В изображении природы у Тютчева обычны три основных образ-

ных комплекса: это, условно говоря, мир света и тепла, мир стужи и скованности, мир грозы и бури. Каждый из этих комплексов связан с особым кругом душевных переживаний: они определяют образный строй стихов Тютчева, все равно, посвящены ли эти стихи природе или любви, философии или политике.

Любовь в поэзии Тютчева обычно предстает в образах грозы и бури: это роковая, губительная страсть, трагическая для женщины, трагическая и для мужчины, сознающего себя слепым орудием судьбы.

Эти мотивы, характерные и для ранней любовной лирики Тютчева, сгущены и психологически разработаны в цикле стихотворений 50-х годов, посвященном Е. А. Денисьевой. «Денисьевский цикл» — своего рода роман, психологические перипетии которого и самый облик героини напоминают нам романы Достоевского. Цикл этот почти целиком обращен к переживаниям женщины, иногда речь ведется от ее лица. С первых стихотворений этого цикла любовь предстает как грозный рок; характерно настойчивое повторение эпитета «роковой» (встреча роковая, роковое слиянье, поединок роковой, взор, как страдашь, роковой, страсти роковые). «В буйной слепоте страстей» любовник разрушает радость и очарование любви. То, чему женщина «молилась с любовью, что как святыню берегла», оборачивается для нее «судьбы ужасным приговором», толпа «вламывается» и топчет в грязь «то, что в душе ее цело»; от «любви и радости убитой» остается лишь «злая боль ожесточенья». Драматичность, эмоциональная сила, психологическая верность делают «денисьевский цикл» одной из наиболее значительных частей творческого наследия Тютчева.

‡

Мотивы женского любовного чувства, женских сердечных переживаний в 40-е годы начинают настойчиво звучать в русской поэзии. Впервые появляются поэтессы, заслуживающие внимание и успех у читателей. Если первое столетие новой русской поэзии не выдвинуло ни одного сколько-нибудь заметного автора — женщины, то в 40-е годы пишут и пользуются известностью несколько поэтесс: Евдокия Ростопчина, Каролина Павлова, Юлия Жадовская.

Ростопчина выступила в литературе еще в 30-е годы, но до 1838 года она печаталась без полной подписи; первый сборник стихов выпустила в 1841 году. Стихи ее производили впечатление на современников именно как женская лирика, лирика женской любви, часто неразделенной, томительной, скрываемой в тайных му-

ках, «запретной, но святой»; лирика сердца, страдающего от ревности, измены, невнимания, нечуткости, неискренности мужчин. Лирическая героиня Ростопчиной предстает перед читателем нежным, слабым, поэтичным созданием, «легко волнуемым, и страстным, и тревожным», часто изнемогающим в борьбе с искушениями подлинной любви и уловками бессердечных соблазнительей. Мечтательная и восторженная, задумчивая и доверчивая, она ищет дружбы, сочувствия родных душ и оскорбляется притворством, расчетливостью, коварством холодного «света». Часто возникает в ее стихах и контрастный образ бездушной соперницы, закон которой —

Каприз пустейшего кокетства,
Тщеславья женского обман...

Социальный круг, с которым связаны любовные муки и радости героини, — это большой свет, аристократическое общество, салоны. Белинский, называя стихи Ростопчиной «поэтическими откровениями мира женственной души», отмечает в то же время и их рассудочность, и ограничивающую их значение «светскость»: «Вся поэзия графини Ростопчиной, так сказать, прикована к балу» (V, 457—458).

Но поэзия Ростопчиной не вовсе чужда общественной тематике. В 1830 году Ростопчина пишет стихотворение «Мечта» с типично декабристской фразеологией: «день паденья для тирана, свободы светлый день», «самовластия ярмо навек разбить», «с деспотством сокрушить клеветов притеснения и к обновлению Россию воскресить» и т. п. В следующем году поэтесса написала послание «К страдальцам-изгнанникам», адресованное декабристам. Она не только оплакивает их судьбу, но выражает сочувствие «изгнанникам за правду и закон», хотевшим «цепи рабства снять с России молодой»; выражает надежду на то, что

Быть может, вам и нам ударит час священный
Паденья варварства, деспотства и царей...

Эти произведения, опубликованные лишь в советскую эпоху, не были, видимо, единственными проявлениями вольнолюбивых настроений поэтессы. Огарев в конце 50-х годов, обращаясь к Ростопчиной, писал:

В те дни, когда неугомонно
Искало сердце жарких слов,
Вы мне вручили благосклонно
Тетрадь заветную стихов.
Не помню — слог стихотворений

Хорош ли, нехорош ли был,
Но их свободы гордый гений
Своим наитьем освятил.
С порывом страстного участия
Вы пели вольность, и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Их прах казненный, но святой.

(«Отступнице»)

В 1846 году негодование царя и большой шум в обществе вызвало стихотворение Ростопчиной «Насильный брак», в котором она в аллегорической форме говорит об участии Польши, задавленной деспотизмом русской монархии.

Ряд политических стихотворений написан Ростопчиной в 50-е годы, — но это уже стихи совсем иной ориентации. События конца 40-х годов отбрасывают ее в лагерь реакции. Она прославляет русских царей, аристократию, социальный строй крепостнической России, воюет с католицизмом за православную веру и, обозленная насмешливыми отзывами Чернышевского и Добролюбова о ее произведениях, раздражается злобными памфлетами против революционной демократии.

Более значительной поэтессой является Каролина Павлова, стихи которой стали печататься в конце 30-х годов, а основные произведения написаны в 40-х и 50-х. Ее лирика — это тоже в большой мере лирика женского сердца, его страданий и невзгод, — но это поэзия совсем иной тональности. Здесь мы не услышим кокетливых интонаций Ростопчиной, здесь не воспроизводятся любовные сцены, нет «светского» антуража и колорита. Чувство в стихах Павловой описано обобщенно, ретроспективно и сдержанно. Ее основной жанр — лирическая медитация, недаром многие ее стихотворения носят заглавие «Дума». Рациональные и логичные стихи Павловой точно анализируют и формулируют душевные переживания в несколько холодноватом и торжественном тоне. Павлова близка по стилю к Баратынскому, которого она справедливо считала своим учителем. Она пишет замкнутыми, обстоятельными фразами с установкой на точность, на адекватность мысли, на мастерство стиха. Чувство как бы замуровано в холодном стихе: мы слышим голос женщины, говорящей о пережитых страданиях спокойно, с мужественным достоинством.

Павлова тонко обрисовывает сложные переживания. Вот конец стихотворения, описывающего былое горе, ставшее пищей опустошенной души, для которой уже нет радостей в настоящем:

Внимая гулу жизни шумной,
Твердя толпы пустой язык,
Боялась, словно вещи чумной,
Я этой горести безумной
Коснуться сердцем хоть на миг.

Ужель былое как отрада
Мне ныне помнится в тиши?
Ужели утолять я рада
Хоть этим кубком, полным яда,
Все жажды тщетные души!

(«Среди событий ежечасных...»)

Уже на этом примере видны характерные черты лирики Павловой: смелые, выисканные сравнения, тонкая игра антитезами, четкие афоризмы, броские концовки. Поэзия Павловой поражала и самой организацией стиха, необычными ритмическими модуляциями, звучными, часто экзотическими рифмами. И современниками, и позднейшими читателями Павлова всегда воспринималась как виртуоз стиха. Впоследствии установка на виртуозность, на мастерство вызвала интерес к поэзии Павловой у Валерия Брюсова: он пропагандировал стихи забытой к тому времени поэтессы, выпустил в 1915 году первое собрание ее сочинений.

Медитации Павловой печальны, пессимистичны. Они говорят о призрачности и неизбежном исчезновении надежд, о бесполезности жизни, о горестном равнодушии к ней, охватывающем поэта. Причины этих настроений не только личные: в стихах Павловой звучат жалобы на современность, на ее меркантильный дух, на уход религии и красоты из мира, предавшегося кумиру материальной пользы, заменившего «власть духа» «властью вещества»; в этом мире нечего делать поэту — «свободному небожителю». Эти мысли также сближают Павлову с Баратынским.

Имели успех в 40—50-х годах и стихи Юлии Жадовской — довольно бледные и невысокие по мастерству. В них подкупал тон задушевной исповеди женского сердца, неизлечимо раненного, верного своей единственной любви, свято хранящего благодарную память о недолгих днях бедного счастья. Целиком обращенная к прошлому, поэзия Жадовской мечтательна; поэтесса, отмечает Белинский, «заклучилась в ограниченный круг мечтаний», «источник вдохновения» ее «не жизнь, а мечта» (X, 35, 34).

Поэзия Жадовской не претендует ни на гармоничность формы и виртуозность стиха, ни на благородную сдержанность горестной

женской души, ни на создание в воображении читателя образа лирической героини, полного женской прелести. Ее поэзия привлекала искренностью. Бедные рифмы, наивные слова:

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
А я — никого, никогда!

Но стихотворение, начинающееся этой строфой, было положено на музыку и Глинкой, и Даргомыжским. Даргомыжский же написал популярный романс на слова Жадовской «Я все еще его, безумная, люблю».

Впоследствии Добролюбов, отмечая в поэзии Жадовской «недостаток отделки, небрежность и шероховатость стиха», указал в то же время на то, что талант ее «силен своей задушевностью и решительным отсутствием всякой аффектации». ¹ Таково же мнение Чернышевского, который писал: «Не думаем и мы видеть в ее пьесах особенную силу таланта, — но в них есть искренность, чувство, безыскусственность, и потому есть и нечто поэтическое». ²

Грусть, разочарование, безнадежность — постоянные настроения поэзии Жадовской, — настроения, близкие (как мы увидим дальше) многим поэтам 40-х годов. Но Жадовскую гнетет не сознание невозможности изменить возмущающие душу социальные условия, не мысль, отвергнувшая традиционное мировоззрение и не находящая прочных основ для нового, — ее гнетет тоска любящего сердца, которому осталась лишь мучительная радость воспоминаний. Она не сочувствует «безумной мечте» «ума холодного», «желчному разочарованию» или «ложному блеску фальшивых убеждений» «детей большого века»; «душа... заветы прежние с любовью хранит», пытаясь находить утешение в молитве, в переживании близости с природой, в наслаждении красотой, в радости творчества. Лишь в новую эпоху — во второй половине 50-х годов — проникают в поэзию Жадовской надежды на иное, светлое будущее человечества, на то, что «придет пора, будет легче человеку». Но такие настроения сказываются лишь в немногих стихотворениях, вообще же новая эпоха положила конец творческому пути молодой еще поэтессы, почув-

---

¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 3, М.—Л., 1962, с. 141, 146—147.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 836.

ствовавшей, очевидно, резкое несоответствие своих поэтических устремлений требованиям, настроениям и интересам эпохи 60-х годов.

Менее популярной была поэзия Н. Д. Хвоцинской — впоследствии известной беллетристки. Женские мотивы слабее звучат в ее стихах, типичных для «рефлексивного» направления, к характеристике которого мы сейчас обратимся.

Хвоцинская выступила в печати в конце 40-х годов. Некоторые периодические издания («Литературная газета», «Пантеон») высоко оценили дарование молодой поэтессы, другие, признавая дарование, указывали на неоригинальность мотивов творчества Хвоцинской, «отпрыска лермонтовского направления», по словам Аполлона Григорьева. «У г-жи Хвоцинской есть всегда и мысль и чувство, иногда самые стихи у нее звучны и сильны, но грустные мотивы ее стихотворений более или менее взяты у других поэтов, разочарование, в них высказывающееся, кажется нам постоянно заимствованным, хотя с тем вместе нельзя не признать в ее стихотворениях известной степени дарования, которое, может быть, даже и при заимствовании мотивов, в другое время производило бы несравненно более сильное впечатление». ¹ Надо, однако, отметить, что те стихи Хвоцинской, в которых ощущается связь ее мучительных настроений с реакцией конца 40-х годов, — эти стихи были напечатаны лишь в либеральный период конца 50-х годов или уже посмертно, через сорок лет после их создания.

5

Эмоциональный тон, который чаще всего слышится в лирике 40-х годов, — это тон скорби и жалоб «лишнего человека». Поэзия 40-х годов в значительной мере — поэзия тоски и отчаяния.

Подобно Лермонтову, Герцену и многим их сверстникам в 30-е годы, молодые поэты 40-х годов тяжело переживают свою оторванность от действительности, невозможность примирения с ней и свое бессилие и бесплодность в стороне от жизни, в положении «лишних людей». Они жалуются на душевное раздвоение, на непомерную «рефлексию», приводящую к утрате непосредственности, к слабости чувства и воли.

Поэты 40-х годов принадлежат к поколению, выросшему под гнетом николаевской реакции, в атмосфере ликвидации надежд на революцию и революционных стремлений. Протестуя против окружающей действительности, страдая при виде социального зла и

---

¹ А. Григорьев, Литературная критика, М., 1967, с. 48—49.

гордясь своим «святым» и «высоким» страданием, они мучительно — и тщетно, пока остаются «лишними людьми», — ищут идейной опоры для своего недовольства, путей борьбы со злом.

В позднейшей статье о Лермонтове Аполлон Григорьев писал: «Тоска, которая грызла скептика Обермана, романтика Рене, героев Байрона, перешла и к нам, людям эпохи Бельтовых и Рудиных, по наследству. Мало людей, которых бы не коснулось ее тлетворное дыхание, да и тех не коснулось оно разве только потому, что вообще мало касались их какие-либо интересы духа».¹

Аполлон Григорьев поясняет, что «тоска и ирония» — это «горестный плач об утраченных и необретаемых идеалах», что они заменяли «созерцание, которого создать нельзя, а взять при совершенном разложении жизни неоткуда».

Влияние Лермонтова, несомненно, — главное влияние, определяющее развитие поэзии 40-х годов; но влияют, как уже сказано, в основном, не реалистические произведения Лермонтова последних лет, в которых преодолены пессимистические и демонические настроения, а ранняя романтическая лирика с характерным сочетанием мотивов отрицания, протеста, отчаяния и тоски.

Это сочетание мотивов мы находим у широкого круга поэтов 40-х годов: и у Огарева, Тургенева, Плещеева, отчасти Некрасова; и у Эдуарда Губера, Аполлона Григорьева, Ивана Аксакова.

При большой близости настроений, поэты «лермонтовского» направления различаются своим отношением к этим настроениям. Для тех, кто не находит или даже не ищет выхода из круга мыслей и чувств романтического идеализма, — социальное зло представляется лишь частью мирового зла. Их протест — это бесплодный, «богоборческий» протест против несовершенства жизни вообще, несовершенства мирового порядка. Этот протест приводит лишь к настроениям демонизма и безысходной тоски, а то и болезненного упоения собственным страданием. Но те, кто стремится к реалистическому пониманию своих настроений и исходу из их плена, — преодолевают пути и инерции романтического мышления, низводят «с небом гордую вражду» на землю и ищут конкретных врагов и реальной борьбы.

Нужно при этом учитывать обстоятельство, из-за которого «рефлексивные» поэты 40-х годов кажутся более схожими, чем они были в действительности. Обстоятельство это — николаевская цензура. Она пропускала в печать лирические жалобы и сетования поэтов в меру их беспредметности; социально-политическая конкретизация этих

---

¹ А. Григорьев, Собр. соч., вып. 7, М., 1915, с. 87.

мотивов делала их запретными. Поэты, дожившие до изменения цензурных установок, напечатали во второй половине 50-х годов многое из написанного ранее, но ряд стихотворений не мог быть напечатан и тогда и стал известен по спискам и публикациям в зарубежных изданиях Герцена и Огарева. Многие стихи в эти издания, без сомнения, не попали и остались нам неизвестными.

Помимо влияния Лермонтова, «рефлексивная» поэзия испытывает сильное влияние Гейне. Начавшееся крушение романтической идеологии при наличии романтических традиций мышления и творчества в поэзии 40-х годов определило исключительный интерес к творчеству поэта, завершавшего путь немецкой романтической школы и разлагавшего ее идеалы и ценности ею же порожденной «романтической иронией».

Белинский к середине 40-х годов приходит к полному отвержению «рефлексивной поэзии» в любом варианте.

В 1847 году Белинский очень резко отзывается о «Монологам» Огарева, несмотря на то, что в этом цикле стихов отражается не только блуждание в кругу рефлексивных настроений, но и разрыв с этими настроениями, и выход из этого круга. Тем не менее Белинский, споря с Некрасовым, настаивает на том, чтобы не печатать «Монологи» в «Современнике», считая эти стихи характерными для «гамлетовского направления, давно сделавшегося пошлым» (XII, 319).

«Рефлексивную» поэзию Белинский резко отделяет от «субъективной» поэзии — поэзии борьбы за прогрессивные идеалы. В рецензии на книгу стихотворений Эдуарда Губера (1845) Белинский пишет: «...г. Губер воспеваает больше свои собственные страдания, свои ощущения, свои чувства, свою судьбу, словом — самого себя. Но это совсем не субъективность, хотя в то же время совсем, совсем и не объективность: это скорее опозитизированный эгоизм». Невысоко ставя талант Губера, Белинский, однако, отмечает у него «хорошо обработанный стих, много чувства, еще больше неподдельной грусти и меланхолии, ум и образованность» (IX, 121).

Лесков говорит об одном мелком стихотворце 40-х годов, что он «писал стихи во вкусе известного тогда мрачного поэта Эдуарда Губера». ¹ Современники чувствовали, значит, какое-то своеобразие этого «мрачного поэта», часто перепевающего Лермонтова; он, этот певец страдания и тоски, отчаяния и проклятий, посылаемых «жалкому» роду людей и «жалкому веку», имел своих почитателей и поdraжателей.

---

¹ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 8, М., 1958, с. 271.

Однако творчество Губера не было лишено «субъективности» — в смысле, придаваемом этому слову Белинским. Большой популярностью долго пользовалось стихотворение Губера «Новгород». Стихи об «онемевшем» вече, «избитой вольнице», Волхове, который «смело о былом шумит» и поет с любовью о старинных днях», продолжали традицию декабристской и последекабристской вольнолюбивой поэзии.

В последние годы жизни Губера — в 1845—1847 годах — в его творчестве усиливаются демократические и оппозиционные мотивы. Они звучат в стихах об обездоленном крестьянстве («Думал мужик: я хлеб продам. . .», «У люльки»), о бедной жертве богатого развратника («Я по комнате хожу. . .» — с энергичным заключением: «Я бы барина повесил!»), в переводе, хотя и не слишком удачном, «кошущественного» стихотворения Гервега «Плохое утешение». Но все эти стихи были напечатаны лишь в трехтомном издании сочинений Губера, выпущенном в 1859—1860 годах. Однако и в это издание редактор его, «по независевшим обстоятельствам», не смог включить поэму 1845 года «Прометей», несмотря на то, что справедливо оценил ее в приложенной к изданию биографии Губера как «лучшее его произведение по форме и содержанию».¹ Поэма была напечатана лишь в 80-е годы. В этой поэме Губер использует миф о Прометее для выражения тираноборческих настроений:

Ты не сковал души моей свободной,
Ты гордого не преклонил чела!
Моя рука в оковах замерла,
Но вечных дум, но мысли благородной
Вся власть твоя разрушить не могла.

. . . Я твоего не признаю закона, —
Твоя скала мне служит вместо трона,
Я и в цепях свободен и велик!

«Не знай молитв, не ведай страха», — обращается Прометей к своему созданию — человеку. И человек, погибая от Зевсовой молнии, шлет проклятие грозному богу. Смысл поэмы — революционный. Это гимн отваге того, кто «не годится в рабы» и страшен «владыке величавому» и в своей неволе, кто встанет за свою свободу, «в последний выступая бой».

Характерным представителем романтических настроений безы-

---

¹ А. Г. Тихменев, Э. И. Губер. Биографический очерк. — В кн.: Э. И. Губер, Сочинения, т. 3, СПб., 1860, с. 316.

сходной тоски, обреченности и отчаяния является Аполлон Григорьев, «последний романтик», как он себя называл.

«Гордое страданье» связано в стихах Григорьева с «сомнением мучительным и злым», с «проклятия правом святым», с «ропотом мятежным». Но страдание для Григорьева — не временный этап сознания, ищущего путей (как это было для Белинского), а безвыходное состояние, «безвременная мука», ибо разлад и дисгармония мира — неустраимы.

Эти неизбежные состояния — тоска и душевная мука — оборачиваются и другой стороной: болезненным наслаждением души, источенной «червем страданья». В поэзии Григорьева чем дальше, тем сильнее звучит — в особенности в любовных стихах — этот уже не лермонтовский, а, так сказать, преддекадентский мотив «безумного счастья страданья», тесно сплетенный с мотивом «жажды странных снов», «обаянья несбыточно-восторженного сна». Эти настроения «болезненной поэзии» для Григорьева вообще основной тон романтизма, понимаемого им как «начало стихийное и тревожно-лихорадочное, ... озноб и жар с напряженным биением пульса». ¹

Тема «блаженства муки» ведет Григорьева к надрывному романсу, к цыганщине. «Цыганская» тема широкого разгула, надрывного веселья и «тайной тоски» развивается в стихах 50-х годов — таких, как знаменитая «Цыганская венгерка», — но звучат эти мотивы уже в 40-е годы, когда Григорьев пишет стихи, которые кладет на музыку Варламов. Эти настроения были замечены Белинским. «„Безумное счастье страданья“ — вещь возможная, — писал он, — но это не нормальное состояние человека, а романтическая искаженность чувства и смысла» (IX, 594).

Сильное воздействие на А. Григорьева оказал Гейне, воспринятый и понятый им, конечно, очень односторонне. Для Григорьева Гейне — выразитель века, больного непомерным развитием «рефлексии» и «субъективности», поэт, для самоуслаждения растрavляющий раны своего сердца болезненно-ядовитой иронией.

Говоря в своих статьях начала 50-х годов о «болезненной» поэзии Гейне, Григорьев с осуждением относится к этому порождению «тревожного начала» европейского романтизма. Но в своих статьях Григорьев постоянно борется с собственными настроениями. Когда он приписывает Гейне «болезненное шутовство» как проявление «больного эгоизма», это перекликается с собственными лирическими излияниями Григорьева:

---

¹ А. Григорьев, Собр. соч., вып. 7, М., 1915, с. 23.

Он вас любил как эгоист больной,
И без надежд, и без желаний счастья;
К судьбе своей и к вашей без участия,
Он предавался силе роковой

и т. п.

Самые ранние известные нам стихи Григорьева — это четыре стихотворения 1842 года. Два из них — переводы из Гейне. Выбор их характерен. Это — «Они меня истерзали» и «Ядовиты мои песни».

Постоянная лихорадочная приподнятость настроения при сложности и путаности обуревающих поэта переживаний сказывается в лирической «невнятице» стиля поэзии Григорьева.

При единстве основного тона в стихах Григорьева 40-х годов отражаются его метания в поисках положительного мировоззрения, полосы различных идейных увлечений.

В творчестве Аполлона Григорьева 40-х годов наряду с лирикой «лишнего человека» есть и стихи с мистическим налетом и масонской символикой; есть и стихи, в которых сказывается влияние идей утопического социализма. Таковы стихотворения, в которых заглавия, эпитафии, имена, даже псевдоним, под которым стихи печатались в журналах, — восходят к романам Жорж Санд, близким к идеям утопического социализма. В двух стихотворениях 1845—1846 годов под заглавием «Город» Григорьев, в соответствии с учением социалистов-утопистов, обличает неестественность, порочность и разврат большого города.

Сохранилось несколько стихотворений Григорьева, соприкасающихся с революционными настроениями и не предназначенных, разумеется, для печати. Каково было количество таких стихотворений, какова была интенсивность подобных настроений Григорьева — сказать трудно. К этим произведениям относится стихотворение «Когда колокола торжественно звучат...» с заключительным стихом: «Народной вольности завевт красный стяг», сонет «Нет, не рожден я биться лбом...» с заключительными строками:

И то, что чувствовал Марат,
Порой способен понимать я,
И будь сам бог аристократ,
Ему б я гордо пел проклятья...
Но на кресте распятый бог
Был сын толпы и демагог.

«Демагог» на языке того времени значило «демократ». Мы видим, что революционные настроения тесно соприкасались у Гри-

горьева с идеями «христианского социализма». Вспомнив, что Жорж Санд представляла себе и изображала масонов как предшественников социализма, мы получим некоторую путеводную нить к характерному для А. Григорьева в середине 40-х годов странному скрещению революционных и социалистических идей с мистическими упованиями, масонскими увлечениями и с мотивами тоски и отчаяния «лишнего человека».

6

Известно, что Аполлон Григорьев был одно время близок с кругом петрашевцев. В этот круг входили люди неоднородных взглядов. Сам Петрашевский и его наиболее значительные сторонники были материалистами и атеистами, но были среди петрашевцев и люди, увлеченные идеями «христианского социализма». К ним относятся поэты-петрашевцы Плещеев, Дуров, Пальм. В их творчестве много общего с поэзией Аполлона Григорьева.

Образ лирического героя поэзии Плещеева — это трагический образ поэта, обреченного

...терзаться

И предрассудкам казнь в сомнениях искать, —

(«Дума»)

поэта, отказывающегося от счастья во имя правды и принимающего путь «гордого страдания»:

А там, дай руку — и с тобою
Мы гордо крест наш понесем,
И к небесам, в борьбе с судьбою,
Мольбы о счастье не пошлем.

(«Любовь певца»)

Ср. у Аполлона Григорьева:

Для себя мы не просим покоя
И не ждем ничего от судьбы,
И к небесному своду мы двое
Не пошлем бесполезной мольбы. . .

(«К Лавинии»)

Но сходные темы у Плещеева гораздо более определенно, чем у Аполлона Григорьева, окрашены социальной идеологией петра-

шевца. Стихи Плещеева явно конкретизируют тему «страдания» как страдания от сознания социальной несправедливости, от того, что «в ужасной наготе предстали» «бедствия страны родной» и «муки братьев», что поэт «услышал ближних вопль» и «увидел их мученья». И с этой темой связана тема «святого искупленья», грядущего «дня, когда ни горя, ни страданий не будет на земле».

Тема будущего счастья человечества, тема труда и борьбы во имя этого счастья проходят через всю лирику Плещеева, создавая ряд связанных между собой стойких символов. Так, социалистическое учение обозначается названиями «глагол истины», «истины закон», «луч правды», «любви ученье», а те, кто противодействует воплощению этого учения в жизнь, называются «жрецы Ваала», «рабы греха», «рабы преданья», «рабы суеты».

Создаются своего рода формулы, переходящие из стихотворения в стихотворение: «Жрецов греха и лжи мы будем Глаголом истины карать», «Жрецов Ваала лицемерных Глаголом истины разить», «Жрецы Ваала ужаснутся, Когда восстанет правды бог!», «Навеки в мире водворится Священной истины закон», «И прозревал он в отдаленьи Священной истины закон», «И вместе с сердцем да стремится Постигнуть истины закон» и т. п.

Впоследствии эти формулы, подхваченные рядом представителей либерально-гражданской поэзии, стали восприниматься как банальные штампы. В этом смысле показательны едкие пародии Добролюбова на Плещеева. Но эти пародии относятся к 1858 году, в начале же 40-х годов социалистически настроенная молодежь видела в стихах Плещеева поэтическое воплощение своих чаяний.¹

Отвлеченность и обобщенность поэтических формул Плещеева зависела не только от цензурных условий, но и от неопределенности политического идеала и, в особенности, путей к торжеству этого идеала.

Иные возгласы в стихах Плещеева звучат как будто призывами к революции: «Близок час последней битвы! Смело двинемся вперед», «И спящих мы от сна разбудим, И поведем на битву рать», «Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой, В заботах тяжких истощил». Последние две цитаты — из стихотворения «Вперед! без страха и сомненья...», многие годы популярного в революционных кругах.

---

¹ Ср. рецензию В. Н. Майкова на сборник стихотворений Плещеева 1846 года. — В. Н. М а й к о в, Критические опыты (1845—1847), СПб., 1889, с. 129—130.

Но рядом — призывы «простить безумным палачам», «одним прощеньем платить врагам за злобу их»; рядом — явные признаки понимания социализма как «нового христианства», согласно которому «на кресте господь... завещал свободы, равенства и братства идеал». «Распятый на кресте божественный плебей» также входит в число символов поэзии Плещеева.

Воспринимать Плещеева как революционного поэта не позволяет и постоянная тема «бессилия», «утомленья бесплодную борьбой», «утраты упований прекрасных и святых», делающая поэзию Плещеева типическим выражением настроений «лишнего человека» 40-х годов.

Тесно примыкают к Плещееву два других поэта-петрашевца — С. Ф. Дуров и А. И. Пальм.

Основные настроения их поэзии те же, что и у Плещеева: страдание и тоска как результат разлада с действительностью, вызванного отрицанием господствующего мировоззрения и социального уклада.

Пессимизм у Дурова, как и у Плещеева, социально обоснован:

Куда ни подойдешь, куда ни кинешь взгляд —
Везде встречаются то нищих бледный ряд,
То лица желтые вернувшихся из ссылки,
То гроб с процессией, то бедные носилки. . .

(«В. В. Толбину»)

Ряд поэтических символов социалистического или революционного содержания встречаем у всех поэтов-петрашевцев: таковы образы тучи, несущей грозу, странника, идущего по долгому тернистому пути, пророка-обличителя. Типична тема отвержения предрасудков и разрушения кумиров смелым молодым умом, тема большого города с его социальными контрастами, «жоржандистская» тема свободы любви и брака.

Влияние Лермонтова на поэтов-петрашевцев очевидно. Характерны лермонтовские заключительные формулы типа:

Труда не стоит помнить их,
А позабыть их невозможно.

(Дуров. «Присказки»)

И канет жизнь твоя как жалкий пустоцвет,
Как нищего в суде проигранное дело!

(Пальм. «Гляжу я на твои глубокие морщины. . .»)

Из иностранцев влияют французские социальные поэты — Гюго, Барбье — их переводит Дуров, — и в особенности Гейне, которого усердно переводит Плещеев. Выбирает он для перевода в эти годы преимущественно меланхолические любовные стихотворения «Книги песен».

7

«Гамлетовские» настроения в 40-е годы — в особенности в первой половине этого десятилетия — характеризуют лирику поэтов даже противоположных по своему будущему пути. Революционный демократ Огарев, либерал Тургенев, славянофил Иван Аксаков — в 40-е годы близки по мотивам и настроениям своей лирики.

Большая часть стихотворений Тургенева относится к 1842—1844 годам.

И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей —

таково их основное настроение. Мотивы тоски «души больной», «смутного» или «гордого» страдания чередуются в них с «гейневским» смехом над «гибелью своих восторженных надежд», с сатирическим изображением романтических «горестных страдальцев».

Огарев, стихи которого мы знаем начиная с 1833 года, проделал сложный путь от романтического метафизического мечтателя до трибуна революционной демократии.

Первая половина 40-х годов — период наиболее интенсивного лирического творчества Огарева.

Основные настроения его лирики в это время — тоска, мечтательная грусть, чувство одиночества, ранней усталости, неверие в судьбу и жизнь, меланхолические воспоминания о том, «что было, что сладко сердце разбудило и промелькнуло навсегда»; боль «сомнения», отвержение «примирения», ощущение «разлада», жалобы на «рефлексию», на «мысль» — разрушительницу покоя и мира. Характерны названия стихотворений: «Тоска», «Много грусти», «Разлад», «Разорванность».

Переход от «высокого» романтизма к «рефлексии», к настроениям «тайного страдания» «души больной» совпадает у Огарева с увлечением Гейне, ряд стихотворений которого он перевел в 1840 году.

Лирика Огарева этой эпохи малоконкретна, она почти не описывает ситуаций, вызвавших чувство, стремясь только передать са-

мое это чувство, настроение поэта. Это стремление к фиксации настроений вместе с заметной музыкальностью стиха сближало для современников Огарева с Фетом, тем более что и стихи Огарева были обильно использованы композиторами в качестве текстов для романсов.

Социальные причины минорных настроений лирика не раскрывались в его стихотворениях. Между тем в 1840—1841 годах Огаревым написано — не для печати — произведение, которое по объему вполне может быть названо поэмой (в нем свыше двух тысяч стихов), но по жанру является как бы лирическим дневником или собранием лирических монологов, свободных бесед автора с читателем в грустно-юмористическом тоне. Это произведение носит характерное заглавие: «Юмор».

И здесь преобладают темы страдания и сомнения, тоски и увядания, сетования на пустоту жизни, на утрату надежд, на сознание своего бессилия, на «тиски непроходимой скуки» и «злой недуг» отчаянья; тут же характерные для «рефлексивной» поэзии мотивы гордости «высоким страданьем», ставящим поэта над «бессознательной» жизнью.

Грусть и здесь часто предстает как непонятная хандра («С чего грущу? Не знаю сам. Пойду домой. Как грудь изныла! Как сердце рвется пополам!»), — но рядом причиной грусти ясно называется «политический наш быт». Обличается крепостное право («Народу отдадим мученье, На чернь взирая свысока»), деспотизм монархии («И долго деспотизм лукавый, Опершись злобно на штыки И развращая наши нравы, Ругаться будет над людьми»), рабство высших перед троном («Аристократов рабский круг Там жаждет царской благодости И, ползая у царских ног, Рад облизать на них сапог»), шпионство и предательство, расправа с мыслью и литературой («Чуть есть талант, уж с ранних лет — Иль под надзор он полицейский Попал, иль вовсе сослан он»).

Поэт с сочувствием упоминает о социалистах («И Charles Fourier и St.-Simon Чертили план иных времен»), выражает надежду на светлое будущее человечества («В грядущем, верю я, светло, Но нам ужасно тяжело»), делится мечтой о революции («Есть к массам у меня любовь И в сердце злоба Робеспьера. Я гильотину ввел бы вновь»), видит залог грядущего восстания в страданиях народа («Бедой грозит народный стон, Падешь ты, гордый Вавилон!»), но скорбит о неподготовленности к революции народа, еще слишком невежественного, чтобы понять идеи передовых мыслителей («А если б понял их народ, Наверно б был переворот»).

К середине 40-х годов усиливаются революционные настроения Огарева, отрицание перестает быть бесплодным и трагическим, укрепляет, а не разрушает жизненные цели.

Революционные мотивы ясно звучат в стихотворении 1846 года «Совершеннолетие»:

Но мир, который мне как гнусность ненавистен,
Мир угнетателей, обмана и рабов, —
Его, пока я жив, подкапывать готов
С горячим чувством мести или права,
Не думая о том, что — гибель ждет иль слава.

Революционно-оптимистическими настроениями проникнуты стихи, вызванные революцией 1848 года. «Мир родился новый», — восклицает Огарев, и делится надеждой на то, что и «народ родной» пробьется «на новый свет неведомой дорогой».

Но эти бодрые ноты резко обрываются. Неудача революции, жестокая реакция вызывают у Огарева, как и у Герцена, настроения глубокого пессимизма. Возвращаются мотивы тоски и отчаяния. Это — основные мотивы поэзии Огарева первой половины 50-х годов — времени, когда Огарев вообще пишет мало стихов.

После отъезда Огарева за границу в 1856 году начинается новый период его поэзии. Теперь поэзия становится органической частью его революционной деятельности. Огарев пишет немного, но это немногое — агитационные стихи, стихотворные предисловия к «Колоколу», политические послания, эпитафии революционерам, эпиграммы и инвективы на врагов революции и ее половинчатых сочувственников. Но это уже — Огарев новой эпохи, не той, которую мы рассматриваем здесь.

Образцом лирики «лишнего человека» 40-х годов является и поэзия Ивана Аксакова, почти целиком укладываемая в рамки десятилетия с 1844 по 1853 год. Иван Аксаков, как и его старший брат Константин, был убежденным славянофилом, но, видимо, славянофильские доктрины не шевелили в нем поэтических струн, и, став к концу 50-х годов признанным славянофильским публицистом и оратором, он совсем оставил поэзию. В 40-е годы он пишет довольно много стихов, в которых выражаются настроения тоски и страдания.

Тоска Аксакова имеет ясную причину в окружающей действительности, в том, что

Сплошного зла стоит твердыня,
Царит бессмысленная Ложь!

И поэтому

Бесплодны все труды и бденья,
Бесплоден слова дар живой,
Бессилен подвиг обличенья,
Безумен всякий честный бой!

(«Пусть гибнет всё, к чему сурово...»)

Своеобразие поэзии И. Аксакова в том, что он сам обличает и жестоко преследует подобные настроения. Обличение прекрасного барского либерализма, разоблачение «лишних людей», утешающихся собственной тоской и бесполезным благородством, — лейтмотив поэтического творчества Аксакова. Аксаков обличает барское отношение дворянской интеллигенции к народу, бессовестное угнетение его, — и иногда этот мотив звучит в его лирике революционно. Поэт обращается к народу со словами:

А ты, страдающий под игом
Сих просвещенных обезьян, —
Пора упасть твоим веригам!
Пусть, духом мести обуян,
Восстанешь ты и, свергнув бремя,
Вещав державные слова,
Предашь мечу гнилое племя,
По ветру их рассеешь семя
И воцаришь свои права!

(«С преступной гордостью обидных...»)

Однако подобные настроения у Аксакова все же случайны; труд, которого он требует во имя народа, — это «малые дела», вроде той лямки честного чиновника, борца с ложью и преступностью «в среде бездушной, где закон — Орудье лжи, где воздух смраден И весь неправдой напоен», которую сам Аксаков тянул девять лет, пока в 1851 году ему не пришлось убедиться в полной нереальности и безнадежности подобной позиции и уйти с чиновничьей службы.

Так Аксаков то предается тоске, то презрительно высмеивает эту тоску, требуя от «страдальцев» работы во имя народа, ставя границей своим стремлениям «мелкий труд свой ежедневный»; то, осознавая утопичность своих надежд на успех этого труда, вновь восклицает:

Слабейте, силы! вы не нужны!
Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

(«Пусть гибнет всё, к чему сурово...»)

Поэзия И. Аксакова противоречива, и противоречия ее не могли быть разрешены в системе его мировоззрения.

И. Аксаков — один из первых поэтов, осмеивавших «горестных страдальцев» даже тогда, когда они страдали не от любви к «бледным девам», а от любви к народу. Это придавало большую ценность поэзии И. Аксакова в глазах революционных демократов.

По цензурным условиям и из-за нерегулярности славянофильских изданий Иван Аксаков, не считавший себя профессиональным поэтом, почти не печатался в 40-е и в начале 50-х годов. Лишь около десятка его стихотворений (да часть поэмы «Бродяга», о которой речь пойдет ниже) было напечатано в это время — главным образом в трех «Московских сборниках». Впоследствии И. Аксаков опубликовал еще несколько стихотворений этого времени в «Русской беседе» 1856 и 1859 годов. И прежние, и новые публикации возбуждали интерес и сочувствие в кругу демократических литераторов.¹

Почти все поэты «рефлективного» направления ищут выхода из круга «гамлетовских» настроений в иронию, в попытках объективировать тип «лишнего человека»; они стремятся к изображению жизненной конкретности и — в связи с этим — к созданию стихотворных повестей. Все это близко устремлениям «натуральной школы» и связано с ними.

Тургенев в период 1843—1846 годов опубликовал четыре поэмы. Все они были высоко оценены Белинским. Менее других — поэма «Разговор» (1844), которую Белинский упрекнул в «слишком заметном влиянии Лермонтова» (VII, 78). Она написана размером «Мцыри». Это исповедь юноши с «душой печальной и больной», в которой «иссякла молодость» и «завяла жизнь» «в безотрадной пустоте».

Иного рода поэмы «Параша» (1843), «Помещик» (1845), «Андрей» (1845). По манере непринужденной болтовни с читателем, окрашенной грустным юмором, «Параша» близка «ироническим поэмам» Лермонтова, особенно напечатанной в 1842 году «Сказке для детей», которую она напоминает по тону и даже по образу сатаны как олицетворения «юмора».

---

¹ Ср.: Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. 9, М., 1950, с. 406, 408; т. 10, М., 1952, с. 278; Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1948, с. 692; Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 5, М.—Л., 1962, с. 178.

Белинский посвятил «Параше» статью, полную восхищения. Он особенно отмечает юмор поэмы, подчеркивая, что «ирония и юмор, овладевшие современной поэзией, всего лучше доказывают ее огромный успех; ибо отсутствие иронии и юмора всегда обличает детское состояние литературы» (VII, 79). «Ирония и юмор» «Параши» направлены против пошлости и пустоты старозаветной помещицкой жизни, против благоразумно-банальных жизненных путей. Героиня — романтическая усадебная барышня, со взором, в котором читалась

Возможность страсти горестной и знойной,
Залог души, любимой божеством,

с сердцем, «полным мучительной и грустной тишиной». Герой — «надменный», «изнуренный», «скучающий», «с грустной улыбкой», с умом «насмешливым и гибким». Неожиданно благополучный и вялый роман героев, быстро заканчивающийся браком и совместным помещицким прозябанием, дает возможность «юмористического» разоблачения этих двух типичных героев литературы тех лет и романтических идей, связанных с подобными сюжетами.

В поэме «Помещик», которую Белинский назвал «физиологическим очерком помещицкого быта», заметно усилена сатирическая струя. Это гротеск, и по методу и по идеологии принадлежащий к нарождавшейся тогда «натуральной школе». В гораздо большей степени, чем в «Параше», здесь сатирически выявлены бессмысленные и паразитизм помещицкой жизни. Композиция поэмы, очень свободная, дает возможность показать, хотя бы мельком, широкий круг типичных провинциальных персонажей.

Последняя поэма — «Андрей» — уже вплотную подводит к повестям Тургенева с их мягкими, честными и нерешительными героями, с тонкой рисовкой психологии любви, провинциального быта, пейзажа. По своей проблематике поэма отчасти перекликается с романом Герцена «Кто виноват?».

Ко второй половине 40-х годов относятся две поэмы Огарева, написанные не для печати и интересные деревенской тематикой. Одна из них, «Деревня», — эпизод из жизни «лишнего человека»: не найдя себя ни в военной службе, ни в занятиях наукой, ни в заграничных путешествиях, он приезжает в свою деревню, чтобы внести в ее жизнь новые начала, —

чтоб село
Его трудилось и цвело,
Чтоб грамоте учились дети
И мужики умнели бы без плети.

Но попытки «дать почву вольности народной» упираются прежде всего в недоверие, привычки и предрассудки крестьянства, — и герой начинает мечтать об отъезде в чужие края, «где любит волю род людской» и откуда, может быть, его голос «накличет бунт под «русским небосклоном».

Герой другой поэмы, «Господин», также приезжает в деревню, чтобы

Начать воспитывать крестьян,
В их нравах сделать улучшенья,
Зерно ума и просвещенья
Посеять в глушь далеких стран.

Но этот герой — малознающий, слабовольный и ленивый — вскоре охладевает к делу, оставляет свои намерения и, став любовником дочери своего лакея, быстро деградирует. Взаимоотношения дворни, интриги, связанные с возвышением барской фаворитки, быстрое моральное падение помещика описаны ярко и живо. В обеих поэмах показан и круг окрестных помещиков — тупых крепостников. Иронический тон поэм типичен для «натуральной школы».

К 1845—1846 годам относятся поэмы Майкова, также связанные с устремлениями «натуральной школы». Близкий в эти годы к кругу петрашевцев, Майков стремится создать поэмы о современности. Герой поэмы «Две судьбы» (1845) — «лишний человек», страдающий «пустотой душевною, жестоким уделом нашим», отравленный сомнением, перешедшим в равнодушие и «ко всему презренью», тщетно пытающийся «наполнить жизнь и душу» путешествием за границу, а затем погрязающий в ленивой скуке и циничной опущенности деревенской помещицей жизни.

Сатирический тон описаний русских аристократов и чиновников за границей, резкие замечания о русском дворянстве, сочетающем «Европы лоск и варварство татарства», о том, что «вся стоном стонет русская земля», и т. п. — были, вероятно, основной причиной высокой оценки этого произведения Белинским.

Еще более понравилась Белинскому следующая поэма Майкова — «Машенька» (1846), опубликованная в «Петербургском сборнике» вместе с произведениями ведущих писателей «натуральной школы» — Достоевского, Герцена, Тургенева, Некрасова. Поэму эту недаром критика сближала с «Бедными людьми», напечатанными в том же сборнике. Это повесть о наивной девушке-институтке, дочери скромного чиновника, соблазненной и брошенной бездушным пошляком-офицером и нежно, без упреков, принятой убитым горем отцом,

к которому она возвращается. Майков стремится имитировать разговоры чиновников, офицеров, институток.

Любопытно, что в то же время Аполлон Григорьев писал роман в стихах «Отпетая» (первая и единственная глава которого напечатана в 1847 году). И здесь героиня — семнадцатилетняя дочь пetersбургского чиновника, соблазняемая пошлым кутилой.

К 1846 году относится «Отрывок из рассказа» — 1-я глава стихотворной поэмы Пальма. Герой ее, которого «скрытый недуг» (воплощенный в образе демона) «сжигал хандрой упорной», вспоминает в этой главе свое детство, круг деревенских помещиков, вроде дядюшки, который «как зверь в глухой норе забился, грабил мужичков», у которого «глаза глядят бессмысленно и тупо» и скупно проглядывает «сухая жизнь сквозь черствые черты».

Таким образом, в середине 40-х годов прогрессивные поэты пытаются создавать поэмы, где в бытовом воплощении, в житейских ситуациях, в ироническом тоне описан «лишний человек» — типовой герой их же лирики — чаще всего на фоне сатирических зарисовок помещицкой жизни. Но жизнь крестьян, изображение которой в прозе «натуральной школы» открывается повестями Григоровича и «Записками охотника» Тургенева, не находит еще отражения в поэмах. Делаются немногие попытки показать подлинную жизнь крестьян в лирике. Таковы стихотворения Огарева 40-х годов («Деревенский сторож», «Кабак», «Изба»), некоторые стихотворения Пальма («Русские картины», «Обоз») и в особенности, конечно, Некрасова («В дороге», «Огородник», «Тройка» и др.).

Попытка создать поэму о крестьянской жизни была предпринята в эти годы Иваном Аксаковым. В 1846—1850 годах он работает над «очерком в стихах» «Бродяга» (первая часть этой поэмы, законченная в 1848 году, была напечатана в 1852-м; от дальнейших глав сохранились лишь отрывки). Тематический размах этой поэмы исключителен для того времени: быт крепостной деревни, крестьянские полевые работы, труд рабочих на шоссе, бурлаки, бродяги, городской суд с типами чиновников, городской кабак с типами кабацких завсегдатаев — таков круг жизненных явлений в законченных и сохранившихся частях поэмы. Поэт хочет показать стремление крестьян к воле, отвращение к рабскому труду, часто и невозможность жить под властью господ.

Разговоры героев поэмы деловиты, их мысли соответствуют их положению и обстоятельствам, а стиль речи — сословию, образованию, жизненному опыту. Народная речь до известной степени окрашивает и авторское повествование. Поэма написана разными, все

время сменяющимися размерами, один из которых превосхищает стихотворный размер «Кому на Руси жить хорошо».

Гораздо менее удачная попытка написать поэму, действие которой происходило бы в основном в крестьянской среде, была принята М. А. Стаховичем. В двух законченных главах его поэмы «Былое» (1854—1857) сюжет только начинает разворачиваться. Как вообще у Стаховича, в его поэме сказались и знание крестьянского быта, и идеализация деревенской жизни. Поэма написана олегиной строфой, вызывающей интонационную ориентацию и стилистические тенденции, мало подходящие к теме. Более интересна вторая глава поэмы, в которой описывается Москва 30-х годов, студенчество, дебют Мочалова в «Гамлете», споры западников и славянофилов.

9

Как уже сказано, стихи наиболее значительного поэта-славянофила Ивана Аксакова не характерны для славянофильской поэзии. Она определеннее представлена стихами А. С. Хомякова и К. С. Аксакова, написанными в 40—50-е годы и распространявшимися в рассматриваемый период лишь в рукописях. Названные поэты принадлежали к разным поколениям. Хомяков — человек пушкинской поры, «любомудр», приобретший некоторую известность уже в 20-е годы; Константин Аксаков принадлежал к лермонтовскому поколению, он начал писать и печататься в 30-е годы; Иван Аксаков — представитель младшей формации, «людей 40-х годов».

Славянофилы твердо стоят на эстетических позициях «гражданской поэзии». Здесь то же положение, что и в других областях идеологии славянофилов: многие взгляды их, взятые изолированно, кажутся совпадающими со взглядами передовых мыслителей того времени, между тем как в системе славянофильских идей эти взгляды получают совсем иное значение.

Так, уважение славянофилов к русскому народу, к народной самобытности обесценивалось тем, что основополагающим выражением русского народного духа считалось церковно-православное мировоззрение, что дух этот трактовался как дух смирения, противопоставляемый «западному» духу революции. Как и либералы-западники, славянофилы отрицательно относились к крепостному праву, осуждали, иногда резко, бюрократизм и произвол русской крепостнической монархии. Славянофилы были поборниками свободы слова. Но полная свобода народного мнения должна была, по мысли славянофилов, совмещаться с неограниченной властью царя; тем

самым свобода слова ничем не обеспечивалась и, значит, оказывалась лишь беспочвенной мечтой.

В области эстетической для славянофилов характерна борьба с «чистым искусством». Но славянофилы осуждают его с религиозно-аскетических позиций: искусство, оторванное от высших задач, служащее лишь эстетическому наслаждению, — это (по словам из стихотворения К. Аксакова «Лже-дух») «исчадие темных сил бездушной, чувственной природы», «полный чувственности пир», «плоти высшее служенье», «лжеподобный духу мир». В соответствии с этими взглядами собственное творчество славянофилов строго отвергает всякий эстетизм и отличается ярко выраженным «гражданским» характером (это характерно и для стихотворения Ивана Аксакова).

Ряд особенностей свойствен поэтическому творчеству славянофилов в 40—50-е годы. Это прежде всего ограниченность тем. Поэзия Хомякова и К. Аксакова пропагандирует основные идеи славянофильской доктрины. Личная психологическая лирика является чаще всего в форме психологического анализа религиозного просветления, очищения и укрепления духа на «подвиг» или самообличения в слабости и пороках, препятствующих «подвигу», то есть воплощению славянофильских идей в жизнь.

Непосредственные преемники «любомудров», славянофилы продолжают стремиться к созданию «поэзии мысли», но, опасаясь соблазна эстетической туманности, стремясь к смысловой однозначности, они ограничиваются рассуждениями в стихах, в лучшем случае окрашенными довольно однообразным пафосом «пророческой» торжественности, в худшем — холодно-риторичными. Пониманием стихов как непосредственных обращений пропагандиста к слушателю, сектантски-кружковым характером славянофильского движения объясняется то, что большое количество стихотворений славянофилов написано в форме посланий друг к другу и к лицам из ближайшего их окружения.

Основным установкам поэзии славянофилов соответствует аскетическая простота стиховых форм и стилистических оборотов. Символика поэзии славянофилов бедна. Высокая торжественность тона в соединении с религиозной настроенностью вызывает частое обращение к библейским образам, выступающим в качестве олицетворений и аллегорий. Специфична для поэзии славянофилов символика русских городов: Киев как символ общеславянского единения, Новгород как символ исконно свойственного русскому народу духа свободы, Москва как символ органичности, цельности и единства рус-

ской народной жизни, Петербург как символ наносного, искусственного, инородного начала в русской жизни.

В своих стихотворениях славянофилы декларируют упадок культуры и духовной силы Запада и грядущее первенство России, которая объединит славян и внесет в мир свойственный славянам дух смирения, веры, любви, правды, братства и свободы. Они призывают русскую интеллигенцию проникнуться народным духом, слиться со своим народом, отбросив слепое, бездушное подражание чужой жизни Запада. Славянофилы прославляют свободу слова и духа. К. Аксаков в стихотворении «Свободное слово» (1853) пытается убедить власти не подавлять свободы слова и народной свободы вообще, утверждая, что революцией грозит не свобода народа, а насилие над ним. Хомяков обличает насилие над духом и словом в образе вавилонского царя Навуходоносора, превращенного, по библейской легенде, в животное («Навуходоносор», 1849).

Поэты-славянофилы обличают рабство и угнетение, тщеславие и ложь, лень и духовную мертвенность. Все это связано в их представлении с насилием власти над народом, с развитием бюрократического централизма: это дух послепетровской России, Российской империи. Поэтому, наряду с дифирамбами народному духу, славянофилы создают критические, полемические, обвинительные стихотворения, зачастую очень резкие и более эмоциональные, чем их панегирики. Такова характеристика николаевской России, данная в известном стихотворении Хомякова «России» (1854):

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Ср. одновременное и аналогичное стихотворение К. Аксакова «О боже, в страшный день позора...».

Славянофильские идеи воодушевляют в известной мере поэзию Каролины Павловой — примерно с середины 40-х до середины 50-х годов. В эти годы в ее стихах звучит тема России как страны духовности и религии, противостоящей в своем величавом смирении надменности и внешнему блеску материалистического Запада.

Размежевываясь, с одной стороны, с либеральными западниками, с которыми, однако, у славянофилов было немало общего, славянофилы, с другой стороны, имели своими соседями таких представителей официальной идеологии николаевского режима, как издатели

«Москвитянина» Шевырев и Погодин. Правда, они расходились в таких кардинальных вопросах, как отношение к крепостному праву, к бюрократии, к «свободе совести» и т. д. Славянофилы называют идеологов «Москвитянина» «мертвенными сосудами живого» (Хомяков), подчеркивают, что близость их идеологии — лишь формальная.

Не наша вера к вам слетела,
Не то дает огонь словам;
Не за одно стоим мы дело,
Не за одно: вы чужды нам.

.. Не съединит нас буква мненья,
Во всем мы розно меж собой,
И ваше злобное шипенье —
Не голос смелый и прямой.

Так пишет К. Аксаков в стихотворении «Союзникам» (1844).

Но «буква мненья» была одна, лозунги и символы были в значительной мере те же, по своему стилю поэзия «москвитянищев» близка к поэзии славянофилов.

Критика «Москвитянина» в 40-е годы упорно выдвигает на места первых поэтов современности Хомякова и Языкова.

Языков в 1843 году возвращается в Москву после пятилетнего пребывания за границей, и его заглошшая было поэтическая деятельность заметно оживляется. Он становится присяжным поэтом «москвитянинской» группы. Но его произведения отнюдь не обнаруживают того высокого подъема мысли и чувства, какого требуют от поэзии критики этой группы: в новых стихах Языков не поднимается выше приветственных посланий соратникам и ругани по адресу знакомыслящих. Интенсивное участие Языкова в идеологических боях было недолгим: он умер в 1846 году.

Памфлеты Языкова входят в круг аналогичных стихотворений, печатавшихся в «Москвитянине». Еще в 1842 году присяжный поэт этого журнала Михаил Дмитриев выступил со стихотворным доносом на Белинского («К безыменному критику»), за которым последовал целый ряд памфлетов и пасквилей. Часть их входит в цикл стихотворений М. Дмитриева «Московские элегии» (1845—1847) — большой свод стихотворных жалоб на современность и сетований на забвение и уход из жизни патриархального прошлого.

Отметим включение в конце 40-х годов в политическую лирику «москвитянинского» лагеря Вяземского, Ростопчиной, Тютчева. С 1848 года в творчество Тютчева входят политические темы, харак-

терные и для славянофилов, и для прямых идеологов реакции. Это тема мессианской роли России, тема России и революции как двух основных борющихся сил современности, тема «венца и скиптра Византии» и России как будущего всеславянского царства.

10

Преодоление романтического мышления иронией, столь существенное для поэзии 40-х годов, естественно приводит к развитию сатирических и юмористических жанров. В частности, растет значение стихотворной пародии как эффективного метода борьбы с застоем и романтическими тенденциями в поэзии. Вот почему во второй половине 40-х и начале 50-х годов приобретает несомненное значение деятельность поэтов-пародистов.

С 1847 года в «Современнике», перешедшем под редакцию Некрасова, резко уменьшается число стихов, зато с первого номера этого года «Современник» начинает печатать пародии на современных поэтов, подписанные псевдонимом «Новый поэт», под которым скрывается И. И. Панаев (изредка и Некрасов).

Панаев — более имитатор, чем пародист. Его стихи иногда и не воспринимались как пародии: так, стихотворение «Густолиственных кленов аллея...» было положено на музыку и издано композитором, не почувствовавшим иронии в этом произведении. В пародиях Панаева мало гиперболизации, сатирического сгущения высмеиваемых свойств пародируемого поэта, но несомненна способность Панаева писать в манере самых разных авторов.

В предисловии к отдельному изданию своих пародий (1855) Панаев объяснил, что целью его было разоблачение мелочности и бессодержательности современной поэзии. Он считает, что в ней господствует «громкий стих, не согретый изнутри, не звучащий убеждением, не проникнутый мыслию, не освещенный вдохновенным», — стих, который «поражает только ухо, а не душу». ¹

Круг пародируемых Панаевым поэтов и направлений поэзии очень широк. «Новый поэт» высмеивает риторические восторги Бенедиктова, обветшалый эпикуреизм и пафос «разгула» Языкова, приторную красоту «испанских» баллад и серенад, напыщенный «эллинизм» Щербины, «дамскую» поэзию Ростопчиной, бессвязность якобы «гейневских» стихотворений, туманную скорбь Огарева и Апол-

---

¹ И. И. Панаев, Полн. собр. соч., т. 5, СПб., 1889, 2-я пагинация, с. 11.

лона Григорьева, жалобы «лишних людей» на «немоощь горькую», на то, что «сердце в борьбе истомилось», «физиологические очерки» в стихах с их мелко-натуралистическими подробностями.

Обвинения в мелкости и нарочитости приложимы далеко не ко всем объектам пародий Панаева. Однако преимущественно его пародии направлены против застойных явлений в поэзии и тесно связаны с установками прогрессивной критики.

Отчасти по стопам Нового поэта, но с исключительным блеском, обеспечившим его пародиям широкую известность вплоть до нашего времени, выступил Козьма Прутков.

Козьма Прутков — коллективный псевдоним А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых. «Прутковский» материал накапливался у них с начала 50-х годов (если не ранее); основная часть его была напечатана в «Современнике» в 1854 году.

Вначале Козьма Прутков воспринимался лишь как удачливый пародист. Пародии его, подобно панаевским, захватывают широкий круг литературных явлений 40-х — начала 50-х годов. Козьма Прутков пародирует стихотворения антологические и «как будто из Гейне», «испанские» серенады, средневековые баллады, «новогреческие песни»; пародирует и Фета, и Полонского, и Аполлона Григорьева, и Ивана Аксакова и других поэтов; но, в отличие от Нового поэта, у Козьмы Пруткова есть свое творческое лицо, и оно определяет выбор пародируемых авторов. Три любимых объекта пародий Пруткова — это Бенедиктов, Щербина и Хомяков, притом преимущественно не славянофил Хомяков 40-х годов, а «любомудр» Хомяков 20-х — начала 30-х годов, стремящийся воплотить в поэзии идеи шеллинговской натурфилософии. Индивидуальные особенности стиля каждого поэта пародируются очень тонко, но основная цель пародий — разоблачить не индивидуальное, а общее для всех эпигонов романтической поэзии: условность, позерство, эстетство.

Вымышленный автор этих пародий Козьма Прутков осознает себя не пародистом, а подражателем: он отнюдь не для смеха, а самым серьезным образом воспроизводит любые штампы романтической поэзии, полный уверенности в своем поэтическом величии.

Козьма Прутков — злейший разоблачитель романтизма в поэзии 40—50-х годов. Высокое призвание поэта, его поэтическая свобода и смелость, его близость к тайнам мироздания, к жизни мирового целого, неукротимая страстность его души и глубокое преклонение перед «прекрасным» — все это оказывается в творчестве Козьмы Пруткова условными трафаретами обветшалой эстетики, совершенно оторванной от действительной жизни, к которой все это не имеет ни малейшего касательства.

Романтизм в наиболее эпигонских его формах стал к 40-м годам не только дозволенным и благонадежным, но, можно сказать, официальным стилем николаевской монархии, «ложно-величавой школой». Сервильность легко сочеталась с усердным подчеркиванием свободы вдохновенного, высоко над жизнью парящего поэта. Бурный романтический поэт, Козьма Прутков в то же время и благонамеренный, исполнительный николаевский чиновник, директор Пробринной палатки. Один из создателей Козьмы Пруткова, В. М. Жемчужников, объясняя впоследствии этот тип, подчеркивал, что Прутков жил и действовал «в эпоху суровой власти и предписанного мышления».¹ Столь же предписанными Прутков считал и правила романтической эстетики — и с чистым сердцем присоединил их к прочим официальным нормам николаевского режима.

Фантастическая тупость Козьмы Пруткова дает широкую возможность приписывать его перу всевозможные комические нелепицы. Так, вполне мотивированно входят в состав творческого наследия Пруткова шуточные пьесы, басни и эпиграммы. В них преобладает стихия неприятельской шуточки, комической бессмыслицы, каламбура.

Эта линия в творчестве Козьмы Пруткова имеет своеобразную традицию в литературных шалостях светских эпиграмматистов, каламбуристов, авторов веселых дружеских посланий, стихов в альбомы и «на случай», тостов и куплетов, фарсов для домашних театров и всяческой стихотворной буффонады. В 30—40-е годы на этом поприще особенно славился И. П. Мятлев, автор и импровизатор всевозможной литературной галimatъи. Басни Козьмы Пруткова в особенности связаны с традициями мятлевского гротеска.

Мятлев — мастер всевозможных литературных чудачеств: стихов на одну рифму, одностопных стихов и т. п. Он пользуется раешником, подражая народным комическим представлениям. Он пишет куплеты к танцам, рассказывает анекдоты, описывает уличные сценки. В 1841—1844 годах он выпустил грандиозное (свыше тринадцати тысяч стихотворных строк) сочинение «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей — дан л'этранже». Это путевые впечатления русской помещицы в заграничном «вояже». Невежественная и наивная барыня нелепо описывает чуждую ей иностранную жизнь. Решительная в суждениях, она философствует, выказывая свою ограниченность и обывательские взгляды. Она очень чванлива, проникнута дворянским гонором и особенно гордится своим французским

---

¹ Письмо к А. Н. Пыпину от 15 (27) февраля 1883 г. — В кн.: К. Прутков, Полн. собр. соч., «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965, с. 399.

языком, непрерывно вставляя в повествование французские слова в ужасном произношении. Собственно сатирического элемента в мятлевском юморе мало; его стихи писались и служили для забавы.

Был в 40-е годы еще один принципиальный дилетант-юморист. Это известный художник П. А. Федотов. Своих стихов он не печатал, выступал с ними в приятельских домах, на выставках, перед зрителями своих картин. Это поэт другого, очень далекого от мятлевского, социального круга. Его стихи — тоже как будто шуточные, безобидные, простодушные; между тем даже после его смерти, в новый, либеральный период цензуры, многие его произведения не могли быть напечатаны или печатались с большими урезками. Цензуру не устраивали не только острые басни, направленные против нее самой, но и разоблачение поголовного взяточничества и казнокрадства во всех гражданских и военных инстанциях, и реалистические картины убогой жизни мелкого офицерства. В «забавных» стихах Федотова много горечи и много бытовой реалистической сатиры. Некоторые его произведения связаны с сюжетами его картин. Судьба бедняка — основная тема поэзии Федотова. Особенно горьки его аллегорические стихи об участи художника, тяжелая судьба которого не дает развиваться его таланту.

11

Массовым жанром стихотворной юмористики был в 40-е годы водевильный куплет. 30—40-е годы — время расцвета русского водевиля. Водевиль господствовал в театре, шли ежедневно вместе с какой-либо другой пьесой или по несколько в одном спектакле. Обычно они держались в репертуаре недолго, их требовалось много, и в 40-е годы целый ряд водевилистов постоянно поставлял театру пьесы этого жанра. Из водевилистов 30—40-х годов наиболее заметны Д. Т. Ленский, П. А. Каратыгин и особенно Ф. А. Кони. «Изюминкой» водевиля были куплеты, исполнявшиеся актерами под музыку. Куплеты смешивали каламбурами, нередко и сатирическими намеками. Обычно русские водевили переделывались из французских, куплеты же не зависели от французского текста; поэтому они стояли гораздо ближе к русской жизни, чем разговоры действующих лиц. Как любимый жанр, куплеты имели хождение и вне водевилей, с содержанием которых часто бывали связаны лишь формально. Ф. А. Кони в издававшемся им театральном журнале «Пантеон» печатал свои и чужие куплеты в качестве самостоятельных стихотворений. Мастер куплетной формы, неутомимый каламбурист, Кони умел ввести туда обли-

чение социального зла в разнообразных его проявлениях, а иногда и очень смелые политические выпады. Яркий пример — куплеты «губернатора Зеленого острова» из водевиля «Принц с хохлом, бельмом и горбом». Губернатор излагает доверенному чиновнику план своих мероприятий: публицистов посадить в дом сумасшедших, «всех студентов поручить полицейскому надзору», «брать доходы с пьянства» и т. п. Правда, куплеты такой остроты цензура вымарывала и они не доходили ни до сцены, ни до печати.

Кони сочинял — частью тоже в куплетной форме — сатиры широкого охвата («Биография благородного человека», «Не жди, чтобы цвела страна...»), которые могли печататься только анонимно в зарубежных изданиях.

С водевилем и журналом «Пантеон» связано начало профессиональной литературной деятельности Некрасова. В первом своем сборнике «Мечты и звуки» (1840) Некрасов еще вполне во власти эпигонского романтизма. Но в том же 1840 году наступает полное разочарование: Некрасов осознает фальшивость своих поэтических упражнений, однако найти дорогу вне ходовых образцов еще не может. Поток лирических стихов внезапно прекращается. До середины 40-х годов Некрасов не пишет никаких стихов, кроме водевильных куплетов, стихотворных фельетонов и обзрений и тому подобных юмористических произведений. На путь стихотворной юмористики Некрасов вступил без мысли о серьезных социально-сатирических задачах; но когда, под влиянием Белинского, у него возникло стремление к поэтическому выражению демократических идей, это стремление естественно воплотилось сперва в тех формах, какие были разработаны в его поэзии к тому времени. Так возникает социальная сатира Некрасова.

В 1844—1845 годах Некрасов еще пишет и куплеты, и фельетоны, но меняется их основное устремление: они ставятся на службу социальной сатире. От куплетной традиции идут такие злейшие сатирические стихотворения 1845 и ближайших годов, как «Современная ода», «Нравственный человек» и др., от фельетонной традиции — такие, как «Чиновник» (1844), «Новости» (1845). Стихотворный фельетон Некрасова, становясь серьезнее и глубже, постепенно лишается юмористической окраски и веселого тона, который сменяется печальным, сумрачным тоном медитации — «думы».

Излюбленным жанром некрасовской юмористики с начала 40-х годов была также пародия. В пародиях Некрасов боролся с эпигонским романтизмом, с его абстрактной возвышенностью и условной поэтичностью. Опыт пародийного жанра затем широко используется Некрасовым. Так, пародийным «перепевом» является «Колыбельная

песня (Подражание Лермонтову)» (1845). Некрасов достигает здесь большой силы обобщения, рисуя образ чиновника — вора, лицемера и подхалима. Стихотворение направлено не против той или иной бытовой разновидности чиновничества, но против всей корпорации, против всесильной николаевской бюрократии вообще.

Чиновничество — основная мишень сатиры Некрасова первой половины 40-х годов. С середины 40-х годов сатира Некрасова устремляется уже к коренным виновникам социального зла. Некрасов создает произведения о людях, поставивших единственной целью жизни наживу, о беспощадных эксплуататорах городской нищеты, любыми путями рвущихся к богатству («Ростовщик», «Современная ода», «Секрет»), но главной его мишенью становится помещик-крепостник.

Как известно, годы 1846—1847 и начало 1848-го — это годы борьбы Белинского за создание широкого антикрепостнического фронта, это время подъема антикрепостнической литературы. В эти годы напечатаны «Деревня» и «Антон Горемыка» Григоровича, «Сорока-воровка» Герцена, основная часть «Записок охотника» Тургенева. Ряд аналогичных произведений создает и Некрасов. В сатирических стихотворениях «Женщина, каких много», «Псовая охота», «Нравственный человек» Некрасов бичует бесчеловечность, самодурство, праздность, лицемерие помещиков.

И в 50-е годы сатира Некрасова направлена преимущественно против крепостного права и дворянства. Наиболее резким из этих произведений является стихотворение «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (1853); помещики здесь показаны нравственными уродами и впервые выражено явное сочувствие поэта расправе крестьян со злодеем-барнином. В основном, объектом сатиры 50-х годов являются высшие слои дворянства: блестящий гвардейский офицер с «пустой душой», «кумир девиц, гроза мужей», промотавший богатое наследство и поправляющий дела женитьбой («Прекрасная партия», 1852), знатный и высокопоставленный либерал-филантроп, не умеющий отличить «голодного от пьяного» и выгоняющий из дому честного бедняка, пришедшего за нравственной поддержкой («Филантроп», 1853), «лишний человек», который «книжки читает да по свету рыщет», проживая за границей доходы от имения, который «сам за душой ничего не имеет» и с одинаковым заемным энтузиазмом то проповедует, что «солнышко правды взойдет над землею», то — что «род человеческий низок и зол» («Саша», 1855).

Но сатирой не ограничивается поэтическое творчество Некрасова в эти годы. В середине 40-х годов возобновляется его лирическое творчество в разнообразных формах, возникших частью в результате эволюции его сатиры, частью на основе освоения достиже-

ний предшественников и современников в поэзии и в прозе, частью непосредственно подсказанных новым отношением к жизни, революционно-гуманистическим сочувствием к обездоленным и слабым: к крестьянству, к городскому рабочему люду, к интеллигентному пролетарию, к угнетенной женщине.

Жанр стихового нравоописательного очерка открыл значительные возможности изображения различных социальных групп и классов. «Физиологические» этюды, фиксирующие характерные моменты городской жизни («На улице»), начинают богатую и оригинальную «урбанистическую» линию в творчестве Некрасова. Очерк открывает дорогу действию, сюжету: Некрасов находит формы, с одной стороны, сатирического рассказа («Псовая охота», «Прекрасная партия», «Филантроп»), с другой — рассказа из народной жизни, полного сочувствия к народу, рисующего его трагическое положение или подчеркивающего благородные свойства народной души («В дороге», «Огородник», «Вино», «Извозчик», «Влас»).

Здесь Некрасов идет впереди всей «натуральной школы». Напомним, что «В дороге» появилось в 1845 году, до «Деревни» (1846) и «Антон Горемыки» (1847) Григоровича, до «Записок охотника» Тургенева (с 1847 года). Естествен восторг Герцена и Белинского, который, как известно, именно после стихотворения «В дороге» признал Некрасова «поэтом, и поэтом истинным».

Рассказ из народной жизни дается то в объективном, «авторском» повествовании, то (чаще) в «сказе», столь характерном для «натуральной школы».

«Кольцовскую» линию в творчестве Некрасова — линию выражения народных чувств и мыслей от лица лирического героя из народа — начинает стихотворение «Огородник» (1846); но уже в этом стихотворении, в отличие от Кольцова, никогда не упоминавшего об отношениях крестьян и помещиков, Некрасов говорит о социальной приниженности народа и его моральном превосходстве над «господами».

Существенную роль в раннем творчестве Некрасова играет и стихотворная новелла из жизни бедного интеллигента-разночинца; это или «объективная» новелла («Маша»), или рассказ от лица интеллигентного труженика-пролетария, замученного, надорванного непосильной работой, нервного, раздражительного и угрюмого («Еду ли ночью...», «Застенчивость»). Этот любимый герой демократической литературы 40-х годов становится субъектом лирического повествования Некрасова.

Осуждение социального зла дается не только косвенно — в са-

тирических очерках типов, в новеллах или лирических излияниях, возбуждающих ненависть к притеснителям и сочувствие к угнетенным и обижаемым. Некрасов с 1846 года овладевает и жанром «думы» — патетической инвективы, непосредственно оценивающей и бичующей действительность, прямо выражающей негодование поэта («Родина», «В неведомой глуши...»). Здесь творчество Некрасова продолжает и развивает лермонтовскую традицию гражданской поэзии.

Тема страданий народа под гнетом господ, тема беззакония крепостничества звучит в «Родине» с необычайной силой разоблачительного пафоса. Стихотворение «В неведомой глуши, в деревне полудикой...» близко по настроению лирике «лишнего человека», но резко отличается от других ее образцов в поэзии 40-х годов тем, что дает генезис взглядов «лишнего человека» в переживаниях его юности, в «грязной волне» крепостного разврата, в «жизни безобразной» среди «буйных дикарей» — помещиков.

Некрасов — единственный из поэтов 40—50-х годов — сумел воплотить в поэтическом слове мощные реалистические стремления русской литературы, создавшие новую русскую прозу и поднявшие ее на вершину мировой литературы. Некрасов нашел выход на широкий путь реалистической и народной поэзии. Но это не значит, что Некрасов был в эту эпоху совершенно одинок. Его творчество 40-х годов перекликается с творчеством «рефлективных» поэтов — Тургенева, Огарева, Плещеева; появляются и молодые поэты, близкие Некрасову: М. Л. Михайлов, И. С. Никитин, но из-за трудных для поэзии — и в особенности для демократической поэзии — условий эпохи они остаются незамеченными, неизвестными в эти годы.

Из стихов Михайлова наиболее значительны те, в которых чувствуется влияние Некрасова. Как и Некрасов, Михайлов выступает с антикрепостническими стихами, со стихами о деревенском крестьянском быте, о печальном положении русской жепщины на разных ступенях социальной лестницы, рисует сатирические образы помещиков и чиновников.

Никитин находит свой путь в создании стихотворных сцен из жизни крестьянства и городского мещанства, отличающихся точным и богатым знанием этой жизни, пристальной наблюдательностью, верным языком. Это — стихотворные новеллы, рассказы о событиях, нередко от лица их участника. Иногда, в тех случаях, когда тема стихотворения недостаточно значительна, эти стихи страдают несколько мелочной эмпиричностью («Ночлег извозчиков», «Купец на пчельнике»); но по большей части темы Никитина социально зна-

чимы и трагичны. Чаще всего это темы народной нищеты и бесправия, семейного деспотизма, насильного и неравного брака, тяжести женской доли.

Новый период истории русской поэзии, начинающийся в середине 50-х годов, пойдет под знаком развития творческих принципов Некрасова, влияния их на русскую поэзию и борьбы с ними оформившегося направления «чистого искусства». В этот период поляризуются и резко обрисовываются те тенденции, которые наметились в 40-х годах и в первой половине 50-х годов.

Б. Бухштаб

СТИХОТВОРЕНИЯ

Евдокия Петровна Ростопчина (урожденная Сушкова) родилась 23 декабря 1811 года в Москве. Когда ей было шесть лет, умерла мать. Отец, чиновник, по делам службы часто бывал в разъездах, и девочка, вместе с двумя младшими братьями, была взята в семью деда и бабки с материнской стороны, Пашковых, где она прожила до самого замужества. Воспитанием Сушковой занимались гувернеры. Обладая незаурядными способностями и блестящей памятью, она рано пристрастилась к чтению и быстро овладела французским, немецким, английским, а впоследствии и итальянским языками.

Литературой занимались многие из Сушковых: бабка поэтессы, урожденная М. В. Храповицкая, перевела «Потерянный рай» Милтона; дядя, Николай Васильевич Сушков, был довольно известным литератором; стихи писали отец, Петр Васильевич, и брат, Дмитрий Петрович. Увлечение поэзией началось у Евдокии Сушковой в детстве и долгое время сохранялось в тайне, пока однажды П. А. Вяземский, бывавший у Пашковых, не обнаружил случайно тетрадку ее стихотворений. Одно из них, «Талисман», он, без ведома автора, напечатал в альманахе «Северные цветы на 1831 год» за подписью Д. . . . . а . . . . В доме Пашковых страсть девушки к сочинительству была осуждена, и до своего замужества поэтесса, хотя писала много, в печать стихи не отдавала.

В 1833 году Сушкова вышла замуж за графа А. Ф. Ростопчина, сына московского градоначальника времен Отечественной войны. После свадьбы Ростопчины поселились в воронежском имении мужа, селе Анна, где почти безвыездно прожили около трех лет. Осенью 1836 года они приехали в Петербург. Интересы супруга ограничивались кутежами, картами и лошадьми (он владел заводом чистокровных арабских лошадей), и Ростопчина, чувствуя себя несчастливой

в семейной жизни, с головой уходит в шумные светские увеселения, посещает и сама устраивает балы. Начитанная, остроумная, интересная собеседница, она заводит у себя литературный салон, где собирается весь цвет петербургских литераторов. Пушкин, Жуковский, Вяземский, Плетнев, В. Ф. Одоевский, Соллогуб, Гоголь, Григорович, Дружинин, Мятлев и многие другие часто бывают на ее «субботах». Здесь читаются новые произведения, обсуждаются литературные события и книги. Музыкальные вечера Ростопчиной посещают Глинка, Виельгорский, Лист, Виардо, Рубини, Тамбурины. Пушкин в последние годы жизни был в дружеских отношениях с Ростопчиной и, по ее словам, благосклонно относился к ее стихам. В начале 1841 года поэтесса подружилась с Лермонтовым, с которым была знакома еще в детские годы. Жуковский дарит ей черновую книгу Пушкина — толстую тетрадь для стихов, выполненную по заказу Пушкина незадолго до его смерти, — с чрезвычайно лестной надписью: «Вы дополните и закончите эту книгу, она теперь достигла своего назначения».

К этому времени Ростопчина становится хорошо известна как поэтесса. Разделяя настроения передовой части русского общества, в стихотворениях «Мечта» (1830) и «К страдальцам-изгнанникам» (1831) она открыто выразила сочувствие выступлению декабристов против самодержавия. Стихи ее все чаще появляются в ведущих журналах и альманахах и хорошо принимаются читающей публикой.

В 1841 году в Петербурге вышли «Стихотворения» Ростопчиной, включившие ее стихи 1829—1839 годов. Положительные, а порой и восторженные отзывы появились во многих журналах. Отмечался и ряд недостатков: нетребовательность автора при отборе произведений для сборника, «шероховатые стихи и неточные выражения». Впрочем, упреки касались лишь формальной стороны. Иначе подошел к оценке сборника Белинский. Признавая, что «муза графини Ростопчиной не чужда поэтических вдохновений, дышащих не одним умом, но и глубоким чувством», критик в то же время упрекал ее за поверхностное восприятие жизни, за тематическую узость, салонность, рассудочность ряда стихотворений. Талант поэтессы, писал в заключение Белинский, «мог бы найти более обширную и более достойную себя сферу, чем салон...».¹

Пробуя свои силы в прозе, Ростопчина двумя годами ранее выпустила под псевдонимом «Ясновидящая» книгу «Очерки большого света», включившую повести «Чины и деньги» и «Поединок», в которых осудила безразличное отношение высшего общества к подлинным человеческим достоинствам и выступила за право женщины любить,

---

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 5, М., 1954, с. 458, 460.

не скрывая своего чувства. Но этим, как и последующим, ее прозаическим произведениям свойственны чрезвычайная растянутость и поверхностность в обрисовке характеров; книга не была замечена критикой.

Весной 1845 года поэтесса с мужем и тремя детьми уехала в двухлетнее путешествие по Европе. Она посетила Францию, Италию, Германию, Австрию. Из Италии Ростопчина прислала в официозную «Северную пчелу» Булгарина, где прежде никогда не сотрудничала, свое стихотворение «Насильный брак». Польщенный честью, оказанной ему известной поэтессой и великосветской дамой, Булгарин немедленно опубликовал стихотворение. Так оправдалось предсказание Гоголя, который, услышав в Риме от Ростопчиной это стихотворение, «попросил прочесть (его) еще раз и потом сказал: «Пошлите в Петербург: не поймут и напечатают. Чем хотите ручаюсь! — «Как не понять! Помилуйте! — сказал автор, — ребенок поймет». — Говорю вам: не поймут! Пошлите! Вы не знаете тупости нашей цензуры, а я знаю. Пошлите!»¹ Вскоре в зарубежной печати появилась расшифровка подлинного смысла стихотворения, где под видом рассказа о судьбе молодой жены барона-деспота изображалось угнетение русским самодержавием Польши. Царь был разгневан. Булгарин вынужден был давать объяснения в III Отделении. Стихотворение получило широкое распространение и вызвало своеобразную стихотворную полемику. С верноподданнических позиций написаны призывающие «барона» покарать дерзкую «жену» и саму поэтессу стихотворения А. С. Голицына «Суд вассалов» (др. загл.: «Ответ одного из вассалов барону и его жене») — иногда приписывалось В. А. Жуковскому или В. Ф. Одоевскому; Н. В. Кукольника «Ответ вассалов барону»; Е. П. Рудыковского «Ты прав во всем, наш повелитель. . .». В защиту Ростопчиной написано стихотворение анонима «Ответ старого вассала» (подпись N.N.). Полемику завершила сама Ростопчина стихотворением «Дума вассалов» (1853), также свидетельствующим о заинтересованности поэтессы в судьбе Польши.

Царская немилость коснулась Ростопчиной по приезде на родину. По слухам, она была вызвана к шефу жандармов графу Орлову. Поэтесса была удалена из столицы и вплоть до смерти Николая I (1855) прожила в Москве, выезжая лишь в свое подмосковное имение Вороново.

В Москве Ростопчина сближается со славянофилами, становится деятельной сотрудницей их журнала «Москвитянин». На ее москов-

---

¹ Н. Берг, Графиня Ростопчина в Москве. Отрывок из воспоминаний. — «Исторический вестник», 1893, № 3, с. 694.

ских «субботах», просуществовавших с 1849 по 1858 год, бывают: редактор «Москвитянина» М. П. Погодин, члены «молодой редакции» «Москвитянина» А. Н. Островский, Н. В. Берг, Е. Н. Эдельсон, а также А. С. Хомяков, Н. Ф. Павлов, Н. Ф. Щербина, М. С. Щепкин и др. Но постепенно литературные чтения сменяет «праздная светская болтовня»,¹ и значение салона падает.

В 1840—1850-е годы Ростопчина, помимо стихотворений, пишет большое количество крупных произведений: романы «Счастливая женщина» (1851—1852), «Палаццо Форли» (1854), «У пристани» (1857), роман в стихах «Дневник девушки» (1842—1850), историческую сцену в стихах «Монахиня» (1842), поэмы «Донна Мария Колонна-Манчини» (1846), «Версальские ночи в 1847 году» (1847), ряд произведений для сцены. Впрочем, расширение жанрового диапазона не отразилось на проблематике и качестве ее сочинений. Это привело к резкому падению интереса читателей и критики к ее творчеству.

Растущее влияние на общественную жизнь демократов-разночинцев, направление «Современника» вызывают у писательницы-аристократки недовольство, раздражение. Сначала оно проявляется лишь в частных письмах, но в 1851 году Ростопчина печатает в «Москвитянине» письмо к Ф. Н. Глинке, где стремится, проповедуя «истинную религиозность», предостеречь молодежь от «гибельного чтения жалких и вредных теорий современных». ² «Современник» не остался в долгу. Чернышевский в двух рецензиях подверг уничтожающему разбору первые два тома «Стихотворений» Ростопчиной (СПб., 1856). ³ Столь же резок был отклик Добролюбова на роман «У пристани». ⁴ Оба критика зло высмеяли салонность ее произведений.

Избалованная прежними похвалами, не привыкшая к подобным оценкам своего творчества, поэтесса была глубоко уязвлена и пыталась отомстить, нападая на демократов-разночинцев в стихотворениях «Моим критикам» (1856) и «Простой обзор» (1857). В крупных произведениях последних лет, вышедших уже посмертно — «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. Продолжение комедии Грибоедова „Горе от ума“» (1856) и «Дом сумасшедших в Москве в 1858 г.», — она стремится

---

¹ «Посмертные записки Н. В. Берга». — «Русская старина», 1891, № 2, с. 254.

² «Москвитянин», 1851, № 11, с. 242.

³ См.: Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 453—468; с. 611—615.

⁴ См.: Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1962, с. 70—87.

занять некую срединную позицию между славянофилами, в идеях которых к середине 1850-х годов успела разочароваться, и западниками и осыпает тех и других градом ядовитых насмешек. В результате Ростопчина к концу жизни оказалась в атмосфере безразличия или открытой вражды.

Последние два года жизни Ростопчина часто болела; умерла она 3 декабря 1858 года.

В конце жизни Ростопчина подготовила издание своих «Стихотворений» в 4-х томах; первые два тома вышли в 1856 году (цензурное разрешение — 30 июля 1855), третий и четвертый — в 1859 году (цензурное разрешение — 15 августа 1857; три стихотворения из включенных в четвертый том датированы после даты цензурного разрешения). В 1857—1860 годах «Стихотворения» вышли вторым изданием. В 1890 году С. П. Сушков, брат поэтессы, издал в Петербурге «Сочинения графини Ростопчиной» в двух томах, куда включил часть ее стихотворений и несколько прозаических произведений. В этом издании, в сравнении с четырехтомным, имеется некоторое число разночтений; часто встречающиеся у Ростопчиной эпиграфы, посвящения и постоянно присутствующие во всех прижизненных публикациях даты и указания места написания стихотворений здесь, в подавляющем большинстве случаев, сняты. Вероятно, несмотря на утверждение Сушкова, эти изменения в основном принадлежат самому издателю.

1. КОГДА Б ОН ЗНАЛ!

*Подражание г-же Деборд-Вальмор
(Для Елизаветы Петровны Пашковой)*

Когда б он знал, что пламенной душою
С его душой сливаюсь тайно я!
Когда б он знал, что горькою тоскою
Отравлена младая жизнь моя!
Когда б он знал, как страстно и как нежно
Он, мой кумир, рабой своей любим. . .
Когда б он знал, что в грусти безнадежной
Увяну я, не понятая им! . .
Когда б он знал!

Когда б он знал, как дорого мне стоит,
Как тяжело мне с ним притворной быть!

Когда б он знал, как томно сердце ноет,
Когда велит мне гордость страсть таить! . .
Когда б он знал, какое испытанье
Приносит мне спокойный взор его,
Когда взамен немого обожанья
Я тщетно жду улыбки от него.
Когда б он знал!

Когда б он знал. . . в душе его убитой
Любви бы вновь язык заговорил,
И юности восторг полузабытый
Его бы вновь согрел и оживил!
И я тогда, счастливица! . . любима. . .
Любима им была бы, может быть!
Надежда льстит тоске неутолимой;
Не любит он. . . а мог бы полюбить!
Когда б он знал!

*Февраль 1830
Москва*

2. МЕЧТА

Поверь, мой друг, — взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Запишут наши имена!

А. Пушкин

Когда настанет день паденья для тирана,
Свободы светлый день, день мести роковой,
Когда на родине, у ног царей попранной,
Промчится шум войны, как бури грозный вой;
Когда в сердцах славян плач братьев
притесненных
Зажжет священный гнев и ненависть к врагу,
Когда они пойдут на выкуп угнетенных,
На правый божий суд, на кровную борьбу;
Когда защитники свободы соберутся,
Чтоб самовластия ярмо навек разбить,
Когда со всех сторон в России раздадутся
Обеты грозные «погибнуть иль сгубить!» —

Тогда в воинственный наряд *он* облачится,
Тогда каратель меч в руке его сверкнет,
Тогда ретивый конь с ним гордо в бой помчится,
Тогда трехцветный шарф на сердце он прижмет, —
И в пламенных глазах зардеет огонь небесный,
Огонь славолюбия, геройства, чувств святых...
Всю душу выскажет взор строгий, но прелестный,
Он будет страх врагам и ангел для своих,
Он смело поведет дружину удалую,
Он клятву даст, и жизнь и кровь не пощадит
За дело правое, за честь, за Русь святую...
И полетит вперед — «погибнуть иль сгубить!»

А я? Сокрытая во мгле уединенья,
Я буду слезы, страх и грусть от всех таить,
Томимая грозой душевного волненья,
Без способа, без прав опасность с ним делить.
В пылу отчаянья, в терзаниях беспокойства
Я буду за него всечасно трепетать
И в своенравии <безмолвного> расстройства
Грустить, надеяться, бояться, ожидать.
Я буду дни считать, рассчитывать мгновенья,
Я буду вести ждать, ждать утром, в час ночной
И, тысячи смертей перенося мученья,
Везде его искать с желаньем и тоской!..
Или во храм святой войдя с толпой холодной,
Среди веселых лиц печальна и мрачна,
Порывам горести предамся я свободно,
Никем не видима, мольбой ограждена...
Но там, но даже там вдруг образ незабвенный,
Нежданый явится меж алтарем и мной...
И я забуду храм, мольбу, обряд священный
И вновь займусь своей любимой мечтой!

Но если грозный рок, отмщая за гоненья,
Победу нашим даст, неравный бой сравнить,
С деспотством сокрушить клеветов притесненья
И к обновлению Россию воскресить;
Когда, покрытые трофеями и славой,
Восстановители прав вольности святой
Войдут в родимый град спокойно, величаво,
При кликах радости общественной, живой,

И он меж витязей явится перед строем,
Весь в пыли и крови, с (зазубренным) мечом,
Покрытый лаврами и признанный героем,
Но прост, без гордости в величии своем,
И имя вдруг его в народе пронесется,
И загремит ему хвала от всех сторон,
Хвала от сограждан!.. Как сердце в нем забьется,
Как весел, как велик, как славен будет он!..

И я услышу всё, всем буду наслаждаться!..
Невидима в толпе, доля восторг его,
Я буду медленно блаженством упиваться,
Им налюбуюся... и скроюсь от него!

Июль 1830

3. К СТРАДАЛЬЦАМ-ИЗГНАННИКАМ

Соотчичи мои, заступники свободы,
О вы, изгнанники за правду и закон,
Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
Вы не услышите укор земных племен!
Пусть сокрушились вы о силу самовластья,
Пусть угнетают вас тирановы рабы, —
Но ваш терновый путь, ваш жребий лучше счастья
И стоит всех даров изменчивой судьбы!..
Удел ваш — не позор, а слава, уваженье,
Благословения правдивых сограждан,
Спокойной совести, Европы одобренье
И благодарный храм от будущих славян!
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И цепи рабства снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.
Быть может, между вас, в сибирских тундрах диких
Увяли многие?.. Быть может, душный плен
И воздух ссылочный — отравы душ великих —
Убили в цвете лет жильцов подземных стен?..
Ни эпитафии, ни пышность мавзолеев
Их прах страдальческий, их память не почтут:
Загробная вражда их сторожей-злодеев
Украсить нам не даст последний их приют.

Но да утешатся священные их тени!
Их памятник — в сердцах отечества сынов,
В неподкупных хвалах свободных песнопений,
В молитвах русских жен, в почтении всех веков!
Мир им!.. Мир праху их!.. А вы, друзья несчастных,
Несите с мужеством крест неизбежный свой!..
Быть может, вам не век стонать в горах ужасных,
Не век терпеть в цепях, с поруганной главой!..
Быть может, вам и нам ударит час священный
Паденья варварства, деспотства и царей,
И нам торжествовать придется день блаженный
Свободы для Руси, отмщенья за друзей!..
Тогда дойдут до вас восторженные клики
России, вспрыгнувшей от рабственного сна,
И к жизни из могил вас вырвет крик великий:
«Восстаньте!.. Наша Русь святая спасена!..»
Тогда сообщники, не ведомые вами,
Окончив подвиг ваш, свершив урочный бой,
С свободной вестию, с свободными мечтами
Пойдут вас выручать шумящею толпой!..
Тогда в честь падших жертв, жертв чистых,
благородных,
Мы тризну братскую достойно совершим,
И слезы сограждан, ликующих, свободных,
Наградой славною да вечно будут им!

*Май 1831
Москва*

4. ПРОСТОНАРодНАЯ ПЕСНЯ

1

Тучи черные собираются,
И затмилось солнце красное;
Думы мрачные крушат девицу
И волнуют в ней сердце страстное.

Скучно девице одиночество,
Она с радостью распростилася,
Ей без милого опостылел свет,
И тоска в душе вкоренилася.

Тучи черные разгуляются,
Засияет вновь солнце красное;
Не осушатся слезы девицы,
Не воскреснет в ней сердце страстное!

2

Темно-русые кудри милого,
Не достанется вами мне играть!
Очи светлые, очи ясные,
Я привета в вас не должна искать!

Взоры нежные, взоры страстные,
Не при мне огнем вы пылаете!
Уста милые, сладкогласные,
Вы не мне «люблю» восклицаете!

Ловкий молодец, ненаглядный мой,
Не видать тебя горемычной мне!
Разлучили нас бури лютые,
Ты один теперь на чужой стране!..

3

Дайте крылья мне перелетные,
Дайте волю мне, волю сладкую!
Полечу в страну чужеземную
К другу милому я украдкою!

Не страшит меня путь томительный,
Я помчусь к нему, где бы ни был он.
Чутьем сердца я доберусь к нему
И найду его, где б ни скрылся он!

В воду кану я, в пламя брошусь я!
Одолею всё, чтоб узреть его,
Отдохну при нем от кручины злой,
Расцвету душой от любви его!..

*Август 1831
Петровская*

5. ОТРИНУТОМУ ПОЭТУ

Нет! Ты не поняла поэта...
И не понять тебе его!

Н. Павлов

Она не поняла поэта!..
Но он зачем ее избрал?
Зачем, безумец, в вихре света
Подруги по сердцу искал?

Зачем он так неосторожно
Был красотой соблазнен?
Зачем надеждою тревожной
Он упивался, ослеплен?

И как не знать ему заранеей,
Что все кокетки холодны,
Что их могущество в обмане,
Что им поклонники нужны?..

И как с душою, полной чувства,
Ответа в суетных искать?
В них всё наука, всё искусство,
Любви прямой им не понять!

Он сравнивал ее с картиной:
Он прав! Бездушно весела,
Кумир всех мотыльков гостиной,
Она лишь слепок божества!..

В ней огонь возвышенный, небесный
Красу земную не живит...
И вряд ли мрамор сей прелестный
Пигмалион одушевит!..

Она кружится и пленяет,
Довольна роком и собой;
Она чужой тоской играет,
В ней мысли полны суетой.

В ней спит душа и не проснется,
Покуда молода она,

Покуда жизнь ее несется,
Резва, блестяща и шумна!..

Когда же юность с красотою
Начнут несчастной изменять,
Когда поклонники толпою
Уйдут других оков искать, —

Тогда, покинув сцену света,
И одинока, и грустна,
Вспомнит верного поэта
С слезой раскаянья она!..

Февраль 1832
Москва

6. ОСЕННИЕ ЛИСТЫ

Один увядший лист несчастному милее,
Чем все блестящие весенние цветы!

Андрей Тургенев

Сухие, желтые листы,
Предвестники поры печальной,
Вы любы мне!.. Мои мечты
Привыкли к думе погребальной,
Сдружились с мыслью неземной;
И есть родство, родство святое
Меж всем тоскующим и мной —
Неизгладимо роковое
Клеймо дней прежних над душой!..

Люблю я колокол унылый
В вечерний час, вдали сует;
Мое любимое светило
Не солнце пышное, о нет!..
Нет! То луна под покрывалом
Прозрачно-сизых облаков!..
Я в храме древнем, обветшалом
Молюсь теплей; среди лесов
Ищу не тополей красивых,
Не лип роскошных, горделивых, —
Но громом сломанных дубов!..

Златого утра блеск роскошный
Встречаю хладным оком я,
Но бури шум, но ветер полночный —
Вот, вот поэзия моя! ..
И я отдам весну младую
Со всею жатвой гордых роз
За осень бледную, нагую
Иль за порывы летних гроз! ..

Но вы, разметанные роком
Любимцы блеклые мои,
На лоно матери-земли
Вы, принесенные оброком
С родимых ветвей и вершин, —
Как много дум и откровений,
Как много горестных явлений
И занимательных судьбин
Я вижу в низкой вашей доле! ..
Не много будущности в вас,
Но всё ж, на жизненной юдоли,
Переживете вы не раз
И рано скошенную младость,
И сон любви, и красоту,
И сердца пламенного радость,
И вдохновенную мечту! ..

Быть может, вихрь своим дыханьем
Вас на могилу нанесет? ..
Быть может, вас волна возьмет
И вас последним призываньем
Младой утопленник почтет? ..
Быть может, вам и мне судьбою
Уделы равные даны
И вы, как я, обречены
Увянуть здесь перед зимою? ..
И я, как вы, осуждена
Не покидать степей печальной,
В ней изнывать, тоски полна,
Вотще душой стремясь в путь дальний? ..
Нам вместе ль рок велел страдать,
И век отжить, и умирать
В своем углу непросвещенном,

Под небом, вечно омраченным,
И стран желанных не видать? . .
Быть может, вас со мной зарюют
Снега родные в саван свой
И вьюги русские завоют
Над нами песнью гробовой! . .

И горе, если уцелеет
Один из вас! . . Весна придет,
Весна поляны отогреет
И их цветами уберет, —
А он, иссохший, одинокий,
Он не истлеет на лугах,
Но путника ногой жестокой
Растоптан будет в пыль и прах! . .
Так память первых впечатлений,
Былых надежд, былых волнений
Душа и гонит и клянет,
Когда рой скучных сожалений
Любовь другая изженет! . .

22 августа 1834
Село Анча

7. НАДЕВАЯ АЛБАНСКИЙ КОСТЮМ

Наряд чужой, наряд восточный,
Хоть ты бы счастье мне принес,
Меня от стужи полуночной
Под солнце юга перенес! . .

Под красной фескою албанки
Когда б забыть могла я вдруг
Бал, светский шум, плен горожанки,
Молву и тесный жизни круг! . .

Когда б хоть на день птичкой вольной,
Свободной дочерью лесов,
Могла бы я дышать раздольно
У Ионийских берегов! . .

Разбивши цепь приличий скучных,
Поправ у ног устав людей,
Идти часов благополучных
Искать меж гордых дикарей!..

Как знать?.. Далеко за горами
Нашла б я в хижине простой
Друзей с горячими сердцами,
Привет радушный и родной!

Нашла бы счастья прямого
Удел, не знаемый в дворцах,
И паликара молодого
Со страстью пламенной в очах!..

6 января 1835
Москва

8. НА ПРОЩАНИЕ...

As we two parted...
*Byron*¹

Вот видишь, мой друг, — не напрасно
Предчувствиям верила я:
Недаром так грустно, так страстно
Душа тосковала моя!..

Пришел он, день скучной разлуки...
Обоих врасплох нас застал,
Друг другу холодные руки
Пожать нам, прощаясь, не дал...

Немые души сожаленья
Глубоко в груди затая,
О скором твоём удаленьи
Известье прослушала я...

И не было даже слезинки
В моих опущённых глазах...

---

¹ Когда мы расставались... *Байрон* (англ.). — *Ред.*

Я речь завела без запинки
О балах, о всех пустяках. . .

А люди смотрели лукаво,
Качали, смеясь, головой;
Завистливой, тайной отравы
Был полон их умысел злой.

Пускай они рядят и судят,
Хотят нас с тобой разгадать!
Не бойся! . . Меня не принудят
Им сердце мое показать! . .

Я знаю, они уж решили
В премудром сужденьи своем,
Что слишком мы пылко любили
И часто видались вдвоем. . .

Я знаю, они не поверят
Сближенью двух чистых сердец! . .
Ведь сами ж они лицемерят, —
Им в страсти один лишь конец! . .

И вот почему их насмешка
Позорит чужую любовь! . .
Зачем пред их грубой усмешкой
В лицо мне бросается кровь! . .

А мы-то, — мы помним, мы знаем,
Как чист был союз наш святой!
А мы о былом вспоминаем
Без страха, с спокойной душой.

Меж нами так много созвучий!
Сочувствий нас цепь обвила,
И та же мечта нас в мир лучший,
В мир грез и чудес унесла.

В поэзии, в музыке оба
Мы ищем отрады живой;
Душой близнецы мы. . . Ах, что бы
Нам встретиться раньше с тобой? . .

Но нет, никогда здесь на свете
Попарно сердцам не сойтись!..
Безумцы с тобой мы... мы дети,
Что дружбой своей увлеклись!..

Прощай!.. Роковая разлука
Настала... О сердце мое!..
Поплатимся долгою мукой
За краткое счастье свое!..

*Январь 1835
Москва*

9. ПОСЛЕДНИЙ ЦВЕТОК

«Javais pourtant quelque chose là!» —
dit-il en se frappant le front...

«Mort d'André Chénier»¹

Не дам тебе увянуть одиноким,
Последний цвет облистанных полей!
Не пропадет в безмерности степей
Твой аромат; тебя крылом жестоким
Не унесет холодный вихрь ночей!

Я напою с заботливым стараньем
Тебя, мой гость, студеною водой;
Я нагляжусь, нарадуюсь с тобой;
Ты отцветешь — и с нежным состраданьем
Вложу тебя в молитвенник святой.

Чрез много лет, в час тихого мечтанья
Я книги той переберу листы;
Засохший мне тогда предстанешь ты.
Но оживешь в моем воспоминаньи,
Как прежде, полн душистой красоты.

А я, цветок, в безвестности пустыни
Увяну я... и мысли тщетный дар,
И смелый дух, и вдохновенья жар —

---

¹ «У меня, однако, здесь кое-что было!» — сказал он, стукнув себя по лбу... «Смерть Андре Шенье» (франц.). — *Ред.*

Кто их поймет?.. В поэте луч святыни
Кто разглядит сквозь дум неясных пар?..

Поэзия — она благоуханье
И фимиам восторженной души.
Но должно ей гореть и цвести в тиши,
Но не дано на языке изгнанья
Ей высказать все таинства свои!

И много дум, и много чувств прекрасных
Не имеют слов, глагола не найдут
И на́ душу обратно западут.
И больно мне, что в проблесках напрасных
Порывы их навек со мной умрут!

Мне суждено, под схиною молчанья,
Святой мечты всё лучшее стаить,
Знать свет в душе — и мрак в очах носить!
Цветок полей, забытый без вниманья,
Себя с тобой могу ли не сравнить?..

Октябрь 1835
Село Анна

10. БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Вставать, чтоб целый день проведешь наедине
С напрасными и грустными мечтами,
В безжизненной степи, в безмолвной тишине,
Считать года потерянными днями,
Не видеть пред собой ни цели, ни пути,
Отвыкнуть ждать, забыть надежды сладость
И молодость губить в деревне, взаперти, —
Вот жребий мой, вот жизнь моя и радость!

Когда ровесницам моим в удел даны
Все общества и света развлеченья,
И царствуют они, всегда окружены
Толпой друзей, к ним полных снисхожденья;
Когда их женский слух ласкает шум похвал,
Их занят ум, их сердце бьется шибко, —
Меня враждебный рок здесь к степи прижовал,
И жизнь моя лишь горькая ошибка!..

Напрасно я в себе стараюсь заглушить
Живой души желанья и стремленья...
Напрасно зрелых лет хочу к себе привить
Холодные, сухие размышленья...
Напрасно, чтоб купить себе навек покой,
Состариться сейчас бы я готова...
Вперед, вперед и вдаль я рвусь моей мечтой, —
И жить с людьми стремится сердце снова!..

Октябрь 1836
Село Анна

11. РАЗГОВОР ВО ВРЕМЯ МАЗУРКИ

Il disait qu'il m'aimait, et qu'il me
trouvait belle,
Et qu'à moi pour toujours son cœur
s'était donné.

*Rességnier*¹

Смеетесь вы?.. Чему?.. Тому ль, что в двадцать лет
Разумно я смотрю без грез на жизнь и свет,
Что свято верую я в долг и в добродетель?..
Что совести боюсь, что мне она свидетель
Всех чувств и помыслов, всех тайн моей души?
Что сохранить себя в покое и тиши
Я искренно хочу, гнушаяся порока,
Чтоб век мой женщиной остаться без упрека?..
Тому ль смеетесь вы, что сердцу волю дать,
Что участью своей бессмысленно играть
Я не намерена, страшась волнений страсти;
Что перестала я давно гадать о счастье,
Мне не назначенном, — и, голову склоня,
Сказала я себе: «Нет счастья для меня!..»
Так это вам смешно?!. Бог с вами!.. Смейтесь,
смейтесь!..

Но только, я прошу, напрасно не надейтесь
Лукавой речию мой разум омрачить
И сердце женское увлечь и победить
Хитросплетенными софизмами своими!..
Я знаю — мастер вы искусно сыпать ими!..

---

¹ Он говорил, что любит меня, что находит меня прекрасной и что мне навсегда отдано его сердце. *Rességnie* (франц.). — *Ред.*

Оно в привычку вам, и уж не в первый раз...
И хоть вы молоды, уж не одна из нас
Вам слепо вверилась, забывши честь и клятвы...
Но я не такова!.. Но с ними вместе в ряд вы
Не ставьте и меня!.. Я не шучу собой,
Я сердцем дорожу; восторженной душой
Я слишком высоко ценю любовь прямую,
Любовь безмолвную, безгрешную, святую,
Какой нам не найти здесь, в обществе своем!..
Иной я не хочу!.. Друг друга не пойдем
Мы с вами никогда!.. Так лучше нам расстаться...
Лишь редко, издали, без лишних слов встречаться!..
Хоть я и говорю: «никто и никогда!» —
Я так неопытна, пылка и молода,
Что, право, за себя едва ли поручусь я!..
Мне страшно слышать вас... смотреть на вас боюсь я!..
Подите!.. Много здесь найдете вы других,
Блистательней меня, милей, смелей, таких,
Каких вам надобно для шутки, для игрушки!..
Кокеток много здесь... Есть также и вертушки,
И львицы модные... подите их пленять
И легкой клятвою их легкость искушать!..
А я... Безрадостной судьбе моей послушна,
Я буду век одна... век грустно-равнодушна...

11 ноября 1837
Петербург .

12. ССОРА

...и сей свиданья час
Печален, молчалив и утомляет нас!
Озеров. «Димитрий Донской»

Всё кончено навеки между нами...
И врзсь сердца, и врзсь шаги...
Хоть оба любим мы, но, встретившись друзьями,
Мы разошлись как враги!

Он наступил, тот вечер долгожданный,
Пробил свиданья краткий час,
Столь страшный мне и вместе столь желанный,
Который свел и сблизил нас.

Мы встретились средь залы освещенной,
Где свет в свои сто глаз глядел;
Жизнь замерла в груди моей стесненной,
От страха голос онемел. . .

Недаром страх! . . Заранее я знала,
Что с *ним* должна я иль молчать,
Иль изменить себе! . . Заранее приучала
Язык, лицо и сердце лгать.

Он подошел. . . *Он* протянул мне руку. . .
Своей руки я не дала. . .
Я с ним была, скрывая сердца муку,
И холодна, и весела.

Он говорил всё о любви возможной,
О счастье в связи двух сердец;
Он говорил так сладко, так тревожно,
Что я смутилась наконец.

И кто б, ему внимая, не смутился?
Он ждал ответа моего:
Он на меня смотрел, он ближе наклонился, —
Я отвернулась от него!

Я шуткою ответила небрежной. . .
Он встал. . . во взорах гнев пылал. . .
В душе, в груди моей был плач и стон
мятежный. . .
Он ничего не угадал!

Он не видал, как сердце билось больно
Под платьем дымковым моим,
Он не слышал страданья вопль невольный
Под женским смехом заказным!

Не понял он, как страстно, как безумно,
Как искренно любила я!
Он отошел! . . А бал кружился шумный
И бесновался вокруг меня!

Верна себе, не выдала я тайны
Любви запретной, но святой, —
Меня кокеткой он зовет необычайной,
Считает куклою пустой.

Всё кончено навеки между нами!
И врозь сердца, и врозь шаги!
Всё кончено навек!.. Мы встретились друзьями,
А разошлись как враги!

10 марта 1838
Петербург

13. ВЫ ВСПОМНИТЕ МЕНЯ

Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrais!..

*Simple histoire*¹

Вы вспомните меня когда-нибудь... но поздно!
Когда в своих степях далёко буду я,
Когда надолго мы, навеки будем розно —
Тогда поймете вы и вспомните меня!
Проехав иногда пред домом опустелым,
Где вас всегда встречал радушный мой привет,
Вы грустно спросите: «Так здесь *ее* уж нет?»
И мимо торопясь, махнув султаном белым,
Вы вспомните меня!..

Вы вспомните меня не раз — когда другая
Кокетством хитрым вас коварно увлечет
И, не любя, в любви вас ложно уверяя,
Тщеславью своему вас в жертву принесет!
Когда уста ее, на клятвы тороваты,
Обеты льстивые вам станут расточать,
Чтоб скоро бросить вас и нагло осмеять...
С ней первый сердца цвет утратив без возврата,
Вы вспомните меня!..

---

¹ И если над Вами грянет буря, позовите меня, и я вернусь!..
«Простая история» (франц.). — *Ред.*

Когда, избави бог! вы встретите иную,
Усердную рабу всех мелочных сует,
С полсердцем лишь в груди, с полудушой — такую,
Каких их создает себе в угодность свет,
И это существо вас на беду полюбит —
С жемчужною серьгой иль с перстнем наравне,
И вам любви узнать даст горести одне,
И вас, бесстрастная, измучит и погубит —
Вы вспомните меня!..

Вы вспомните меня, мечтая одиноко
Под вечер, в сумерки, в таинственной тиши,
И сердце вам шепнет: «Как жаль! она далёко,
Здесь не с кем разделить ни мысли, ни души!..»
Когда гостиных мир вам станет пуст и тесен,
Наскучит вам острить средь модных львиц и львов,
И жаждать станете незаучённых слов
И чувств не вычурных, и томных женских песен —
Вы вспомните меня!..

Апрель 1838
Петербург

14. В СТЕПИ

And then, I am in the world alone!..

*Childe-Harold*¹

Расстались мы!.. В степи далекой
Течет безмолвно жизнь моя...
В деревне скуке одинокой
Обречена надолго я...

Томит безрадостная доля
Стесненный ум, больную грудь;
Хочу рассеять грусть неволи
Хоть как-нибудь, хоть чем-нибудь!

---

¹ И тогда я был один в целом мире!.. «Чайльд-Гарольд»
(англ.). — *Ред.*

Боюсь, сердечная тревога
Здесь развлеченья не пайдет, —
А в праздной голове так много,
Так много страстных грез живет!..

Вдали от городского шума
Здесь ропот сердца мне слышней,
Свободней пламенная дума,
Мечта отважней и сильней!..

Не сдержит здесь порыв желаний
Приличий, предрассудков цепь,
Не заглушит воспоминаний
Затишьем мертвым эта степь!..

Живую в душную могилу
Пусть схоронили в двадцать лет, —
В ней не убьют ни страсть, ни силу!..
Ей мил и люб, ей нужен свет!..

Там всё, чем сердце тайно билось,
Чем полон мир, чем жизнь светла,
И тот, к кому душа стремилась,
Кого в кумиры избрала!..

А он?.. Минуты увлеченье
Давно забыл, быть может, он,
Как промелькнувшее виденье,
Как прерванный, неясный сон?..

Где ж помнить, что в пустыне дальней
О нем тоскуют и грустят,
Что думы женщины печальной
Его зовут... к нему летят?..

Ему ль знать горечь сожалений
И об уехавшей мечтать,
Когда так много искушений
Его готово утешать?..

Кого теперь в блестящих залах
Его пыливый ищет взгляд? ..
Кого на многолюдных балах
Он тайно ждет... кому он рад? ..

Кому твердит он, с пылом страстным,
Любви привет, любви слова,
И для кого теперь опасным
Его прославила молва? ..

Чье сердце робкое волнует
Полупризнаньем он теперь? ..
Кого, прельщенный, очарует?
Кому твердит: «Люби и верь! ..»

Хочу, хочу в тоске мятежной
Всё знать я: кем он дорожит,
И на кого он смотрит нежно,
И с кем всех дольше говорит... .

Май 1838
Село Анна

15. ДВОЙНЫЕ РАМЫ

Ich aber lieb' euch all':
Rose, Schmetterling, Sonnenstrahl,
Abendstern und Nachtigall!

*H. Heine*¹

Примета скучных зимних дней,
Снегов, морозов предвещанье,
Двойные рамы здесь! .. Скорей
Пошлю я лету взор прощанья!

Теперь в окно издалека
Не слышу шум реки ленивой,

---

¹ Но я люблю вас всех: розу, бабочку, солнечный луч, вечернюю звезду и соловья! Г. Гейне (нем.). — Ред.

Лесные звуки, песнь рожка
И листьев шорох торопливый.

Двойные рамы вложены! . .
И одиночества страданья
Еще живей средь тишины
Ненарушимого молчанья.

Отныне слеп и глух наш дом,
Нет с жизнью внешней сообщенья...
Он загражден — как будто в нем
Кто дал обет уединенья.

Под мертвой тяжестью зимы,
Без воздуха, в глуши печальной
Мне веет сыростью тюрьмы,
Затвором кельи погребальной.

И как здесь мрачно, как темно! . .
Хоть солнце в небе загорится,
Сквозь стекла тусклые оно
Ко мне лучом не заронится.

Хоть улыбнется ясный день,
Гость мимолетный, запоздалый,
Он не рассеет мглу и тень
В моей светлице одичалой.

Ни щебетанье воробья,
Ни песни иволги пустынной
Достичь не могут до меня,
Чтоб сократить мне вечер длинный.

Со всей природою разрыв
Мне на полгода уготован,
И только дум моих порыв
Не замедлён и не окован.

Октябрь 1839
Село Анна

16. ДВЕ ВСТРЕЧИ

Петру Александровичу Плетневу

Es gibt im Menschenleben ewige
Minuten. . .

*Butterwek*¹

1

Я помню, на гульбище шумном,
Дыша веселием безумным,
И говорлива и жива,
Толпилась некогда Москва,
Как в старину любя качели,
Веселый дар Святой недели.
Ни светлый праздник, ни весна
Не любы ей, когда она
Не насладится Подновинским,
Своим гуляньем исполинским!
Пестро и пышно убрана,
В одежде праздничной, она
Слила, смешала без вниманья
Сословья все, все состоянья.
На день один, на краткий час
Сошлись, друг другу напоказ,
Хмельной разгул простолюдина
С степенным хладом знати чинной,
Мир черни с миром богачей
И старость с резвостью детей.
И я, ребенок боязливый,
Смотрела с робостью стыдливой
На этот незнакомый свет,
Еще на много, много лет
Мне недоступный. . . Я мечтала,
Приподымая покрывало
С грядущих дней, о той весне,
Когда достанется и мне
Вкусить забавы жизни светской, —
И с нетерпеньем думы детской

---

¹ Есть в человеческой жизни вечные минуты. *Бутервек* (нем.), —
Ред.

Желала время ускорить,
Чтоб видеть, слышать, знать и жить!..

Народа волны протекали.
Одни других они сменяли...
Но я не замечала их,
Предавшись лёту грез своих.
Вдруг всё стеснилось, и с волнением,
Одним стремительным движением
Толпа рванулася вперед...
И мне сказали: «Он¹ идет!
Он, наш поэт, он, наша слава,
Любимец общий!..» Величавый
В своей особе небольшой,
Но смелый, ловкий и живой,
Прошел он быстро предо мной...
И глубоко в воображенье
Напечатлелось выраженье
Его высокого чела.
Я отгадала, поняла
На нем и гения сиянье,
И тайну высшего призванья,
И пламенных страстей порыв,
И смелость дум, наперерыв
Всегда волнующих поэта, —
Смесь жизни, правды, силы, света!
В его неправильных чертах,
В его полуденных глазах,
В его измученной улыбке
Я прочитала без ошибки,
Что много, горько сердцем жил
Наш вдохновенный, — и любил,
И презирал, и ненавидел,
Что свет не раз его обидел,
Что рок не раз уж уязвил
Больное сердце, что манил
Его напрасно сон лукавый
Надежд обманчивых, что слава

---

¹ Александр Сергеевич Пушкин.

Досталася ему ценой
И роковой и дорогой! . .
Уж он прошел, а я в волненьи
Мечтала о своем виденьи, —
И долго, долго в грезах сна
И мысль моя была полна! . .
Мне образ памятный являлся,
Арапский профиль рисовался,
Блистал молниеносный взор,
Взор, выражающий укор
И пени раны затаенной! . .
И часто девочке смиренной,
Сияньем чудным озарен,
Всё представал, всё снился *он!* . .

2

Я помню, я помню другое свиданье:
На бале блестящем, в кипящем собранье,
Гордясь кавалером, и об руку с ним,
Вмешалась я в танцы. . . и счастьем моим
В тот вечер прекрасный весь мир озлащался.
Он с нежным приветом ко мне обращался,
Он дружбой без лести меня ободрял,
Он дум моих тайну разведать желал. . .
Ему рассказала молва городская,
Что, душу небесною пищей питаю,
Поэзии чары постигла и я,
И *он* с любопытством смотрел на меня, —
Песнь женского сердца, песнь женских страданий,
Всю повесть простую молодых упований
Из уст моих робких услышать хотел. . .
Он выманить скоро признание успел
У девочки, мало знакомой с участием,
Но свыкшейся рано с тоской и несчастьем. . .
И тайны не стало в душе для него!
Мне было не страшно, не стыдно его. . .
В душе гениальной есть братство святое:
Она обещает участие родное,
И с нею сойтись нам отрадно, легко;

Над нами парит она так высоко,
Что ей неизвестны, в ее возвышенье,
Взыскательных дольних умов осужденья...
Вниманьем поэта в душе дорожа,
Под говор музы́ки, украдкой, дрожа,
Стихи без искусства *ему* я шептала
И взор снисхожденья с восторгом встречала.
Но *он*, вдохновенный, с какой простотой
Он исповедь слушал души молодой!
Как с кротким участием, с улыбкою друга
От ранних страданий, от злого недуга,
От мрачных предчувствий он сердце лечил
И жить его в мире с судьбою учил!
Он пылкостью прежней тогда оживлялся,
Он к юности знойной своей возвращался,
О ней говорил мне, ее вспоминал.
Со мной молодея, *он* снова мечтал.
Жалел *он*, что прежде, в разгульные годы
Его одинокой и буйной свободы,
Судьба не свела нас, что раньше меня
Он отжил, что поздно родилась я. . .
Жалел он, что песни девической страсти
Другому поются, что тайные власти
Велели любить мне, любить не *его*, —
Другого! . . И много сказал он всего! . .
Слова *его* в душу свою принимая,
Ему благодарна всем сердцем была я. . .
И много минуло годов с того дня,
И много узнала, извела я, —
Но живо и ныне о *нем* вспоминанье;
Но речи поэта, его предвещанье
Я в памяти сердца храню как завет
И ими горжусь. . . хоть *его* уже нет! . .
Но эти две первые, чудные встречи
Безоблачной дружбы мне были предтечи, —
И каждое слово *его*, каждый взгляд
В мечтах моих светлою точкой горят! . .

Декабрь 1838, 1839
Село Анна

17. СЕЛО АННА

Deserted is my own good hall,
My hearth is desolate! . .

Childe-Harold, Canto 1¹

Зачем же сладкою тревогой сердце бьется
При имени твоём, пустынное село,
И ясной дуюмою внезапно расцвело?
Зачем же мысль моя над дикой степью вьется,
Как пташка, что вдали средь облаков несется,
Но, в небе занята своим родным гнездом,
И пестует его и взором и крылом? . .
Ведь прежде я тебя, край скучный, не любила,
Ведь прежде ссылкой несносной был ты мне:
Меня пугала жизнь в безлюдной тишине,
И вечных бурь твоих гуденье наводило
Унынье на меня; ведь прежде, средь степей,
С тоской боролась я, и там, в душе моей,
Невольно угасал жар пылких вдохновений,
Убитый немощью. . . Зачем же образ твой
Меня преследует, как будто сожалений
Ты хочешь от меня, приют далекий мой? . .
Или в отсутствии немилое милее?
Иль всем, что кончено, и всем, чего уж нет,
В нас сердце дорожит? Иль самый мрак светлее,
Когда отлив его смягчит течение лет?
Так память длинных дней, в изгнании проведенных,
Мне представляется, как радужная цепь
Дум ясных, грустных дум, мечтаний незабвенных,
Заветных, тайных грез. . . Безжизненная степь
Моею жизнью духовной наполнялась,
Воспоминаньями моими населялась.
Как тишь в волнах морских, как на пути привал,
Так деревенский быт в отшельнической келье
Существование былое прерывал
И созерцанием столичное веселье,
Поэзией шум света заменял.
От развлечения, от внешних впечатлений
Тогда отвыкнувши, уж я в себе самой

---

¹ Покинут мой прекрасный зал, пуст мой очаг! . . «*Чайльд-Гарольд*», песнь 1 (англ.). — *Ред.*

Для сердца и души искала наслаждений,
 И пищи, и огня. Там ум сдружился мой
 С отрадой тихой спокойных размышлений
 И с самобытностью. Там объяснилось мне
 Призвание темное. В глуши и тишине
 Бедна событиями, но чувствами богата,
 Тянулась жизнь моя. — Над головой моей
 Любимых призраков носился рой крылатый,
 В ушах моих звучал веселый смех детей;
 И сокращали мне течение длинных дней
 Иголка, нитки, кисть, подчас за фортепьяном
 Волненье томное, — когда былого сон,
 Мелодией знакомой пробужден,
 Опять меня смущал пленительным обманом...
 И много счастливых, восторженных минут,
 Сердечной радостью волшебно озаренных,
 Прожито там, в степях... О, пусть они живут
 Навеки в памяти и в мыслях сокровенных!..
 А ты, затерянный, безвестный уголок,
 Не многим памятный по моему изгнанию, —
 Храни мой скромный след, храни о мне преданье,
 Чтоб любящим меня чрез много лет ты мог
 Еще напоминать мое существованье!

Июнь 1840
 Вороново

18. КАК ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ ЖЕНЩИНЫ

Qui gardent dans leur sein leurs douces étincelles,
 Qui cachent en marchant la trace de leurs pas,
 Qui soupirent dans l'ombre, et que l'on n'entend pas...
 de celles

*Joseph Delorme*¹

Как я люблю читать стихи чужие,
 В них за развитием мечты певца следить,
 То соглашаться с ним, то разбирать, судить
 И отрицать его!.. Фантазии живые,

---

¹ О тех, кто хранит в груди нежные искры, кто скрывает следы своих шагов, кто вздыхает в тени и кого не слышно... *Жозеф Делорм* (франц.). — *Ред.*

И думы смелые, и знойный пыл страстей —
Всё вопрошаю я с внимательным участием,
Всё испытую я; и всей душой моей
Делю восторг певца, дружусь с его несчастьем,
Любовию его люблю и верю ей.
Но женские стихи особенной усладой
Мне привлекательны; но каждый женский стих
Волнует сердце мне, и в море дум моих
Он отражается тоскою и отрадой.
Но только я люблю, чтоб лучших снов своих
Певица робкая вполне не выдавала,
Чтоб имя призрака ее невольных грез,
Чтоб повесть милую любви и сладких слез
Она, стыдливая, таила и скрывала;
Чтоб только изредка и в проблесках она
Умела намекать о чувствах слишком нежных...
Чтобы туманная догадок пелена
Всегда над ропотом сомнений безнадежных,
Всегда над песнию надежды золотой
Вилась таинственно; чтоб эхо страсти томной
Звучало трепетно под ризой мысли скромной;
Чтоб сердца жар и блеск подернут был золой,
Как лавою вулкан; чтоб глубию необъятной
Ее заветная казалась нам мечта
И, как для ней самой, для нас была свята;
Чтоб речь неполная улыбкою понятной,
Слезою теплою дополнена была;
Чтоб внутренний порыв был скован выраженьем,
Чтобы приличие боролось с увлеченьем
И слово каждое чтоб мудрость стерегла.
Да, женская душа должна в тени светиться,
Как в урне мраморной лампы скрытой луч,
Как в сумерки луна сквозь оболочку туч,
И, согревая жизнь, незримая, теплиться.

22 сентября 1840
Москва

19. НА ДОРОГУ!

Михаилу Юрьевичу Лермонтову

Tu lascerai ogni cosa diletta
Più cara mente.

Dante. «Divina Commedia»¹

Есть длинный, скучный, трудный путь...
К горам ведет он, в край далекий;
Там сердцу в скорби одинокой
Нет где пристать, где отдохнуть!

Там к жизни дикой, к жизни странной
Поэт наш должен привыкать
И песнь и думу забывать
Под шум войны, в тревоге бранной!

Там блеск штыков и звук мечей
Ему заменят вдохновенье,
Любви и света обольщенья
И мирный круг его друзей.

Ему — поклоннику живому
И богомольцу красоты —
Там нет кумира для мечты,
В отраду сердцу молодому!

Ни женский взор, ни женский ум
Его лелеять там не станут;
Без счастья дни его увянут...
Он будет мрачен и угрюм!

Но есть заступница родная
С заслугою преклонных лет, —
Она ему конец всех бед
У неба вымолит, рыдая.

---

¹ Ты бросишь все столь нежно любимое. Данте. «Божественная комедия» (итал.). — *Ред.*

Но заняты радушно им
Сердец приятных желанья, —
И минет срок его изгнанья,
И он вернется невредим!

27 марта 1841

Петербург

20. НЕ СКУЧНО, А ГРУСТНО

Ce n'est pas de ce qui est, que je suis
tourmenté, mais de ce qui aurait pu être.

Х... Х...¹

Есть в жизни дни без солнца, без веселья,
Туманные, как в осень небосклон,
Когда досуг наш грустный посвящен
Раздумию в уединенной келье;

Когда в виду и в мысли цели нет,
И мы не там, где быть бы нам хотелось,
И трауром душа с тоски оделась,
Как свернутый в ненастье вешний цвет.

В такие дни всем встречным развлечениям
Бесспорно мы мгновенья отдаем;
В такие дни мы для других живем,
Не для себя, — простившись с наслаждением.

И может быть, увлечены порой
Занятием каким иль разговором,
Мы вокруг себя посмотрим светлым взором,
И в смех друзей мы смех вмешаем свой.

Не скучно нам, не тяготит нас время,
Часы летят... и сердце лишь одно,
Неясною тоскою стеснено,
Не сотряхнет воспоминаний бремя.

---

¹ Не тем я мучаюсь, что есть, а тем, что могло бы быть.
Х... Х... (франц.). — *Ред.*

Не скучно нам, а грустно!.. Мы таим
Напрасные, немые сожаленья,
И всё вдали рисуют нам виденья,
Что б быть могло, чего не возвратим!..

*18 февраля 1842
Петербург*

21. ОПУСТЕЛОЕ ЖИЛИЩЕ

(Из цикла «Неизвестный роман»)

Неприятно, неприятно...
Все огни погашены;
Окна мрачны и бесцветны,
Стекла в них забелены...

Луч таинственный не блещет
Сквозь опущенных гардин...
Не сверкает, не трепещет
Ярким пламенем камин.

Ждет у двери гость бывалый...
Не отворится она!
Не запенятся бокалы
Искрометного вина!..

Не стучись!.. Беседа братьей
Дружно там не собралась,
Ты не встретишь рукожатий,
Не услышишь песен глас!

Не накроют в час урочный
Стол радушный для гостей,
Не повеет дым восточный
От заветных янтарей!

Где ж хозяин? — Он далёко!
Помолись о нем, собрат,
Чтоб он в дом свой одинокий
Невредим пришел назад!

Он теперь на поле бранном,
У подножья снежных гор,

И по трупам бездыханным
Непривычный водит взор.

Он надел ружье и шашку,
За кушак заткнул кинжал
И в кровавую распашку,
Смелый сердцем, поскакал.

Он забыл в пылу сражений,
Сколько слез по нем текут,
Сколько мук, тревог, волнений
Здесь его вотще зовут!

Посмотри: вблизи мелькнули
Женский шаг и женский лик...
Две руки к замку прильнули,
Прозвучал условный клик...

Где ж хозяин? Он далёко!..
Прочь идет она, с мольбой,
Чтоб красавец черноокий
Возвратился бы домой!

20 апреля 1844
Петербург

22. НАСИЛЬНЫЙ БРАК

Баллада и аллегория

Посвящается мысленно Мицкевичу

Lascia ch'io pianga la dura sorte,
E ch'io sospiri la libertà!¹

Старый барон
Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткий господина зов!
Судите, не боясь опалы, —
Я правду выслушать готов!
Судите спор, вам всем знакомый:
Хотя могуч и славен я,

---

¹ Позволь мне оплакивать тяжелую участь и повздыхать о свободе! (итал.). — *Ред.*

Хотя всеильным чтут меня —
Не властен у себя я дома:
Всё непокорна мне она,
Моя мятежная жена!

Ее я призрел сиротою
И разоренной взял ее,
И дал с державною рукою
Ей покровительство мое;
Одел ее парчой и златом,
Несметной стражей окружил,
И, враг ее чтоб не сманил,
Я сам над ней стою с булатом...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена!

Я знаю — жалобой, наветом
Она везде меня клеймит;
Я знаю — перед целым светом
Она клянет мой кров и щит,
И косо смотрит, исподлобья,
И, повторяя клятвы ложь,
Готовит козни, точит нож,
Вздувает огонь междоусобья;
И с ксендзом шепчется она,
Моя коварная жена!..

И торжествуя, и довольны,
Враги мои на нас глядят,
И дразнят гнев ее крамольный,
И суетной гордыне льстят.
Совет мне дайте благотворный,
Судите, кто меж нами прав?
Язык мой строг, но не лукав!
Теперь внемлите непокорной:
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

Ж е н а

Раба ли я или подруга —
То знает бог!.. Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?..

Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый.
Я предана, я продана —
Я узница, я не жена!

Напрасно иго роковое
Властитель мнит озолотить;
Напрасно мщение, мне святое,
В любовь он хочет превратить!
Не нужны мне его щедроты!
Его я стражи не хочу! —
Сама строптивых научу
Платить мне честно дань почета.
Лишь им одним унижена,
Я враг ему, а не жена!

Он говорить мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом;
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться...
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена.

Послал он в ссылку, в заточенье
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня же предал притеснению
Рабов — лазутчиков своих.
Позор, гоненье и неволю
Мне в брачный дар приносит он —
И мне ли ропот запрещен?
Еще ль, терпя такую долю,
Таить от всех ее должна
Насильно взятая жена?..

*Сентябрь 1845
Дорогою, между Краковом
и Веною*

23. СЛОВА НА СЕРЕНАДУ ШУБЕРТА

Leise fliehen meine Lieder
Nach der Heimat hin...¹

Замолчи, не пой напрасно,
Сладкий соловей!
Мне тревожна, мне опасна
Песнь любви твоей!
Ах! была весна другая...
Были прежде дни...
Я жила, тебе внимая
В томном забытьи.

Лишь твои забьются трели
В дремлющих лесах, —
Выйду я... В глазах веселье,
В сердце дрожь и страх...
Звездный хор ярчей сияет
В синеве небес;
Белый ландыш расцветает
В этот час чудес.

И покуда не проснется
Рдеющий восток
И на доли не прольется
День, как светлый ток, —
Прелесть ночи с жадной страстью
Пью душой моей...
И поет мне песни счастья
Сладкий соловей!

Но волшебные мгновенья
Сгинули как сон,
Рай мой был одно виденье, —
Быстро скрылся он!
Уж не мил мне ландыш белый,
Звезд я не люблю...
Мне теперь какое дело
Слушать песнь твою!

*17 апреля 1846, понедельник.
Во время одинокой прогулки
в королевском саду Каподимонте*

---

¹ Тихо мои песни
Летят к родному краю (нем.). — *Ред.*

24. ЦЫГАНСКИЙ ВЕЧЕР

*Посвящается сестре и брату,
княгине Голицыной, графу Апраксину*

Полночь звучит... Сюда несите чашу,
    Благоуханный дайте ром...
Все свечи вон!.. Пусть жженка прихоть нашу
    Потешит радужным огнем!
Зовите табор к нам! Чтоб песнью чудно-шумной
    Нас встретил исступленный хор,
Чтоб дикой радостью, чтоб удалью безумной
    Был поражен и слух и взор!

Велите петь цыганке черноокой
    Про страсть, про ревность, про любовь —
Про всё, про всё, что в жизни одинокой
    Волнует ум, сжигает кровь!
И мы послушаем тот вечный сердца ропот,
    И оживится хладный прах
Забытых нами снов, — проснется страстный шепот
    В давно заглухнувших сердцах!

Давно, мои друзья, любимых песен звуки,
    Давно не тешили меня;
Но русской речи склад в чужбине, в дни разлуки
    Припоминала часто я.
О! как хотелось мне любимое веселье
    Лет свежей юности вкусить
И после странствия возврата новоселье
    Подобным пиром огласить!

Оно исполнилось, тоскливое желанье, —
    Поют мне песни старины!..
Простонародных слов и ладов сочетанье
    Кипучей жизнью как полны!
В восторженной душе очнулося былое
    С минувшей радостью, тоской, —
И сердце, как тогда безумно молодое,
    Забилось с прежней быстротой.

Внимаю жадно им, знакомцам незабытым,
    Люблю радушный их привет
И предпочту его поклонам знаменитым,
    В которых правды, смысла нет!

Здесь есть поэзия... Здесь в лицах сей картины
Есть страсть, есть воля, есть порыв;
Разнообразный хор таинствен, как судьбина,
Как беззаботность, он гульлив.

Для чувства робкого, для тайных упований
Поет он сладкий гимн любви;
Для сердца грустного в нем отклик есть страданья, —
Что хочешь, каждый назови!..
И нас немного здесь, но каждый понимает
По-своему ответный глас
И, верно, углубясь в мечту, припоминает
Какой-нибудь заветный час...

Предаться можем мы свободно увлеченью
Очаровательных минут:
Ни взор завистливый, ни злость, ни осужденье
В наш тесный круг не попадут.
И мы доверчиво друг другу смотрим в очи,
Без опасенья, без препон!..
Жаль, быстрые часы блаженной этой ночи
Промчатся как чудесный сон!

4 декабря 1847
Москва

25. ЦИРК ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

Помните ли вы, милая графиня, наши длинные и откровенные беседы в вашем крошечном, уютном, вдохновенном и вдохновительном уголке?.. Помните ли вы, какой грустный взгляд беспристрастной оценки нам приходилось оттуда бросать на обеим нам слишком знакомый свет?.. Помните ли, как часто наши мнения, мысли и чувства встречались и сходились, разбирая всех там живущих и всё там переживаемое?.. В воспоминание этих бесед — примите переложенье в стихи того, что в них выражалось прозою! Мне отраднее доказать вам, что *для меня* наши встречи и разговоры не исчезли без следа, и мне бы хотелось, чтоб вы о них сказали то же самое!

1

Да, я люблю средь залы позлащенной
 На шумный пир задумчиво смотреть
 И в праздничной толпе принаряженной
 Сквозь маску лиц во глубь сердец глядеть;
 И мыслию, догадкой проясненной,
 Их тайнами, их мыслью овладеть,
 Разузнавать их страсть, их цель, их волю,
 Их грустную иль радостную долю.

Люблю, хочу, умею понимать
 10 Живой душой чужую жизнь и душу;
 И хоть могу я многих разгадать,
 Личины их и роли не нарушу!
 Они пришли, чтоб ловко роль сыграть, —
 Пускай себе! На них я не обрушу
 Вниманья беспощадной суеты,
 Ни любопытства праздной пустоты!

Они пришли — пред светом, их владыкой,
 Противником и вместе судьей —
 Свершить мудреный подвиг и великой
 20 (Иные, может быть, последний свой!).
 Страданью их здесь тесно, душно, дико,
 Простора нет в толпе душе больной,
 Но тайный ад их скрыт под принуждением,
 Но лица их сияют наслаждением.

И свет на них глядит: они должны,
 Как на смотре военном рядовые,
 В своей броне стальной закалены,
 Ему предстать, блестящие, живые,
 Веселые... Улыбки ведь даны,
 30 Чтоб ими скрыть мученья роковые!..
 Они должны, чтоб свету угодить,
 Устав его приличия хранить.

¹ Идущие на смерть тебя приветствуют... (лат.). — *Ред.*

Приличие велит — оставить дома
Забот, тоски и тяжких мук семью;
Таить свою сердечную истому;
Приязнию одеть вражду свою;
Не допускать в веселые хоромы
Ни правды луч, ни теплых чувств струю;
Не отвечать на голос, сердцу близкий;
40 Не замечать, что люди злы и низки...

Приличие велит и хочет свет! . .
Мы все покорны им и их влиянию;
Быть в милости у света — вот предмет
Всеобщего усилья и старанья!
Рабы его, несем ему привет,
Как в древности бойцы, среди собранья,
Пред цезарем поникнув головой,
Несли ему поклон предсмертный свой!

И цезарь наш, наш свет, не рукоплещет,
50 Не удостоит нас хвалы своей!
Зачем? . . Ему нет дела, что трепещет
У нас в груди больной гроза страстей:
Мы тут . . для нас бал пляшет, праздник блещет
И с смехом речь кипит в устах людей, —
Чего ж еще? . . Достаточна награда,
И требовать не вправе мы пощады!

Страдай, терпи, терзайся, умирай!
Но умирай с достоинством, с улыбкой!
И не бледней, и духа не теряй, —
60 Свет не простит бессильному ошибки,
Он слабым враг! . . Будь тверд! . . Не оплошай
В борьбе с самим собой, в смертельной сшибке . .
И как боец среди цирка, так и ты
Будь горд среди толпы и суеты!

2

Вот черный фрак, перчатки щегольские,
И голова в изящных завитках,
И громкий смех, и речи удалые,
И бойкий ум в сверкающих глазах;

Подумаешь — надежды молодые
70 Тут кроются в безоблачных мечтах.
Подумаешь — счастливец в шуме бала
Ждет милого, живого идеала...

Нет, то отец семейства: он пришел
С последними червонцами своими —
Отдать себя судьбе на произвол,
Ожить в игре богатствами чужими,
Спасти детей!.. Его сюда привел
Враг — нищета... С карманами пустыми,
С отчаяньем в душе к себе домой
80 Назавтра не вернется он живой...

И мимо, мимо!.. Много здесь подобных
Отыщется несчастных иль глупцов.
Толпа привыкла к ним. — Лишь для способных
Понять в них драму гибнущих умов,
Страданий и надежд междоусобных,
Проклятий, мук и ропота без слов, —
Лишь для таких внятна в их диком взоре
Немая весть о смертном приговоре!

3

Вот вам другой. — Он тоже весел, мил,
90 Он тоже сыплет шутки, уверенья,
А между тем недостает в нем сил,
Чтоб скрыть грызучей зависти мученья.
Он места ждал. Давно уж возложил
На эту цель все помыслы, стремленья;
Свои запродам двадцать лет давно,
Забыл, что дважды жить нам не дано,

Что молодость, здоровье, мощь и сила —
Всё наслажденья просит, хочет, ждет,
И от него уж гостьей легкокрылой
100 Умчалась их пора!.. И он живет
Лишь жаждою *достичь*. Судьба сулила —
Он поприще желанное пройдет,
Свершит свой путь, на высоте счастливой
Достигнет цель мечты честолюбивой!

А между тем до время седина
В златую прядь волос его закралась.
Душа его, умом поглощена,
Немела, вяла, сохла, истощалась.
Он днем в трудах, проводит ночь без сна,
110 И вышло, что судьба над ним смеялась!
Что он желал — то получил другой!
Он жизнь сгубил в ошибке роковой!

Он мучится теперь как тени ада, —
Но *здесь* его соперник, и пред ним
Не выдаст он себя, тому в отраду,
Не изменит он правилам своим.
Спокойный вид он сохранит как надо,
Поклонится начальникам, большим,
И личному врагу протянет руку,
120 И свет его не разгадает муку!

4

Вот девушка, красавица, дитя,
Чело ее увенчано цветами,
И, локон свой рассеянно крутя,
Она порхнет как птичка перед вами.
Но, с резвыми подругами шутя,
Но, в польке мерно стучая ногами, —
Куда глядит так пристально она?
Зачем дрожит, смятения полна?

И у нее заветная есть тайна,
130 Есть свой роман, печальный и простой!
Она бедна; издалека, случайно
Пришлось ей в наш свет попасть большой,
Влюбиться и судьбой необычайной
Понравиться... Мечтатель молодой,
Вельможа и богач, пленившись ею,
Назвал ее невестою своею.

Завистница нашлась, — и где ж их нет? —
Которая сумела клеветою
Расстроить это счастье; свой обет

140 Жених презрел — и с знатною княжною
Он вступит в брак, приняв родни совет!
А прежняя невеста? .. Э! пустое!! .
В степной уезд свой, просто, без затей,
Ну почему ж и не вернуться ей? ..

Пускай поплачет мать ее, старушка,
Пускай сама терзается она! ..
Им поделом! .. Вѣдь вздумала ж вострушка,
Что знатной дамой быть она должна,
Что бедная, ничтожная вертушка
150 Столичным гордым барышням равна...
Вот им урок! .. Пусть помнят расстоянье
Меж них — и первенствующих по званию! ..

Сегодня, здесь решится участь их:
Еще попытка, разговор, свиданье, —
Узнает он, забывчивый жених,
Обман и ложь пустого нареканья,
Увидит он обеих жертв своих,
Почувствует их горе, их страданье,
Опомнится! .. Или махнет рукой
160 И скажет: «Так и быть! .. Удел иной

Назначен мне! ..» — И обе это знают,
И мать, и дочь! .. О, как дрожат оне,
Как обе этой встречи ожидают!
Как много слез в притворной тишине
Их голоса! .. Но, верно, наблюдают
За ними вражьи очи — и вполне
Они играют роль гостей беспечных,
Без всяких дум или забот сердечных!

А газ горит, а музыка гудит,
170 А бал блестит всей живостью своею.
А пляска обаятельно кипит!
Любуется хозяин гордо ею
И думает, что завтра загремит
Молва о нем, хвалой повсюду вея, —
И праздником доволен он своим,
И свет взыскательный доволен им!

И ни один из двух не угадает,
Как много здесь страдальцев собралось,
Какие вопли сердца заглушает
180 Торжественный оркестр... и сколько слез,
Непролитых, обратно западает
На грудь безмолвных жертв, как много гроз,
Семейных тайн, размолвок, глухих стенаний
Здесь бродит средь безумных ликований!

5

Вот старый муж молоденькой жены,
Красавицы, кокетки, словом, львицы
С улыбкой и коварством сатаны,
Кому она отличной ученицей.
Зато ей все сердца покорены,
190 Все на цепи у мощной чаровницы, —
И бедный муж, с полдюжиной других,
Лежит у ног ее, лобзая их.

И он ревнив!.. Как Аргус баснословный,
Он стережет ее и день и ночь.
Тень юноши ему уж тать любовный,
И эту тень готов прогнать он прочь!
Он чувствует: меж ними бой неровный
И уберечь жену ему невмочь!..
Влюблен и стар, влюблен и лыс, и гадок, —
200 Ему ль не страшен модных львов нападок?

И многим уж за то старик смешон.
В душе его они ведь не читали!..
В руках жены записку видел он —
Она должна отдать ее на бале...
Кому?!. Меж всех *кто* ею предпочтен?!.
Чьи происки кокетку привязали?..
Старик глядит на дверь, и на часы,
И на жену... Он рвет себе усы,

Он стал бы рвать и волосы седые,
210 Да нету их!.. Забившись под жилет,
Ногтями в грудь впились, как черви злые,
Его пять пальцев — и кровавый след

Оставили... Уста его немые
Грызут и рвут *у ней* взятой букет...
И судорги ревнивого сомненья
Искорчили ревнивца... Где же мщенье?!

А между тем веселая жена
Мелькнет пред ним, грацьозно вальсиру́я,
Потом пройдет, слегка преклонена
220 На руку кавалера... и не чуя
Грозы над головой, упоена,
Блаженствуя, блистая, торжествуя, —
Пошепчется в углу она с одним,
Дарит другого взором огневым,

А третьего улыбкой миловидной —
Чтоб все равно довольны были б ей
И никому не стало бы завидно!..
Чем кончится нередкий случай сей?
Огласкою, для двух семейств обидной?
230 Иль сценою, забавной для людей?
Иль поединком, смертью человека —
За вздор и блажь, в угодность мненью века?..

А газ горит. А музыка гремит,
А бал блеснит всей пышностью своею.
Толпа гостей по комнатам кипит.
Любуется хозяин гордо ею.
Он думает, что завтра протрубит
Молва о нем, хвалой повсюду вея.
И праздником доволен он своим,
240 И мнит, что все вокруг довольны с ним!

6

Но шум в дверях... Вошла — не то богиня,
Не то царица... фея, может быть!..
Движенья, поступь, взор — в ней всё гордыней
И силой дышит, словно победить
Она пришла... Княгини и графини —
Пред ней померкло всё! Не отразить
Ни красоты ее, ни обаяний,
Ни блеска, ни ума, ни чарований!

Наряд ее как облако парит,
250 На ней горят алмазы дорогие;
Глаза горят жарчей — и жар ланит
Сливается с их блеском; снеговые
Плеча и руки тверды как гранит,
Прозрачны как янтарь, а шелковые
Густые косы улеглись с трудом
Над мыслящим таинственным челом.

«Как хороша!..» — Она, по крайней мере,
Не жертва, не страдает, не грустна?
Она?!. Любви словам, мольбам поверя,
260 Свою любовь дала за них она.
Бесстрашно, не хитря, не лицемеря,
Любила, всей душою предана,
Восторженно и свято, так сердечно,
Что страсть свою считала вековечной.

А *он* такой любви не понимал
Иль, просто цену знать ей не умея,
Он счастьем невзволнованным сучал;
Над ним оно лежало, тяготeya,
Как плен, как цепь. — Но *он* пред *ней* молчал...
270 В нем не было ни истого злодея,
Ни полного героя. Нет, увы!
Едва ль нашли б в нем человека вы!

Он променял любовь души высокой
На чувственный и мелочной разврат.
Он пал... так непростительно глубоко,
Так низко, что взглянуть не смел назад,
На прежний рай, на свой Эдем далекий,
Где херувимом у запретных врат
Минувшая любовь его стояла
280 И грешника безмолвно отвергала.

Она?.. — Она стерпела!.. Бог послал
На то ей сил!.. Иль слабою женою
Как трость она склонилась — и обвал
Пронесся над поникшей головою...

Короче, сон блестящий миновал,
Она очнулась, — нищая душою,
Пред пепелищем тщетных чувств своих,
Расхищенных надежд и грез пустых.

И не легко ей было!.. С испытаньем
290 Не скоро примирилася она:
Не раз своей тоской, своим страданьем,
Бессонницей своей оглушена,
Конец и смерть звала она желаньем...
Недавно на окраине окна,
Готовая упасть, она стояла...
Молчанья чутким ухом ожидала...

И броситься хотела... Но тогда
На улице вдруг чей-то голос шумный
Гульливо рассмеялся... От стыда
300 Опомнилась она... Тоски безумной
Ей совестно вдруг стало, — и когда
Взглянула вниз, невольно, неразумно, —
С товарищем узнала там *его*,
Хмельного... Не видал *он* ничего!..

И *нынче*, в первый раз со дня разлуки,
Они должны здесь встретиться, сойтись;
И для того терзающие муки
В груди ее мгновенно улеглись;
И для того следы забот и скуки
310 С лица ее исчезли и зажглись
Ее глаза, мечты, тщеславье, воля —
И слез своих она не помнит более!..

Нет! Помнит их!!.. Затем, чтоб отомстить,
Чтоб показать спокойное презренье,
Чтоб пред собой, пред светом искупить
Напрасное, слепое сожаленье!..
Сегодня бал! А завтра, может быть,
Она проснется в горе и волненьи...
Но здесь она должна блеснуть, сиять
320 И в прах *его* без милости попать!..

И много их еще здесь перед нами,
 Гладьаторов на битве роковой, —
 Хотя в наш век не с тиграми и львами
 Им суждено вступить в кровавый бой!
 Нет, *в них самих* — с их горем, с их страстями —
 Свершается борьба их!.. Нет! — С судьбой
 На жизнь и смерть должны они сражаться
 И свету, умирая, улыбаться. . .

330 А газ горит, а музыка гремит,
 А бал блестит всей пышностью своею.
 Толпа гостей волнуется, кипит.
 Любуется хозяин гордо ею.
 Он думает, что завтра прожужжит
 Молва о нем, хвалой и лестью вея.
 И праздником доволен он своим,
 А свет, почетный гость, доволен им!

14 августа 1850
Село Вороново

26. ЗАЧЕМ Я ЛЮБЛЮ МАСКАРАДЫ?

Меропе Александровне Новосильцевой

Мне странен твой вопрос: зачем под маской черной,
 Под черным домино, забыв дневную лень,
 Всю ночь я среди толпы преследую упорно
 Веселья ложного обманчивую тень? . .
 Зачем меня манит безумное разгулье,
 И диких сходбищ рев, и грубый хохот их? . .
 Ты хочешь знать, мой друг, поистине, могу ль я
 Делить, хоть миг один, безумие других? . .
 Забавно ль для меня, в кругу мужчин хвастливым,
 Подделав ум и речь на лад их пустоты,
 Их скуку занимать и голосом пискливым
 Твердить им пошлости, загадки, остроты? . .
 Для шутки заводить интриги без развязки,
 В насмешку завлекать всесветских волокит, —
 С усталых плеч стряхнув под вольностию маски
 Цепь строгой чинности, что век нас тяготит? . .
 Нет! . . Не бессмысленно-тупого опьяненья

Средь говора толпы ищу я наобум,
Не шума ради там мне люб стократный шум, —
Но я хочу, прошу рассеянья, забвенья,
Бегу себя самой, своих тяжелых дум! . .
Измучась жизнью действительной, вседневной,
Я жизни призрачной наружный блеск ловлю,
И даже суету, и даже ложь терплю,
Чтоб только мне спастись от истины плачевной. . .
Средь пестрых личностей, скользящих вокруг меня,
На время личность я свою уничтожаю,
Самосознание жестокое теряю,
Свое тревожное позабываю я. . .
Уж надоело мне под пышным платьем бальным
Себя, как напоказ, в гостиных выставять,
Жать руку недругам, и дурам приседать,
И скукой смертною в молчаньи погребальном,
Томясь средь общества, за веером зевать. . .
Комедий кукольных на тесной сцене светской
Постыла пошлость мне, противен мне язык;
Твердить в них роль свою с покорностию детской
Правдолюбивый мой и смелый ум отвык.
Не лучше ль, сбросивши наряды дорогие,
Себя таинственной мантильей завернуть,
Урваться из кружка, где глупости людские
Нам точат лезть одну да росказни пустые,
От лицемерия под маскою вздохнуть? . .
Прочь всё условное! . . Прочь фразы, принужденья! . .
Могу смотреть, молчать, внимать, бродить одна;
Могу чужих забав делить одушевленье. . .
И если я грустна, и если я бледна,
Никто над бледностью моей не посмеется,
Я не нуждаюсь в улыбке заказной,
И любопытная толпа не раздается
С вниманьем праздности и злобы предо мной!
Да, точно, я люблю свободу маскарада;
Там не замечена, не знаема никем,
Я правду говорю и всякому и всем;
Я, жертва общества, раба его, — я рада,
Что посмеяться раз могу в глаза над ним
Я смехом искренним и мстительным моим! . .

1850

Москва

27. ЧЕГО-ТО ЖАЛЬ

По прочтении новым друзьям старых стихотворений

О. Б. М. Э.

Чего-то жаль мне. . . И не знаю я
Наверное, чего. . . Опять *его* ли,
Кого безумно так любила я,
Так долго и с такой упрямой волей?
Или тебя, пора моей весны,
Отцветшая пора молодых стремлений,
Желаний, и надежд, и вдохновений,
Той грустной, но всё милой старины?! .

О нем зачем жалеть? . . Ведь счастлив он,
Своей судьбой доволен и спокоен,
Минувшего забыл минутный сон
И, счастья оседлого достоин,
Рассудку подчинил свой гордый ум,
Житейских благ всю цену понимает,
Без детских грез, без лишних страстных дум
Живет. . . и жизни смысл и цель уж знает!

Он знает, что богатство нужно нам,
Чтоб вес иметь и поддержать значенье;
Что душу не разделишь пополам
С другой душой, что это заблужденье
Мальчишек и девчонок в двадцать лет,
Что барский дом, стол лакомый на славу
Превознесут друзья, уважит свет
(Друзья и свет так падки на забавы!).

С поэзией простился он навек
И с прозою сухою помирился;
Член общества, степенный человек,
С приличием в ладу, он научился
Условной речи их. . . Нет, он не тот,
Чем прежде был! . . О нем жалеть зачем же?
От женского он сердца сам не ждет,
Чтоб было век оно одним и тем же!

Нет, не *его* мне жаль! — Мне жаль тебя,
Моя любовь, любовь души беспечной!

Ты верила и вечности сердечной,
Ты верила и в клятвы и в себя! . .
Мне жаль еще повязки ослепленья,
Скрывавшей мне житейских уз тщету,
Мне жаль тебя, о гордое презренье,
Ребяческий ответ на клевету! . .

Мне жаль тебя, мой благородный гнев,
Ты ложь встречал лицом к лицу отважно,
Ты лесть отверг с ее хвалой продажной,
Ты зависти дразнил зловещий рев!
Мне жаль тебя, мое самозабвенье,
Готовность глупо жертвовать собой,
Безумно жаль молодого увлеченья
С его золотокрылою мечтой! . .

*После субботы 16 февраля 1852
Москва*

28. СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

Испанская песня

Там много их было, веселых гостей,
И много шепталось приветных речей. . .
Один лишь там не был, но этот один —
Всех дум и желаний моих господин.

И сладкие песни мне слышались там,
И страсть в них дышала с тоской пополам. . .
Лишь голос любимый в разлуке молчал,
Но верному сердцу заочно звучал.

Блеснет ли навстречу мне пламенный взор?
Коснется ли слуха живой разговор?
Всё снится далекий, всё видится он,
И жизнь моя — с ним, а всё прочее — сон!

*18 ноября 1852
Москва*

29. МИНУВШЕМУ ВЫСОКОСНОМУ 1852 ГОДУ

Ступай себе! твой минул срок печальный,
О мрачный гость в одежде погребальной,
Тяжелый год и высокосный год!
Отпущен ты не с честью и миром, —
Нет, вслед тебе народы дружным клиром
Кричат итог утрат, скорбей, невзгод. . .
Ступай себе под бременем упрека,
Напутствуем проклятьем и хулой!
Косил у нас ты бойко и высоко, —
Гробами путь усеял свой!

Ты взял у нас народные три славы,
Красу и честь России величавой,
Трех лучших, трех любимых между нас!
Ты вырвал кисть из длани вдохновенной,
Ты песнь прервал в груди благословенной,
О вечности вещавшей в смертный час,
Громовое перо сломал до срока
У мудрого наставника людей. . .
О, сгинь навек, косивший так высоко
Год наших бедствий и скорбей! . . .¹

1 января 1853

30. КОЛОКОЛЬЧИК

Звенит, гудит, дробится мелкой трелью
Валдайский колокольчик удалой. . .

В нем слышится призыв родной, —
Какое-то разгульное веселье
С безумной, безотчетною тоской. . .

Кто едет там? . . . Куда? . . . С какою целью? . . .
Зачем? . . . К кому? . . . И ждет ли кто-нибудь? . . .

Трепещущую счастьем грудь
Смутит ли колокольчик звонкой трелью? . . .
Спешат, летят! . . . Бог с ними. . . Добрый путь! . . .

---

¹ В этот год Россия лишилась Гоголя, Жуковского и Брюллова.

Вот с мостика спустились на плотину,
Вот обогнули пруд, и сад, и дом...
Теперь поехали шажком...
Свернули в парк аллеєю старинной...
И вот ямщик стегнул по всем по трем...

Звенит, гудит, как будто бьет тревогу,
Чтоб мысль завлечь и сердце соблазнить!..
И скучно стало сиднем жить,
И хочется куда-нибудь в дорогу,
И хочется к кому-нибудь спешить!..

27 августа 1853
Вороново

31. ДУМА ВАССАЛОВ

Виновны вы и правы оба!..
Непримирим ваш вечный спор!..
В жене понятны месть и злоба,
Борьбы отчаянный отпор,
А в муже — гнев за оскорбленья,
За вероломство многих лет!
Согласно жить вам средства нет!
Спасенье вам — разъединенье!
Ваш брак лишь грех и ложь!.. Сам бог
Благословить его не мог!..

Закон, язык, и нрав, и вера —
Вас разделяют навсегда!..
Меж вами ненависть без меры,
Тысячелетняя вражда!..
Меж вами память, страж ревнивый,
И токи крови пролитой...
Муж цепью свяжет ли златой
Порыв жены вольнолюбивой?..
Расстаньтесь!.. Брак ваш — грех!.. Сам бог
Благословить его не мог!..

22 сентября 1853
Вороново

32. СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

*Посвящается
Меропе Александровне Новосильцевой*

И больно, и сладко,
Когда, при начале любви,
То сердце забьется украдкой,
То в жилах течет лихорадка,
То жар запылает в крови. . .
И больно, и сладко! . .

Пробьет час свиданья, —
Потупя предательный взор,
В волненьи, в томленьи незнанья,
Боясь и желая признанья,
Начнешь и прервешь разговор.
И в муку свиданье! . .

Не вымолвишь слова,
Немеешь, робеешь, дрожишь. . .
Душа, проклиная оковы,
Вся в речи излиться б готова. . .
Но только глядишь и молчишь, —
Нет силы, нет слова! . .

Настанет разлука,
И, холодно, гордо простясь,
Уйдешь с своей тайной и мукой! . .
А в сердце истома и скука,
И вечностью нам каждый час,
И смерть нам разлука! . .

И сладко, и больно. . .
И трепет безумный затих;
И сердцу легко и раздольно. . .
Слова полились бы так вольно,
Но слушать уж некому их, —
И сладко, и больно!

2 февраля 1854

33. СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

*Княгине Марии Ив(ановне) Голицыной,
рожденной Похвисневой, в Тифлис*

Бывало, я при нем живее,
Одушевленное была,
И смех звучал мой веселее,
И речь свободнее текла.

При нем я на других смотрела,
Ему слегка бросая взор;
Лишь слова два подчас умела
Вплесть для него в свой разговор.

Как будто я не замечала,
Что он всё тут, всё занят мной;
Как будто холодно встречала
Привет, мне втайне дорогой.

Теперь... о нет!.. совсем другое,
Я изменилась, я не та...
В толпе, мне мнится, нас лишь двое,
И только им я занята.

Другие в тягость мне!.. Нет силы
Для них терять слова его,
И только б с ним я говорила,
И всё б смотрела на него!..

15 марта 1854

34. ГОЛУБАЯ ДУШЕГРЕЙКА

Слова для музыки

Ножка, ножка-чародейка,
Глазки девицы-души;
Голубая душегрейка, —
Как вы были хороши!..

Помню, помню, как, бывало,
В зимнюю пору, вечерком

Свет-красотка выбегала
Погулять со мной тайком! . .

Пусть журила мать-старушка,
Пусть ворчал отец седой, —
Выпорхала их резвушка
Птичкой вольной и живой.

Помню радость жданной встречи,
Нежный взгляд, невольный страх,
Помню ласковые речи
И румянец на щеках.

Помню беленькую ручку,
Перстенок из бирюзы,
Помню песню-самоучку,
Детский смех и блеск слезы.

Помню муку расставанья
И прощальный поцелуй. . .
Эх, молчи, воспоминанье! . .
Полно, сердце, не тоскуй! . .

Не вернуть тебе былого,
Стары годы не придут!
Жадных уст моих уж снова
Поцелуи не сожгут!

Ножка, ножка чародейка,
Глазки девицы-души,
Голубая душегрейка, —
Как вы были хороши! . .

*Январь или начало
февраля 1855*

35. <СТИХОТВОРЕНИЕ ЭЛЕЙКИНА

**ИЗ КОМЕДИИ «ВОЗВРАТ ЧАЦКОГО В МОСКВУ, ИЛИ ВСТРЕЧА
ЗНАКОМЫХ ЛИЦ ПОСЛЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ РАЗЛУКИ»**

Вставайте. . . собирайтесь, народы,
Услыша желанный трезвон! . .
Ветвь с ветвью сплетайте, о роды,
От корня славянских племен! . .

Срок минул жестоким изгнанием! . .
Пора плен чужбины разбить
И вновь, по старинным преданьям,
Одною семьею зажить! . .

Примеру благому послушны,
Пусть наши и ваши поля
Сойдутся, — в день встречи радушной
Взыграет родная земля! . .
Ты, Волга, целуйся с Дунаем! . .
Урал, — ты Карпат обнимай! . .
Пляшите, как братья, край с краем,
И всё, что не мы, — пропадай! . .

Прочь ложь и соблазны науки,
Искусства и мудрость людей! . .
Словенские души и руки
Невинней без ваших затей! . .
Зачем нам уменье чужое? . .
Своим мы богаты умом! . .
От Запада разве лишь злое
И вредное мы переймем! . .

Что проку от грешной музы́ки,
От статуй и голых картин! . .
Скупайте их золотом, язы́ки! . .
Пусть плюнет на них Славянин. . .
Сожжемте на вече творенья
Всех, всех чужеземных писак! . .
Вот Нестор — мои песнопенья!
В чтецы — вот приходский вам дьяк! . .

Отпустим бородки до чресел,
В нагольный тулуп облачась, —
И в лес все пойдёмте! . . Как весел,
Как светл обновления час! . .
Да здравствуют наши трущобы,
Разгул, старина, простота. . .
Без распрей, без лести, без злобы,
Здесь жизнь и сладка, и чиста! . .

С медведем мы пустимся в битвы
За мед и за шкуру его,

И всяк, возвращаясь с ловитвы,
Съест гордо врага своего! ..
Шипучие вина забудем! ..
Анафема трюфлям у нас! ..
Славяне! .. отныне мы будем
Есть кашу — и пить только квас! ..

1856

36. СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ

Не сотвори себе кумира,
У ног бездушной красоты
Не трать высокие мечты!
От воплощенной суеты
Не жди любви, не требуй мира! ..

Любуйся блеском черных глаз,
Но не ищи в них тайной страсти. ..
Безумец ты! .. В твоей ли власти
Вдруг заменить мечтой о счастье
Блажь легких шуток и проказ?! .

Каприз пустейшего кокетства,
Тщеславья женского обман
Повергли разум твой в туман;
Слепец, прозри! .. Твой истукан
Утратил сердце с малолетства.

Смотри: ты сохнешь и горишь, —
А ей-то что? .. Ей горя мало! ..
Ей нынче зеркало сказало,
Что платью очень к ней пристало, —
Так чем ее ты удивишь? ..

Дань нежных чувств, дань удивленья,
Намеков, робких полуслов
Она приемлет от рабов
Как долг законных должников,
Как побежденных приношение. . .

Беги приманок роковых! . .
Такие женщины не любят,
И если даже приголубят —
Как змей, задушат и погубят
Они в объятиях своих! . .

3 февраля 1856
Москва

37. ОТ ПОЭТА К ЦАРЯМ

Беда стране, где раб и льстец
Одни допущены к престолу! . .

А. Пушкин

Не бойтесь нас, цари земные:
Не страшен искренний поэт,
Когда порой в дела мирские
Он вносит божьей правды свет.

Во имя правды этой вечной
Он за судьбой людей следит;
И не корысть, а пыл сердечный
Его устами говорит.

Он не завистник: не трепещет
Вражда в груди, в душе его;
Лишь слабых ради в сильных мечет
Он стрелы слова своего! . .

Он враг лишь лжи и притеснений,
Он мрака, предрассудка враг;
В нем нет ни тайных ухищрений,
Ни алчности житейских благ.

Нет, не в упрек, не для обиды
Звучит его громовый стих,
Когда, глас высшей Немезиды,
Карает он и зло и злых, —

Он только верно выполняет
Свой долг святой пред божеством;

Он только громко повторяет,
Что честь и совесть скажут в нем!

Живет он средь житейской смуты
Не в свой, а в божий произвол;
На помощь дан для битвы лютой
Ему орудием глагол.

Не знает он любостяжанья;
Благоговейно принял он
От неба в дар свое призванье,
Добра желаньем вдохновлен.

Не нужно ничего поэту, —
Ни лент, ни места, ни крестов;
Поэт за благостыню эту
Вам не продаст своих стихов!

Зачем вельможные палаты
Тому, кто ищет высь небес?
Зачем блеск почестей и злата
Жильцу обители чудес?

Не бойтесь нас, земные власти, —
Но не гоните только нас:
Мы выше станем при несчастьи,
В гоненьи дорастем до вас!

Под стражей общего вниманья
Растет и множится наш род;
За опалú, за поруганье
Любовью нам воздаст народ!

Молва за нас!.. Судьба бедою
Грозит ли нам издалика —
Уж над беспечной головою
Молвы хранящая рука!

Не обижайте нас — преданье
За нас потребует отчет
И в месть за нас, вам в наказанье,
И вас, и нас переживет!

Не бойтесь нас!.. Мы правду знаем, —
Вам больше всех она нужна!
Мы смысл ее вам разгадаем,
Хоть вам не нравится она!

Не бойтесь нас!.. Мы правду скажем,
Народный глас к вам доведем,
И к славе путь мы вам укажем,
И вашу славу воспоем!

Но бойтесь уст медоточивых
Низкопоклонников, льстецов;
Но бойтесь их доносов лживых
И их коварных полуслов!

Но бойтесь похвалы лукавой
И царедворческих речей:
В них яд, измена и отравы,
Отравы царства и царей!

Но бойтесь всех подобострастных,
Кто лижут, ластьются, ползут...
Они вас, бедных, самовластных,
И проведут, и продадут!

Они поссорят вас с народом,
Его любовь к вам охладят
И неминуемым исходом
Пред вами нас же обвинят!

Август 1856
Москва

38. В МАЙСКОЕ УТРО

Скорей гардины поднимите,
Впустите солнышко ко мне,
Окошко настезь отворите
Навстречу утру и весне!

Он прилетел, наш гость желанный,
Он улыбнулся, светлый май!

Всей жизнью нам, благоуханный,
Твори, и грей, и воскрешай!

Пора!.. Смотри, в природе целой
Всё ждет тебя, зовет к тебе...
Изнемогла и помертвела
Она со стужею в борьбе.

В уничтожающих объятях
Всеразрушающей зимы,
В напрасном ропоте, в проклятиях
Изнемогаем тоже мы.

Ты, голос ласточке дающий,
Подснежнику дающий цвет, —
Дух божий, жизни дух могущий, —
Ты не забудешь нас, о нет!..

Дающий всякому дыханью
Что нужно естеству его, —
Внуши разумному созданию,
Что для него нужней всего.

Расширь на смелое стремленье
Крило незримое души
И в битве жизненной терпенье
И силу воли нам внуши!

1 мая 1857
Москва

Эдуард Иванович Губер родился 1 мая 1814 года в поселке Усть-Золиха Саратовской губернии, в семье бедного пастора лютеранской церкви. Родным языком Губера был немецкий. Уже в четырехлетнем возрасте он научился читать, а вскоре, под руководством отца, начал заниматься латинским и греческим. Шести лет он уже сочинял стихи на немецком и латинском языках.

В 1823 году семья переехала в Саратов, куда был переведен отец Губера. Здесь мальчик за несколько месяцев овладел русским языком, которого ранее не знал, и был принят в гимназию. В ученические годы большую роль в развитии литературных способностей Губера сыграл преподаватель русской словесности Ф. П. Волков. В 1830 году юноша блестяще закончил гимназический курс и на выпускном акте читал написанное по-русски стихотворение «Прощание с друзьями».

В том же году для продолжения образования Губер переехал в Петербург. С 1832 по 1834 год он учился в Институте корпуса путей сообщения, окончив который в чине прапорщика, поступил на службу военным инженером. Однако главным в его жизни были литературные интересы. Губер знакомится со многими литераторами: В. А. Жуковским, Н. А. Полевым, Н. В. Кукольниковом и другими, посещает литературные «четверги» Н. И. Греча.

На протяжении 30-х годов сильное влияние на Губера оказывал И. А. Фесслер (1756—1839), немецкий ученый-историк, писатель и общественный деятель, в начале века поселившийся в России. Губер познакомился с ним еще в Саратове, а в Петербурге сблизился и под его руководством на протяжении нескольких лет изучал философию. Исследователи отмечают продолжительное воздействие на творчество поэта личности Фесслера, сочетавшего в своем мировоззрении мистические и атеистические тенденции.¹ Фесслер ввел Губе-

---

¹ См.: П. А. Висковатов, Эдуард Губер и Фесслер, СПб., 1897.

ра в мир гетевского «Фауста», и в 1831 году семнадцатилетний поэт впервые в России принялся за стихотворный перевод трагедии. В 1835 году перевод первой части был завершен и отдан в цензуру, однако цензура запретила его, и тогда Губер, в досаде и ярости, уничтожил свою рукопись.

Это трагическое обстоятельство послужило поводом для знакомства с Пушкиным, который разыскал неизвестного ему прежде поэта и сумел убедить его вторично приняться за работу. Губер, боготворивший Пушкина, стал часто бывать у него, показывая фрагменты заново переводимого им произведения. Законченный и опубликованный уже после смерти Пушкина, в 1838 году, перевод вышел с посвящением памяти великого поэта. Появление «Фауста» даже в изуродованном цензурой виде (многие места и целые страницы текста были изъяты) навлекло на Губера неприятности по службе: заподозренный в сочувствии «вредным и безнравственным» идеям, поэт не получил обещанной ему ранее должности адъюнкт-профессора русской словесности в Инженерном институте, к чему несколько лет готовился, усердно занимаясь историей русской литературы. Вскоре, в 1839 году, Губер вышел в отставку в чине капитана и поступил на гражданскую службу, в канцелярию главноуправляющего путями сообщения. Независимый и прямой, он не смог стать послушным чиновником и, испортив отношения со своим начальником, графом П. А. Клейнмихелем, в 1842 году окончательно оставил службу.

Нужда преследовала Губера до конца жизни. Едва приехав из Саратова в Петербург, он отказался от родительского пособия и умудрялся еще из своего скудного жалованья оказывать постоянную помощь младшему брату, студенту. В 30-е годы, по заказу Академии наук, он взялся за перевод с немецкого огромной Тибетской грамматики и словаря, а затем принял участие в «Энциклопедическом словаре» Плюшара, для которого написал статьи по истории немецкой литературы.

В 1840 году Губер получил от Сенковского приглашение сотрудничать в журнале «Библиотека для чтения» и стал заведовать там отделами «Критика» и «Литературная летопись». Постоянно нуждавшийся, изнурявший себя непосильной литературной работой, Губер подорвал свое здоровье; из-за тяжелого сердечного заболевания он вынужден был в 1842 году уйти из журнала. Вернулся он туда незадолго до смерти, в конце 1846 года, а с начала 1847-го, кроме того, стал вести отделы фельетона и театральной хроники в «Санкт-Петербургских ведомостях». Своими фельетонами, которые пользовались успехом, Губер, по словам М. Н. Лонгинова, «много

содействовал тому, что во многих гостиных заговорили хоть отчасти по-русски». ¹ Здесь же были напечатаны несколько его статей и среди них статья о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Голя, о которой Белинский отозвался как о «замечательном и отрадном явлении». ²

Жизнь Губера оборвалась в результате сильнейшего сердечного приступа. Поэт умер 11 апреля 1847 года, не дожив и до 33 лет.

Первое стихотворение Губера, «Разочарованный», было опубликовано в 1831 году в петербургской газете «Северный Меркурий». Затем его стихи печатались в журналах «Современник», «Сын отечества» и в различных альманахах, а особенно часто — в начале 1840-х годов — в «Библиотеке для чтения». В 1835 году Губер подготовил к изданию сборник из 25 стихотворений. Рукопись прошла цензуру, но, по неизвестным причинам, издание не состоялось. Только через десять лет поэт издал сборник своих «Стихотворений» (СПб., 1845), куда вошли произведения, написанные в 1832—1844 годах. Рецензенты, признавая талант поэта, справедливо критиковали книгу за ее сгущенно мрачный колорит. Белинский, упрекая автора в отсутствии творческой фантазии, подчеркивал все же, что его поэзия отличается «замечательно хорошим стихом и избытком чувства». ³

В 1845 году Губер создал одно из лучших своих произведений — поэму «Прометей». Свободолюбивые, тираноборческие мотивы сделали невозможным ее опубликование при жизни автора. Напечатать поэму удалось лишь в виде расположенных в нарочитом беспорядке отрывков («Иллюстрация», 1847), что не давало почти никакого представления о произведении в целом.

Ранняя смерть помешала Губеру завершить начатую еще в конце 30-х годов поэму «Антоний» (из задуманных восьми глав он успел написать шесть). Поэма отчасти автобиографична, в особенности первые главы, описывающие детство героя. Незадолго до смерти Губер начал поэму «Вечный жид», но успел написать лишь пролог.

К середине 40-х годов можно отнести поворот Губера от романтического мировоззрения к реалистическому осмыслению окружающей действительности. Его стихи последних лет проникнуты состраданием к обездоленным и ненавистью к власти имущим. Намечалось сближение поэта с представителями «натуральной школы», с

---

¹ «Московские ведомости», 1857, 12 ноября.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 12, М., 1956, с. 332; ср. на с. 340.

³ Там же, т. 9, М., 1955, с. 391.

кругом «Современника». Так, имя Губера в конце 1846 года встречается в списке будущих постоянных участников «Современника», переходившего тогда к Некрасову. Не случайно намерение этого журнала, не осуществившееся из-за цензурного запрещения, напечатать стихотворение Губера «У люльки». Однако новым тенденциям в его творчестве не суждено было развиваться.

После смерти Губера появились его трехтомные «Сочинения», изданные под редакцией А. Г. Тихменева (СПб., 1859—1860). Различного рода искажения, имеющиеся здесь в большом количестве, делают это издание малоавторитетным в текстологическом отношении.

39. СУДЬБА ПОЭТА

Когда, в пучинах жизни смрадной
Борьбой напрасной истомясь,
Грехами черни кровожадной
В правдивом ужасе смутясь,
Поэт разгневанный проснется,
Жрецом небес заговорит,
И речь, как буря, пронесется,
И слово громом прогремит, —
Тогда с насмешкою лукавой,
И любопытна и глупа,
Для праздной, суетной забавы
К нему сбегается толпа,
Его и хвалит и порочит,
И дико смотрит на него,
Или бессмысленно хохочет
Над вдохновением его,
И как раба своей забавы,
На шумный пир его зовет,
И жрец небес, питомец славы
У ней поденщиком слывет!
Им чужд язык его могучий,
И все дивный глас певца
Волною пламенных созвучий
Тревожит хладные сердца.
И только редкою порою,
Возненавидев жалкий свет,

Он купит страшною ценою
Отрадный ласковый привет;
И вдохновительница муза
С улыбкой сына обоймет
И в знак священного союза
Чело венками обовьет.

1833

40. НА КЛАДБИЩЕ

В страшный час томящих снов,
В тихой области гробов,
На обломках бытия
От людей скрываюсь я.

Нива божия молчит,
Ветер дремлет, воздух спит,
Над гробами тишина;
Ночь глубоких дум полна,
И не тронет этих дум
Праздной жизни праздный шум.

В этот час молюся я,
Детский страх в душе тая;
В этот час в тоске немой
Проклинаю жребий мой.

Здесь, в безмолвии святом,
Под могилой и крестом
Спят страдания людей
До рассвета лучших дней.

Всё, что радовало их,
Что терзало душу в них,
Грусть и смех, печаль и страх,
Всё навек легло в гробах!

Сколько тайн на дне могил
Медный заступ схоронил!
Надпись хладная молчит,
Смерть костям не изменит.

Лишний житель бытия,
Между них усну и я,
И — в могиле свежий гость —
Возле кости ляжет кость.

Тих и темен бедный дом.
В нем усну я долгим сном.
Гроб не выдаст мертвеца
В руки праздного глупца,
Не отдаст моих костей
В посмеяние людей!

1834

41. ТРИ СНОВИДЕНИЯ

1

Порой три сна меня мутят,
Порой три сна ко мне нисходят,
И смутным страхом тяготят,
И думы на душу наводят.
И в первый сон мой вижу я
Роскошный образ бытия,
И колыбель между цветами,
И пышной юности рассвет
С ее заветными мечтами,
С ее тоской, с ее слезами,
С надеждами грядущих лет.
Я вижу вновь ручей серебристый,
Громаду гор и темный лес,
Ковры цветов и луг душистый,
И ясный свод родных небес.
Как прежде, ветхая лачужка
С патриархальной простотой
Стоит над светлою рекой,
А в ней приветная старушка
С улыбкой нежной из окна
Глядит на сына-шалуна;
И вдруг сердито погрозится,
Когда на утлом челноке

Стрелой по дремлющей реке
Дитя веселое промчится.
Шалун над сонною водой
Играет легкими веслами,
Зовет грозу к себе на бой
И ждет, чтоб мутными волнами
Вскипела буря над рекой.
Дрожит поверхность сонной влаги,
И страх старушке под окном,
И любо подсмотреть тайком
Порыв младенческой отваги
И этот гордый взмах веслом.
Темнеет, вечер наступает;
Шалун на ужин прибежит,
Его старушка побранит,
Его старушка поласкает, —
И тихо время вечерком
Течет под кровлей бедной хаты.
Наступит ночь — пред смирным сном
Старушка милая трикраты
Благословит его крестом,
Ему к молитве руки сложит
И тихо спать его уложит.
Увы, тех дней давно уж нет!
Мой детский быт с его забавой,
Моих надежд роскошный цвет
Поблек в потоке бурных лет
Под ядовитою отравой.
Порой томит меня тоска,
И мнится мне, как над могилой
Шалун посыпал горсть песка
На тихий гроб старушки милой.

2

Второй мой сон — борьба страстей,
Пора печальных испытаний,
Тоска о немощи моей
В порывах пламенных желаний.
Душа в огне, уста дрожат,
Мечты слились в живые звуки,

То грозные, как громовой раскат,
То нежные, как лепет страстной муки:
«Восстань от сна, сорвись с цепей!
Он твой, весь этот мир! переступи за грани,
Зови врага на грудь и ненависть людей
Испепели огнем лобзаний,
Пожаром бешеных страстей!»
Весь мир на грудь мою! От пламенных объятий
Судьба бессильная меня не оторвет,
И на любовь мою, как на любовь дитяти,
Вражда коварная отравой не дохнет.
За мной, под небеса родные!
На горы темные, на родину громов!
Туда, где бури вековые
Свивают тучи громовые
Из влажной ткани облаков!
Вперед, вперед! Под пяты гром ложится,
Как пояс, молнии вокруг тела обвились,
И говор жизни смолк, и прах у ног дымится,
И тучи долу понеслись.
Иду по граням поколений!
Смотри, нога моя на рубеже миров!
Я встал без трепета на крайние ступени,
Где колыбель и гроб веков
Здесь радость зачата, зарожжены печали,
Судьба сокрытая слетела с высоты
И пишет в молниях железные скрижали,
И шлет на долю нам то слезы, то мечты.
Я ближе к небесам! Приветнее денница
Над головой моей горит,
И темной вечности сокрытая страница
Словами радуги с душою говорит.
О дивная пора священных вдохновений,
Пора разгульных дум и грустной тишины!
В ней слезы горьких огорчений
Слезой любви заменены.
Слеза любви, слеза печали,
Зародыш пламенных страстей, —
В ее таинственной скрижали
Сокрыта исповедь моих печальных дней.
Коварный сон! Я вижу образ девы,
Мне снится блеск ее очей;

Я слышу сладкие напевы,
И ласки лживые, и томный звук речей.
Как прежде, жжет огонь пронзительных лобзаний
С горящих уст ее взволнованную кровь,
И с негой пламенных желаний
Слилась безумная любовь.
Пусть грянет свод небес, пусть упадет грозами
Среди дымящихся развалин надо мной!
Я не услышу их под страстными мечтами,
На персях девы молодой.
Я пил из чаши ядовитой
С изменой женскою и женскую любовь,
Но страсть печальная не зарумянит вновь
Мои поблекшие ланиты!

8

Мой третий сон рисует мне
Пору существенности строгой.
Мне снится: в дальней глубине
Пришлец задумчивый под хужиной убогой;
Печать враждующей судьбы
Прожгла чело его кровавыми браздами
И на больном лице волнения борьбы
Еще виднеются глубокими чертами.
От глаз изгнанника бежит тревожный сон;
Он вспомнил с горькою улыбкой,
Как весело носился он,
Еще дитя, по влаге зыбкой;
И как он проклинал дремоту сонных волн,
Как жаждал он ударов бури,
И как он ждал, отваги полн,
Чтоб грянул гром с высот лазури.
И грянул он, желанный этот гром!
И юность резвая поблекла в бурях света,
И мир бесчувственный, в безмолвии глухом,
Не принял от него сердечного привета.
Дыхание вражды оледенило кровь,
Нагая истина надежды заменила,
А ненависть разрушила любовь
И радость бытия отравой осквернила.

Он видел, как глупец понес хвалу миров,
С чела достойного сорвал венок лавровый,
И нагло рядится в плоды его трудов,
И вторит грозный звук мечты его суровой.
Толпа плетет ему венец
И на руках своих уносит в Капитолий.
А тот, высоких дум непризнанный творец,
Влачит проклятия своей печальной доли.
Беснуйтесь, жалкие слепцы!
Венчайте ложного пророка!
Да красят грязные венцы
Чело неправды и порока!
Он не просил у вас ни лавров, ни похвал,
Обидных, как хула, в устах толпы подкупной;
Он жил не для наград, он не для них искал
Священной истины, для черни недоступной.
Быть может, время разгромит
Сосуд неправды своевластной;
И клевету разоблачит
На стыд векам рукой бесстрастной;
И гений мира развернет
Его грядущих дней блестящие скрижали;
И радость тихая блеснет
Росой целебною на старые печали.

1835

42. НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Я видел гроб его печальный,
Я видел в гробе бледный лик
И в тишине, с слезой прощальной,
Главою на труп его поник.
Но пусть над лирою безгласной
Порвется тщетная струна
И не смутит тоской напрасной
Его торжественного сна.
Последний звук с нее сорвется,
Последний звук струны моей,
Как вестник смерти, пронесется
И, может быть, в сердцах людей
На тайный вздох их отзовется;

И мир испуганный вздрогнет,
И в тихий час залогом славы,
В немой тоске, на гроб кровавый
Слезу печали принесет.
Но тесный гроб, добычи жадный,
Не выдаст мертвого певца.
Он спит; ему в могиле холодной
Не нужно брэнного венца.
Молчит цевницы звук приветный,
Уснула сладкая мечта,
И, как могила, безответны
Его холодные уста.
В немой тоске, вдали от света,
В своей незнаемой глуши,
Я приношу на гроб поэта
Смиранный дар моей души —
Простой листок в венке лавровом.
Простая дань души простой
Не поразит могучим словом,
Не тронет сердца красотой.
Нет! В грустный час томящей муки
Мне сладких песен не дано;
Мне облекать в живые звуки
Моей тоски не суждено!
Но над могилою кровавой
Я брошу блеклый мой листок,
Пока сплетет на гробе славы
Другой певец — другой венок.

А ты! . . Нет, девственная лира
Тебя, стыдясь, не назовет,
Но кровь певца в скрижали мира
На суд веков тебя внесет.
Влачись в пустыне безотрадной
С клеймом проклятья на челе!
Твоим костям в могиле холодной
Не будет места на земле!
Не знай надежды светозарной,
Чуждайся неги сладких снов
И в глубине души коварной
Таи проклятия веков!
Когда же, горькими слезами

В предсмертной муке принята,
Молитва грешными словами
Сойдет на грешные уста, —
Тогда проникнет к ложу муки
Немая тень во тьме ночной
И окровавленные руки
Судом поднимет над тобой!

27 февраля 1837

43. НАГРАДА ПОЭТА

В часы забот и скуки хладной
Молчит задумчивый певец,
И вольной песни звук отрадный
Не тронет жаждущих сердец.
Он тоже страждет, тоже стонет
Под ношей горя и страстей;
Но он тогда струны не тронет,
Он все слова не заронит
В сердца бесчувственных людей.
На голос черни безответен,
Он бурю жизни переждет;
И одинок и незаметен,
Он громких хвал не соберет.
Зато в минуту вдохновенья,
Нарушив долгий, праздный сон,
Из глубины уединенья
На грозный суд выходит он.
И льется песнь живым потоком,
И въяве сходит благодать,
И на челе его высоко
Пылает божия печать.
И робкий мир, склоняясь долу,
Глядит на страшного певца,
И внемлют грозному глаголу
Ожесточенные сердца.
Как смелый воин в бурной сече,
Он преступление казнит,
И по лицу земли далече
Живое слово прогремит.

И то не суетное слово,
Не бесполезное зерно;
В сердцах людей свежо и ново
Созреет жатвою оно.
И этой жатвою богатой
Гордится праведный поэт,
И в ней одной бессмертной платой
Ему заплатит грешный свет.

1837

44. ХУДОЖНИКУ

Как хороша в красе священной
Мадонна дивная твоя!
Живым искусством упоенный,
Дивлюсь, художник вдохновенный,
Твоей высокой мысли я!

Она, земным незрима оком,
В святой заветной тишине
Спала в бездействии глубоком,
Но вдруг взвилась живым потоком
И разлилась на полотне.

Гордись! Потомок благодарный
Тебя оценит и поймет;
И тщетный гнев толпы бездарной
Устами зависти коварной
Твоей картины не сотрет.

Но нет, художник вдохновенный,
Ты все славою не гордись
И над толпой непосвященной
Насмешкой дерзкой и надменной
На краткий миг не возносись.

Беги, ремесленник ничтожный,
Склони во прах свое чело;
Твоя картина — очерк ложный
С мечты, для кисти невозможной;
Твое искусство — ремесло!

Забудь торжественные звуки,
Разбей холодную скрижаль
Иль нарисуй нам лепет муки,
Над гробом бога вздох разлуки,
Невыразимую печаль!

Иль жизнь вдохни в ее страданье,
Подслушай тайный вздох ея,
Молитву слез и упованье,
И перелей ее дыханье
В живые краски бытия!

Но нет, ты их создать не можешь...
Ты бросил кисть, поник головой;
Ты черни грубой не встревожишь
И в диком гневе уничтожишь
Бездушный, слабый снимок свой!

Не подходи к своей картине.
К ней черни хладной не зови!
Остановись на половине
И полотно посередине
С насмешкой горькой разорви!

1837

45—46. < ИЗ ТРАГЕДИИ ГЕТЕ «ФАУСТ» >

1

<МОНОЛОГ ФАУСТА>

Вестником неба весна прилетела;
Растаяли льдины на светлых реках;
Весне уступая, зима присмирела
И ищет приюта на снежных горах.
И только порою под ветром взыграет,
Бессильную льдину с утеса пошлет,
И раннюю зелень на миг покрывает,
И вновь на суровых вершинах заснет.
Но солнце дохнуло над снежной корою!

Всё жизнью дышит, растёт и кипит.
Цветы лишь не вскрылись под ранней весной —
Их в пестрых нарядах толпа заменит.
В роскошной одежде природа пред нами!
Ты видишь ли город с этих высот?
Как весело люди выходят толпами,
Шумя и пестрея, из тесных ворот!
И любо им; все веселятся сегодня,
Всем светят забавы и радость любви.
То праздничный день: воскресенье господне!
Но вместе с ним сами воскресли они,
Воскресли, восстали от жизни бездушной,
От мелких забот, ежедневных трудов,
Из тесных улиц, из хижины душной,
Из древнего храма, из хладных гробов.
Смотри, как шумно толпа разбежалась!
Тот бросился в поле, тот в сад полетел.
Ладья по реке за ладьей показалась,
И гордый поток под веслом зашумел.
И даже в горах над крутыми скалами
Пестрою лентой проходит толпа.
Вот это их небо! Оно перед нами!
Их жизнь беззаботна, их радость слепа.
Радость и горе проходят над веком;
Любо с толпою по морю плыть!
Мне любо с ней вместе быть человеком!
Я только здесь им могу еще быть!

2

(ПЕСНЯ МАРГАРИТЫ)

Тяжка печаль
И грустен свет;
Ни сна, ни покоя
Мне, бедной, нет.

Где нет его
Передо мной,
Могилой там
Весь мир земной.

Потух, поблек
Мой бедный ум;
Нет ясных чувств,
Нет светлых дум.

Тяжка печаль,
И грустен свет;
Ни сна, ни покоя
Мне, бедной, нет.

За ним гляжу я,
За ним хожу,
Его ищу я,
Не нахожу!

Его улыбка
И жар страстей,
И стан высокий,
И блеск очей.

И сладкие речи,
Как говор струй,
Восторг объятий
И поцелуй!

Тяжка печаль,
И грустен свет;
Ни сна, ни покоя
Мне, бедной, нет!

О нем грущу
И плачу я,
О нем томится
Вся грудь моя!

Зачем не могу я
За ним лететь,
Любить и млеть
И в поцелуе
С ним умереть!

(1838)

47. ДУШЕ

Умри, заглохни, страсть мятежная,
Души печальной не волнуй!
Не для тебя надежда нежная,
Любви горячий поцелуй!

Зачем ты требуешь участия,
Душа, страдальца моя?
Тебе ль искать земного счастья
В холодном море бытия?

Не ты ль сподобилась страдания
От юных лет, от первых дней?
Неси свой крест без содрогания,
Красуйся язвами скорбей!

Но долго слово отвержения
Волнует пламенную кровь,
Но страшно слушать смех презрения
В ответ на знойную любовь.

Для всех цветет надежда нежная,
Любовь для всех дана судьбой;
Лишь для тебя, душа мятежная,
Души не создано другой!

1839

48. МОГИЛА

Душа моя — пустынная могила,
И много в ней холодных мертвецов.
На долгий сон она их схоронила
И не сочтет безвременных жильцов.

На дне души схоронена глубоко
Прошедших лет безумная любовь;
Она без слез уснула одиноко,
И тихо спит, и не проснется вновь.

И рядом с ней надежда опочила,
И улеглись волнения страстей,
И прежних лет восторженная сила,
И жажда дел, и мысли юных дней.

Там спят мои младенческие грезы,
Мечты, любовь, надежда и покой;
Но с ними спят и горести, и слезы
Под тою же могильною доской.

Но с ними спит и вековое горе,
Мой бедный брат, мой неотступный гость,
И ненависть с проклятием во взоре,
И ревности мучительная злость.

(1840)

49. ЦЫГАНКА

Жива — как забава, как смех — весела,
Несется волшебница дева,
Кружится и пляшет, быстра как стрела,
Под звуки родного напева.

Как воздух легка, понеслась и летит,
И тешится резвой игрою;
Дика как разврат, закружилась, дрожит
И манит улыбкой живою.

Жаждой неги дыша,
Как любовь хороша,
Горяча как огонь поцелуя,
И мила и стройна,
Пролетела она,
Мимолетной улыбкой даруя.

И бежит и летит,
И дрожит и горит,
И ревнивый покров раздирает;
А с нагого плеча
Сорвалась епанча
И, шумя, перед ней упадает.

Вот она, дитя Востока,
В сладострастной красоте;
Жрица пышного порока,
В полной, дикой нагоде.

И зовет палящим взором,
Манит бархатом ланит,
И любитися позором,
И хохочет, и дрожит.

Вдруг в безмолвии суровом,
И стыдлива и скромна,
Под разодранным покровом
Робко прячется она.

Так, настигнута врагами,
Чуя гибельную брань,
Исчезает за кустами
Перепуганная лань.

Миг — и снова вспыхнет дева,
Сладострастия полна,
И опять под звук напева,
Как огонь, как стрела, пролетела она.

(1840)

50. НОВГОРОД

Время пролетело,
Слава прожита,
Вече онемело,
Сила отнята.

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород великой
Тихо опочил.

Слава отшумела,
Время протекло,
Площадь опустела,
Вече отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вече распустили,
Колокол снесли.

Порешили дело...
Всё кругом молчит,
Только Волхов смело
О былом шумит.

Белой плачет кровью
О былых боях
И поет с любовью
О старинных днях.

Путник тихо внемлет
Песне ярых волн
И опять задремлет,¹
Тайной думы полн.

Между 1838 и 1840

51. СМЕРТЬ И ВРЕМЯ

С м е р т ь

Всё мое — и плод, и семя;
Бесконечна власть моя.
Покорись, седое время,
Я владычица твоя.
Всё мое! Я всем владею;
Что рождается — то умрет;
Всё под властью моею,
Всё в гробах моих сгниет.
Где следы твоих деяний?
Где немолчные дела?
Семена твоих созданий
Я же жатвой собрала.
Где твой Рим? твои державы?
Где плоды твоих трудов?
Всё легло в борьбе кровавой,
Спит на дне моих гробов.

Всё мое — и плод, и семя;
Всё под властью моей!
Покорись, седое время,
Пред владычицей твоей!

В р е м я

Без конца и без начала,
Я отец и сын веков;
А тебя судьба сковала
Мертвым тлением гробов.
Где лежат твои могилы,
Где гниют твои гробы,
Там мои живые силы
Строят здание судьбы.
Из твоих могил беру я
Семена моих трудов,
Колыбель мою творю я
Из досок твоих гробов.
Без конца моя дорога.
Цепь веков в моих руках.
Я ношу одежду бога
На бессмертных раменах.
Без границ мое течение,
Бесконечно как судьба;
Ты сама — мое рожденье;
Я — владыка, ты — раба.

1840

52. НА ПОКОЙ

Тяжело, не стало силы,
Ноет грудь моя;
Злое горе до могилы
Дотащу ли я?

На покой пора печали,
Время спать костям;
Душу страсти разорвали,
Время спать страстям.

А далеко ли? У гроба
Отдохнул бы я;
Отдохнули бы мы оба,
Я да грусть моя.

1841

53. СЕРДЦЕ

Поиграли бедной волею
Без любви и жалости,
Повстречались с новой долею —
Надсели шалости.

А пока над ним шутили вы,
Сердце к вам просилось;
Отшутили, разлюбили вы —
А оно разбилось.

И слезами над подушкой
Разлилось, распалось. . .
Вот что с бедною игрушкой,
Вот что с сердцем сталося.

1841

54. ЛЮБОВЬ

Безумно жаждать тихой встречи,
Со страхом встречи избегать,
С безмолвной негой слушать речи,
Дыханье сладкое впивать;

Ловить задумчивые взоры,
Упасть на девственную грудь,
С восторгом — ласки и укоры
В одном лобзании вдохнуть;

Ее одну повсюду видеть,
В нее и душу перелить,
Весь этот мир возненавидеть,
Чтоб в нем одну ее любить;

Терзать с жестоким наслажденьем,
Чтоб слезы пить с ее ресниц;
Ревнивым мучить подозреньем,
И проклинять, и падать ниц;

Слезами робко ей молиться,
Ее терзать, ее томить,
Ее томленьем насладиться —
Вот так хотел бы я любить!

(1842)

55. ОХЛАЖДЕНИЕ

Мучительно следить за медленной утратой
Годами купленной, любовью богатой
И близкой нам души; нести заветных уз
Не в силах бедная. Таинственный союз
Разрушен навсегда; не умысел коварный
Созрел изменою в душе неблагодарной;
Не легкомыслие, не медленный расчет
На связи прежние в ней холодно встает.
Другой лежит ей путь, другие впечатленья
Уносят прежние; не гнева, не презренья,
А пламенных молитв и неспритворных слез
Достойна бедная. Блажен, кто перенес
Падение ее без грешного укора,
Кто в преступление ей не вменял позора,
Кто целомудренно хранит в душе своей
Воспоминание одних прошедших дней,
Кто для нее сберег одни благословенья,
Да дружбу грустную, да слезы умиленья.

1842

56. БЕССОННИЦА

Ночи бессонные, ночи мучения,
Скоро ли минете вы?
Скоро ли снимете ношу сомнения
С бедной моей головы?

Скроете мысли мои беззаконные,
Смоете язву страстей,
Ночи печальные, ночи бессонные,
Ночи забот и скорбей?

Тише! . . Я вижу в тоске лихорадочной —
Бледные лица встают,
Шепчут и пляшут толпою загадочной,
Длинные песни поют.

В ночи бессонные ходят видения
Мимо раскрытых очей,
Гролом срывается хохот презрения
С уст бестелесных теней.

Молча раскроешь немые объятия, —
Где-то родная душа?
Ищешь молитвы, а шепчешь проклятия,
Страхом и злобой дыша.

Где же мечты мои, где упования,
Жажда возвышенных дел?
Воля железная, жар дарования,
Вера в высокий удел?

Труд неоконченный предан забвению,
Сила души прожита,
И, покоряясь немому сомнению,
Сохнет живая мечта.

Так пробуждаются страсти бездонные
В мраке ночной тишины,
Так облакаются ночи бессонные
В страшные, долгие сны.

1842

57. ПЕСНЯ

На душе свободной
Много дум лежало,
Много в мир холодный
Тайных слов упало.

В мире негде звуку
Разойтись широко;
Носишь злую муку
На душе глубоко.

На зеленой ветке
Птичка распевала, —
В золоченой клетке
Птичка замолчала.

Я запел бы смело —
Да не та мне доля:
Износилось тело,
Уходилась воля.

1843

58. РАСЧЕТ

Когда разворачиваю я
Печальный свиток жизни бедной,
Итог пустого бытия,
И бесполезный и безвредный,

И мимо памяти моей
Пройдет обычной чередою
Холодный ряд бесцветных дней
С его томительной тщетою, —

Тогда рождается во мне
Вопрос обидного сомненья:
Ужели в страшной тишине
Мой век прошел без назначенья?

Или, окован суетой,
Я цели тайной не заметил
И ни единою чертой
Духовной жизни не отметил?

И мне благая часть дана,
Но я над нею терн посеял
И ни единого зерна
Не возрастил, не возлелеял.

Я своевольно издержал
Мои божественные силы
И ныне мертвый капитал
Несу к дверям моей могилы.

У этой пропасти без дна
Со страхом жизнь мою объемлю:
Я ни единого зерна
Не положил в родную землю.

Ничем я жизни не вознес,
Ничем я жизни не украсил;
Я дни мои от горьких слез,
От мыслей лень обезопасил.

Но ежели, как вялый сон,
Мой век и суетен, и мрачен,
Зачем по крайней мере он
Грехом могучим не означен?

Зачем не внес он новых ран
В глухую повесть человека?
И двинул бы благой обман
Пружины дремлющего века!

Но нет! И дик, и темен он,
Без вдохновения и силы,
Однообразный, вялый сон,
Могила жизни до могилы.

1843

59. ИНЫМ

Когда, нахмуря бровь, как мученик свободы,
Ты, детской скорбью томим,
И людям и богам, страдалец безбородый,
Грозишь проклятием своим;

Когда бессильную в кулак сжимаешь руку
И песни грозные поешь, —
Кривляньем приторным, дитя, ты только скуку
Да отвращенье наведешь.

Смешна печаль твоя, смешон твой голос дикий,
И жалок твой бессильный гнев!
Меняй безумные, лирические крики
На элегический напев. . .

Какое дело нам до суетных желаний
Любви восторженной твоей
Или до жалких ран, до мелочных страданий
Твоих бессмысленных страстей?

Иные, строгие, без страха и боязни,
Нам проповедники нужны,
Не крикунов пустых — мы ждем пророков казни,
Мы ждем апостолов войны.

Да прогремят они больному поколению
Глаголы гнева и стыда;
Да соберут они бездействием и ленью
Изнеможенные стада!

В годину тяжкую, в минуту близкой брани
Мы ждем воззвания к мечу;
Но вы, тшедушные певцы своих страданий,
Вы, дети, нам не по плечу!

Что общего у нас? Нам ваши песни чужды,
Нам ваши жалобы смешны;
Вы плачете шутя, а нам другие нужны,
Другие слезы нам даны.

С дороги! Пир готов! И желчи полон кубок!
Напейтесь допьяна, бойцы!
А вам не место здесь, герои женских юбок,
Долой, презренные скопцы!

Мы не хотим ни слез, ни вздохов вопиющих. . .

Долой, пустые воркуны!

Вы не нарушите святой судеб грядущих

Глубокополной тишины.

Не та у нас пора, не то настало время. . .

Забудьте песенки свои!

Нам некогда вздыхать; с дороги, бабье племя,

Под юбку, карлики мои!

1844

60. ПРОКЛЯТИЕ

Я вижу, смерть близка; болезненные силы

Последней вспыхнули борьбой.

Я встречусь наконец на ступенях могилы

С неумолимою судьбой.

И ныне, рядом с ней, мне хочется поверить

Итог пустого бытия.

Не буду сетовать, не стану лицемерить

И страхом не унижусь я.

Прощаясь с жизнью, в урочный час разлуки

Над нею некогда шутить;

Но полную тревог, и слез, и тайной муки

Я не могу благословить.

Я прокляну ее за то, что с колыбели

Я был игралищем судьбы,

За то, что дни мои я проволок без цели,

В тревогах суетной борьбы.

Я прокляну ее за длинный рой видений,

Игравших жизнью моей;

За бесконечный ряд коварных заблуждений

И неразгаданных страстей;

За то, что все мои мечты и упования

Она презренью обрекла;

Что не исполнила ни одного желанья

И горьких слез не поняла;

За то, что душу я отравую сомненья,
    Что сердце ядом напоил;
За то, что никогда в душе благословенья
    Ни для кого не находил;

Что, идя за толпой я по тропе избитой,
    Не бросил яркого следа;
Что не оставлю я ни мысли плодovitой,
    Ни благородного труда.

Я прокляну ее за всё, что в мире видел,
    За всё, что в жизни презирал,
За всё, что я любил, за всё, что ненавидел,
    Что с тайным страхом проклинал.

1844

61. ПОСЛЕДНИЙ ДРУГ

В дни нашей юности молодые впечатленья
Меняются в душе, как пестрые виденья:
Приходят и пройдут; что день, то встретишь вновь
И незваных друзей, и званую любовь.
Все ощущения, все радости и слезы
Волнуют нас слегка, как утренние грезы,
Как беглые мечты, по памяти скользя;
Их потерять легко, их удержать нельзя.
Тот наш, с кем весело; своих друзей мы ценим
По степени забав; наскучат — мы изменим;
Разлюбят ли они, обманет ли любовь —
Мы погрустим о них, но мы полюбим вновь.
А в годы зрелые мы чувствами беднее,
И связи новые нам заводить труднее,
В круговорот страстей холодные умы
Вступают медленней; разборчивее мы.
На дружбу и любовь мы смотрим осторожно;
Нам трудно разлюбить, а не любить возможно;
И друга нового мы выберем не вдруг,
Кого же избрали — тот навсегда нам друг;
И будь он юношей, душою чист и молод,
Его явление согреет давний холод;
В нем молодость свою мы снова познаем;

Зато с боязнию мы друга бережем;
Зато нам хочется в холодном мире этом
И горьким опытом, и старческим советом
Его предостеречь на будущем пути,
От горя оградить и молодость спасти.
Но если он от нас отступится, с досадой
На лица строгие, и будет нам наградой
За дружескую речь да за благой совет
Сомненья гордого презрительный ответ;
И мы не сохраним заботою бесплодной
Ни чистых дум его, ни силы благородной —
Насмешкой хладною последних лет обман
Нас огорчит в душе и много старых ран
Проснется в памяти; но друга молодого
Не оскорбит упрек язвительного слова;
Мы и тогда его в душе благословим,
Но чувство в нас замрет, но сердце вместе с ним
Свою последнюю привязанность глубоко
Схоронит в памяти; и в жизни одиноко,
Без друга милого, без чувства, без страстей
Мы донесем тоску до гробовых дверей.

1844

62. СТРАННИК

Иду домой знакомою дорогою.
Я издали вернулся. На покой
Пора костям. Житейскою тревогой
Я утомлен, и, слабою рукою
Облокотясь на посох мой убогой,
Я думаю с невольною тоской:
Кто мой приход на родину заметит?
Кто ныне здесь меня как друга встретит?

Мне не жилось в родимой стороне;
От юности, среди немых волнений,
Мне грезились видения во сне,
И звал меня какой-то злобный гений
В чужую даль, и душно было мне
Под бременем неясных вдохновений,

И вышел я из родины моей
В широкий мир сомнений и страстей.

Но не сбылись молодые упования;
Разрушился пророческий обман.
Сомнение — болезненного знания
Унылый плод; рассеялся туман;
Я не сберег ни одного желанья. . .
И в этот час, среди кровавых ран,
Я отдал бы за дружескую ласку
Былых надежд несбыточную сказку.

Домой, домой, на родину мою!
Я вновь дышу вечернею прохладой
В родных полях, я снова узнаю
И старый дом, и церковь за оградой,
И молодость веселую свою
Я вспомнил вновь; и с тайною отрадой
На прах земли я головой клонюсь;
Я снова здесь надеюсь и молюсь.

По-старому я с братьями моими!
Узнают ли больного пришлеца?
Но разве я не встречу между ними
Ни одного знакомого лица?
Я не найду, один между чужими,
Ни матери, ни старого отца.
Другое им отведено жилище —
Там за селом, где тихое кладбище.

Но вот они проходят, — я дрожу,
Знакомые черты припоминаю,
Их имена я в памяти твержу,
Их братского привета ожидаю.
Толпа глядит, я тихо подхожу,
По имени себя им называю:
Не вспомнит ли хоть кто-нибудь из них
Об имени родителей моих?

Они прошли; всё тихо; понемногу
Толпа редет; время на покой.

Я подхожу к знакомому порогу,
Стою один и с тайною тоской
Гляжу вперед на пыльную дорогу,
На посох мой облокотясь рукой,
И стыдно мне, что я забыт народом,
Что никого не радую приходом.

Куда теперь? Кому же протянуть
В последний раз хоть на прощанье руку?
Кому отдам, пускаясь в новый путь,
Больной души мучительную скуку?
Иду один, и некому вздохнуть,
На долгую благословить разлуку!
Вокруг меня и братья, и родня —
А некому молиться за меня!

1844

63. ПРОМЕТЕЙ

(Поэма)

1

МАСТЕРСКАЯ ПРОМЕТЕЯ

Прометей

Отец богов, владыка света,
Земли и неба властелин,
И без суда, и без ответа,
Зевес, ты царствуешь один!
Встают ли грозными толпами
Титаны гордые на бой —
Ты потрясешь на них громами,
И боги — ниц перед тобой.
Твое всевидящее око
Блюдет законы бытия;
Зевес, ты царствуешь высоко,
Неизмерима власть твоя!
И было время — пред тобою
Клонилось гордое чело,

И слово робкое мольбою
К твоей обители текло.
И было время — я молился
Слезами горькими, Зевес;
Но ты с высот своих небес
На крик души не преклонился.
Ты отдыхал на небесах
В своем величии холодном,
Пока в неслыханных трудах
Я вопрошал бездушный прах,
Томясь в усиллии бесплодном.
Тогда в слезах молился я,
Над сими камнями стоя, —
Да озарится лик телесный,
Да внидет в грудь моих детей
Дух вечной мудрости твоей.
Я думал искрою небесной
Сердца холодные зажечь;
Я думал в мертвый этот камень
Вдохнуть животворящий пламень,
Вложить восторженную речь!

Но ты молчал самолюбиво —
Ответа не было с небес,
И тайну жизни горделиво
Скрывал завистливый Зевес.
Но ты молчал, но ты, с презреньем
Грозя могучею рукой,
Моим гордился униженьем,
Моею тешился тоской.
И проклял я мою молитву,
Мой детский страх перед тобой,
И ополчился я на битву,
В последний выступая бой.
Война, владыка величавый,
Война престолу твоему!
По ступеням твоей державы
Я протекую войной кровавой,
Я ад и небо подниму!

Ты злобно тешился тоскою,
На мне лежала власть твоя,

Но дерзновенною рукою
Я вырвал тайну бытия.
Из-под руки твоей грозящей,
Из-под громов твоих, Зевес,
Я твой огонь животворящий
Украл с обманутых небес.
Теперь поделимся державой;
Зевес, с тобою мы равны!
Мы оба силой, оба славой
Из рода в род окружены.
Я гордо власть мою приемлю,
Но братски царство разделю:
Возьми богов, отдай мне землю, —
Тебе я небо уступлю.

(Подходит к статуям.)

Вот они, мои создания,
Мертвый труд моих ночей;
Спят немые изваяния,
Без любви и без желания,
Без томительных страстей.
Подниму ль от сна спокойного
Племя каменное я
Для мятежного, нестройного,
Для больного бытия?
Да живут и искушаются
Переменчивой судьбой,
Плачут, страждут, наслаждаются,
Да томятся, да нуждаются,
Да придут и испытуются
Неисходною борьбой!
Встань, живи, мое творение,
Ополчись, молодой боец, —
Слезы, страсти и сомнения
Окружат твое рождение,
Встретят бурный твой конец!
Много слез и мало времени,
Гнев и ненависть мою
Я тебе, младому племени,
В этот час передаю.

(Останавливается перед статуей женщины.)

Ты блещешь дивной красотой,
Ты чудной прелести полна,
Ты вдохновенною мечтою
Для неги сладкой создана!
Страстями бурными невольно,
Немым желанием томим,
Я преклоняюсь богомольно
Перед созданием моим.
И тот, кто громы мечет ныне,
Кто дышит злобой на меня,
Зевес — помолится рабыне,
Чело венчанное склоня.
Он дал бы всю свою державу,
И громы мощные свои,
И гордый трон, и власть, и славу
За ночи сладкие твои.
Но ты небесного чертога
Своей красой не озаришь,
Ты не пойдешь на ложе бога,
Его ночей не усладишь.
Ты будешь женщиной смиренной,
С ее стыдливой красотой,
С ее любовью священной
И целомудренной мечтой.
Но кратких дней среди сомнений
Тоской напрасной не губи.
Проснись для сладких заблуждений,
Живи, будь женщина, люби!

(Он наводит небесное пламя на статую.)

Пламя жизни, дух небесный,
Освети холодный прах,
Упади на лик телесный,
Загорись в его чертах!
Видишь, в жилы голубые
Налилась живая кровь,
Дышат перси молодые,
Просыпается любовь.
Тайна жизни совершится, —
Пламя тело облекло;
Дума божия ложится
На высокое чело.

Слышу голос — вздох глубокой,
Вижу — слезы полились,
Очи мыслию высокой,
Очи жизнью зажглись.
Вот оделась в лик прекрасный
Воплощенная мечта
И для речи сладкогласной
Раскрываются уста:
Ищут слова, просят света,
Жаждают пламенной любви...
Говори — я жду приветов...
Просыпайся и живи!

Ж е н щ и н а
(оживая)

Где я?

П р о м е т е й

Небо!.. Совершилось!
Искра божия зажглась,
Семя жизни воплотилось,
В звук душа перелилась!
Всё — мое! Я всё объеблю
Думой творческой моей!
Населю родную землю
Гордым племенем людей!
Но, Зевес, перед тобою
Я молюсь за дочь мою,
И смиренною мольбою
Признаю в борьбе с судьбою
Я впервые власть твою!
Кончу спор, обоим славный, —
Пощади ее, Зевес,
Затопчи стопой державной
Гром разгневанных небес!
Слышишь, слово примиренья
Произносит Прометей, —
Пощади мое творенье,
Полюби моих детей!

Сильный и продолжительный раскат грома.

Прометей
(с презрением)

Ты отказал моей молитве,
Ты мне ответишь, бог суда!
Я мог, готовясь к новой битве,
Себя избавить от стыда;
Но я сотру войной кровавой
Пятно позора моего, —
Не дрогну в силе величавой
Под громом гнева твоего!
Но я пошлю бойца без страха
К престолу гордости твоей,
Я подниму его из праха
В защиту дочери моей!
(Подходит к статуе человека.)

Живи и ты, ее опора
В неотразимую грозу;
Храни от гнева и позора
Младую, слабую лозу!
Проснись, стряхни оковы праха,
Да содрогается Зевес;
Не знай молитв, не ведай страха,
Не бойся дремлющих небес!
Я громы на тебя обрушу,
В страстях измучу грудь твою,
Я злобой ум, я гневом душу,
Я сердце ядом напою!
И, ополчив тебя сомнением
И чудной крепостью одев,
Пошлю с кровавым назначеньем
Под гром небес, под божий гнев.
Когда же в темный мир сомнений
Ты вступишь, труженик слепой,
И на последние ступени
Взойдешь дрожащею стопой,
Где беспредельный, довременный,
Седой раскинется хаос,
Где остановится надменный
На языке твоём вопрос;
Когда, о вечные преграды
Разбив могучие мечты,

Слезами гнева и досады,
Ребенком зарыдаешь ты;
Когда, томясь в борьбе суровой,
Ты землю стоном потрясешь,
И будешь грызть свои оковы,
И час рожденья проклянешь, —
Тогда, явясь перед тобою,
Я цепи жизни развяжу
И утомленного борьбою
От тяжких уз освобожу,
Неволю мрачную разрушу
И в темной области гробов
Избавлю страждущую душу
От жалкой вечности богов.
Живи!.. Судьба твоя — страданье,
В боях пройдет твой бурный век.
Проснись, могучее созданье,
Живи, свободный человек!

Человек
(оживая)

Кто звал меня?

Прометей

Борьба и слава!
Живи, меня благодаря!
Ты — царь земли, твоя держава
Зовет могучего царя.
Победа!.. Полон упоенья,
Горжусь высоким торжеством!..
Не вы ли, мощные творенья,
Живые творческие звенья
Между землей и божеством?
Не ты ли, силою свободной
Границы праха одолев,
Земли красавец первородный,
Пойдешь войной под божий гнев?
Живи же, первенец творенья,
Будь в страсти грозные одет!..
В глазах, исполненных презренья,
Моей же мысли вижу след,
Моей же мести отпечаток

Сверкает в молниях очей, —
Зевес, прими его в задаток
Вражды и гордости моей! . .
Война, война! . . Настало время,
Я ад и небо подниму!
Живи и ты, младое племя,
Проснись по слову моему!

Хор оживающих статуй

Идем толпою
На зов воинственный,
Веди нас к бою,
О вождь таинственный!
Из тьмы тяжелой
Душа возносится,
На свет веселый,
На волю просится,
Потешь борьбою,
Игрой кровавою, —
Веди нас к бою,
Веди со славою!

Прометей

Иду, иду с толпой могучею,
С кровавой ратиею моей!
Зевес, ты слышишь ли за тучею
Моих озлобленных детей?
Схватись за громы, бог обиженный,
Разлейся в молниях, Зевес!
Но . . трепещи за трон униженный,
За дряхлый свод твоих небес!

2

БАВКАЗ

Дикая скала. У подошвы скалы хижина. Из нее выходит человек. За ним женщина с ребенком на руках. Прометей, прикованный к скале, дремлет. Раннее утро.

Человек

Проходит ночь, проснулся день веселый,
В лучах зари красуется земля;
Гора и дол стряхнули сон тяжелый,
Трава шумит; под ветерком поля

Волнуются. Всё снова оживает. . .
Река бежит в высоких берегах,
Вот ласточка кружится в небесах
И дивные им звуки посылает,
То песнями заветными молясь,
То сладкой их благодаря молитвой. . .
И мы за ней, с любовью склонясь,
Помолимся перед трудом и битвой.

Они всходят на пригорок.

МОЛИТВА

На просторе, на свободе,
Теплым воздухом дыша,
Миротворческой природе
Тихо молится душа.

Не она ль рукой могучей
Правит жизнь духов,
Вызывает век грядущий
На развалины веков?

На потоке поколений,
Мысли жаждущей полна,
В бесконечный мир творений
Расстилается она.

Кто поднимет покрывало,
Кто постичь ее умел, —
Знает, где ее начало,
Скажет, где ее предел?

Поклоняясь богомольно
Дивной тайне бытия,
Мы безмолвствуем невольно
Пред величием ея.

Человек

(смотря на ребенка)

Как тихо спит малютка на груди
У матери! Как весело смеется
Сквозь сладкий сон!

Ж е н щ и н а

(с улыбкой)

Ленивец!

Ч е л о в е к

Не буди...

Придет пора, он вовремя проснется.

Следи за ним, играя и шутя,

И береги с любовью...

Ж е н щ и н а

Он проснулся,

На голос твой с улыбкой оглянулся

И узнает... О милое дитя!

Не говори, что я его балую;

Мне иногда досадно на себя...

Но тут же я, играя и любя,

В разумные глаза его целую.

Ч е л о в е к

Да, разумом и силою горя,

Глядят на нас младенческие взоры,

О бранных днях нам снова говоря.

Не светит ли в них грозная заря

Грядущих бед; и новые раздоры

Поднимутся, и новая война,

Дитя мое, воздвигнется тобою,

И страшные наступят времена,

Отягчены неслыханной борьбою!

Ж е н щ и н а

Не говори... Окончен страшный пир.

На новый бой ты малого дитяти

Не поведешь... Я выстрадала мир,

А для детей у бога нет проклятий.

Была пора, твой страшный гнев, Зевес,

Лежал на нас, грозою тяготeya.

Но от громов разгневанных небес

Спасает нас неволя Прометея.

Он тихо спит... Он головой поник...

И я гляжу, со страхом и любовью,

Гляжу дрожа на этот бледный лик.

Он тихо спит, а грудь исходит кровью,
Во всех чертах невольная тоска.

Человек

Вот поднял он тяжелые оковы. . .
Из-под бровей сверкает взгляд суровый,
С угрозою сжимается рука.
Исполнится начертанная доля,
Грозит богам пустынная скала. . .
О Прометей, страшна твоя неволя, —
Ты и в цепях не преклонил чела!

Прометей просыпается. Люди отступают за кустарники.

Прометей

Как скоро день проснулся на горах!
Всё было тихо, сладкою дремотой
Забылся я; и месяц в облаках
Еще горел. . . А вот на небесах
Гуляет солнце. С вечною заботой
Вернулся день и — вновь проснулся я. . .
По-прежнему гремят мои оковы,
По-прежнему, мучитель мой суровый,
Держу в руках я тайну бытия!
Ты не сковал души моей свободной,
Ты гордого не преклонил чела!
Моя рука в оковах замерла,
Но вечных дум, но мысли благородной
Вся власть твоя разрушить не могла.
Где мщения отравленное жало?
Где божий гром? Где молния небес? . . .
Твоих цепей для Прометея мало, —
Я не гожусь в рабы твои, Зевес!

Над скалой слетается стая коршунов.

Но вот они, божественные слуги!
Вот мстители достойные твои!
Их темные всё ближе сходят круги,
Слетаются мучители мои. . .
Он выдал вам добычу дорогую, —
Со страхом вы спускаетесь над ней. . .

Коршуны слетаются ближе.

Прочь, гадины! Пока я с ним враждую,
Не место вам над головой моей...

Они разлетаются.

Мне тяжело, мои слабеют силы,
Я изнемог, мне хочется заснуть...
Как хорошо, как сладко отдохнуть,
Как тихо спать во глубине могилы!
Я стражду, смерть от глаз моих бежит...
Бессмертие, ты — тягостное бремя!
За часом час уходит... Что же время
Лишь для меня недвижимо стоит?

(Он закрывает глаза и склоняется головой на грудь.)

Меркурий
(спускаясь на облаке)

Теперь пора: тоска его сломила,
Огонь потух; под бременем цепей
Он ослабел, изнемогает сила...
Я подойду... Он дремлет... Прометей!
Ты страдаешь... Я иду к тебе...

Прометей
(оглядываясь)

Я стражду,
Как никогда никто не мог страдать;
Язык присох... а здесь горит... Я жажду...
Я пить хочу... И некому подать
Мне помощи спасительную руку!
Зачем ты здесь?.. Что привело с небес
Посла богов?.. Не хочешь ли ты скуку
Изгнания со мной делить?.. Зевес
Тебе свою кровавую забаву
Не вздумал ли показывать?

Меркурий

Дивись
И кротости божественной молись, —
Я приношу тебе и мир, и славу!

Прометей
А на каких условиях?

Меркурий
Смирись!

Прометей

(приподнимаясь, с гордостью)

Была пора, в минуту вдохновенья,
В порыве дум и беспредельных сил,
Я воскрешал могучие творенья,
И божий дух на них переходил, —
Я весь дрожал в божественной отраде,
Я слился весь с созданием моим. . .
И в этот час молился о пощаде,
И в этот час я падал перед ним,
И, ограждая дитя мое рукою
От бурь твоих, разгневанный Зевес,
За дочь мою, с надеждой и тоскою,
Молился я властителю небес!
Но я готов всем бременем мученья,
Но я готов ценою злейших мук
Остановить молитву примиренья,
Единый сей неосторожный звук.
Мне мало ран, мне мало этой казни, —
Я вырвал бы мой суетный язык,
Чтоб искупить безумный вздох боязни,
Я кровь отдам за этот подлый крик!
Прошла пора, живет младое племя
И множится на всех концах земли, —
Мои труды благословило время,
А боги их разрушить не могли.
И в этот час он требует поклона,
Как будто я к ногам его поник!
Я твоего не признаю закона, —
Твоя скала мне служит вместо трона,
Я и в цепях свободен и велик!

Меркурий

Не омрачай своей высокой славы,
Но покорись, детей своих любя.
Ты — царь земли. Зевес твоей державы
Не трогает, все боги за тебя;
Ты всем свою поведал силу. . . Сколько
Боролся ты со славою! Зевес

Готов принять изгнанника небес,
Он требует покорности, и только!

Прометей

Довольно!.. Ты как вор ползешь тайком;
Ты нанялся в прислужники и сладко
Распишешь милость... Подлым языком
Ступай других обманывать — мне гадко!
Вернись назад к владыке твоему,
Потешь его привычною забавой;
Лежи в ногах, но возвести ему,
Что я моей не уступлю державы.

Меркурий

Спасти творца я не могу. Зевес
Мне повелел спасти его творенье.
Зови людей, — молитва и смиренность
Искупят им прощение небес.

Прометей

(с горькой улыбкой)

Вы вяжете младенца в колыбели...
Завидная победа для богов!
Они идут... Вот листья зашумели...
Я узнаю знакомый стук шагов.
Зевес! они...

Человек и женщина выходят на пригорок.

Человек

Взгляни на нас с любовью, —
Мы здесь, отец! Как прежде, позови
К печальному нас тихо изголовью.
Мы ждем тебя...

Женщина

Отец, благослови
Мое дитя!

Прометей

Я стражду. Месть жестока!..
О, доверши ее скорей, Зевес!..
Посол богов, не забывай урока, —
Поведай им веление небес!

Меркурий
(к людям)

Остановись, отверженное племя,
И не гневи владыки в небесах!
Он молнию остановил на время,
Да вздрогнет мир и да склонится прах!
Он повелит — и по его глаголу
Застонет гром до глубины морей...
Идите же и преклонитесь долу, —
Зевес простит...

Человек

Я головы моей
Не преклоню перед чужим кумиром,
Не падаю ни перед кем во прах;
Твоих богов не знаю я, и с миром
Вдали от них я проживу, в горах,
У ног отца, не ведая боязни.

Меркурий

Безумец, ты судьбу предупредил, —
Теперь ничто не остановит казни!
И страшен бог в одежде вечных сил,
Грозой повит и молнией; во гневе
Не пощадит он детища во чреве,
Что носит мать в мученьях и слезах,
Не пощадит младенца на руках,
Что родила ты, женщина, на горе,
Что кормишь ты, играя и шутя,
И к сердцу жмешь с любовью во взоре...
Ты слышишь гром? .. Молись! ..

Женщина

(с ужасом, прикрывая ребенка руками)

Мое дитя!

Не вырывай ребенка из объятий
И матери не вызывай на бой!
Прости, Зевес, не погуби дитяти!
У ног твоих я упаду с мольбой...
Но повели, чтоб гром остановился,
Чтоб за него страдала я одна...

Прометей

Так некогда я за нее молился!

Человек

Опомнись! Ты молиться не должна.
Остановись! . .

Женщина

Громов не остановишь!
Ты знаешь ли, как страшен гнев небес?
Молись, молись, — ты сыну смерть готовишь! . .

Человек

(вырывая из рук ее ребенка и разбивая его о камни)

Так умирай!

Женщина

(с ужасом вскрикивая)

Проклятие, Зевес!

Отец убил ребенка. . . Где же кара?
Ты — грозный бог, ты в молнию одет,
Но ты жесток, — ты не отвел удара,
Но у тебя благословенья нет!
На что ты мне? . . Ты слабого творенья
Не мог спасти! Ты не сломил руки,
Не разгромил чудовища в куски;
Ты в мягкий пух не превратил каменья,
Где он упал; ты облака небес
Не разложил по жесткому граниту;
Ты не послал мне никого в защиту. . .
Проклятие! . .

Гром и молния. Оба падают.

Человек

(умирая)

Проклятие, Зевес!

Прометей

(Меркурию)

Ты слышал? . . Отнеси же к богу
Их страшный, их последний крик,

Когда к небесному чертогу
Предсмертный голос не достиг.
Я ж на скале моей убогой
Останусь в царстве дум моих...
Ступай, да пригони дорогой
К обеду коршунов своих...
Слетайтесь стаею голодной —
Вас нынче ждать заставил я, —
Напейтесь крови благородной!
Сюда, ко мне!.. Вот грудь моя!

1845

64. СТРАННЫЙ ДОМ

Я слышу: хохочут, поют и шумят,
Как тени, меняются лица;
Тут кто-то заплакал, там цепи гремят...
Ужели и это темница?

Какая пустая и страшная тьма!
Тут рядом и слезы, и шутка.
Да, это темница больного ума;
Да, это могила рассудка.

Нельзя ли вернуться?.. Мне страшно пройти...
Сперва помолиться бы богу...
Ах! если и мне по тому же пути
Окончить придется дорогу,

И быть как они, ничего не желать,
На привязи жить как соседи,
И корм ежедневный спокойно съедать,
Как в клетке ручные медведи,

И видеть, как сдвинется та же стена
Над бедною жизнью моею;
Как зверь, на цепи у решетки окна
Стоять напоказ ротозею,

Не думать, не плакать, на крик сторожей
Сходиться ко сну или к пище,
И жить как собака, под гнетом цепей,
Пока не свезут на кладбище.

Нет, только не здесь бы печальные дни
Окончить под грубым надзором,
Не в доме безумья, не так, как они,
Покрытые вечным позором.

1845

65

Думал мужик: «Я хлеб продам,
Барин спросит — оброк отдам.
В город снесу на продажу товару
Да лошадок куплю себе пару;
А потом и Ванюху жешю
На Марфуше к Миколину дню».
Хлеба продал он на два алтына,
Барин сказал ему сукина сына;
На деревне случился пожар,
Вместе с хатой сгорел и товар.
Почесался мужик поневоле,
Не женил он Ванюхи к Миколу,
Поглядел он в пустую мошну
И напился к Миколину дню.

1845

66

Я по комнате хожу,
Через улицу гляжу,
Вижу барские палаты.
Крыша светится что жар,
У дверей стоит швейцар,
В доме много знатных бар, —
Видно, дом богатый!

Ноги ходят по коврам,
Шелк и бархат по стенам,
Потолки всё расписные. . .
Поглядишь — уж боже мой,
Чудо, что за дом такой!
Вместо окон, сударь мой,
Зеркала двойные.

А хозяин молодой
Всех обходит чередой,
Вся толпа ему знакома;
Видно, весело ему,
Что съезжаются к нему,
Что по городу всему
Нет такого дома.

Я по комнате хожу, с
Через улицу гляжу.
Вижу, в том же самом доме,
И забыта, и бедна,
На чердак отнесена,
Бьется бедная жена
На гнилой соломе.

Барин с девкой пошалил.
Сделал брюхо — отпустил,
Потому что крепостная.
Он со смехом на устах
Тратит время на пирах,
А она лежит в родáх. . .
Знать, судьба такая!

Я по комнате хожу,
Я на барина гляжу, —
Я бы барина повесил!
Говорят, судьба одна,
Всем на радость жизнь дана. . .
Отчего ж она грустна?
Отчего он весел?

В эту ночь, чуть горя,
 Тощий свет фонаря
 Пробивался лениво.
 В эту ночь, у окна,
 Видел я, как она
 Пробежала пугливо.

Я смотрел... Молода —
 И румянец стыда
 На ланитах светился...
 И махнул я рукой;
 Но с невольной тоской
 За нее помолился.

Знаю я — чуток слух,
 Зорок глаз у старух:
 Все выдѹмщицы злые!
 Позабыли они
 Про минувшие дни,
 Про грехи молодые.

И пойдут за тобой
 Безобразной толпой,
 И соседа спросят,
 А узнают — беда!
 Не уйдешь от стыда,
 Все камнями бросят.

1845

И снова вдали замирают
 Живые, весенние звуки,
 И в душу мою западают,
 Как тайные песни разлуки.

Вот бури на степи родные
 Из дальних сторон налетели —

И грозно, как стражи ночные,
Качаются старые ели.

Мне грустно! . . В могилу сложу ли
Я ныне последние муки,
До новой весны доживу ли
И те же услышу ли звуки,

Что ныне в душе так отраднo
Будили заветную думу,
И снова безмолвно и жадно
Склонюсь я к знакомому шуму?

Как пусто осеннее поле,
Тиха и безлюдна дорога!
Еще бы я пожил на воле,
Еще пострадал бы немного. . .

1845

69. У ЛЮЛЬКИ

В хате тихо; треща, догорая,
Еле светит лучинка. . .
Что ты плачешь, жена молодая,
На реснице слезинка?

Али больно тебе, что Ванюху
Барин отдал в солдаты,
Что кормить и себя, и старуху,
Сиротинка, должна ты?

Что́ на люльку ты смотришь уныло,
Что́ глядишь на мальчишку?
Хорошо при отце ему было:
Как любил он сынишку!

Как, бывало, с работы вернется,
Шапку старую скинет,
В угол помолится, да засмеется,
К люльке скамейку придвинет.

А теперь, без отца-то родного,
Даром сгинет мальчишка,
Пропадет у народа чужого,
Будет плут да воришка.

А как схватят, в открытом ли поле,
На большой ли дороге,
Век покончит он в горькой неволе,
В кандалах да в остроге!

Жалко матери стало ребенка...
Видно, доля такая!
И заплакала горько бабенка,
Тихо люльку качая...

1846

70

Свободен я! Царей гробница
Не плата мне за песнь мою;
За небо божие, как птица,
За божий воздух я пою...

С дворцов высоких не гляжу я
На иноземные края,
Как птичка в гнездышке живу я,
Мое богатство — песнь моя!

Евгений Павлович Гребенка родился 21 января 1812 года в селе Марьяновка возле города Пирятина Полтавской губернии, в семье небогатого украинского помещика. Большое значение для его будущего творчества имели слышанные в детстве от няни украинские песни, предания, сказки. Начальное образование Гребенка получил под руководством домашних учителей, а в 1825 году поступил в Пежинскую гимназию высших наук. В ту пору в гимназии, где в старших классах учились Гоголь, Н. В. Кукольник, Н. Я. Прокопович, царило увлечение литературой, выпускались рукописные журналы; в них появились первые стихи и рассказы Гребенки, написанные на украинском языке.

Окончив в 1831 году гимназию, Гребенка поступил на военную службу в 8-й Малороссийский казачий полк, но вскоре вышел в отставку и в 1834 году переехал в Петербург. Здесь он поначалу служил в канцелярии Комиссии духовных училищ, а с 1838 года занялся педагогической деятельностью: преподавал русский язык и словесность в Дворянском полку, с 1841 года — во Втором кадетском корпусе, а в конце жизни — в Институте корпуса горных инженеров и офицерских классах Морского корпуса. Умер Гребенка 3 декабря 1848 года.

В печати Гребенка впервые выступил в 1831 году со стихотворением «Рогдаев пир» («Украинский альманах») и переводом на украинский язык отрывка из пушкинской «Полтавы» («Московский телеграф», № 17). Полный вольный перевод поэмы с посвящением Пушкину вышел отдельным изданием в 1836 году. Вскоре Пушкин познакомился с начинающим литератором.

В Петербурге Гребенка сблизился со многими писателями. Со второй половины 30-х годов и до конца жизни он регулярно устраивал у себя литературные вечера, на которых бывали В. Г. Бенедиктов, В. И. Даль, Н. В. Кукольник, И. И. Панаев, изредка — Белинский. Гребенка познакомился с Шевченко и принимал участие в его освобождении от крепостной зависимости.

В Петербурге развернулась литературная деятельность Гребенки. В 1834 году он выпустил свои «Малороссийские приказки» (2-е изд. — 1836) — сборник басен и лирических стихотворений на украинском языке. В баснях, составивших большую часть книги и написанных под влиянием крыловских, сказывалось знание народной жизни; автор обличал в них социальную несправедливость, высмеивал помещиков и чиновников.

В 1837 году писатель издал «Рассказы пирятинца», написанные в духе гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (влияние Гоголя заметно и во многих последующих его произведениях). Рассказы принесли автору известность. С этого времени повести, рассказы и очерки Гребенки постоянно печатаются в петербургской периодике и альманахах. Известность приобрели повести «Верное лекарство», «Приключения синей ассигнации», «Кулик», роман «Чайковский» и др. Наиболее зрелые прозаические произведения написаны в духе «натуральной школы».

Гребенке принадлежит небольшое число поэтических произведений на русском языке. Это четыре десятка стихотворений и поэма «Богдан. Сцены из жизни малороссийского гетмана Зиновия Хмельницкого». Поэме и большинству стихотворений Гребенки присущи черты романтизма. Многие стихи посвящены Украине и написаны под влиянием украинского фольклора. Несколько стихотворений, положенных на музыку, стали популярными песнями.

Стихи Гребенки отдельным изданием при жизни автора не выходили и были собраны в пятом томе вышедших посмертно восьмитомных «Сочинений Е. П. Гребенки» (СПб., 1862), изданных под ред. Н. В. Гербея.

71. КАЗАК НА ЧУЖБИНЕ

(Украинская мелодия)

Поехал далёко казак на чужбину
На добром коне вороном.
Свою он Украину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом!
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечер на север глядит,
Всё ждёт да пождет, из полночного края
К ней милый когда прилетит.

Далёко, откуда к нам веют метели,
Где страшно морозы трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казацкие кости лежат.
Казак и просил, и молил, умирая,
Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
Красуется в ярких плодах.
Пусть вольные птицы, садясь на калине,
Порой прошебечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
О милой, родной стороне!»

(1837)

72. ПРИЗНАНИЕ

Порою я мрачен, печален, угрюмый,
С мечтой одинокой сижу
И, скован какою-то грустною думой,
На юг ненаглядный гляжу.

Друзей и родимых, и предков могилы
Покинул на родине я;
Там, полная прелести, девственной силы,
Осталась коханка моя.

Глаза ее смотрят небесной эмалью,
И зелень одежды в рубинах горит,
И поясом синим, как сизою сталью,
Красавицы стан перевит.

Как золото, светло-блестящей волною
Роскошные кудри на плечи бегут;
Уста ее тихой вечерней порою
Унылую песню поют.

И эта чудесная дева — не тайна,
Я высказать душу готов:
Красавица эта — родная Украина!
Ей всё — моя песнь и любовь!

Как девы прелестной лазурные очи,
Украины глядят небеса;
Как поясом синим, на юг от полночи
Днепром перевита краса;

Как шелком зеленым, покрыта степями,
И степи в цветах, как в рубинах, горят;
И стелются нивы, как кудри, волнами,
И золотом светлым шумят.

Как тяжкие вздохи печали глубокой,
Как матери вопли над гробом детей,
Мне в душу запали далеко, далеко
Украины песни моей.

(1839)

73. УКРАИНСКАЯ МЕЛОДИЯ

Не калина ль в темном лесе
Я не красная ль была?
А теперь меня сломали
И в пучки перевязали:
    Это доля моя!

Не трава ли зеленая
В чистом поле я была?
А теперь меня скосили
И на солнце иссушили:
    Это доля моя!

Я ль не красная девица
У родной моей была?
С нелюбим меня свенчали,
Волю девичью связали:
    Это доля моя!

(1839)

74. ГЕТМАН СВИРГОВСКИЙ

Господарь Иоанн,
Всей Молдавии пан,
Ожидает гостей издалёка,
Блеск и шум во дворце,
Господарь на крыльце,
И народом кипит двор широкий.

На степи вьется пыль;
Смотрят все: не они ль?
Точно, войско сюда подступает,
Стройно идут полки,
Распустив бунчуки.
Их начальник к двору подъезжает.

Он собой некрасив,
Длинный ус его сив,
Но, как юноша, гетман проворен;
Он приземист, плечист
И на вид неказист,
И лицом, как татарин, он черен.

На гетмане наряд
Не блестящ, не богат,
Только сабля в каменных сверкает.
То Свирговский гетман.
Господарь Иоанн,
Как родного, его обнимает.¹

И, как были в пыли,
Во дворец все пошли
И за трапезу шумную сели.
Пир поднялся; кругом
Ходят кубки с вином.
Гости молча и пили и ели.

---

¹ Свирговский прибыл на помощь Иоанну, господарю молдавскому, во время войны его с волошским воеводою Александром и турецким султаном, в 1574 году.

Близок пир уж к концу;
И у всех по лицу
Разыгралось веселье живое.
Иоанн тут встает
И дукаты кладет
На тяжелое блюдо горою.

И к гетману принес
Золотой тот поднос,
И сказал ему, кланяясь в пояс:
«Из далекой земли
Вы к нам в помощь пришли,
Вы устали, для нас беспокоясь.

Вам неблизко идти,
Отдохните с пути
Да примите ничтожную плату;
А врагов победим —
Мы вам больше дадим:
Сторона наша златом богата».

Как степной ураган,
Потемнел наш гетман,
А глаза, как огни, засверкали;
Блюдо в руки он взял
И сурово сказал:
«Против турков вы нас приглашали.

Из крещеной земли
Мы на помощь пришли
Защищать христианскую веру.
Ты забыл, Иоанн,
Что я вольный гетман,
И расщедрился, право, не в меру.

Я себя не продам;
Это стыд, это срам,
Чтоб казак нанимался из платы.
Денег мы не возьмем! —
И звенящим дождем
На пол брызнули с блюда дукаты. —

Если хочешь друзей
Угостить веселей,
Дай нам бочку вина дорогого:
Мы вино разопьем
И неверных побьем;
Нам подарка не нужно иного».

Десять бочек вина
Осушили до дна
Казаки на дворе Иоанна;
И рубили врагов. . .
Был обычай таков
Казачков и Свирговского пана.

(1839)

75. ПЕСНЯ

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице всё конница идет.
К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал. . .
Он уехал. . . долго я смотрела вслед, —
Жарко стало мне, в очах мутился свет,
Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —
К нам заехал на квартиру генерал,
Весь простреленный, так жалобно стонал. . .
Я взглянула — встрепенулася душой:
Это он, красавец барин молодой;
Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.
И опять я целу ночьку не спала,
Целу ночьку молодой опять была.

(1841)

76. ПОЧТАЛЬОН

Скачет, форменно одет,
Вестник радостей и бед.
Сумка черная на нем,
Кивер с бронзовым орлом.

Сумка с виду хоть мала —
Много в ней добра и зла:
Часто рядом там лежит
И банкротство и кредит;

Клятвы ложные друзей,
Бред влюбленного о *ней*,
Без расчетов — так, сплеча —
Спесь и гордость богача,

И педанта чепуха,
Голос вкрадчивый греха,
И невинности привет.
И чего в той сумке нет!

Будто посланный судьбой,
Беспристрастною рукой
Радость, горе, смех и стон
Рассыпает почтальон.

Он весь город обскакал;
Конь едва идет — устал.
Равнодушно вестник мой
Возвращается домой.

А где был он, может быть,
Станут долго слезы лить
О потерянных друзьях,
О несбывшихся мечтах...

Или в радости живой
Лить шампанское рекой...
Где ж волшебник-почтальон?
Дома спит в чулане он.

(1841)

77. ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час.

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам.

(1843)

78—81. *(ИЗ ПОЭМЫ «БОГДАН.
СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ МАЛОРОССИЙСКОГО
ГЕТМАНА ЗИНОВИЯ ХМЕЛЬНИЦКОГО»)*

1

(ПЕСНЯ КАЗАКОВ)

В поднебесьи мчатся тучи,
Выше туч орел парит,
Днепр кипит волной зыбучей,
Ураган в степи шумит.

Но как наш отряд летучий
Понесется на врагов —
Вихрь в степи и в небе тучи
Отстают от казаков!

Что Днепра седого волны
С их ребяческой грозой,
Как курень, отваги полный,
Заколышется войной!

Не орел полетом быстрым
Разостлался над землей —
Перед нами, в поле чистом,
Загорелся кошевой.

Он прекрасен, как отвага,
Быстр, как молнии полет;
С ним наездников ватага
И под бурю поет:

«Гей, неситесь шибче, тучи!
Ураган, шуми сильней!
Разыграйся, Днепр могучий,
В непогоду веселей!»

(1837)

2

Тихо утро загорелось над землей;
Засверкали степи, вспырынуты росой;
Красно солнышко приветливо взошло;
Всё запело, зашумело, зацвело.
На раздолье, по широким по степям
Днепр-кормилец дал разгул своим водам;
И направо, и налево мурава;
Меж волнами зеленеют острова;
А на тех-то на зеленых островах
Молодой Хмельницкий с войском в тростниках.
То не стая лебединая плывет —
По Днепру то рать казацкая идет;
То идет войной на брата кровный брат:
Хоть не рад он, да идет, когда велят.
С казаками наказной их гетман сам.
Вот приплыли лодки близко к островам;
Вмиг раздвинулись густые тростники —
И зевнули пушки поперек реки.
Пламя брызнуло, отгрянул сильный гром,
Над водою дым расстлался полотном,
И казаки, видя смерть со всех сторон,
Видя гибель неизбежную кругом,
Ну от острова скорей бежать назад;

Только весла, словно крылышки, шумят.
Вот с воды поднялся дым под облака,
Засверкала снова светлая река —
А на острове, играя с ветерком,
Развилось знамя белое с крестом.
Став на берегу, бегущим казакам
Громким голосом сказал Хмельницкий сам:
«Христианству мир и воинам Христа¹
Под защитой чудотворного креста!
Разбегутся так поляки перед ним,
Как от ветру разбежался этот дым.
Нам господь поднять оружие велит:
Дело правое небесный защитит!»
Чудо! — к острову казаки вновь плывут,
Пред Хмельницким сабли острые кладут.
«Будь начальник наш, второй наш будь отец!
Пропадем мы с нашим гетманом вконец:
Перед польскими панами он дрожит;
Кровь собратов проливать он нам велит;
Здесь погибнет он от нашей руки».
И гетмана окружили казаки;
Стали ружья на гетмана наводить;
На коленях он пощады стал просить. . .
Выстрел — гетмана как не была душа:
Днепр понес на море труп Барабаша!²
Вот пришел священник в ризе парчевой
И поставил на земле святой налой:
Благодарственный молебен стал служить,
За победу бога сил благодарить.
Церковь им была — лазурный небосвод,
А лампада — солнце по небу идет;
От кадила вьется кверху легкий дым;
Всё полно благоговением святым. . .
С верой в сердце и с молитвой на устах
Пред невидимым упали все во прах.
Каждый воин всемогущего молил,
Чтобы нового он гетмана хранил.
Все Хмельницкому присягу дали тут,
И к обозу на руках его несут. . .

---

¹ «История руссов».

² «История Малороссии» Бантыш-Каменского, с. 238.

Здесь сыскали чарку пенного вина;
С приговоркой по рукам пошла она,
И поднялся у казаков пир горой.
Во весь день звенели песни над рекой,
Ввечеру зажгли по острову огни,
И до света веселились они! . .

(1843)

8

ПЕСНЯ

Зеленая трава моя
    Под косою гнется.
Головушка казацкая
    Знай себе смеется.

Щебетун соловей,
Слушай песни моей! ¹

В калиновом саду моем
    Соловей щебечет;
Мне, молодцу, в доме моем
    Всё жена перечит.

Щебетун соловей,
Слушай песни моей!

До города до Киева
    Женушка ходила;
Головушка казацкая
    Осемь дней кутила.

Щебетун соловей,
Слушай песни моей!

Сказал гетман: миритесь —
    Вот и помирились;
Луга были не кошены —
    Вот и покосились.

---

¹ Здесь нарочно оставлен малороссийский оборот речи.

Щебетун соловей,
Слушай песни моей!

Кошу, кошу — не косится...
Дал же бог работу!
Винтовочка всё просится
В поле на охоту.

Щебетун соловей,
Слушай песни моей!

В Пирятине мой дядюшка,
Под Лубнами тетка...
Косить сено, пахать поле,
Право, не находка!

Щебетун соловей,
Слушай песни моей!

(1841)

4

(ПЕСНЯ БАНДУРИСТА)

Были у орла два сына.
Вырос старший сын;
Младший рано на чужбину
Залетел один.

Но лета не укрепили
Мощного крыла;
Он устал — и окружили
Вороны орла.

И, летая, жадным криком
Смерть сулят ему.
Знать, орлу на поле диком
Сгибнуть одному!

Крылья есть, да мало силы;
Смутен он сидит;
Смотрит вверх — о боже милый,
Старший брат летит!

Робко вороны сокрылись
С криком в темный лес.
Оба брата очутились
В синеве небес...

Братья обнялись родные
И сильны опять,
Как великая Россия
Да Украина-мать!

(1841)

82. СТЕПЬ

М. Дан. Селецкой

Я был в степи. Кругом, как море, широко
Земля раскинулась, от взора убегая.
Всё тихо, всё мертво, всё степь да степь нагая,
Да небо над землей безбрежно высоко.
Хоть ветер бы дохнул, пустыню оживляя!
И грустно стало мне в пустынной тишине;
Тоска сдавила грудь... Вдруг песня надо мною!
Я радостно гляжу: в лазурной вышине
Певица божия промчалась над землею,
И — смолкло всё опять. Но песню эту я
До гроба сохраню в душе моей, друзья!

(1844)

83. ПЕСНЯ

— «Светла речка под окном твоим шумит;
Можно, девица, коня мне напоить?»

— «Кто мешает?.. Да подальше от меня:
Я мала еще, боюсь я коня».

— «Мак червонный под твоим цветет окном;
Мак притоптан — кто ходил к тебе по нем?»

— «Полно, парень, злые речи говорить!
К сиротинке бедной станет кто ходить!»

— «Бог с тобою! До тебя мне дела нет;
Да скажи, зачем ты сердишься на свет?»
— «Я не знаю, что-то случилось со мной:
Всё мне грустно, плакать хочется одной».

(1845)

84

Опять передо мной знакомые поля,
И села мирные с цветущими садами,
И речки тихие, и песни соловья,
И степи вольные, покрытые цветами.

Всё так же, как в былые дни,
Безбрежно тянутся зеленые поляны,
И степью голою несутся табуны,
И одинокие стоят курганы.

Везде звучит Укра́ины язык,
И песня родины так сладостно-уныла...
Со мной опять всё то, к чему я так привык,
Что сердце так тепло из детства полюбило.

Поэт-самоучка Евгений Лукич Милькеев прожил короткую, полную невзгод жизнь. Родился он в 1815 году в Тобольске в бедной семье. Лишившись отца в трехлетнем возрасте, мальчик остался с матерью в полной нищете. Семи лет он поступил в Тобольское уездное (четырёхклассное) училище, после окончания которого начал зарабатывать на жизнь, сделавшись писарем одной из канцелярий. Мальчик пристрастился к чтению. Под воздействием басен Крылова он пытался сочинять сказки в стихах. Лет в шестнадцать им овладело, по позднему признанию самого поэта, «решительное желание сделаться стихотворцем». ¹ И не знавший правил стихосложения подросток открыл их для себя.

В 1833 году Милькеев был назначен помощником столоначальника канцелярии Главного управления Западной Сибири в низшем чине коллежского регистратора.

Резкий перелом в его жизни произошел в 1837 году, когда в Тобольск, в свите наследника (будущего императора Александра II), путешествовавшего по России, приехал В. А. Жуковский. Милькеев, человек чрезвычайно застенчивый, никому ранее не показывавший своих сочинений, пришел к знаменитому поэту с тетрадкой своих стихов. Жуковский сочувственно отнесся к стихотворным опытам молодого чиновника, высоко оценил его способности.

Весной следующего года Милькеев побывал в Петербурге, а затем и в Москве, где Жуковским была ему приискана должность, позволявшая заняться учебой. Жуковский всячески опекает Милькеева, вводит его в литературные круги. Стихи молодого сибиряка приводят в восторг С. П. Шевырева, А. С. Хомякова, К. К. и Н. Ф. Павловых.

Но летом того же года Милькеев уехал на родину, где в нищете

---

¹ Е. Милькеев, Стихотворения, М., 1843, с. XV.

жила его старая мать. Он продолжает служить в своей канцелярии, вечерами усердно занимается по книгам, присланным ему Жуковским, намереваясь через некоторое время окончательно переселиться в Москву. Вследствие жестокой несправедливости начальства, Милькеев был выброшен со службы. Это ускорило отъезд.

Весной 1839 года он поселился в Москве и поступил на службу к московскому губернатору И. Г. Сенявину. Одновременно он продолжает самообразовательные занятия, изучает немецкий язык. Милькеев посещает литературные салоны. Славянофилы считают его, по свидетельству И. И. Панаева, «одною из самых блестящих надежд русской литературы». ¹ Хомяков пишет о нем: «Милькеев... растет не по дням, а по часам, и пишет славные вещи». ²

Первое стихотворение Милькеева, «И как светло...», было напечатано в журнале Плетнева «Современник» (1839, № 1). С этих пор и до 1843 года включительно его стихи за подписью Эм — в нередкое появляются здесь. В «Современнике» же были опубликованы наиболее крупные его произведения — поэма «Абалак», где использована сибирская религиозная легенда, и «Сцена канцелярная», основанная на впечатлениях службы поэта в Тобольске.

Превозносимый почитателями, он решился выпустить книгу. «Стихотворения» Милькеева вышли в свет в Москве в 1843 году. Сделано это было явно преждевременно: Милькеев только выходил на самостоятельную дорогу в поэзии. Сборник, довольно значительный по объему, был составлен в большинстве из ученических, подражательных стихов. На многих сказалось влияние ложно-романтической поэзии Бенедиктова. Однако в наиболее удачных стихотворениях заметно стремление автора к осмыслению бытия, встречаются яркие, оригинальные образы.

Литераторы, дружелюбно расположенные к Милькееву (Шевырев в «Москвитяине», Плетнев в «Современнике»), откликнулись на выход книги хвалебными отзывами. Рецензии Белинского (в «Отечественных записках») и Сенковского (в «Библиотеке для чтения») были резко отрицательными. Белинский, вообще в эту пору строгий к поэтическим дебютантам, начисто отказывал Милькееву в таланте.

После выхода книги стихи Милькеева больше не появлялись в печати. Быть может, поэт и сам горько разочаровался в себе. Недавние друзья охладели к его творчеству, отшатнулись от него. Здоровье Милькеева было надломлено постоянными лишениями. Около

---

¹ И. И. Панаев, Литературные воспоминания, М., 1950, с. 162.

² «Русский архив», 1884, кн. 3, с. 206.

1845 года (?), всеми забытый, Милькеев покончил жизнь самоубийством.¹

В стихотворении «Памяти Е. М(илькеева)» (1855) К. Павлова писала:

Стоял той порой он в своем чердаке —
    Души разбивалася сила, —
Стоял он, безумный, с веревкой в руке. . .
В тот вечер спросить о больном бедняке
    Нам некогда было.

85. УТЕШЕНИЕ

С закатом тихий мрак на землю опускался,
Величественный свод звездами убирался,
И точками, едва приметными, оне
Являлись чередой на ясной вышине.
Раб горестей земных, житейского волненья,
К ним поднял я глаза — и чувство утешенья,
Неведомое мне дотоле, ощутил:
Бесчисленность вдали затепленных светил,
Святая глубина небес, их бесконечность
Представили душе таинственную вечность. . .
Мятежный сын земли! — себе я говорил, —
Что значат все твои мгновенные страданья?
Пред зрелищем небес умолкнуть им должно. . .
Вперед не изъяви безумного роптанья
И верь: твоей душе бессмертие дано.

(1842)

86. ДЕМОН

Ты тих, спокоен, ты молчишь,
В углу задумчиво сидишь,
Чело подернуто туманом;
Но вдруг, как чудным талисманом

---

¹ В различных работах год смерти Милькеева устанавливается по-разному, от 1840 до начала 1847 года. Мы основываемся на последнем из известных нам писем поэта (письмо к М. П. Погодину от 25 августа 1844 года — ГБЛ).

Внезапно пробужден от сна,
Встаешь, бежишь, тебе тесна
Глухая, темная лачуга,
В твоей груди запела выюга,
Забилась шумная волна. . .

Как над огнем металла слиток
Сверкает, полон жарких сил,
Так распаял, опламенил
Тебя звучащий сердца пыл
И дум стремительных избыток. . .
Но кто, скажи, твой дух исторг
Из мрачных уз оцепененья?
Кто сообщил тебе восторг
И бурный трепет исступленья?

Ах, это гость чудесный твой,
Другого мира странный житель,
Дух-чародей, дух-возмутитель,
Гремящий молнией и мглой!

(1842)

87. ТИТАН

Титан-младенец, тяжело связан,
Грустит под сводом душных стен. . .
За что судьбою он наказан,
За что несет суровый плен?

Но рано ль, поздно ль, грозным взломом
На волю вырвется вулкан —
И возмужав, оковы с громом
Уронит мощный великан.

Так сын свободы, сын парений,
Орел свергает мрак сетей;
Так узы рвет окрепший гений
В отваге пламенной своей.

(1842)

С туч, беременных дождями,
 Льются бурные ручьи;
 Грусть и сумрак над полями
 Обессиленной земли.

Но спешит на смену ведро
 К неприязненным дождям. . .
 Солнце весело и бодро
 Вновь идет по небесам.

Благосклонно пламень Феба
 Согревает вновь поля,
 И глядит на яхонт хлеба
 Восхищенная земля.

Так, изведав ливень бурный
 Наводняющих страстей,
 Встретишь ты полет лазурный
 Плодотворно-ясных дней.

(1842)

89. ВАВИЛОН

Необузданный и чудный,
 Сотворив кумиром ложь,
 Город пышный, многолюдный,
 Ты ликуешь и цветешь!
 Похититель пирной славы,
 Нег волшеббно-золотых,
 Поднял ты с земли дубравы
 И висеть заставил их.

Плавать в бездне наслажденья,
 В море благ — тебе закон;
 Для трудов самозабвенья,
 Для любви ты не рожден. . .
 Ты не помнишь, что на свете
 Есть другие города —

Братья в скудости, не в цвете,
С горем дружные всегда.

Пусть они, бедами сыты,
Стонут в муках роковых —
Ты, счастливец именитый,
Отвергаешь вопли их;
Кровных чувствуя презреньем,
Знать не хочешь нищеты,
И слепым столпотвореньем
Занял руки и мечты.

И творец тебе не страшен. . .
Пусть потоп наводит он,
Ты взойдешь на выси башен,
Занесенных в небосклон.
И хоть шар земной с горами,
С сонмом рощ, полей и нив
Захлебнется под водами —
Нужды нет: ты будешь жив!

(1842)

90

День рассеянный, день нестройный
Мною властвует как рабом;
В суете его беспокойной
Я ношусь и кружусь пером. . .
Нет ни силы в душе, ни воли,
Нет мечты в уме золотой,
Нет на сердце колючей боли,
Нет и радости в нем живой.
Но лишь смолкнет день этот буйный
И волнами на мир падет
Сумрак вечера тихоструйный
И покоем всё обовьет —
Начинаю я возрожденье:
Грудь колышется и дрожит,
Сердце с силою про мученье,
Про печали мне говорит. . .
В нем воскреснет мир тайн избранных,

И тоскует оно об них,
О привязанностях погранных,
Умилительных и святых;
И рождает в нем скорбь и сладость
Память юности и тех дней,
Как ему улыбалась радость
И надежда в венце лучей!

(1842)

91. СВЕТ

Сперва с отрадой суеверной
Душа на целый свет глядит
И в простоте нелицемерной
Открытый мир боготворит.
Вся жизнь ей кажется залогом
Блаженства, счастья, мечты,
Весь свет пленительным чертогом
Неизъяснимой красоты.
И в думе пламенно-могучей
Она хотела бы обнять
Весь мир любовью кипучей,
Превознести, облобызать. . .
О, дайте красок самоцветных,
Одеть всё в радужный покров!
О, дайте песен искрометных,
Лучистых звуков, жарких слов!

Но скоро с чудным обаяньем
Душа расстаться уж должна. . .
Восторг погас; негодованьем
Воспламеняется она.
Перед ее смущенным взором
Разоблачился этот свет
Со всем стыдом, со всем позором
Страстей торговых и сует. . .
О, чем доверчиво пленялась,
Чему восторг она несла,
Какой личиной ослеплялась
И в чем любовь жила!
И гнев кипящий в ней клокочет:

Надежд отрадных лишена,
Разочарованная, хочет
Изранить черный свет она —
Снять чешую с пифона-змея,
Коварство, хищность обнажить,
Постигнуть ужасом злодея,
Порок и месть оцепенить. . .
О, дайте метких стрел могучих —
Мир ядовитый поражать!
О, дайте, дайте молний жгучих,
Перунов огненную рать!

(1842)

92

Как ветер закрутит мгновенно прах летучий,
И вдруг, исполнены отваги каленой,
Воинственно начнут накатываться тучи
На своде голубом, одетом тишиной,
И небо сжатое воспрянет, загрохочет,
И вздутая река сердито заклоочет, —
Тогда, неведомой восторженности полн,
Люблю я услаждать мой слух игрою волн,
С благоговением их дико-стройный голос
И гром святых небес ловлю моею душой,
И в страхе сладостном вздымается мой волос,
И весь я становлюсь дрожащею струной.

Но после знойных бурь слезливо и печально
К нам осень тянется. . . На бледный небосклон
Станицы хворых туч сойдутся погребально,
И в сумрак и в дожди закутается он:
Томят его и скорбь, и немощные раны,
Перунов огненных подарок роковой. . .
По долам широко постелются туманы,
И тощая волна подымет грустный вой.
Тогда моя душа с развенчанной природой
Горюет заодно, полна тяжелых снов,
И сердце не дрожит ни силой, ни свободой,
И слух не празднует под музыкой громов.

Но вот летит зима, летит зиждитель-холод;
Водам кует броню его всеильный молот,
И палица его клеймит земли кору,
И блещут на стекле узоры поутру.
И снежные валы, восстав, кипят сурово,
И рощи без одежд свое заводят слово...
Тогда я восхищен и жизни снова рад!
Раскинется везде торжественность и воля;
Разгульем удалым гудят равнины поля,
И длится между скал борея пережат...
И этот гордый шум, холодный шум погоды
Мне кажется лихим веселием природы
И смехом праздничным над бурями тех дней,
Как вспыхивала твердь от молнийных огней!

Не так же ли трунит и опытная старость,
Когда заснет огонь бунтующих страстей,
Когда умолкнет их слепая блажь и ярость
И грудь не закипит опять от их ключей?

(1842)

93. СМЕРТНОМУ

Не сетуй, смертный, вольнодумно,
Что жизнь мятежная твоя
Без цели реет слепо, шумно
В широком поле бытия;
Что ты кружишься легким пухом,
Не зная около чего...
Угомонись скорбящим духом,
Не мучь рассудка своего!
Взгляни на мир: не так ли мчатся
Под небосклоном облака —
Придут, нависнут, удалятся
И вновь летят издалека?
Кто их для вечного убранства
Задержит в небе голубом?
Земля, игралище пространства,
Сама вертится колесом;
И тверди гордые светила
Обречены на быстрый ход;

Круговращательная сила
Весь поворачивает свод.
И ты, мгновенного призванья
Мгновенный сын, ту ж долю знай,
Вертись. . . и чередою созданья
Противоречить не желай!
Среди бессонного круженья,
Среди превратностей дыши,
И пей струю самопрезренья
В холодной горечи души!

(1842)

94. К ПОРТРЕТУ ПУШКИНА

В болезненных чертах, страданьем заклеянных,
Сверкает пламень дум летучих, вдохновенных,
И, трогательно полн высокой грусти, взор
Льет, кажется, судьбе таинственный укор.
Как звук, умолкнувший нечаянно и странно,
Как пламень алтаря, потухнувший неожиданно,
Певец наш истинный, мгновенно ты угас
И скрылся в мир иной, неведомый для нас.
Ты был родным певцом великого народа,
И голос твой шумел, как русская погода,
Был горд и величав, как наши небеса,
И в радугах сверкал и лился как роса,
И снегу белого был чище, холоднее,
Был крепче, звонче льду и стали был острее!

95. РЕКРУТ

Не слон перед людьми ступает горделиво —
Валит по улице дородный Митрофан
И смотрит на прохожих косо и спесиво,
Как будто из дворян.

Идет он избоченясь, чоботы в обтяжку,
Чамбары вышивные, плисовый кафтан,
И шапка набекрень, и полы нараспашку,
На шее красный плат.

Ну кто же из детей под стать ему годится,
Потянется за ним и выйдет наравне?
Ему ль не щеголять, ему ли не бодриться,
Как деньги есть в кошле!

Он рекрут по найму, и много уж задатку
Его лихая прокатила голова;
Он высватал себе невесту — службу-матку,
И взял калым сперва.

«Теперь я господин, ведь жизнь моя раздолье! —
Он думает отважно. — Что со мной ни будь,
А всё мне трын-трава; дай нынче на приволье
Порядочно гульнуть!»

Гарцует он теперь, наполненный веселья...
Сегодня в кабаке он делает потоп,
А завтра, не глядя, что он еще с похмелья,
Ему вскричали: «Лоб!»

И вот уж перед ним открылась жизнь другая:
Он должен строго знать часы еде и сну;
Обезоружилась воля дорогая,
Он будто в полону.

Чуть брезжится заря, тотчас иди в ученье.
Начальник новобранных, вспыльчивый солдат,
Твердит ему шаги, и с тем подразумеенье:
«Ведь ты наемник, брат!»

Со временем он слышит речь гораздо боле,
Вдобавок принимает палки и пинки,
И жаль ему тех дней, когда он был на воле,
Не знал чужой руки.

И в мире Митрофан не он один, конечно.
Как часто, например, свободой невпопад
Рискуя, на аркан супружества беспечно
Кидается наш брат!

Когда же тяготы восстанут на супруга
И ропщет малодушно угнетенный муж, —
«Терпи, — ему твердит строптивая подруга, —
Коли взялся за гуж!»

96. УЧАСТЬ

В семье своей лиственной, шумной, ветвистой
Широкое дерево в чаще росло,
Долине бросало свой сумрак тенистый,
И высилось гордо, и в листьях цвело.

Но вот оно вдруг, не отживши, увяло. . .
По чаще стал прыгать ужасный топор,
И то благородное дерево пало
И тени прохладной не кинет с тех пор.

Обрублены ветви, и сохнет в пустыне,
От корня родного далече, оно. . .
Наружность цела, но в его сердцевине
Уж порча и гниль зародилась давно.

Дышал человек благодатной свободой,
На родине милой он счастливо жил;
Но мстительный рок прошумел непогодой
И радость того человека убил.

И грустным изгнанником ныне он бродит,
Под сводом далеким, у чуждой реки. . .
Наружно еще на собратий походит,
Но сердце истлело в горниле тоски.

Иван Петрович Крешев родился в 1824 году в Петербурге, в дворянской семье. Учился он во 2-й гимназии, а затем — на юридическом факультете Петербургского университета, который закончил в 1845 году.

Крешев рано ощутил литературное призвание. В 1840 году несколько стихотворений шестнадцатилетнего поэта было напечатано в журнале «Памятник искусств». Затем оригинальные, главным образом антологические, стихотворения и переводы — с латинского, французского, английского и немецкого языков — стали появляться в других петербургских журналах, большей частью в «Библиотеке для чтения» Сенковского и «Сыне отечества» Краевского.

Окончив университет, Крешев не поступил на службу, намереваясь посвятить себя литературе. Однако материальная необеспеченность и необходимость содержать больную мать и сестру вынуждали его соглашаться на любую журнальную работу. Крешев сделался литературным поденщиком в журналах Сенковского и Краевского, которые безжалостно эксплуатировали его талант и знания; он писал фельетоны, переводил различные статьи и составлял компиляции из материалов иностранной печати, — словом, делал все, вплоть до подписей к картинкам мод (под псевдонимом «Марья Петровна» в «Библиотеке для чтения»). Сотрудничал он и в других петербургских журналах и газетах («Пантеон», «Русский инвалид» и др.), писал статьи по русской словесности для «Энциклопедического словаря».

Недолгая жизнь Крешева прошла в повседневной борьбе с нуждой. В 1858 году Крешев сошел с ума. Из больницы он вышел уже совершенно нетрудоспособным человеком и вскоре, 21 марта 1859 года, умер.

Сборника оригинальных стихотворений Крешева издано не

было.¹ При жизни поэта отдельной книгой был напечатан лишь его перевод комедии в стихах Э. Ожье «Габриэль» (СПб., 1853). В 1862 году Н. В. Гербель, хорошо знавший Крешева, выпустил в Петербурге сборник «Переводы и подражания», где собрал рассеянные по различным журналам крешевские переводы стихотворений Горация, Проперция, Шиллера, Т. Мура, А. Шенье, Гюго и других поэтов. Наиболее значительны его переводы из Горация, постоянно привлекавшего к себе интерес Крешева. «Более удачных переводов Горация не было в нашей литературе», — писал Гербель во вступительной заметке к сборнику.

97. ФАВН

Sylvain, qu'avez-vous vu quand vous étiez heureux?

V. Hugo²

У грота мрачного, забытый, одиноко
Стоял пустынный фавн... Плющ пыльный и осока
Вкруг бедной статуи печально разрослись;

---

¹ В наши дни Вл. Лидин без каких бы то ни было серьезных оснований приписал Крешеву авторство вышедшего анонимно сборника «Опечатки» (М., 1843) (см.: Вл. Лидин, Друзья мои — книги. Заметки книголюбца, М., 1966, с. 119—121). Однако ряд фактов противоречит утверждению В. Г. Лидина:

1. Нам известно около 20 стихотворений Крешева, до 1843 года с его подписью опубликованных в различных журналах, но ни одно из них в «Опечатки» не вошло.

2. О принадлежности «Опечаток» Крешеву не упоминает Н. В. Гербель, близко знавший Крешева и составивший «Список переводных и оригинальных стихотворений Крешева» (см. «Переводы и подражания», с. 133—142).

3. Все стихотворения «Опечаток» датированы и почти все снабжены указаниями мест написания (и того и другого лишены все известные нам стихотворения Крешева). Из этих помет видно, что автор «Опечаток», вероятно, москвич (в Москве сборник и был издан), человек немалого достатка, проведший полтора-два года в путешествии по Европе (он посетил Стокгольм, Копенгаген, Париж, Висбаден и другие города). Никаких сведений о том, что Крешев выезжал за пределы Петербурга, не обнаружено.

4. В художественном отношении «Опечатки» с их неуклюжим тяжеловесным синтаксисом и архаичной лексикой — книга типичного дилетанта, стоящая на гораздо более низком уровне, чем стихи Крешева.

² Сильван, что вы видели, когда вы были счастливы?.. В. Гюго (франц.). — *Ред.*

Каштаны дикие узорчато сплелись
Ветвями черными над головою фавна,
А в воздухе шумел и падал лист дубравный. . .
Мне жаль тебя, сатир! С лидийских берегов,
Одетых лаврами и лозой виноградной,
Из хора светлого мифических богов
    Ты унесен рукою жадной,
И осень хладная поблекшие листы
Бросает на тебя с туманной высоты.
Но ты смеешься, фавн! . . Хранитель козлоногий
Сребристо-белых стад, потоков и дубров,
Ты украшал собой Лукулловы чертоги,
Внимал там звону чаш и музыке пиров.
Под сенью портика, сквозь ветви померанцев,
Обвитых лентами зеленого плюща,
Ты весело смотрел на вольность резвых танцев,
Кропимый зернами холодного ключа.
Ты улыбаешься? . . В дыму благоуханий,
При блеске радужном сидонских хрусталей,
Вакханки, скинув с плеч волну кисейных тканей
И опустив на грудь душистый ток кудрей,
Кружились пред тобой. Безумные восторги
Сливались с песнями венчаных гроздьем оргий,
А свежий водомет, блестя между огней,
Снопам звонкими и жемчуг и алмазы
Взвивал из мраморной, цветами полной вазы. . .
Скажи, что, жаль тебе невозвратимых дней,
Дней славы квиритов, отваги и свободы,
Когда в шумящий Рим, корону царств земли,
    Стекались дальние народы
И на алтарь богов, покорные, несли
Амфоры древних вин, плодов и роз кошницы
И напоенные алоэм багряницы? . .
Ты помнишь ли те дни, когда бесславный Рим,
Забыв отцов своих, на сладострастном ложе
Покоясь, впивал душистой мирры дым,
А дикие толпы, в косматой волчьей коже,
От севера текли на семихолмый град,
И падал великан пред булавою окреплой,
И в груди мрачные, одеты ризой пепла,
    Ложилась роскошь римских колоннад?

Так взором вопрошал я хладную статую,
Безмолвно голову пред мрамором склоня. . .
Кумир не отвечал. . . Сквозь ткань дерев густую
На фавна упал румяный отблеск дня,
И сумрак голубой прозрачными клубами
Спускался медленно над темными дубами. . .

(1842)

98. ДРИАДА

Ты видишь у ручья обломок ивы дикой? . .
Засохший этот ствол, повитый повиликой,
Был листьями одет; в нем слышались сперва
Дриады молодой приветные слова.
Но дерево сломил зимы набег нещадный,
И нимфа умерла! . . Приют ее прохладный
Любил пастух Бион. Полуденной порой
Здесь звонкий свой тростник он оживлял устами
И нимфу вызывал искусною игрой.
Дриада, скрытая душистыми кустами
Златой акации, внимала ей не раз.
Волшебно-стройная мелодия лилась
Как флейты звук, когда под шум живых фонтанов
Летит он, сладостный, в тени густых каштанов.

(1842)

99. ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

(Из Томаса Мура)

Последняя роза цветет одиноко;
Завяли подруги ее невозвратно;
Закинул их ветер на берег далекой —
И нет ей ответа на вздох безотрадный. . .

Не дам я сиротке на стебле томиться,
Ронять безнадежно жемчужные слезы:
Сорву я бедняжку. . . пусть ветер стремится,
Уносит листочки рассыпанной розы! . .

О, если померкнет звезда упования
И милые души исчезнут, как тени,
Кто станет беречь дни тоски и страдания,
Гость лишний, как роза под бурей осенней?

⟨1842⟩

100. НАЯДА

Эскиз Андрея Шение

Когда в полдневный жар так сладостна прохлада
Душистых яворов и листьев винограда,
Усталый селянин, вхожу я в темный грот,
А там, под зеленью аканта, нимфа вод,
Нагая, белая, склонясь на полог дерна,
Роняет из кудрей холодной влаги зерна
И дремлет, опершись на руку головой,
Венчанной тростником и влажною травой.

⟨1843⟩

101. ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Бор желтеет над поляной,
Вьются по ветру листы. . .
Для чего ж венок румяный
На головке носишь ты?

Видишь: ива да березы
Грустно дремлют у пруда;
Лепестками вялой розы
Вся усыпана гряда.

С жаром лета помертвела
Ярких венчиков семья;
Лишь нарцисс остался белый
На могиле бытия.

⟨1844⟩

102. ЭЛЕГИЯ

Еще блестит лазурь твоих прекрасных глаз,
Но взор их — моря холоднее;
Цвет розы на щеках мгновенно не погас,
Но с каждым днем они бледнее.
Так вянет лилия на сломанном стебле;
Ее не греет луч рассвета,
И венчик, полный слез, наклонится к земле,
Лишенный запаха и цвета.

Мне жаль тебя, дитя! Напрасно хочешь ты
Прикрыть улыбкою страданья:
Тоска мрачит и взор и бледные черты.
Так над развалинами зданья
Висит на башне плющ и цепью вековой
Каймит расселины снаружи —
Кудрявый, молодой, и свежий, и живой,
Внутри — поблекнувший от стужи.

(1844)

103. (ИЗ ГОРАЦИЯ)

Друг! не всегда цветут холмы,
Блестит луна в узор сиреней...
К чему же слабые умы
Томить обузой размышлений?
Не лучше ли беспечно лечь
Под ясьень иль платан высокой
И, кудри, павшие до плеч,
Опрыскав амброю востока,
Прославить Бахуса? .. В груди
Разгонит он туман неверный.
Беги же, мальчик, остуди
В ручье столетний сок Фалерна!
Зови к нам Лидию скорей;
Всё чудно в ней: уста, ланиты;
А пряди черные кудрей
В роскошный венчик ловко свиты.

(1844)

104. ЭЛЕГИЯ

Eheu! translatas alio maerebis amores...¹

Горацій

Синела ночь. Из каждого куста
Курились цветов благоуханья. . .
В томленьи, жаркие полураскрыв уста,
Впивала ты мои лобзанья.
Руками гибкими меня во тьме обвив,
Надежнее плюща, когда по ветвям ив
Он вьется, ты клялась моею быть. . . Давно ли?
И вот уже другой красу твоих кудрей
Целует, Лидия, и вокруг твоих дверей
Развесил мирт и каприфолий.
Но ты, соперник мой, хотя бы ты владел
Рядами портиков на берегу Пактолы
И под оливами твои тучнели долы, —
Тебя печальный ждет удел:
Поверь, часы блаженства минут,
Пройдут, как облако по выси голубой,
И будешь ты, как я, покинут,
И улыбнись я над тобой.

(1845)

105

Сошлись мы порой унылой;
Ты поздно улыбнулась мне,
Когда все чувства пепл остылый
Покрыв в душевной глубине. . .

К чему теперь твое участие?
На мне блестит взор теплый твой,
Как солнце после дней ненастья
Блестит над скошенной травой. . .

(1845)

---

¹ Увы! Ты передавал другому любовь и печалился. . . (лат.). —
Ред.

106. ЛОРЕЛЕЯ

Я знаю над Рейном утес.
В сияньи луны, как лилея,
Там часто, воздушнее грез,
Является мне Лорелея.

В лице и на сердце печаль,
Взор ищет и манит кого-то,
И дева в лазурную даль
Всё смотрит, блуждая у грота.

Блаженство, быть может, хоть раз
Блеснет ей за годы страданья...
Но тщетно в полуночный час
Ждет бедная фея свиданья...

Глаза потемнели от слез,
И сердце изныло в надежде...
А Рейн о гранитный утес
И плещет и бьется, как прежде.

(1846)

107. РАЗЛУКА С ЖИЗНЬЮ

Из Гервега

Отраднo умереть подобно блеску дня
В багряном зеркале залива:
Как бледная звезда, к земле лучи склоня,
Угаснуть тихо, молчаливо.

Отраднo умереть, как светлая роса
От жара сохнет над листьями;
Исчезнуть, как певич крылатых голоса,
Как звуки арфы под перстами.

Отраднo умереть, как в воздухе полей
Цветов уносится куренье,
Когда летит оно из венчиков лилей,
Как фимиам благодаренья.

Но нет! Не будет смерть избранников легка,
Тиха, как запада мерцанье;
Нет! не исчезнешь ты, как аромат цветка
И струн минутное бряцанье. . .

Нет! ты пройдешь над миром без следа,
Но прежде скорбь твою разрушит силу
И сердце разобьет на части, и тогда
Сойдешь ты, мученик, в могилу.

(1847)

108. ИЗ РЮККЕРТА

Певец, когда на голос свой
В сердцах людей ты ждешь созвучья, —
Пой не весну любви живой,
Но темной жизни злополучья. . .

Затем, что многим не дано
Изведать в мире наслажденья,
Но в каждой груди есть зерно
Тяжелой скорби и сомненья.

(1847)

109—111. (ИЗ ГОРАЦИЯ)

1

ОТДЫХ РОСТОВЩИКА

«Блажен, кто от забот житейских вдалеке,
Как древле смертные, возделывает просто
Волами почву на отцовском уголке,
Не зная лихвенного роста;
Кто, видя моря гнев, в испуге не дрожит,
Кого труба врасплох не пробуждает к рати
И кто подальше от Форума бежит
И от порогов сильной знати, —
Но виноградных лоз окрепнувший росток
Венчает с тополем высоким; или сучья

Пустые режет и, к пеньку привив глазок,
Ждет большего благополучья;
Порой любит на свой мычащий скот
В уединении долины;
Стрижет пушок овец или отжатый сот
Сбирает в чистые кувшины.
Когда ж чело свое, венком из наливных
Плодов нарядное, поднимет осень с пашни, —
Как рад он! . . Груши рвет с деревьев прививных
И пурпур гроздьев — дар всегдашний
Тебе, Приап, тебе, садовых рубежей
Блюстителю, батюшка Сильван! . . Пришла охотка —
Под старым падубом прилег, где посвежей,
Не то в густой траве. . . Там кротко
В высоких берегах, журча, скользят ручьи,
В лесах чиликают, не умолкая, птицы,
И тихим говором бегущие струи
Зовут сон легкий на ресницы.
Когда же, ливнями и снегом холодна,
Зима Юпитера закрадется, что ж? — в эти
Дни рыщет селянин со сворой, кабана
В расставленные гонит сети;
То петли редкие на жердочках, шала,
Готовит для дроздов прожорливых; в засаду
Поймает зайца иль бродягу журавля,
Приятную за труд награду.
О, кто б не позабыл среди таких затей
Тревоги тяжкие любви? . . Когда ж супруга
Хозяйство бережет и миленьких детей,
Сабинянка ль она иль юга
Дочь загорелая, апулянка; когда,
К приходу мужнину, она очаг прилежно
Сухим валежником наполнит, и, стада
Загнав за плетень хлева, нежно
Доит раздутые сосцы, и сладких вин
Из бочки льет, несет непокупные блюда, —
Не надо устриц мне, прославленный Лукрин,
Ни камбал, никакого чуда,
Которых гонит к нам на берега зима
Восточным ветром! Нет, ни рябчики, ни даже
Пеструха-курица нумидская сама
Не сходят в мой желудок глаже,

Чем эта сочная маслина, на отбор
Снятая со стеблей, или благоуханный
Щавель, иль проскурняк, целебный тем, кто хвор,
Иль агнец, Термину закланый.
Да, любо за такой трапезою взглянуть,
Как сытые волю идут домой, с натуги
Усталые, влача с полей в обратный путь
Уж опрокинутые плуги,
А там, под ларами, лежат счастливицы слуги».

Так Алфий-ростовщик, беседа, решил
Сам быть помещиком, для вожделенной цели
Об идах¹ деньги все из росту воротил —
И . . снова отдал в рост их через две недели!

(1857)

2

ТАЛИАРХУ

Смотри, как пеленой снегов белеет темя
Соракта; слабые леса, склонясь, едва
Густого инея поддерживают бремя,
И льдом закована речная синева. . .
Смягчи же стужу, друг! На очаге вели
Раскинуть хворосту да, не скупясь, диоту
Сабинского вина достань из-под земли,
Четырехлетнего. . . А лишнюю заботу
Оставь богам! Велят ветрам, чтоб унялись,
Не бунтовали бы они с пучиной ярой —
И не шелóхнется тенистый кипарис,
И ясень отдохнет своею сенью старой. . .
Что завтра ждет тебя — не спрашивай! Лови,
Как выигрыш, денек, дарованный судьбою;
Цветущий юноша, не убегай любви,
Ни пляски круговой, покуда над тобою
Не пронесли года. . . Тебя зовут пока
И поле Марсово, и под вечер, в условный

---

¹ В половине месяца.

Час, — шепот сладостный и смех из уголка,
Предатель девицы, чтоб ты, в борьбе любовной,
Сорвал у ней с руки браслет, любви залог,
Иль перстень с пальчика, что так притворно строг.

(1857)

3

БАРИНЕ

Я верил бы тебе, когда б за клятвы все,
Что ты нарушила, отмстительным уроком
Хоть почернел бы зуб во вред твоей красе,
Постигло б ноготок пороком.
Но нет!.. Лишь голову свою ты обрекла
На гибель клятвою, — ты блещешь вдвое краше,
Прелестней прежнего, и снова увлекла
На муку юношество наше...
Всё с рук тебе идет! Взываешь ложно ты
И к пеплу матери усопшей, и к светилам,
Которые глядят безмолвно с высоты,
И к чуждым холодной смерти силам...
Самой Венере — да! — смешно от этих дел,
И нимфы робкие смеются тихомолком,
Амур же точит лишь запасы жгучих стрел
Над окровавленным оселком.
Вся юность для тебя, заметь, растет, рабов
Ватага новая; а прежних неотступный
Рой, после всех угроз, толпится у столбов
Дворца владычицы преступной.
Боятся матери тебя за сыновей,
Пугают старого скупца твои удары,
И новобрачные в тревоге, чтоб мужей
Твои не обольстили чары.

(1857)

Михаил Александрович Стахович родился в 1819 году в с. Пальна Елецкого уезда Орловской губернии — имени отца, богатого помещика. Сначала он воспитывался дома, затем учился в орловской гимназии, а в середине 30-х годов был отвезен в Москву, где, готовясь к поступлению в университет, брал частные уроки у видного слависта О. М. Бодянского. С 1837 по 1841 год Стахович учился на словесном отделении философского факультета Московского университета. В студенческие годы он интересовался историей, литературой, музыкой; тогда же познакомился и затем сблизился со славянофилами И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым. Окончив университет, Стахович возвратился в свое имение. В 1844 году на несколько лет он уехал за границу, побывал в Италии, Швейцарии, но особенно долго прожил в Германии, где изучал философию, переводил стихи Гете и Гейне, а также усердно занимался музыкой — в течение года брал уроки теории музыки в Дрездене. В Германии Стахович женился (впоследствии, вернувшись в Россию, он развелся с женой и сошелся с крестьянской девушкой, племянницей своего бурмистра). 26 октября 1858 года жизнь Стаховича трагически оборвалась: он был убит своим бурмистром и письмоводителем, видимо с целью ограбления.

Литературная и общественная деятельность Стаховича развернулась в с. Пальна, где он прожил до конца жизни. Он был избран уездным предводителем дворянства и в середине 50-х годов деятельно участвовал в подготовке крестьянской реформы, выступая в журналах со статьями либерального характера.

Стахович часто бывал в Москве. Там он встречался с Островским, Ап. Григорьевым и был участником кружка, в который входили члены «молодой редакции» «Москвитянина».

Круг занятий Стаховича в 40—50-е годы определялся прежде всего глубоким и разносторонним интересом к народной жизни. Стахович изучал крестьянский быт, обычаи, фольклор, публиковал этнографические очерки, посвященные Елецкому уезду; он собирал народные песни, разъезжая с этой целью по деревням Орловской, Во-

ронжской, Тамбовской, Рязанской губерний. Стахович постоянно общался с простыми людьми, с крестьянами, предпочитая их общество дворянскому.

Интерес к народному творчеству способствовал его сближению с собирателем фольклора П. В. Киреевским. Стахович сообщал ему песни в своей записи, а после смерти Киреевского (1856) занялся, вместе со своим другом, видным фольклористом П. И. Якушкиным, систематизацией его огромного рукописного песенного собрания.

В 50-е годы Стахович выпустил собственное «Собрание русских народных песен» в четырех тетрадях (СПб. — М., 1851—1854; 2-е изд., под названием «Русские народные песни», — М., 1964). Тексты и напевы песен собиратель снабдил аккомпанементом для фортепиано и гитары, сделанным в стиле бытового городского романса. Последнее обстоятельство вызвало справедливую критику Ап. Григорьева. «Собрание» Стаховича, включившее главным образом старинные крестьянские песни, явилось значительной вехой в деле собирания музыкального фольклора. Для него характерен принципиально новый подход к собиранию песенных напевов: Стахович производил записи в деревнях, непосредственно от крестьянских исполнителей. До него старинные крестьянские песни записывались, как правило, в городе, от певцов-любителей, находившихся под воздействием городской музыкальной культуры. Богатое по своему составу, «Собрание» Стаховича высоко ценилось русскими композиторами; в частности, Римский-Корсаков использовал несколько песен в своих операх и большое число их включил в ставшее классическим собрание «Сто русских народных песен».

Страстно увлекаясь гитарой, Стахович сочинял и делал переложения для этого инструмента, опубликовал несколько «Очерков истории семиструнной гитары» («Москвитянин», 1854, 1855).

Литературным творчеством Стахович занимался с юности, однако печататься не спешил и первые стихи опубликовал лишь в 1853 году, в «Москвитянине». Здесь были напечатаны все его беллетристические опыты, за исключением нескольких стихотворений, появившихся в журналах «Современник» и «Русская беседа». Стахович успел опубликовать немного: около двадцати стихотворений, сказку в стихах «Ваня, купеческий сын» («Москвитянин», 1855) и две главы оставшейся незавершенной стихотворной повести «Былое». Стихи Стаховича, отмеченные знанием народного быта, интересом к обыденной сельской жизни и в то же время идеализирующие словесные отношения в деревне, не встретили сочувствия у критиков.

Среди увлечений Стаховича большое место занимал театр. В студенческие годы Стахович сделался горячим поклонником игры

П. С. Мочалова; в 40—50-е годы участвовал в спектаклях елецких любителей. В середине 50-х годов он опубликовал в «Москвитянине» три собственные пьесы: трехактную комедию «Наездники» (1854) и две «сцены из русского быта» — «Изба» (1854) и «Ночное» (1855). Обе «сцены» интересны стремлением автора к реалистическому изображению крестьянской жизни. Стахович не ставил перед собой задачу показать бесправное положение русского крестьянина, но тем не менее его произведения, написанные со знанием подлинного сельского быта и фольклора, резко выделялись в тогдашнем репертуаре. Одним из первых в русской драматургии Стахович вывел на сцену простых крестьян, говорящих на своем подлинном языке.

«Ночное» приобрело большую популярность, часто ставилось в обеих столицах и в провинции и удержалось в репертуаре вплоть до 20-х годов нашего века.

112. ПАЛЬНА

В придонских краях есть деревня средь гор и полей:
Там лес зеленее, ночная звезда веселей!
Там коршуны стаяй кружат над березой густой,
Там, сказке ровесник, орел солетается с ними порой;
И в роще шумят бесконечно разгульные ветры степные,
И дружно с волной говорят берега, осокой увитые;
А в небе лазурном, играя как волны, бегут облака,
И горы рокочат ключами, и вьется меж ними река.

Там всё мне родное: и небо, земля, и вода,
И веянье ветра, и облак игривых чреда!
Дворы и хоромы стоят, утонувши в кудрявых садах,
Стада с табунами гуляют далёко в отхожих лугах,
И всякому зверю приволье — леса, и трава, и кусты,
Овраги глубоки, в оврагах осоки густы.
За теми долами церковная кровля виднеет,
А поле пологое колосом-золотом спеет.

Часто я летом сажу на гумне на омёте один;
Дорога чернеет, по ней и пешком, и верхом селянин
Идут; на возах, на конях ребяташки, а солнце зашло;

Слышней на закате колеса, шумнее волну понесло
Со скрыни крупчатки, и ожил прохладой народ,
В саду господя, а ребята на речке, в селе хоровод.
Отрадное время! Темнеет зеленой дубровы вершина,
И вот занялася заря, и роскошна заката картина,

И музыкой чудной ее довершает, гремя, соловей,
И пахаря песня, и топот коня, и бегущий ручей.
День безмятежный! ясный закат! плодотворна погода!
Слышу твою благодать! торжество твое вижу, природа!
В родимом углу на земле родимых небес красотой
Ты каждому сердцу доступна и той же горишь теплотой,
Как и в зеркале искусства: так полны и жизни, и цвета
Звуки волшебные Вебера, яркая кисть Каналетта.

(1853)

113. ОСЕНЬ

Опять обнажены широкие поля!
Желтеет озимей щетинистое жниво,
Рыхла становится двойная земля,
И лёгко пашется засеянная нива.

Давно ли солнце жгло и летний день горел,
Гречиха, белая как кипень, побурела,
Овес завесистый как жемчуг забелел
И рожь высокая, поникнувши, шумела.

Звуча прошла коса, досужие серпы
С зари и до зари колосья пожинали,
Ряды ложились, вязались снопы,
И копны, как стада, несметные стояли.

И говором вся степь была оживлена;
Работа дружная и шумная кипела.
И песня косарей, раскатиста, звучна,
Далёко по заре лилася и звенела.

Теперь замолкло всё. Снопы в скирдах лежат,
Опять на целый год мы сыты и богаты.
И на току цепи и ладят, и стучат,
И веское зерно дождем летит с лопаты.

В селе на улицах собирается народ,
Досужий селянин управился с полями,
И снова он живет без дум и без забот,
Огородив гумно высокими валами.

Теперь пора! Густой уж стелется туман,
Давно желанный день, ненастный, наступает.
Лист падает шумя и на простор полян
Зверей испуганных из леса выгоняет.

Сонливый заяц лег беспечно в озимях.
Теперь пора, друзья! Донских коней седлайте,
И гончих и борзых на сворах, на смычках
Ведите стаями и в поле выезжайте.

Теперь-то мы пройдем и вдоль, и поперек
Овраги и бугры, и доли, и равнины,
Услышим звонкий лай, ловцов ревуший рог.
И, стоя на краю зияющей стремнины,

Мы будем зверя ждать. Вот ближе всё звучит
Гоньба согласная ватаги меж кустами,
И, уши наострив, ученый пес дрожит. . .
Но заяц сверкнул и покатил полями.

«Ух-ух!» Теперь к нему! Он вышел на простор!
И стая пестрая равниной поскакала!
Победа! И пойдет обычный разговор:
Чья свора угнала и чья его поймала.

И так проходит день. Далеко от домов
Осенний вечер нас на поле настигает.
На западе пожар зарниц и облаков
Багровым полымем полнеба обнимает.

Туман как серый волк над жнивьями лежит!
Дымится сизый пар, трепещет глушь седая,
И зелень яркая, озимая, блестит,
Морозу крепкого и снега ожидая.

Люблю я этот час погаснувшего дня!
Привал; верховый конь сменяется телегой;

И, поле кончивши, отрадно для меня
Добраться наконец желанного ночлега,

Намаявшись в полях с охотой день-деньской,
К соседу завернуть и сесть у самовара,
Где легкий спор идет за чашей круговой
И весело звучит старинная гитара.

Отрадно тут пожить от шума вдалеке,
Обычай прадедов и простоту усвоя,
И наблюдать в тиши, в безвестном уголке,
Довольство русского домашнего покоя.

(1853)

114. (ПЕСНЯ АЛЕХИ

ИЗ «ЗИМНЕЙ СЦЕНЫ (ИЗ РУССКОГО БЫТА)» «ИЗБА»)

Не светла звезда, не восходя
Поздно вечером загорается,
Как за реченькой, во слободушке
Огонек в избе зажигается.
В слободе ли та изба крайняя,
Свекровь-матушка в доме главная,
Старшей дочери пряжу прясть велит.
А шелками шьет дочь середняя,
А меньшая дочь на посылочках;
Меньшой дочери делать нечего.
«Ты меньшая дочь негораздая,
Ты смотри сиди за лучиною,
Ты просиживай ночи долгие,
Ты раздумывай думы горькие,
Что на улице гулять некому,
Что в окно глядеть тебе некого».
Ах, в окно глядеть — темь не видная,
Загулá вдали вьюга сильная,
Идет со степи непогодушка.
Непогодушка заливается,
У молодки грудь надрывается,
Что свекровь над ней насмехается,
Что невестки ей издеваются:

«Уж ты что ж теперь погулять нейдешь,
Что нейдешь играть за воротами?
Поглядела б ты, как метель метет,
Каково наш двор насугробило».
Встала горькая, покоряется,
Грозной матушке поклоняется,
По двору бежит не оглядкою,
На гумно пришла, огляделася.
Возле валу там, за одоньями,
Молодой ямщик ехал тройкою.
«Почтовой ямщик, ты молоденькой,
Ты зачем едешь по загуменью?
Что не едешь ты прямо с улицы?»
— «Мне затем нельзя ехать с улицы,
Что забило след у околицы;
Как поеду я по загуменью,
Невдогад тогда будет всякому!»

*Март — апрель 1853
с. Пальна*

115. СТАНЦИЯ

1. ВЫЕЗД

«Что ж, готово? где же кони?
Долго ль ждать нам лошадей?»
— «Здесь лошадки!» — «Что ж вы, сони!
Запрягайте поскорей!»
— «Барин, барин! уж доставлю,
Не извольте горевать;
Дайте время, всё исправлю!
Надо гривки разобрать
Да лошадам дать водицы
По ведерочке хлебнуть,
Порасправить рукавицы,
Кафтанишка застегнуть.
Ну, садитесь! Большая
Здесь на выезде гора».
И, лошадушек ровняя,
Он поехал со двора.

И с горы мы едем шагом,
Верх опасен и глубок;
Там опушкой над оврагом
Расстиляется лесок,
Там дорога изволóком
Пролежала и вилась
И внизу во рву глубоком
Речка быстрая неслась.
«Эй ты, малой, берегися:
Мы уж падаем совсем. . .»
— «Барин, ничего! держися!
Не робейте». Между тем
Высь обрывисто-крутую
Он глазами размерял
И, ударив коренную,
Вдруг под горку поскакал.
И колеса загремели,
Дрогнул мост; над ним стрелой
Мы с размаху полетели
Кверху, на берег крутой.
Степь открылась перед нами, —
Любо в даль ее глядеть!
Любо ровными полями
С вихрем взапуски лететь.
Славно, братцы, в поле чистом
Слушать песню ямщика
Вместе с звуком серебристым
Голосистого звонка.

2. РОЗДЫХ

Солнце к западу склонялось
И садилось за горой,
Степь как море волновалась
И цветами, и травой.
И безоблачной зарею
Вечер ясный заиграл,
Колокольчик под дугою
Приутих и приустал.
Прокатилися мы лихо!
День веселый догорел,

И тепло, и ветер тихой
Над полями пролетел.
Вечер русский! вечер дивной!
Сумрак в синей вышине,
А в дали бесперерывной
Небо с степью наравне!
И лошадки отдохнули,
И, лаская их вожжой,
Говорит им: «Аль заснули?» —
Наш извозчик удалой.

8. УДАЛЬ

«Эй, ударю! шевелися!
Две версты недалеко,
Только в горку подымися,
И деревня за рекой.
Трогай! Сердце загорелось,
Небо жаром занялось,
Вон и звездочка зарделась,
Но! вытягивай — небось!
Что горюешь? Не обижу,
Накормлю и напою;
Знаешь, дети, я увижу
Рассударушку свою!
Что ж вы стали? Вас я кличу?
Аль не с вами говорят?
Эх вы! горе, что ль, размычу,
Только искры полетят!»
Оглушительно и громко
Закричал он под конец:
«Гуж, терпи! держись, постромка!»
Расходился молодец —
Что ни дернет, то колено,
И толкует он одно:
«Есть, мол, вам овес да сено,
Есть мне брага да вино!»
И в селе его узнали:
«Ванька едет! Ванька сам!»
С громом, с звоном подскакали
Мы к тесовым воротам.
Сам хозяин отворяет,

Всё летит с дороги прочь,
И, как солнышко, встречает
Нас хозяйнинова дочь.

4. В Ъ Ю Г А

Кони, голову понуря,
Порываются бежать;
Опогодилось; буря
Стала тише завывать.
Что за вьюга! что за сила!
Экой вихорь-супостат!
Видишь, как поворотило
Нас оглоблями назад.
Взвыла вьюга, потемнело,
Отовсюду замело,
Завизжало, заревело
И сугробы нанесло.
Что тут делать? Ну-ка, трогай!
Не в степи же ночевать;
Хоть избенку бы дорогой
Нам какую отыскать.
Видишь, вправо у забора
Ветлы, что ли... или тын...
Роща... «Как же, больно скоро!
Это межи да полынь.
Это иней нарастает
И морочит нас туман,
Сверху мгла, а снизу тает,
Лесом кажется бурьян.
Перед нами путь неведом,
По дороге нет следа».
— «Что ж, держися старым следом,
Поворачивай сюда».
Лёгко ехать; под санями
Снег, садясь, зашумел;
И широкими слоями
Лед настыл и посинел;
Хрупок череп: степь и нива
Зазвенела подо льдом,
И торчит из снегу жниво
Под стеклянным колпаком.

«Вот теперь и плавай рыбой!
Вишь, зажоры! эка тьма!
Хоть тепло, за то спасибо,
Ты, сиротская зима!
Это что там? право, свечка!
Дымом пахнет, ей-же-ей!
Близко хатка, близко печка!»
— «Трогай, трогай поскорей!»

Ноябрь 1853
с. Пальна

116. РАЗЛУКА

Говорили мне люди, смеялись,
А я злым языкам не поверил.
И сегодня опять в хороводе
Так же весело милую встретил,
Я по-прежнему с ней повидался.
«Ты скажи мне, скажи, дорогая,
Уж про что ж это люди толкуют?
Всё такие их речи пустые,
Говорят, что ты замуж выходишь!»
И по-прежнему всё дорогая
Веселехонько мне отвечала:
«А за что ж тебе, друг, обижаться,
Что выходит судьба мне такая?
Я иду за богатого замуж,
Буду жить во покое, в довольстве.
А твоя ли завидная доля,
Что еще ты, дружок, погуляешь
Холостым молодцом, неженатым».
— «И на том тебе, радость, спасибо,
Что еще ты гулять мне желаешь
Холостым молодцом, неженатым!
Похожу я по белому свету,
И найду я другую девицу,
И богаче тебя, и получше!
Мою душу простую узнавши,
Она будет любить меня верно.
А вот только одно мне обидно:
Что уж, видно, сильнее не биться

Моему ретивому сердечку,
Не болеть моей груди больнее,
Не гореть горячее головке.
Уж и той ли мне красной девицы
Не любить сопровит тебя больше,
И за то ее лихом не помнить,
Что не с ней погубил, бесталанный,
Свое всё молодое веселье!»

Ноябрь 1853
с. Пальна

117. СТАРУХА НА ПЕЧКЕ

Пришла старуха в избú со двора.
«Ой, холодно! на дворе и метель, и курá!
Экая сила, что снегу навалило!»
Совсем старуха застыла;
На печку легла, кряхтит,
Не согрется старуха и на печке дрожит.
«Батюшки мои! заткните окно,
Видишь, как дует, и на печке холодно!»
— «То-то, старуха, тебе холодно на печí,
Лежишь под шубой да ешь калачи, —
Старик говорит, — а печь не закута!
Каково же теперь в обозе мужику-то?
Вот мы и на печке замерзли с тобой. . .»
— «Ох, — говорит старуха, — сударик ты мой!
Что мужичку в обозе-то делается? —
Бежит да греется».

Ноябрь 1853
с. Пальна

118. (ПЕСНЯ ВАНИ ИЗ «ЛЕТНЕЙ СЦЕНЫ (ИЗ РУССКОГО БЫТА) «НОЧНОЕ»)

Ах вы злые дни, мои горькие,
Неудалые,
Вы годá мои, годы прежние,
Миновалые!

Отбывали вы, не сказались,
    Не прощались,
Миновали вы, укатились,
    Потерялись.
Ах, скажи ж ты мне, моя молодость
    Молодецкая,
Ты куда, моя разудалая,
    Укатилась?
Откликайтесь вы, отзываются,
    Ворочайтесь,
Годы прежние, вихри буйные,
    Песни звонкие!

Сентябрь 1854
с. Пальна

**119. ПРАЗДНИК,
ИЛИ ГОРЕ ОТ ПЛЯСКИ**

Что, Павлушка, что, Прокофий,
Мои верные слуги!
Нынче горек что-то кофий
И нечисты сапоги!
То-то! Праздник на деревне;
Там у свата, у кумы
Без трактира, без харчевни
Обойдемся, видно, мы!
Знать, ребята, вы кутите?
Вот и повар чуть живой. . .
«Барин, нынче уж пустите:
Праздник!» — Я махнул рукой!

Знаю: праздник! и весною
Так и веет мне в окно;
Балалайкой заливною
Наши улицы давно
На заре еще звенели,
Песни громко раздались,
Дети, девки под качели
И ребята собрались.
Эх, туда бы я пустился
В этот пестрый хоровод!

Вишь как парень расходился:
Шапку набок, грудь вперед,
Трепака ударить хочет!
Девка рослая глядит,
И хохочет, и топочет,
И плечами шевелит.
Так и дергает мне ногу!
Знает наша сторона:
Сопротив меня, (ей-богу),
Нет другого плясуна!
Как бы с парнем я расчелся:
И ныряя, и скользя,
По-цыгански бы прошелся —
Да поди-ка вот — нельзя!
Всё заботы да затеи.
Вот сегодня на обед
Навязался мне на шею
Церемонный наш сосед;
Надо с ним, и вкось и прямо,
Про журналы рассуждать
И с его жеманной дамой
Дребедень перебирать.
Ну, а если он забудет?
Если грязи да пути
Побоится и не будет —
Аль на улицу пойти?
Да! добро свои крестьяне,
А чужие молодцы?
Здесь на ярмарке мещане
И проезжие купцы.
Ну, так ладно ж! и без пары
Я с гитарой тряхону —
Просто смерть бы без гитары
Записному плясуну!
Правда, вижу, брат Прокофий,
Что на праздник не лафа —
Книга, трубка, чай и кофий
И зеленая софа!

(1855)

120. ПЕСНЯ К МИЛОЙ

(Из Гете)

Блеснет заря, сверкающей волною
    Отражена,
Настанет день — о милый друг, тобою
    Душа полна!
Промчится ль вихрь, шумя в полях травую
    И прах клубя,
Иль горы спят, серебримые луною, —
    Я жду тебя!
Стоит ли тишь иль бездна тяжело дышит
    Морских зыбей —
Твой верный друг знакомый голос слышит
    И звук речей.
Смеркается, прозрачной синевою
    Ложится мгла;
Взошла звезда — о, если б ты со мною
    Теперь была!

(1855)

121. ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Не угасай, заката луч,
Гори, гори в дали багряной!
Не потухай во мраке туч,
Вечерний свет зари румяной!

Не меркни, день, не застилай
Лесов и гор седую мглою,
Ты, поле, песнею родною
Не умолкай, не умолкай!

Вот по заре, в глуши степей,
Родимой песни слышны звуки:
И горе позабылось в ней,
И тяжких дум затихли муки.

И веет юностью, и вновь
Души надежды воскресают,
И в бедном сердце оживают
Былые слезы и любовь.

И льется звучная волна,
Гуляет голос на просторе,
И грудь отвагою полна,
И степь волнуется, как море. . .

Гори ж, заря, не угасай!
Зажгись вечернею звездою!
Ты, поле, песнею родною
Не умолкай, не умолкай!

(1856)

122. БЫЛОЕ

Стихотворная повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В глуши пустынной и далекой
Среди воронежских степей
Есть хутор. Близ него широко
Лежит дорога. Там коней
Гоняют с Дону косяками,
Обоз идет, скрипя возами,
Порой, под сению ракии,
Цыганский табор здесь гостит.
И по степи необозримой,
Синея, стелется дымок:
Цыган и прасол огонек
Разводят, и кусок любимый,
Сидя под фурую, хохол
Кладет в дымящийся котел.

2

И степь ковыльная, глухая
Вокруг поселка мирно спит.
Чу, где-то песня удалая
Протяжно по полю звучит!

Заря горит, и с поля жница
Спешит, веселая девица,
И песню звонкую поет;
За нею, сгорбившись, бредет
С серпом и с граблями старушка,
И вслед им мерною стопой
Старик с седою бородой
Везет копну; снопов кладушка
Телегу давит и гнетет
И степью громоздко́ идет.

8

И вот семья домой приходит,
Хозяин въехал на гумно.
Старуха ощупью находит
Из сенец дверь. В избе темно
И пусто. Воз старик задвинул,
С своей лошадки упряжь скинул,
Огню добыл, фонарь нашел,
Дозором двор весь обошел.
«Ну, нынче кончили работу,
Хозяйка, то-то я устал! —
Ложася на печь, он сказал. —
И ужин будет мне в охоту».
И щей горшок в печи кипит,
Хлеб-соль готова, стол накрыт.

4

Горячий уголь ярко рдится,
Светло пылает красный жар,
И по избе уже струится
Ухи пахучей сизый пар.
В быту крестьянском редок летом
Особый ужин; встав со светом,
Хозяйка рано топит печь,
Обед готовит и без свеч.
Трапезы утренней остатки
На ужин подает впотъмах.

Но если разведет очаг,
То, верно, блюда будут сладки
И ужин будет не простой —
И нынче вышел день такой.

5

Соседней степи содержатель
Вчера гостил у старика.
Хозяйке ласковый приятель
Привез в гостинец судака
Да стерлядей; затем топила
Старуха печь — уху варила.
Хозяин нежился и ждал
Отведать рыбки; он дремал;
Спокойною и светлой думой
Его перемежался сон.
Доволен был и весел он,
Обычно строгий и угрюмой.
Он беззаботно отдыхал
И про былое поминал.

6

И правда, было, чем былое
Ему припомнить; долгий век
Он жил и время знал иное:
Он был дворовый человек
В поместье знатном и богатом.
В семье их двое жило с братом.
Всему именью головой
Был Прохор, брат его меньшей.
Он был приказчик дельной, строгой,
Умел внушать почтенье, страх
И мужиков держал в руках,
Но честен был — и крал не много,
В два года раз запоем пил
И мало денег накопил.

Зато уж старший брат Кирило —
 Так будем звать мы старика —
 Был трезв и тверд: в нем весу было
 Пудов двенадцать, и рука
 Была *с ведро*, могучи плечи,
 И голос груб, и кратки речи,
 Как крылья брови, хмурый взгляд,
 Обычаем мужиковат,
 Он в дворне знатным не казался,
 Лакеем сроду не служил
 И лапти и зипун носил.
 Он был кузнец и так остался
 Неграмотный простолюдин —
 И видел в землю на аршин.

Именье Прохором держалось,
 Кирилою держался дом.
 Во всей деревне отдавалось
 Ему почтенье. Как с отцом,
 Приказчик жил со старшим братом,
 И всякий кумом, всякий сватом
 Пафнутьича иметь желал.
 По всем крестинам занимал
 На вышках он любое место,
 Мирскою сходкой правил он,
 И, барину отдав поклон,
 Жених, пришедший за невестой,
 Ему подарок заносил;
 Он даже знахарем прослыл.

Судьбой домашнею, простою,
 Вполне бы он доволен был;
 Но было горе, что семьею
 Его господь не наделил.
 При всей своей великой власти,
 Кирило вовсе не по страсти

Женился, как-то уж давно,
Пришлось так; и суждено
Его жене, Агафье, было
За ним работать и молчать
И век покорно доживать.
Она боялась и любила
Кирилу, он был строг и лих;
Но не было детей у них.

10

Счастливей, нет ли, в деле этом
Досталась Прохору в удел
Судьба другая: уж со светом
Он был знакомее, смотрел
Дворецким важным и спесивым,
Знал грамоте, писал курсивом,
Всегда во фраке, при часах,
И увлекателен в речах.
В Москву он пригонял обозы
И с господами там живал,
Кузнецкий мост он посещал
И сердца не избег занозы —
Влюбился и женой в семью
Привез московскую швею.

11

Но жизнь в деревне показалась
Московской девушке скучна;
Как угождать ей ни старалась
Во всем Кирилина жена,
Хоть нежил сам ее Кирила,
Она всё плакала, грустила.
Сначала Прохор утешал
Ее, потом сердиться стал;
Днем уходил от горя, ночью
Всю с ней бранился напролет.
Так с нею маялся он год —
И, всей семье на радость, дочку
Жена об святках родила
И от чахотки умерла.

Как дочь родилась, тут же вышел
 В семействе на крестинах спор:
 У Прохора, Кирило слышал,
 С женой был прежде разговор,
 Чтоб дочь у них была Татьяна,
 В честь столь любимого романа,
 А сын Евгений; только брат
 Не дался Прохору под лад,
 Его поверья были крепки —
 Он по преданью имя ей
 Желал, а через восемь дней
 День приходился Полухлебки.
 Он переспорил — и она
 Была Аксиньей названа.

И вот у них дитя, а дети —
 Богатство, счастье мужика:
 С детьми и радость есть на свете,
 С детьми и жизнь ему легка!
 Случалось мне видать дорогой,
 У двери хижины убогой
 Лежит маститый старичок
 И дремлет сладко, под шумок,
 На подгороженной постели.
 В селе остался стар и млад,
 Вокруг него толпа ребят,
 Над ним ребенок в колыбели —
 И он с детьми и, сам дитя,
 Кончает век полушутя. . .

О жизнь отрадная, простая!
 Кто ознакомит нас с тобой?
 И где пробьет, страна родная,
 Родник всей жизни вековой?
 И кто, о русская природа,

О быт великого народа,
Постигнет образ твой и звук?
Да будет это дело рук
Певцов грядущих поколений!
Вы, предызбранные судьбой!
Я верю, правдой и хвалой
Прославит Русь грядущий гений
И, орлий зря ее полет,
И он, как Пушкин, воспое!

15

«Вперед, вперед, моя история!»
Приказчик пир приготавливал,
И дочь крестить отца Григорья
Он благочинного позвал
И пригласил весь околодок.
Мадеры, рому, разных водок
Воз целый в городе купил,
И каждый гость произносил
Ему желанье благ *душевно*.
Кирило даже хмелен стал —
Впервые в жизнь он подгулял,
Сидя с кумою Тимофевной.
Он сам племянницу крестил.
Он этим горд и счастлив был.

16

И, верен искреннему слову,
Он стал Аксютиним отцом:
Мать умерла — он ей корову
Купил и выкормил рожком.
И всё село тому дивилось,
Какая нежность в нем родилась,
Как он ребенка полюбил.
За ним он нянькою ходил.
Бывало, в старом полушубке
Он на пороге с ней сидит,
«Агунит» с ней и говорит,

Играет в *ладушки* и в *губки*
И не заглянет целый день
Ни на гумно, ни в половень.

17

Ему заботы были эти
Так новы, он так счастлив был:
Он сильно в первый раз на свете
Живое существо любил.
Дитя он нежил и покоил,
Об нем вперед он планы строил —
И в жизни в первый раз мечтал:
Как вырастет, какое б дал
Он ей приданое, быть может,
На волю выкупит ее. . .
Вот это было бы житье!
А там, как если бог поможет,
За ней бы деньги к деньгам взять
Да за купца ее отдать. . .

18

Здоров, и радощен, и светел
Растет ребенок третий год.
За ним Кирило не заметил,
Что Прохор снова горько пьет;
Он на работах не бывает,
С купцами в городе гуляет.
Отбился от дому и рад,
Что уж за ним не смотрит брат.
Шло время; долго ль, коротко ли,
Наш Прохор очень захворал.
К нему и лекарь приезжал,
Рецепт оставил поневоле;
Рецепт, однако ж, не помог
Нисколько, — он в постелю слег.

И умер Прохор, и осталась
 Аксюта круглой сиротой.
 Кириле много доставалось
 Тогда терпеть, — совсем иной
 У них порядок заводился.
 Его прижали, он сердился,
 Но сам управы не искал, —
 Молчал, терпел и только ждал,
 Что скоро барин сам прибудет
 И старых слуг вспомянет.
 Он деньги за себя внесет,
 А может, барин так рассудит. . .
 И вот на праздники зимой
 Приехал барин молодой.

«Приехал барин!» — И взметалась
 Вся дворня в разных суетах.
 Кириле смутно показалось,
 Как будто он почуял страх
 Впервые в жизни. Он боялся
 Не за себя; он оставался
 Охотно вечно крепостным, —
 Чего ему? Домком своим
 Он жил покойно; в сумке старой
 Нарочно он заплат нашил
 И в ней таинственно хранил
 Давно целковые под нарой.
 И с этой бы сумой навек
 В деревне был он человек.

Не то, не то его смущало,
 И он боялся не того, —
 Его, сердечного, пугала
 Судьба племянницы его.
 Кирило сам с собой толкует:
 Как, дочь приказчика свекует
 Дворовой девкой? Что за статья!

Так нет, тому же не бывать:
Он к барину пойдет с поклоном,
Он деньги за себя отдаст,
А там — Его святая власть. . .
И так на ложе сна со стоном
Он думу крепкую гадал
И ночи целые не спал.

22

Томим предчувствием недаром,
Большого он события ждал
И с дворней на поклон к боярам
В хоромы трепетно вступал.
И господин его заметил,
Приветною улыбкой встретил:
«Кирило, кстати, мне с тобой
Сказать два слова, милой мой,
Пойдем!» И в зале и в гостиной
Кирило сроду не бывал
И осторожно выступал,
Любуясь зеркалом, гардиной.
Под тяжестью его паркет
Трещит, — он входит в кабинет.

23

И стал у притолки Кирило,
И руки опустил по швам.
Ему лицо не изменило:
Ни по бровям, ни по усам
Движения не пробегало.
Хоть сердце билось и стучало,
Но духом он не оробел
И в землю пристально глядел.
И начал барин: «Ну, Кирило,
Не стало брата твоего.
Заслуги прежние его
Мне памятны; мне жалко было,
Что я его уж не застал».
Кирило кланялся, молчал.

«Итак, — помещик продолжает, —
 Я память Прохора почтить
 Хочу. — И он ему вручает
 Бумажник. — Начинайте жить.
 На первый раз я вас устрою.
 А вот тебе со всей семьею
 Отпúскную дарую я,
 А эти деньги от меня
 Племяннице на воспитанье. . .»
 И думает Кирило мой:
 «Итак, прощай, господь с тобой,
 Мое бывшее состоянье!»
 Иконам кланяется он —
 И в ноги барину поклон.

Он в эту светлую минуту
 Всё счастье жизни испытал.
 Теперь, взирая на Аксюту,
 Он это время поминал.
 Уж лет тому минуло много.
 Но всякий день усердно бога
 За милость он благодарил;
 С тех пор он новой жизнью жил.
 Аксюта стариков любила,
 Веселый нрав ее живой
 Дарил им радость и покой.
 И вот любитесь Кирило
 Племянницей — она прядет
 Волну и песенку поет.

Но кто ж в восторге молчаливом
 На эту деву не глядит!
 Румянцем ярким и стыдливым
 Лицо веселое горит;
 Как звезды тихой летней ночи,
 Светлы задумчивые очи;
 Как зорька, утра красота,
 Зарделись алые уста.

Какие девственные звуки
Из этой груди молодой
И бьют и зыблются волной!
Как полны плечи, белы руки,
Здоровьем дышит вся она,
Дородно, сильно сложена!

27

Рабочих зорь полезный холод
И нивы сельские дают
И свежий ум, и здравый голод;
И крепкий сон покоит труд.
Покой усталым людям нужен.
Безмолвно совершивши ужин
И мирно богу помолясь,
Семья по лавкам улеглась;
Луна веселыми лучами
В окне играла; уж крылом
Петух ударил; над двором
Небесный свод сиял звездами,
И час полночи наступал —
Чу! кто-то в двери застучал.

28

Друзья! зачем в дремоте сладкой
Семью тревожить нам теперь?
Мне жаль, что в этот час украдкой
Незванный гость стучится в дверь.
Постой, Пегас, ты знаешь слово,
Что и татарина лихова,
И англичанина, ей-ей,
Нам гость не вовремя скучней.
Крылатый конь! Вздохни покуда, —
Нам предстоит далекий путь:
В Москву мне надо заглянуть, —
Нам верст пятьсот тянуть отсюда!
Там, в белокаменной, другой
Живет для повести герой.

1 ноября 1854
Пальна

1

Блистали ложи золотые,
 Народу тьма — и час настал,
 Желанный час, когда впервые
 Мочалов Гамлета играл!
 Я помню этот день чудесный!
 Шекспир, по слухам нам известный,
 И нашу сцену посетил:
 Как будто стройный ряд светил
 Прошли невиданные сцены.
 Нам открывался новый свет,
 Пока не выведаль Гамлет
 Братоубийственной измены,
 Как зверь *подстреленный* вскочил
 И смехом кровь заледенил!

2

Народ весь дрогнул — страх и холод
 Его объял! И раз за раз
 Тут сердце стукнуло как молот. . .
 Но миг прошел — и, разразясь
 Неслыханным, безумным треском,
 Толпа и воплями и плеском
 Взгремела! Этот страшный гул,
 Казалось, своды пошатнул!
 А он, он, гордый, с ликом бледным,
 В красе трагической своей,
 Стоял как некий чародей,
 Смеялся хохотом победным,
 И вечно памятен для всех
 Остался этот грозный смех!

3

Тогда как, действие кончая,
 Над сценой занавес упал
 И, вновь «Мочалова!» взывая,
 Партер стучал, раек стонал, —

Тогда, шумящею толпою
Сбегая лестницей витою,
Внизу сошелся сонм друзей
Тогдашней сцены и искусства.
Неясен был их речи звук,
В объятиях, в пожатье рук
Спешило выразиться чувство —
И вот в кофейную, теснясь,
Толпа их шумно понеслась.

4

Уж там стояла мгла седая,
В дыму тускнел огонь свечей
И, сотней трубки набивая,
Шнырял услужливый лакей.
Уж в угол отдаленный залы
Собрались дружно театралы —
И тише стал их разговор:
Их занял всех ученый спор.
Тот спор еще до их прихода
Вели два зрителя давно,
Усевшись с чаем на окно,
Вдали от праздного народа,
Один, расчетливый в словах,
В перчатках белых и в очках.

5

«Нет, нет, профессор! как хотите, —
Его противник говорил, —
Не так на дело вы смотрите!
Вас Тик и Шлегель с толку сбил,
Совсем не в этом наша сила. . .»
— «Да что ж, нельзя смотреть, мой милый,
Шекспира в этом тени нет!
Ваш средний круг, и высший свет,
И ваш народ — такие дети!
Что так в восторг приводит их?
Плох перевод, неверен стих,
Балетные костюмы эти! . .
Да где ж вам и актеров взять
В Шекспире роли понимать?»

— «Где взять? У нас! В том наша слава,
 Что быстро школу мы прошли;
 Не в ней своим талантам право,
 А в силе собственной нашли.
 Значенье наше тем велико!
 Не он ли начал с Полинника,
 Мочалов наш? С недавних пор
 Он был и Фердинанд, и Мор,
 Но чьим он формам покорился?
 Везде его таланта луч
 Своеобычен и могуч.
 Как метеор, он нам явился
 И одиноко догорел —
 Но в нем дар русский уцелел!

Затем, в нем что-то есть такое,
 То, чем игра его жива.
 И на него, как на героя,
 Смотреть стекается Москва
 И ценит дар его высоко!
 Так сам Шекспир, когда глубоко
 Художника с Гамлетом слил,
 Актера нам определил.
 Вот эти чуйки, лисьи шубы,
 Им разве надобен Гамлет?
 Им до Гамлета дела нет,
 Как и Гамлету до Гекубы!
 Но верьте мне, из роду в род
 Меж них Мочалов не умрет!»

И тут, в молчании глубоком,
 Раздался резкий звон в дверях,
 И ринулся народ потоком
 По коридорам и в сенях.
 Начался акт — и опустела
 Кофейная. Едва горела
 Во мгле печальная свеча.

Один наш ритор сгоряча
Всё речь держал: «Друзья, оставим
Себе на память этот час!
Гамлет пойдет еще сто раз,
Теперь Мочалова прославим —
Налейте в честь ему со мной
Вы первый кубок круговой!»

9

Сказал — и тихо и спокойно
Студенты вышли на подъезд.
Колонны там белели стройно;
Лучи морозных, ярких звезд
Над темной площадью горели;
И там и сям костры виднели,
Бросая красный полусвет;
За ними черный ряд карет
Казался тучею густою;
И сквозь оконное стекло
Игриво, весело, светло,
Огнистой, длинной полосой
Иллюминированный кругом,
Сиял направо белый дом.

10

Куда, куда пора девалась,
Как из театра завсегда
К тебе обычно направлялась
Студентов истых череда,
Дом Полторацкого! Давно ли? ..
Ах, лет пятнадцать или боле, —
Я должен с грустию сказать!
Друзья, о чем нам воспевать,
Когда теперь без оговорок
Что прожито — осуждено,
Об чем не вспомнишь — всё давно,
Когда нам скоро будет сорок,
А он, великий наш поэт,
Грустил невступно в тридцать лет!

Но пусть же радость вдохновенья
 Меня покинет навсегда,
 Когда предам я вас забвенью,
 Протекшей юности года!
 Хоть иногда текли вы шумно,
 Хоть увлекались неразумно
 Подчас мы страстью и мечтой,
 Зато с какою теплотой
 Мы убеждения хранили,
 Сознанья первого плоды!
 Надежды пылкие, мечты,
 Друзья, всё вместе мы делили,
 И силой юных, общих дум
 Мужал тогда свободный ум.

Бурливое минуло время,
 А с ним шум оргий позатих;
 И полежаевское племя
 Гуляк талантливых, лихих
 Уж выбывало. В наши годы
 Уже квартир казенных своды
 Не оглашал свирепый вой
 Речей за чарой круговой.
 Не тот уж был трактир «железный»,
 Когда, бывало, «пунш хлестал!»,¹
 Кружок студентов тише стал,
 Науки новой труд полезный
 Крутые нравы усмирил,
 И чай им пиво заменил.

Шесть пар разбавивши водою,
 Тесняся за одним столом,
 Бывало, мы, своей семьею,
 Беседу за полночь ведем!

---

¹ Стих из поэмы А. Полежаева.

И на застольном нашем вече
Те неподслушанные речи
Уже не повторятся вновь,
Как наша младость, как любовь!
Блажен, кто стих невозвратимый,
Стих юный другу передал!
Блажен, кто счастье знавал
С подругой верной и любимой
Себя забыть, весь свет забыть
И долго, долго говорить!

14

Но что всегда вперед светило
Младым друзьям наук и муз,
Что навсегда определило
Тогдашней юности союз,
То было — полное равенство!
Родной науки совершенство
И мысли родственная связь!
Ты будь хоть дворянин, хоть князь,
Семинарист иль разночинец —
Ничто не убавляло прав
Товарища! Такой уж нрав
Нам бурса принесла в гостинец!
И вместе с тем, сознаюсь вам,
Презренье к модным господам!

15

И был их враг непримиримый
Начатой повести герой,
Соснов, наш сениор любимый,
Товарищ и приятель мой.
Наследство получив от дяди,
Не сделал в службе он ни пяди —
И на зуб лекций не учил.
Не кончил курс и с нами жил,
Дней лежебасских останок,
Художник смелый и поэт,

И в цвете сил, и в цвете лет,
Без горя знавший спозаранок
Томленья мысли и тоски,
Студент до гробовой доски!

16

В тот вечер по его призыву
Мы все собралися почтить
Дебют Мочалова счастливый
И в путь Соснова проводить.
Он уезжал; его именье
Лет десять глохло в отдаленьи,
И становился каждый год
Всё меньше барину доход.
Хоть мужики не обедняли
И землю староста купил,
А он именье заложил,
Проценты шибко нарастали,
Соснов платить их забывал,
Мечтал — и Гегеля читал.

17

.....
Желал, как свежий человек,
И мысли и труду свободы!
Хотел сам деятелем стать...
Но как начать? и что начать?

Мануфактуры и заводы
 Едва ли там привьете вы,
 Где сроду из степи подводы
 Не доходили до Москвы.
 Отдать ли землю в содержанье
 Там, где еще размежеванье
 Нарочно длит у вас сосед?
 Где даже отдыха вам нет
 От дел судебных за поправу!
 И где народ ваш добрый сам
 Уступит в лени — только вам!
 Хоть летом трудится на славу,
 Зато зимой на славу пьет
 И в барском закроме живет.

Соснову эти возраженья
 Конторщик старый говорил,
 Но все-таки его стремленья
 И замыслов не охладил.
 Он понял, что в степи привольной
 Простору много, сил довольно,
 Что можно жить в степи купцом,
 Торгуя хлебом и скотом,
 Что оборотливость такая
 Понятна будет мужику.
 Он думал, что его тоску
 Убьет деятельность живая,
 Что только нужен капитал —
 И денег, денег он искал!

И вот, проценты начитая
 На сумму сделанных долгов,
 К нему уже стекалась стая
 Заманчивых ростовщиков.
 Чем свет будил его в постеле
 И сводчик в фризовой шинели,

И смелый, ловкий аферист,
Приветлив, вкрадчив и речист,
Ему доказывал так ясно —
Как будет мал ему барыш,
Что дел уж нынче не съютишь,
Что без залогу дать опасно. . .
Но что ему он рад душой
Отчесть на вексель крепостной.

21

Покончив сделки, совещанья,
В трактире с самого утра
Сошлось жадное собрание:
Ростовщики и маклера,
И с книгами, и с векселями,
Расписки бренные рублями
Взялись Соснову разменять.
Ему осталось подписать
Еще одну бумажку с ними;
Формально — крючкодейный акт,
Ни запродажа, ни контракт,
С процентами десятерными!
Студент взглянул — и заключил,
И двадцать тысяч получил.

22

Кажись, пирушкою богатой
Тут отчего б не загулять?
За всё вино двойною платой
Без счету, смело отдавать,
К обогащению буфета
Кутить до самого до света,
Таков обычай богачей.
Но в простоте души своей
Одной бутылкою донскова
Мы кончили заздравный тост.
Наш ужин скромн был и прост,
Притом нам было жаль Соснова,
А полученный капитал
Нам страх ребяческий внушал.

H. Robinson

W. George Wood.

Когда мы стали расхѳдиться,
 Соснов был грустен; в этот час
 С Москвой он должен был проститься.
 А мы расстались в первый раз
 С товарищем! Но повторялись
 Дни эти часто: мы прощались,
 Друзья, на целый век с иным,
 Не зная этого, с другим —
 Надолго. Годы уходили,
 Шла жизнь путем своим — и вдруг
 Когда в глуши нежданный друг
 Встречается! Какие были
 Тут встречи! Брату кровный брат
 Не будет в жизни больше рад.

Наутро, посудите сами,
 Что тут была за радость нам,
 Когда за чайными столами
 Опять Соснов явился сам!
 Vemooster Bursch ¹ не мог решиться
 Так прозаически проститься
 С своим студенчеством, с Москвой,
 Остался на день, на другой,
 Послал приказчика в именье. . .
 Но о доверенном лице
 Мне долго объяснять в конце
 Моей главы; его значенье,
 О муза русская, со мной
 Ты новой песнею воспой!

14 октября 1857

Елец

¹ Замшелый бурш (нем.). — *Ред.*

123. ЗИМНЕЕ УТРО

Запорошена дорожка,
Подымается кура,
Занесло совсем окошко
Постоялого двора.
Уж давно гляжу с тоскою
Я в замерзшее окно,
Всё вдали передо мною
И мертво и холодно.
Между вешками кривыми
Грузно тянется обоз. . .
Вот косицами седыми
Снег поземный попол(о)з.
Взвыла выюга! Страшен грозный
И пустынный этот вид,
Солнце в радуге морозной
Неприветливо глядит.
Скучно, пусто в поле чистом,
Воздух холоден, как лед,
И, гудя с протяжным свистом,
Ветер по степи идет.
И чего ж это мне жалко,
Что так сердце мне щемит,
Как под звуки эти прялка
У хозяйки прошумит,
Как, вздохнув, она, молодка,
Безутешно пропоет. . .
Эта песня и погодка
Чуть мне грудь не надорвет.
Друг мой милый, всё больнее
И тоскуя, и любя,
Отчего теперь живее
Вдруг я вспомнил про тебя?
Снегом тоже, знать, светлица
У тебя занесена;
Так же ты сидишь, девица,
Пригорюнясь у окна
И одна глядишь с тоскою
Ты в замерзшее окно,
И вдали перед тобою
Всё мертво и холодно. . .

Надежда Дмитриевна Хвощинская (по мужу Зайончковская) родилась 20 мая 1824 года в Пронском уезде Рязанской губернии, в отцовском имении. Девочка рано узнала нужду: отца, чиновника, несправедливо обвинили в растрате, он был лишен места, имущество конфисковали, имение продали с аукциона. Семья переехала в Рязань и много лет бедствовала (невиновность отца была доказана в 1845 году и только тогда его вновь приняли на службу). Хвощинская поступила в рязанский частный пансион, но вскоре была взята оттуда из-за недостатка средств. Родители сами занялись обучением четверых детей.

Хвощинская рано пристрастилась к книгам, зачитывалась романами Вальтер Скотта, Жорж Санд и Гюго; в юности испытала влияние идей Белинского. Увлечение литературой в семье было всеобщим: впоследствии стали писательницами и сестры Хвощинской — Софья Дмитриевна (псевдоним — Иван Весеньев) и Прасковья Дмитриевна (псевдоним — С. Зимаров).

В Рязани, вместе с семьей, Хвощинская прожила почти всю жизнь. С 1852 года она нередко бывала в Петербурге, где завязала знакомство с В. Р. Зотовым, А. А. Краевским, С. С. Дудышкиным, Н. Ф. Щербиной, художником А. А. Ивановым. В 1865 году она вышла замуж за молодого врача И. И. Зайончковского, высланного в Рязань по политическому делу. Поздний брак не принес Хвощинской счастья. Супруги в основном жили порознь (муж постоянно болел и лечился за границей), а через несколько лет разошлись. В 1884 году Хвощинская переселилась в Петербург. Она жила здесь уединенно, постоянно нуждалась, часто болела, но не прекращала литературной работы, служившей для нее источником существования. Умерла она в Старом Петергофе, на даче, 8 июня 1889 года.

Хвощинская известна прежде всего как прозаик демократического направления. Увлечение поэзией относится к раннему периоду

ее творчества. Литературный дебют Хвощинской состоялся в 1847 году, когда она послала в «Литературную газету» В. Р. Зотова тетрадь своих стихотворений; шесть из них были напечатаны в номере от 18 сентября с лестным для автора отзывом: «Мы нашли в них много истинной поэзии, теплоты чувства, согретого мыслью и оригинальностью»; еще шесть стихотворений появились в следующем номере газеты. За двенадцать лет, с 1847 по 1859 год, Хвощинская опубликовала в «Литературной газете», а также в «Иллюстрации», «Пантеоне», «Отечественных записках» и других журналах около ста своих стихотворений, драматическую фантазию «Джулио» (1850) и стихотворную повесть «Деревенский случай» (1853). Последняя вызвала отрицательный отзыв Некрасова, писавшего, впрочем, что Хвощинской «дано все нужное для того, чтобы удачно писать прозой». ¹ Начиная с 1860-х годов Хвощинская стихов не публиковала и, по-видимому, не писала. Мысль об издании поэтического сборника осталась неосуществленной; стихи не включались ни в одно из нескольких собраний сочинений писательницы.

В 1850 году в «Отечественных записках» появилась первая повесть Хвощинской — «Анна Михайловна», подписанная псевдонимом В. Крестовский. Этот псевдоним стал постоянным для ее прозы (когда появился писатель В. В. Крестовский, она стала подписываться: В. Крестовский — псевдоним). Как прозаик Хвощинская приобрела немалую известность. За сорок лет она создала большое число неравноценных по качеству романов, повестей и рассказов. Главный мотив их — изображение застойной жизни русской провинции. Наибольшую известность имели повесть «Первая борьба» (1869) и роман «Большая медведица» (1870—1871). Хвощинская сотрудничала во многих журналах, наиболее интенсивно — в «Отечественных записках», с 1868 года возглавлявшихся Салтыковым-Щедриным и Некрасовым. Со Щедриным она познакомилась в Рязани, где в 1858—1860 годах он служил вице-губернатором. В дальнейшем, высоко оценив дарование писательницы, Щедрин охотно печатал ее произведения в своем журнале.

С начала 60-х годов Хвощинская выступала и в качестве литературного критика, писала обзоры художественных выставок; в 80-е годы она много переводила с итальянского и французского языков: перевела ряд драматических, в том числе стихотворных, произведений, несколько романов Жорж Санд.

---

¹ Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. 9, М., 1950, с. 673.

Есть дни: душа как будто в сон печальный,
 Болезненно томясь, погружена;
 Нет слез у ней о прошлой жизни дальней,
 О будущем не думает она,

И нет забот тревоги настоящей,
 И незаметно жизнь вокруг идет,
 И всё равно, лазурью ли блестящей
 Иль тучами одет небесный свод.

Все чувства спят. . . Как имя дать недугу?
 А он тяжел! . . . Болезнь, безумье, лень?
 Когда мы ночь встречаем как подругу
 И как врага прогнать стремимся день. . .

И сердце спит. Порой воспоминанье,
 Боль новая — движенье даст ему;
 И чувство есть, чтоб высказать страданье,
 И слово есть, — и вдруг вопрос: к чему?..

А если дух коварный песнопенья
 Ту вырвет мысль и в слово облечет, —
 Всё ж этих слов, опомнясь от забвенья,
 Душа тогда своими не зовет.

Затем, что в ней есть луч небес высоких,
 И гордость есть, и жалобы земной
 Она не любит. . . Мутного потока
 Не любит ключ с серебряной струей!

(1848)

125. ДЕТСКИЙ БАЛ

Бал детский; дети все так милы; их наряд
 Так свеж, в глазах отцов и матерей летят
     Они под радостные звуки;
 Но мне не смотрится: когда сияет бал,
 Кто от веселия хоть мига не отдал
     На долю безотвязной скуки?

Мне стало глупо жаль танцующих детей.
Средь этой тесноты, средь шума злых речей,
Тщеславья, что к нам льнет невольно,
Похвал неискренних и глупого суда,
Где зависть ранняя и ранняя вражда
Растут и спеют так привольно, —

Мне стало душно вдруг и тяжело за них.
О, дайте рощу им, рой бабочек золотых,
Луг пестрый с мягкой муравуей!
Наряд их стареет, неловок им, нейдет! . .
Но что я говорю? Сам крошечный народ
Не засмеется ль надо мною?

С чего мне вздумалось жалеть о них? Они
Так полно счастливы, как будто ночи, дни
Об этом только и мечтали;
Так смело счастливы, что не один наряд,
Но всё: движенье, речь, улыбку, смех и взгляд —
Заране будто изучали.

О боже! детский страх — и тот в них изучен!
Вот, вот с лукавою улыбкой опущен
Тот взор младенческий, невинный,
Где ангел мог читать связь неба и земли!
Уста раскрылись отысканной в пыли
Насмешкой дерзкой, злостью длинной. . .

Зачем же это так, за что же? Неужель
Святого на земле одна лишь колыбель,
Где света звонкие оковы
Еще не подняты, где не пора острить,
Где чуть рожденный слух не может различить
Еще галопа от редовы? . .

А вы, о матери, ужели вам не жаль,
Что пресыщение, усталость и печаль,
Успехов, неудач тревоги
Свой бледный след кладут на лица молодых,
Что почки пышных роз, пух яблок наливных
Затоптаны в грязи дороги?

И вы так веселы! . . . А в будущем что вы
Для них готовите? Страсть сплетен, страх молвы,
Холодность, скуку, отупленье,
Заботу вечную о вычурах смешных,
Способность не щадить ни ближних, ни родных —
Из мести иль для развлечения. . .

Им дружба не простит их ложного стыда.
Их ручки белые не тронут никогда
Язв наших страшных и глубоких. . .
О, безобразие их жалость отпугнет! . . .
Труд гения и вопль поэта не вольет
Румянца жаркого им в щеки!

Кто сложит голову на слабую их грудь?
Кому осветят жизнь и сгладят скорбный путь
Они, живущие в кадрили?
Среди хлопот пустых, безделок и затей
Они пройдут свой век, — ничтожны для детей,
Как сами матери их были. . .

Июль 1848

126

Среди борьбы и разрушенья,
Жрецы покинутых богов,
Еще твердим мы откровенья,
Уже не веря силе слов.
Тот свет, что истиной мы звали,
Враждебной тьмы прогнать не мог.
Мы усомнились в нем и пали
В смятеньи в прах на наш порог.
И слыша клики ликованья
Над потрясенною землей,
Мы вопрошаем: иль мечтанья
Всё то, что скошено грозой? . . .
Мы заблуждались, мы люди. . .
Но благо ль то, что свершено?
Тому ли мы взывали: буди!
Что в этом мире быть должно?

Но вопль врагов глухой, неясный
Их торжеством не заглушен
И говорит: спор не напрасный,
Мужайтесь! — он не разрешен! . .

1849

127

Три слова! Что нам в них? Довольно, в самом деле,
Себя обманывать и говорить о том,
Что невозможно здесь, чего ни в колыбели,
Ни в гробе не найдем.

Мы братья! . . Отчего ж так разны наши нужды?
Зачем мы уступать не можем, не хотим?
Зачем страдания других нам скучны, чужды,
А счастье нужно нам самим?

Мы равны! . . Отчего ж не размышляет сила?
Зачем не признан труд и подкуп верх берет?
Самосознанье где? Что гордость в нас убило?
Зачем нас сильный смело гнет?

Свободны мы! . . Но где ж прямое пониманье
Священных наших прав, и где любовь к правам?
В протесте мысли нет, отваги нет (в восстаньи),
И благо не по силам нам.

Свобода, равенство и братство! . . Звуки, звуки!
И без значения. К чему их повторять?
Мир утомлен — на труд он не поднимет руки —
В оковы их легко поднять. . .

Так что ж ему в словах? . . Ты прав, народ безумный!
Ты первый произнес — и первый их изгнал.
Так проклинай же их, осмеивай их шумно
И торжествуй, что снова пал.

Но помни: на тебе лежит ответ. Ты дело
Затеял страшное: примером быть людей.
Ты истину открыл и сам отрекся смело
От истины своей.

Народ! твои дела других в соблазн вводили.
Все за тобою шли и все словам твоим
Отрадно верили. . . О, лучше б их забыли,
Чем посмеялись им! . .

1349

128

Не могу я приняться за дело;
Меня тусклое манит окно.
Всё смотрела б я, долго б смотрела.
В небе вместе светло и темно.
Из-за облака месяц всплывает,
В обнаженных ветвях ветр шумит.
Что-то сердце и жмет и ласкает,
Кто-то тихо душе говорит;
Вспоминается прошлое, слабо
Настоящее борется в ней. . .
И всю душу сейчас отдала бы
Этой ночи и шуму ветвей. . .

(1851)

129

Свой разум искусив не раз
И сердце вопросив с участием,
Мы знаем — всё прошло для нас
И даже не к лицу нам счастье.

Мы знаем, что напрасно ждем;
Одно прошло, пройдет другое,
И — хоть с печалью — сознаем
Благоразумие покоя.

Мы знаем, путь наш недалек,
Не всё душа мечты ласкает. . .
Так иногда дитя в песок
Цветы завялые сажает.

1851

Солнце сегодня за тучею черной такой закатилось.
 Страшно! Проглянет ли завтра оно?
 Полно, дитя мое милое! Что ты к окну приютилось?
 Холодно, скучно, темно. . .

Глазки устанут смотреть. Все деревья, как тени
 нестройные,
 Смяты от бурь и осенних дождей;
 Ветер их клонит; поляна пуста; как душа беспокойная,
 Ветер гуляет по ней.

Полно, не слушай, что шепчет он; пусть он тоскует
 и плачется —
 Он свою старую песню поет.
 Только полоской багряной восток вдалеке обозначится —
 Ветер, быть может, уснет.

Любит он сказкой печальной и песнью своею раздольною
 Милых детей и манить и пугать. . .
 Полно, не слушай, дитя мое, тайной тоскою невольною
 Будешь во сне тосковать.

Вздых ли предсмертный пронесся иль слезы с ресницы
 скатились —
 Всё он собирал на чужой стороне;
 Всё перескажет. Не слушай, мой ангел, чтоб
 не приснились
 Слезы чужие во сне. . .

1851

Нет, я не назову обманом
 Того, чем жизнь сказалась мне. . .
 Над морем жизни нет тумана:
 Всё видно на прозрачном дне.
 В то море — в думе, и гадая, —

Руки не опускала я
И перлов не искала, зная,
Что перлы те не для меня.
Покорно, безответно ими
Я любовалась на другой,
Благоговевя, как рабыня
Перед нарядной госпожой.

1851

132

Ночь холодна, темна; холмы, река, поля —
Всё тускло, мертво и туманно;
Далёко с тучами сливается земля;
Вблизи уродливы и странны
Все образы: то ель, чернея, с высоты
Как будто руки простирает
С мольбой отчаянной, то белые кусты
На бледном мраке выплывают
И слабый очерк их мелькает и бежит. . .
Зачем всегда в ночи холодной
Воображение нам душу шевелит
Мечтой далекой и несходной
С тем, что действительность указывает нам?
Зачем не то, что нам знакомо,
Припоминаем мы; не к первым детским снам,
К друзьям, к любви, к родному дому
Мы обращаемся? — но образы зовем
Из жизни мира, жизни чудной. . .
Зачем в мечтах своих мы жизнь опять даем
Тем, кто уснул — и беспробудно?!
Зачем так ясны нам становятся вполне
Земные радости и нужды
И рады так тому, что мы — хоть в полусне —
Чувств человеческих не чужды? . .

1852

Шумит осенний дождь, ночь темная нисходит.
 Клонясь под бурю, стучат ко мне в окно
 Сирени мокрые. Мелькают и проходят
 В тумане образы минувшего давно.

На что мне их? Хоть в них всё живо, всё знакомо,
 Хотя из жизни их я помню каждый час,
 Но что заглядывать на праздник в окна дома,
 Откуда так давно прогнали нас.

Жалеть? — Я не дитя? Премудро утешаться,
 Что праздник этот пуст, лишь шум и суета?
 Я чувствую, что нет. Иль снова добиваться? . .
 Но сил уж нет в душе — и я сама не та.

О, огрубей мой слух, чтоб вой грозы холодной
 Не вызвал из души тех слез, что очи жгут,
 Чтобы, без прежних грез, спокойно и свободно
 Приняться я могла за бледный, вялый труд,

Чтоб мне не вспоминать о радости случайной,
 Когда проходит жизнь и строго и темно,
 Чтоб вместо счастья не жить надеждой тайной,
 Что я уйду туда ж, куда ушло оно.

(1854)

134. СЛОВО

О, если бы из слов, и лишних, и напрасных,
 Что даром тратятся, из шуток вздорных, праздных,
 Из лицемерных клятв, клевет, обманов злых,
 Корыстных, ропота, ничтожных сожалений,
 Из всех безжалостных, расчетливых суждений
 Холодной мудрости, забывшей о других, —
 Избрать слова — и в песнь сложить их, чтоб
 предстали

Пустые люди в ней живыми и узнали
 Себя, как в зеркале, и чтобы образ свой
 Возненавидели, и, отвращая взоры,

Постигли правоту и гнева, и укора
Тех, что с презрением зовут они *толпой*.

Пусть будет эта песнь не песнью примиренья,
Но слову на земле есть также назначенье,
И пусть хоть раз один оно его свершит,
И если не за мир, неправдою несчастный,
Так за себя, сто раз звучавшее напрасно,
Пускай торжественно то слово отомстит!

(1856)

135

Под шум заботы ежедневной
Спокойно задремав душой,
Они выслушивают гневно
Сужденья жизни молодой.

Их будит как-то неприятно
Могучий говор свежих сил,
Им наши чувства непонятны —
Тот их не знал, тот пережил.

Им странно наше увлеченье,
Им дерзко кажется оно,
Досадно наше убежденье,
Безумно, гордо и грешно. . .

Не победив упорным криком,
Они пугают небом нас. . .
Внимая их угрозам диким,
Я грустно думаю подчас:

Зачем за истину святую
Я не могу их толк принять
И мысль тревожную и злую
И усмирить, и оковать,

Негодование и волнение
Смирив, дать мир душе моей,
Чтоб к невозможному стремленье
Не оставалось у ней? . .

Мечты, желанья! . . . О, бог с ними,
Когда им воли не дано,
Когда словами лишь пустыми
Им выражаться суждено!

(1857)

Юлия Валериановна Жадовская родилась 29 июня 1824 года в с. Субботине Любимского уезда Ярославской губернии, имени своего отца, крупного губернского чиновника, принадлежавшего к старинному дворянскому роду. Рано лишившись матери, она была взята на воспитание бабушкой и провела детство в ее поместье, с. Панфилове Буйского уезда Костромской губернии. Бабушка мало занималась образованием девочки, болезненной, родившейся калекой — без левой руки и с тремя пальцами на правой; но та пристрастилась к чтению и самостоятельно выучилась писать. В возрасте тринадцати лет она около года находилась в Костроме, у своей тетки А. И. Корниловой, в 20—30-е годы выступавшей в журналах со стихами под своей девичьей фамилией Готовцова.

На пятнадцатом году жизни Жадовская поступила в костромской частный пансион. Молодой преподаватель П. М. Перевлеский, впоследствии видный филолог, обнаружил у нее незаурядные литературные способности и одобрительно отнесся к ее первым поэтическим опытам. Но вскоре пансион закрылся, и Жадовская с 1840 года поселилась в доме отца, в Ярославле. Перевлеский, переведшийся в ярославскую гимназию, был приглашен к ней домашним учителем. Молодые люди полюбили друг друга. Несколько лет их чувства сохранялись в тайне, но когда они, намереваясь обвенчаться, открылись отцу Жадовской, тот решительно воспротивился браку дочери с бедным разночинцем, сыном дьякона, и добился его перевода в Москву. Жадовская, подчинившись воле отца, осталась в его доме, где прожила еще двадцать лет. Литературные занятия стали единственной отдушиной в ее безрадостном существовании. Главным мотивом стихов, а затем и многих прозаических произведений послужила пережитая ею любовная драма.

Заинтересовавшись стихами дочери, Жадовский в 1843 году повез ее в Москву и в Петербург, где она познакомилась со многими литераторами. М. П. Погодин оценил дарование молодой поэтессы и в том же году поместил в «Москвитяине» ее этнографический очерк «Проводы масленицы в Буйском и Солигалицком уездах» и два стихотворения — «Лучший перл таится...» и «Много капель светлых...». С этих пор стихи Жадовской часто появлялись в журнале.

В 1846 году Жадовская выпустила в Петербурге свои «Стихотворения». Книга вызвала сочувственные рецензии в ряде журналов. Строже других был отзыв Белинского. Затем стихи Жадовской публиковались в различных журналах и альманахах.

В 1847 году была напечатана повесть Жадовской «Простой случай». За ней последовал ряд рассказов, повестей и романов; наиболее значительным среди них явился роман «В стороне от большого света» («Русский вестник», 1857).

В 1858 году появился второй сборник «Стихотворений». Кроме многих перепечатанных из первой книги, сюда вошло большое число новых произведений, наряду с глубоко-личными — и стихи гражданского звучания. Книга была тепло принята критикой (рецензии Добролюбова, В. Майкова, Писарева; известна также положительная оценка Чернышевского). Добролюбов, в частности, отнес сборник «к лучшим явлениям нашей поэтической литературы последнего времени».¹

В том же году вышли «Повести Юлии Жадовской».

В дальнейшем Жадовская свои стихи почти не публиковала. Все реже появляются и ее прозаические произведения. Напечатав роман «Женская история» и повесть «Отсталая» («Время», 1861), она совсем прекратила литературную деятельность.

В 1862 году Жадовская вышла замуж за давнего друга семьи, врача К. Б. Севена, и лишь тогда освободилась от материальной и нравственной опеки отца. Последние годы жизни она провела в купленном ею после смерти отца имении, с. Толстикове Костромской губернии, где и умерла 23 июля 1883 года.

Брат поэтессы, П. В. Жадовский, после ее смерти издал «Полное собрание сочинений Ю. Жадовской» в четырех томах (СПб., 1885—1886), куда вошли ее стихи, проза и часть писем. В этом издании в нескольких случаях восстановлены строфы, исключенные, вероятно, цензурой из прижизненных изданий. Однако стихотворения Жадовской собраны здесь очень неполно; издателем не включены сюда «слишком слабые, неотделанные пьесы», ряд произведений из рукописных тетрадей и те из стихотворений, вошедших в сборник 1846 года, которые Жадовская не перепечатала в сборнике 1858 года. Имеющиеся в тексте некоторых стихотворений разночтения, по сравнению с прижизненными публикациями Жадовской, никак не мотивированы и потому не могут считаться проявлением ее последней авторской воли.

---

¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 3, М.—Л., 1962, с. 134.

Много капель светлых
 В сине море падает;
 Много искр небесных
 Людям посылается.
 Не из каждой капли
 Чудно образуется
 Светлая жемчужина,
 И не в каждом сердце
 Искра разгорается
 Пламенем живительным!

(1843)

Лучший перл таится
 В глубине морской;
 Зреет мысль святая
 В глубине души.
 Надо сильно буре
 Море взволновать,
 Чтоб оно, в бореньи,
 Выбросило перл;
 Надо сильно чувству
 Душу потрясти,
 Чтоб она, в восторге,
 Выразила мысль.

(1843)

Ты скоро меня позабудешь,
 Но я не забуду тебя;
 Ты в жизни разлюбишь, полюбишь,
 А я — никого, никогда!
 Ты новые лица увидишь
 И новых друзей изберешь;
 Ты новые чувства узнаешь
 И, может быть, счастье найдешь.

Я — тихо и грустно свершаю,
Без радостей, жизненный путь;
И как я люблю и страдаю —
Узнает могила одна!

(1844)

139. ПРИБЛИЖАЮЩАЯСЯ ТУЧА

Как хорошо! В безмерной высоте
Летят рядами облака, чернея. . .
И свежий ветер дует мне в лицо,
Перед окном цветы мои качая;
Вдали гремит, и туча, приближаясь,
Торжественно и медленно несется. . .
Как хорошо! Перед величьем бури
Души моей тревога утихает.

1845

140. ВОЗВРАТ ВЕСНЫ

Что в душу мне так дивно льется?
Кто шепчет сладкие слова?
Зачем, как прежде, сердце бьется,
Невольно никнет голова? . .

Зачем отрадою неожиданной
Опять я, грустная, полна?
Зачем весной благоуханной
В сны счастья погружена?

Надежд, уснувших так глубоко,
Кто разбудил кипучий рой?
Прекрасно, вольно и широко
Кто жизнь раскинул предо мной?

Или еще не отжила я
Моей весны всех лучших дней?
Или еще не отцвела я
Душой тревожною моей?

1845

141. ТЕПЕРЬ НЕ ТО

Уж теперь не то, что было прежде!
Грустно мне, как вспомню о былом:
Раскрывалась сладко грудь надежде
И мечтам о счастии земном.

В горе я вдавалась безотчетно,
Без сознания радостна была
И вперед глядела беззаботно,
Не страшась ни людей, ни зла.

Уж теперь не то, что прежде было!
Равнодушно я гляжу на свет;
В сердце грустно стало и уныло,
И желаний прежних больше нет.

Жизнь теперь я лучше разумею:
Счастья в мире перестав искать,
Без надежды я любить умею
И могу без ропота терять.

1845

142

Всё ты уносишь, нещадное время, —
Горе и радость, дружбу и злобу;
Всё забираешь всеильным полетом;
Что же мою ты любовь не умчало?
Знать, позабыло о ней ты, седое;
Или уж слишком глубоко мне в душу
Чувство святое запало, что взор твой,
Видящий всё, до него не проникнул?

(1846)

143. ВЕЧЕР

Повсюду тишина: природа засыпает
И звезды в высоте так сладостно горят!
Заря на западе далеко потухает,
По небу облачка едва-едва скользят.

О, пусть душа моя больная насладится
Такою же отрадной тишиной!
Пусть чувство в ней святое загорится
Вечернею блестящею звездой!
Но отчего я так тоскую и страдаю?
Кто, кто печаль мою поймет и усладит?
Я ничего теперь не жду, не вспоминаю;
Так что ж в моей душе? . . . Вокруг меня всё спит;
Ни в чем ответа нет. . . лишь огненной чертою
Звезда падающая блеснула предо мною.

1846

144

Я всё еще его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой невольно блещет.

Я всё еще его, безумная, люблю!
Отрада тихая мне душу проникает,
И радость ясная на сердце низлетает,
Когда я за него создателя молю.

1846

145. ВЗГЛЯД

Я помню взгляд, мне не забыть тот взгляд! —
Он предо мной горит неотразимо:
В нем счастья блеск, в нем чудной страсти яд,
Огонь тоски, любви невыразимой.
Он душу мне так сильно взволновал,
Он новых чувств родил во мне так много,
Он сердце мне надолго оковал
Неведомой и сладостной тревогой!

{1847}

146. ПРИЗНАНИЕ

(Отрывок)

Когда б ты знал, как больно мне
Всегда в душевной глубине
Таить и радость и печаль,
Всё, что люблю, чего мне жаль!
Как больно мне перед тобой
Не сметь поникнуть головой,
Шутить, смеяться и болтать!
Как часто я хотела дать
Свободу сдержанным речам,
Движенью сердца и слезам. . .
Но ложный стыд и ложный страх
Сушили слезы на глазах,
Но глупого приличья крик
Оковывал мне мой язык. . .
И долго я боролась с ней,
С печальной участью моей. . .
Но полно! Больше нету сил!
Мне мой рассудок изменил!
Мой час настал. . . теперь узнай,
Что я люблю тебя! Один
Всех дум моих ты властелин,
В тебе мой мир, в тебе мой рай!
Себя и исповедь мою
В твою я волю предаю, —
Люби, жалея иль осуждай!

(1847)

147. ВОЗРОЖДЕНИЕ

Во мгле печальных заблуждений,
В тяжелом сне душа была,
Полна обманчивых видений;
Ее тоска сомненья жгла.

Но ты явился мне: сурово
С очей души завесу снял,
И вещее промолвил слово,
И мрак сомненья разогнал.

Явился ты, мой гений грозный,
Разоблачил добро и зло,
И стало на душе светло —
Как в ясный день... зимы морозной...

1847

148. СИЛА ЗВУКОВ

Из ума у меня не выходит
Всё та песня, что пели вчера;
Всё мне грустные думы наводит,
Всё звучит мне страданьем она.
Я сегодня работать хотела,
Но лишь только иголку взяла,
Как в глазах у меня потемнело
И склонилась на грудь голова;
Как недугом лихим охватило
Теми звуками душу мою,
И болезненно сердце заныло...
И шепчу всё: «Люблю я, люблю!...»

1847

149. ПРОЩАЙ

Прощай! не нужно мне участия:
Не жалею, не плачу я.
Тебе — вся прелесть бытия,
Тебе — весь блеск земного счастья,
Тебе — любовь, тебе — цветы,
Тебе — все жизни наслажденья;
Мне — сердца тайные мученья
Да безотрадные мечты.
Прощай! пришла пора разлуки...
Иду в печальный, долгий путь...
Бог весть, придется ль отдохнуть
Мне здесь от холода и скуки!

1847

Ты всюду предо мной: повеет ли весна,
 Я чувствую тебя в ее отраде тайной;
 Любуюсь ли цветком, я уж тоски полна, —
 Я мыслю о тебе; забросит ли случайно
 Холодная луна свой бледный луч ко мне,
 Иль кроткая звезда вечерняя сияет, —
 Всё это мне тебя, мой друг, напоминает.
 Я плачу о тебе в печальной тишине.
 Тоской, любовью, разлукою томима,
 Вся жизнь моя — бессильная борьба...
 Меня гнетет недуг неисцелимый
 И неизбежный, как судьба...

1847

Всё бы я теперь сидела да глядела!
 Я глядела бы всё на ясное небо,
 На ясное небо да на вечернюю зóрю, —
 Как заря на западе потухает,
 Как на небе зажигаются звезды,
 Как вдали собираются тучи
 И по ним молнья пробегает...
 Всё бы я теперь сидела да глядела!
 Я глядела бы всё в чистое поле, —
 Там, вдали, чернеет лес дремучий,
 А в лесу гуляет вольный ветер,
 Деревам чудные речи шепчет...
 Эти речи для нас непонятны;
 Эти речи цветы понимают, —
 Им внимая, головки склоняют,
 Раскрывая душистые листочки...
 Всё бы я теперь сидела да глядела!..
 А на сердце тоска, будто камень,
 На глазах пробиваются слезы...
 Как, бывало, глядела я другу в очи, —

Вся душа моя счастьем трепетала,
В моем сердце весна расцветала,
Вместо солнца любовь светила. . .
Век бы целый на него я глядела! . .

1847

152. П***

Напрасно ты сулишь так жарко славу мне:
Предчувствие мое, я знаю, не обманет,
И на меня она, безвестную, не взглянет.
Зачем будить мечты в душевной глубине?

На бедный, грустный стих мне люди не ответят,
И, с многодумною и странною душой,
Я в мире промелькну падучею звездой,
Которую, поверь, не многие заметят.

1847 (?)

153

Люди много мне болтали
О тебе добра и худа;
Но на все пустые толки
Я презреньем отвечала.
Пусть кричат, что им угодно,
Про себя я говорила,
Мне всю правду сердце скажет:
Лучше всех оно сумеет
Различить добро и худо.
И с тех пор, как полюбила
Я тебя, прошло немало
Дней веселых и печальных;
Разгадать же и теперь я
Не могу, как ни стараюсь,
Что в тебе я так любила:
То ли, что хвалили люди,
Или то, что осуждали? . .

1848

Любви не может быть меж нами:
 Ее мы оба далеки;
 Зачем же взглядами, речами
 Ты льешь мне в сердце яд тоски?

Зачем тревогою, заботой
 С тобой полна душа моя?
 Да, есть в тебе такое что-то,
 Чего забыть не в силах я;

Что в день печали, в день разлуки
 В душе откликнется не раз,
 И старые пробудит муки,
 И слезы вызовет из глаз.

1848

155. СКУЧНЫЙ ВЕЧЕР

Как мне вечером скучно одной,
 Да притом же не в шутку больной!
 Я б охотно послушала сказки,
 Дождалась бы и глупой развязки;
 А уж если бы песню кто спел,
 Мой недуг бы как раз отлетел.
 Мне работать, читать запретили.
 Да еще бы хоть звезды светили!
 Нет, в окошко, темна, холодна,
 Ночь угрюмая смотрит одна;
 Шумно сани порой проезжают,
 Да у дома в потемках мерцают,
 И лениво, и тускло горя,
 Покривленные два фонаря.
 С каждым часом минуты длиннее,
 С каждым часом в душе холоднее.
 Вот и песня... Спасибо тому,
 Кто запел, невзирая на тьму, —

И не мыслит о том, не гадает,
Кто ему с наслажденьем внимает:
Для себя одного он поет
И по улице дальше идет. . .

1848

156

Ночь. Всѣ тихо. Только звезды
Неусыпные блестят
И в струях реки зеркальной
И мелькают, и дрожат;
Да порою пробегает
Легкий трепет по листьям
Или сонный жук лениво
Прожужжит привет цветам.
Полно нам с тобой так поздно
Под деревьями сидеть
И с мечтой неисполнимой
Грустно на небо смотреть
И, как детям, любоваться
И звездами, и рекой:
О другом давно пора уж
Нам подумать бы с тобой.
Посмотри, ведь ты седеешь,
Да и я уж не дитя; .
Путь далек, притом не гладок, —
Не пройдешь его шутя!
И не вечно будут звезды
Нам так ласково сверкать:
То и жди, беда, как туча,
Набежит на нас опять. . .
Вот и надобно подумать,
Чтобы нас она врасплох
Не застала, чтоб рассудок
Силы нам собрать помог,
Чтоб взглянуть в глаза несчастью
С думой смелой и прямой,
Чтоб не пасть нам перед горем,
А возвыситься душой. . .

1848.

Грустная картина!
 Облаком густым
 Вьется из овина
 За деревней дым.
 Незавидна местность:
 Скучная земля,
 Плоская окрестность,
 Выжаты поля.
 Всё как бы в тумане;
 Всё как будто спит. . .
 В худеньком кафтане
 Мужичок стоит,
 Головой качает —
 Умолот плохой,
 Думает-гадает:
 Как-то быть зимой?
 Так вся жизнь проходит
 С горем пополам;
 Там и смерть приходит,
 С ней конец трудам.
 Причастит больного
 Деревенский поп,
 Принесут сосновый
 От соседа гроб,
 Отпоют уныло. . .
 И старуха мать
 Долго над могилой
 Будет причитать. . .

1848

Да, я вижу, — безумство то было:
 В наше время грешно так любить
 И души благодатные силы
 Об единое чувство разбить.

Но, быть может, с тобой мы и правы:
 Увлечлись в недобрый мы час,

Пылкой юности демон лукавый
Отуманил неопытных нас.

Думал ты, что любил меня страстно,
По тебе я сходила с ума;
Наша встреча могла быть опасна,
Я теперь это вижу сама.

Но едва очарованной чаши
Мы коснулись устами с тобой,
Как уж души разрознились наши
И пошел ты дорогой иной.

Горько было, я много страдала,
И в любовь моя вера прошла,
Но в то время я духом не пала —
Гордо, смело удар приняла.

А теперь уж и чувство погасло,
Стала жизнь и пуста, и темна;
И душа — как лампада без масла,
Догоревшая ярко до дна.

1856

159. Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

Боясь житейских бурь и смут,
Бежишь ты, грустный, от людей.
Ты ищешь сладостных минут
Под небом Греции твоей.
Но верь, и там тебя найдут
Людские ропот, плач и стон;
От них поэта не спасут
Громады храмин и колонн.
Себялюбиво увлечен
Ты блеском чувственной мечты, —
Прерви эпикурейский сон,

Оставь служенье красоты —
И скорбным братьям послужи.
За нас люби, за нас страдай. . .
И духа гордости и лжи
Стихом могучим поражай.

(1857)

160. НА ПУТИ

Я гляжу на дорогу уныло,
Незавиден и тесен мой путь!
Я теряю и бодрость, и силу,
Мне пора бы давно отдохнуть.

Даль не манит уж больше надеждой,
Мало радостных встреч на пути,
Часто об руку с грубой невеждой,
С глупой спесью случалось идти.

И нередко меня нагоняли
Пошлость, зависть и яд клеветы,
Утомленную душу терзали,
Мяли лучшие жизни цветы.

Было добрых сопутников мало,
Да и те отошли далеко. . .
Я осталась одна, я устала, —
Этот путь перейти не легко!

1857

161. НИВА

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зреешь ты на солнце,
Колос наливая.
По тебе от ветру,
Словно в синем море,
Волны так и ходят,
Ходят на просторе.

Над тобою с песней
Жаворонок вьется,
Над тобой и туча
Грозно пронесется.
Зреешь ты и спеешь,
Колос наливая,
О людских заботах
Ничего не зная.
Унеси ты, ветер,
Тучу градовую;
Сбереги нам, боже,
Ниву трудовую! . .

1857

162

Не зови меня бесстрастной
И холодной не зови, —
У меня в душе немало
И страданья, и любви.
Проходя перед толпою,
Сердце я хочу закрыть
Равнодушием наружным,
Чтоб себе не изменить.
Так идет пред господином,
Затаив невольный страх,
Раб, ступая осторожно,
С чашей, полною в руках.

1857

163

Увы! и я, как Прометей,
К скале прикована своей, —
Мне коршун-горе сердце гложет,
И луч небесного огня
От рока не спасет меня
И цепь сорвать мне не поможет!

1857

Много лет ладью мою носило
 Всё в виду цветущих берегов...
 Сердце их и звало, и манило,
 Но ладья всё дальше уходила
 И неслась по прихоти валов.

А потом, в пространстве беспредметном,
 Поплыла в неведомую даль.
 Милый край мелькал едва заметно,
 И кругом всё было безответно
 На мои моления и печаль.

Облака мне звезды застилали;
 Моря шум был грозен и суров;
 И порой громады выступали
 Голых скал, — они меня пугали
 Мрачным видом чуждых берегов.

Наконец ко пристани бесплодной
 Принесло убогую ладью,
 Где душе, печальной и холодной,
 Не развиться мыслию свободной,
 Где я жизнь и силы погублю!

1857

Тихо я бреду одна по саду,
 Под ногами желтый лист хрустит,
 Осень льет предзимнюю прохладу,
 О прошедшем лете говорит.
 Говорит увядшими цветами,
 Грустным видом выжатых полей
 И холодными, сырыми вечерами —
 Всея печальной прелестью своей.
 Так тоска душе напоминает
 О потере наших лучших дней,
 Обо всем, чего не возвращает
 Эта жизнь — жестокий чародей!

1857

166. ТУЧА

Ты на край небосклона далекий
Посмотри — там собирается туча,
То предвестница бури жестокой,
И грозна, и темпа, и могуча.

Набежит, пролетит! — беспощадно
Разрушенье прольет на пути;
Много жертв унесет она жадно,
Многим силы ее не уйти.

Пронесется бедою бывалой,
Смоет хижины бедных людей,
Вырвет с корнем деревьев немало,
Потрясет и дворцы богачей. . .

Но зато, что останется цело
После этой грозы роковой,
Может жить и покойно, и смело,
Наслаждаясь благой тишиной,

И очищенным воздухом вволю
Обновленную грудью дышать, —
И во всем божьем мире на долю
По желанью себе выбирать. . .

1857

167. ПОСЕВ

Сеятель вышел с кошницею в поле,
Семя бросает направо, налево;
Тучная пащня его принимает;
Падают зерна куда ни попало:
Много их пало на добрую землю,
Много в глубокие борозды пало,
Многие ветер отнес на дорогу,
Много под глыбы заброшено было.

Сеятель, труд свой окончив, оставил
Поле, и ждал изобильной он жатвы.
Зерна почуяли жизнь и стремленье;
Быстро явились зеленые всходы,
К солнцу тянулись гибкие стебли
И достигали назначенной цели —
Плод принести и обильный, и зрелый.
Те же, что в борозды, иль на дорогу,
Или под глыбы заброшены были,
Тщетно стремясь к назначенной цели,
Сгибли, завяли в борьбе безысходной...
Солнце и влага им были не в пользу!
Жатва меж тем налилась и созрела;
Жатели вышли веселой толпою,
Сноп за снопом набирают ретиво;
Радостно смотрит хозяин на ниву,
Видит созревшие в меру колосья
И золотистые, полные зерна;
Тех же, что пали в бесплодную землю,
Тех, что увяли в тяжелой истоме,
Он и не ведает, он и не помнит!..

1857

168

Говорят — придет пора,
Будет легче человеку,
Много пользы и добра
Светит будущему веку.

Но до них нам не дожить
И не зреть поры счастливой,
Горько дни свои влачить
И томиться терпеливо...

Что ж? Закат печальных дней
Пусть надеждой озарится,
Что и ярче и светлей
Утро мира загорится.

А быть может, — как узнать? —
Луч его и нас коснется,
И придется увидеть,
Как заря с зарей сойдется...

1857

169. ТУНЕЯДЦАМ

Не вспыхнут светлым убежденьем
В них семена святой любви,
Не обновятся возрожденьем
Сердца, погрязшие во лжи.

Нет, задушевной правды слову
В уме их корню не пустить
И за него венок терновый
На голове им не носить!

Бесстрастны, суетны и вялы,
Без пользы для страны родной,
Они лениво и устало
Идут избитою тропой...

{ . . . . . }

Звездой надежда избавленья
Из-под ярма великих зол,
И грех неправого владенья
Для них не кажется тяжел.

Для их души одна потреба —
Чтоб сытым быть, покойно спать...
За то не дастся им от неба
Призваний высших благодать.

1857

Не твердил он мне льстивых речей,
 Не смущал похвалою медовой,
 Но запало мне в душу навек
 Его резко-правдивое слово. . .

Он по-своему как-то любил,
 Но любил он глубоко и страстно!
 Жизни он не считал никогда
 Глупой шуткой иль даром напрасным.

Он порой предрассудки бранил,
 Но в душе его не было злобы;
 Слову честному, дружбе, любви
 Он был верен и предан до гроба.

И хоть часто терзали его
 Неудачи, враги и сомненья,
 Но он умер с надеждой святой,
 Что настанет пора обновленья,

Что поймет наконец человек,
 Что идет он дорогой лукавой,
 И сознает неправду душой,
 И воротит на счастье право. . .

Не твердил он мне льстивых речей,
 Не смущал похвалою медовой,
 Но запало мне в душу навек
 Его резко-правдивое слово. . .

1857

171. Н. А. Н(ЕКРАСО)ВУ

Стих твой звучит непритворным страданьем,
 Будто из крови и слез он восстал!
 Полный ко благу могучим призываньем,
 Многим глубоко он в сердце запал.

Он неприятно счастливец смущает;
Гордость и спесь восстают на него;
Он эгоизм глубоко потрясает, —
Верь мне — не скоро забудут его!

Льнут к нему чутким, внимательным ухом
Души, измятые жизни грозой;
Внемлют ему все, скорбящие духом,
Все, угнетенные сильной рукой. . .

1857

172

Чем ярче шумный пир, беседа веселей,
Тем на душе моей печальной тяжелей,
Язвительнее боль сердечного недуга,
И голос дальнего, оставленного друга
Мне внятней слышится. . . Ах, бледный и худой,
Я вижу образ твой, измученный нуждой!
Среди довольных лиц, средь гула ликования
Он мне является с печатью страданья,
Оставленной на нем бесплодную борьбой
С врагами, бедностью и самою судьбой!
Быть может, в этот час, когда за ужин пышный
Иду я средь других моей стопой неслышной,
Ты, голоден и слаб, в отчаяньи немом,
Лежишь один, в слезах, на чердаке глухом,
А я тебе помочь не в силах и не властна!
И, полная тоски глубокой и безгласной,
Я никну головой, не слыша ничего,
Под гнетом тайного унынья моего;
Средь этой ветреной, себялюбивой знати
Готова я рыдать неловко и некстати! . .

(1858)

173

Нет, никогда поклонничеством низким
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальним и ни близким
Из уст моих постыдно не пролью.

Пред тем, что я всегда глубоко презирала,
Пред чем порой дрожат достойные, — увы! —
Пред знатью гордою, пред роскошью нахала
    Я не склоню свободной головы.
Пройду своим путем, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народ,
И, может быть, к моей могиле неизвестной
    Бедняк иль друг со вздохом подойдет;
На то, что скажет он, на то, о чем помыслит,
Я, верно, отзовусь бессмертною душой. . .
Нет, верьте, лживый свет не знает и не смыслит,
Какое счастье быть всегда самим собой! . .

1858

Федор Алексеевич Кони родился 9 марта 1809 года в Москве, в зажиточной семье владельца оптического магазина. До 14 лет он воспитывался дома, затем был отдан в Воспитательно-учебное заведение благородного юношества Л. И. Чермака, которое блестяще закончил в 1826 году. В следующем году Кони поступил на медицинский факультет Московского университета; серьезно увлекаясь литературой, он с первого же курса параллельно посещал лекции на словесном отделении. Увлечения Кони разнообразны — это литература, театр, история, философия. Круг его друзей составили переловые студенты — поэты А. И. Полежаев, В. И. Соколовский и Л. А. Якубович, будущий историк литературы А. Д. Галахов. Вероятно, Кони был связан также с членами кружка Герцена и Огарева.

Письма и стихи Кони-студента характерны антидворянскими и оппозиционными по отношению к университетскому начальству настроями. Таково, например, стихотворение «Боже! Земли творец...» — пародия на официальный гимн «Боже, царя храни!...». В 1832 году в руки начальства попал написанный на французском языке сатирический «Гимн в честь попечителя Московского университета Голохвастова», направленный против одного из наиболее рьяных сторонников оказывания науки. Разразился скандал. Автор «Гимна», Федор Кони, вынужден был покинуть университет. Но в 1833 году он добился разрешения на сдачу экзаменов и получил аттестат по отделению словесных наук (в 1841 году он получил также звание лекаря, но медицинской практикой никогда не занимался). Затем он поступил преподавателем истории в 1-й Московский кадетский корпус.

В 1836 году Кони переехал в Петербург, где преподавал историю во 2-м кадетском корпусе и одновременно был наставником-наблюдателем по русской и всеобщей истории в Дворянском полку. Его уроки, содержательные и яркие, всегда вызывали интерес у воспитанников. Кони издал учебное пособие для военно-учебных заве-

дений «Живописный мир, или Взгляд на природу, науки, искусство и человека» (ч. 1—2, Гельсингфорс, 1839—1840). Итогом серьезных занятий историей явилась его монография «История Фридриха Великого» (СПб., 1844; 2-е изд. — 1857), за которую Иенский университет присудил автору звание доктора философии (1845).

К 1849 году Кони вышел в отставку и лишь в последние годы жизни некоторое время работал в комиссии по исследованию железнодорожного дела в России. Умер Кони 25 января 1879 года.

В Петербурге развернулась журналистская деятельность Кони. Поначалу, в качестве театрального рецензента, он сотрудничал в болгаринской «Северной пчеле», но, убедившись в реакционности Булгарина, порвал с ним и сделался одним из самых непримиримых его противников. Кони перешел в «Литературную газету» А. А. Краевского и вскоре стал ее редактором (1840—1843). В эти годы в газете печатались Белинский, Панаев, Гребенка, молодой Некрасов. В судьбе последнего, тогда начинающего литератора, Кони сыграл положительную роль: он оказывал Некрасову материальную и творческую поддержку, помещал в своей газете различные его произведения. В 1840 году Кони сделался редактором, а потом и издателем театральных журналов: «Пантеон русского и всех европейских театров» (1840—1841), «Репертуар и Пантеон» (1847—1852 кроме 1849) и «Пантеон» (1852—1856).

В литературной борьбе 40-х — начала 50-х годов эти издания заняли прогрессивную позицию. Кони выступает в газете и журналах в качестве поэта, драматурга, переводчика, театрального критика и историка театра; он публикует свои водевили и стихи, ведет отдел «Театральная летопись Петербурга», печатает целый ряд значительных статей по истории русского театра, биографии деятелей культуры и т. д. Несколько статей Кони, под общим заглавием «Русский театр, его судьбы и истории», появилось в 1864 году в журнале «Русская сцена». В своих статьях и обзорах Кони выступил сторонником сценического реализма и постоянно критиковал идущую еще от классицизма манеру актерской игры, ходульные драмы Кукольника и т. д.

Наибольшую известность принесли Кони водевили. В 1829 году он с успехом дебютировал в театре как переводчик мелодрамы В. Дюканжа «Смерть Калхаса». Кони принадлежат 34 пьесы (последняя написана в 1861 году) 28 из них собраны в четырехтомном «Театре Ф. А. Кони», СПб. — М., 1870—1871. Это главным образом переделки на русский лад французских, реже — немецких водевилей. Большим успехом пользовались: «Девушка-гусар» (1835), «Студент, артист, хорист и аферист» (1838), «Петербургские квартиры» (1840),

«Титулярные советники в домашнем быту» (1840), «Беда от сердца и горе от ума» (1851) и др.

Водевиль Кони занимает особое место среди произведений этого жанра 30—40-х годов с типичной для них бездумной развлекательностью. Кони вводит в водевиль элемент социальной сатиры, подвергая осмеянию различные стороны жизни николаевской России: произвол администраторов, бюрократизм и взяточничество чиновников, продажность реакционной печати. Сатирическую функцию выполняют чаще всего куплеты, остроумные и хлесткие. Порой они мало связаны с действием и являются как бы вставными номерами (некоторые из них и были созданы как самостоятельные стихотворения и лишь потом включались в водевили). «Звание первого куплетиста, — писал историк театра Ю. Беляев, — должно быть, по всей справедливости, присуждено Кони».¹

Кони принадлежит значительное число стихотворений, неравноценных по качеству. Отдельным изданием они никогда не выходили. Часть из них с конца 20-х годов публиковалась в различных периодических изданиях и альманахах, другие остались в рукописи; это переводы из Гете, Шиллера, Гейне, Беранже, Эленшлегера, Мицкевича, порой чрезвычайно удачные, а также оригинальные лирические и сатирические стихотворения. Элегии и романсы Кони, за редкими исключениями, типичны для эпигонской поэзии 30-х годов. Интересно небольшое число его сатирических стихотворений. Порой это чрезвычайно острая политическая сатира. Подобные произведения Кони имели хождение в списках и публиковались за рубежом, в изданиях «вольной печати».

174. СЕРЕНАДА

Вот угас огонь денницы,
Ветер воет меж ветвей,
В небе проблески зарницы:
Друг,пусти меня скорей!

Над скалами тени бродят,
Дух стесняется в груди;
Огоньки в болотах всходят:
Дева, в дом меня введи!

---

¹ «Театр и искусство», 1898, № 37.

Отодвинь запор скорее,
Холод члены костенит;
Сердце ж бьется всё сильнее —
Как нагорный ключ кипит.

Или нет мне упования?
Что так долго медлишь ты?
Иль сердечные страдания
Для тебя одне мечты?

Под полнощные удары
Пред священной тишиной
Я клянусь рассеять чары,
Овладевшие душой.

Разорву любви оковы —
И опять свободен я!
Ах, покинь твой нрав суровый,
Сжался ипусти меня.

Башню знаешь над скалою...
Слышишь бездны дальний рев:
Коль отвергнут я тобою,
Там я брошусь в черный зев.

И безгробным привиденьем
Стукну в полночь у дверей;
Нет у мертвых сожаленья...
Ах,пусти меня скорей!

(1830)

175. ПЕСНЯ

**О ЦАРЬКЕ В ГОРОДКЕ,
МОЛОДЦЕ И ОТЦЕ,
О ЕГО ЧУДЕСАХ,
О ПИРАХ И ТРУДАХ,
ОБ УКАЗАХ С УМОМ
И О ПРОЧЕМ ИНОМ**

(Из Беранже)

Был городок и в нем царек,
В истории безвестный,
Вставал с зарей, хоть поздно лег,
А спал всегда чудесно,

Хоть не на лаврах — в колпаке,
Под фризяком, на сундуке.
То-то любо, то-то мило,
То-то славный был царек!

Без хрусталя он у стола,
Лишь было б чем напиться,
И сам потом седлал осла
По царству прокатиться.
При нем гвардейский часовой
Был пудель грозный и дворной.
То-то любо, то-то мило,
То-то мудрый был царек.

И не царем, а молодцом
Его красотки звали,
И поделом его «отцом»
Все слуги почитали.
И сколько там сирот и вдов
Спешило под его покров!
То-то любо, то-то лихо,
То-то дельный был царек.

Давал закон ко благу он,
Чтоб горе не нависло,
А не указ со всех сторон,
Всё числа, да без смысла.
И взятку у него не брал
Ни копиист, ни генерал. . .
То-то любо, то-то мило,
То-то правый был царек.

Он вел одну войну — сгонял
С плешí и мух, и мошек,
Бутылкам — спуску не давал,
А вешивал лишь кошек.
И умер он, когда в летах
Был еле-еле на ногах.
То-то любо, то-то лихо,
То-то добрый был царек.

И много лет царька портрет
В народе сохранялся,
И вывеской любви предмет
Под елкой красовался.
И кто ни взглянет, ни зайдет —
Царька невольно помянет:
То-то горько, то-то жалко!
То-то славный был царек!

1830

176. ЦВЕТОК

Русская песня

Не жемчуг дорогой на цветочке блестит,
А росинка.
Не веселье в глазах у девицы горит,
А слезинка.
Пересажен цветок из поляны родной
В злую стужу;
Продана красота за мешок золотой
Злому мужу.
И цветочку в глуши эта божья роса
Полюбилась;
И с тоской и слезой на чужбине краса
Подружилась.
Пригорюнясь, цветок тяжело на листки
Опустился,
Блеск алмазный очей у красотки с тоски
Помрачился.
И цветочек больной только острой косы
Поджидает!
И румянец живой на щеках у красы
Увядает.
Знать, погибнуть тебе, мой цветок, по весне
В чуждом поле!
Не любить красоте на чужой стороне
И в неволе.

(1831)

1

〈КУПЛЕТЫ ЖАННО〉

За счастьем гонятся на свете
Все люди, малый и большой!
Один пешком, другой в карете,
Тот посуху, а тот водой;
Но к цели не всегда доходит,
Кто век своим путем идет.
Затем меня извозчик возит,
Когда мне счастье не везет.

2

〈КУПЛЕТЫ ТЕРЦИИ〉

В связях с аптекой лекаря;
С тузами тот, кто ищет знати;
С чужими женами — мужья;
С секретарем — судья в палате.
Есть старичок (и не один)
В связях с дочерней гувернанткой,
И знатный русский дворянин —
С кордебалетной фигуранткой.

Купец привязан к барышам;
Поэт — к своим стихотвореньям;
Вельможа — к почестям, к чинам;
Повеса — к светским обольщеньям;
Привязан к музыке артист
И любит славой увлекаться;
А цензор, сыщик, журналист —
Ко всем готовы привязаться.

(1832)

179—181. (ИЗ ВОЛШЕБНОЙ
СКАЗКИ-ВОДЕВИЛЯ
«ПРИНЦ С ХОХЛОМ,
БЕЛЬМОМ И ГОРБОМ»)

1

(КУПЛЕТЫ ГУБЕРНАТОРА)

В старину у наших дам
Были опахалы,
Им, бывало, по краям
Пишут мадригалы.
Поцелуй или привет
Был за то наградой, —
Счастлив сметливый поэт,
Больше и не надо!

Но теперь пора не та —
Вееры не в моде,
Близорукость, слепота —
В нынешней методе.
И хотя теперь у нас
Нет старинной ласки,
Нет здоровых прежних глаз,
Но зато есть *глазки!*

Я с вопросом не к одной
Подходил кокетке:
«Для чего вы, ангел мой,
Смотрите в лорнетки?»
Но у всех ответ один:
Вечно объявляют,
Что лорнетки к ним мужчин
Как-то приближают.

2

(КУПЛЕТЫ ГУБЕРНАТОРА И ТОРТИКОЛЯ)

Губернатор
Ты на все мои вопросы
Беспристрастно отвечай.
Есть доклады, есть доносы,
Ты их дома прочитай.

Отношенья и прошенья
Рассмотреть тебя прошу.
Ты напишешь им решенья,
А я имя подпишу.
Вся подьяческая братья
Тянет взятки заодно;
И решил их всех сослать я!

Тортиколь
(кланяясь)

И решили вы умно!

Губернатор
Публицисты всё ругают, —
В желтый дом их посадить,
Пусть друг дружку разбирают. . .

Тортиколь
И умней нельзя решить!

Губернатор
А чтоб меньше вышло вздору,
Всех студентов поручить
Полицейскому надзору. . .

Тортиколь
Что ж умнее может быть?!

Губернатор
Без стеснений и тиранства
Сбор умножить — я постиг:
Брать велю доходы с пьянства;
Пьяный к счету не привык.

Тортиколь
Ждите самых верных шансов.
Общий вывод знатоков,
Что основа всех финансов
Есть развитие кабаков.

Губернатор
Допущу свободу мненья,
Но шпионов заведу;

А чуть резко рассужденье —
Тотчас снова на узду.

Т о р т и к о л ь

Скажут в селах и в столице:
Вот настал свободы час!

Г у б е р н а т о р

А ежовы рукавицы
Мы припрячем про запас.

Т о р т и к о л ь

С вашей хитрою наукой
Вам успеть не мудрено,
Только этой старой штукой
Надувают уж давно.

Г у б е р н а т о р

Вижу, малой ты исправный,
С деловою головой;
И пока я буду главный,
Ты советник будешь мой.

8

〈КУПЛЕТЫ РИКЕ〉

Да, в жмурки все играем мы на свете,
И слепоты нельзя нам миновать;
У всех людей есть призраки на примете,
Его хотим мы ошупью поймать.
Но все идем напротив назначенья,
И целый свет навыворот идет,
Тому дан дар, а надобно именье,
И он свой дар — карману в дар несет.
Иной в глупцы был посвящен судьбою,
Но в знать попал и в умники шагнул.
Другой рожден с прекрасною душою,
А злобный рок в крючок ее согнул.
Иной весь век в пыли газетной рылся,
Писал, корпел и лекции читал
И думает, что славы он добился, —
А он, увы! лишь время убивал!

Тот торговал и вдруг проторговался.
Что ж, обеднял? — Нет, нажил капитал!
Другой чудак за почестью погнался. . .
А вдруг вдову с мешочками поймал.
Иной в звезде, а кажется всё мало;
Он генерал, да ловит аксельбант, —
А между тем супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Да, в жмурки все играем мы на свете,
И слепоты нельзя нам миновать;
У каждого свой призрак на примете,
Все ошупью хотят его поймать!
И жмурки здесь ни прозой, ни стихами
Философам никак не истребить,
Пока бежит фортуна перед нами,
А мы ее не знаем как схватить.

(1833)

182. (РОМАНС

ИЗ КОМЕДИИ «ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК,
ИЛИ ДЕЛО В ШЛЯПЕ»)

Рано, цветик, рано ты
В поле распустился!
Рано с вами я, мечты,
В жизни подружился!
Рано, цветик, ты увял,
Не дождавшись лета!
Рано скорби я узнал
И обманы света!

Ты теперь едва цветешь
И поник главою,
На тебя и я похож,
Сдавленный тоскою!
Что роса и солнца жар?
Ты не взглянешь бодро!
И весна напрасно в дар
Посылает ведро!

Так и мне теперь равно —
    Что бы ни случилось!
Я желал, но уж давно
    Сердце остудилось!
Я мечтал — но те мечты
    Потеряли цену!
Я любил — и красоты
    Я узнал измену!

(1833)

**183—184. (ИЗ ВОДЕВИЛЯ «КАРЕТА,
ИЛИ ПО ПЛАТЬЮ ВСТРЕЧАЮТ,
ПО УМУ ПРОВОЖАЮТ»)**

1

(КУПЛЕТЫ ДЮКРЕ)

В театрах наших очень сходно
Увидишь множество затей:
Актрис, танцовщиц превосходных,
Певцов, фарсёров и чертей.
Но жаль, комедии и драмы
Идут с убытком пополам:
Все кавалеры и все дамы
Не любят слез и скучных драм.
Дай им хоть Обрия собаку —
В театре ни собаки нет;
А дай балет — так все на драку,
Лишь бы достать себе билет.
Танцовщиц легких и прелестных
Наш знатный мир ласкать привык;
Ему наречье бессловесных
Понятней, чем родной язык!
Зато плясуньи-дилетантки
Высоко любят залетать;
И даже наши фигурантки
Теперь туда ж пустились, в знать!
Со страстию к прыжкам и танцам
У знатных есть другой порок:

Пристрастье злое к иностранцам...
Лишь будь не свой — так полубог!
А мы-то чем же виновати,
Что нам и дома любо жить?
Ей-богу, стыдно нашей знати
Родную сцену не любить!

2

〈ФИНАЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ ДЮКРЕ〉

Поглядишь, на белом свете
Уж куда народ смешной!
Тот уважен, кто в карете
Разъезжает четверней.
Что же делать, мода эта
В знатном мире принята, и
Хоть частехонько карета
Только на день нанята.

И во мненьи этом шатком
Судят часто сгоряча
По карете и лошадам
О достоинстве врача.
Будь с башкою хоть пустою,
Но, ручаюсь наперед,
Если ездит четвернею,
Верно вчетверо возьмет!

Если ищите вы места
Или должности какой
Или сыщется невеста
С капитальной красотой,
Будьте сметливы и зорки!
Мой совет на этот счет:
Подъезжайте на четверке —
И вам верно повезет!

(1833)

185. < КУПЛЕТЫ ФРЕДЕРИКА

ИЗ ВОДЕВИЛЯ

«МУЖ В КАМНЕ, А ЖЕНА В ГОСТЯХ»)

Свяжись-ка с судьями поди —
В тюрьму запрячут и сиди. . .
А поддержать захочешь мненья,
Давай прошение да именье.
Мне помнится, сказал Руссо:
Судья похож на колесо. . .
Скрипеть без сала вечно станет,
А как подмажешь — перестанет.

1834

186—189. < ИЗ КОМЕДИИ-ПОСЛОВИЦЫ
«В ТИХОМ ОМУТЕ ЧЕРТИ ВОДЯТСЯ» >

1

< КУПЛЕТЫ НЕЗАЦЕПИНА >

У вас всегда уважен вдвое,
Кто протереться в знать умел
Или наследство родовое
Еще проухать не успел.
Иной повеса бьет баклуши,
Душа и ум нехороши,
Но у него пока есть души —
И все невесты без души.

2

< КУПЛЕТЫ НЕЗАЦЕПИНА >

Под благовидною причиной
И злое с добрым в ряд идет:
Все носят честности личину,
Лишь в честных людях недочет;

И все мы грешны понемногу,
И есть за нами много штук,
Но кто на твердую стал ногу,
Тем всё спокойно сходит с рук.

(КУПЛЕТЫ ВЕСЕЛЬЕВА)

Наука света нелегка!
 И хоть оно довольно чудно,
 А умного от дурака
 Узнать бывает очень трудно.
 Но уж давно устроен так
 Свет безалаберный и шумный:
 Всегда в нем умничал — дурак,
 Всегда дурачился — разумный.

(ФИНАЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ)

Любской

Хоть свет велик, а люди бьются!
 Дорога им не широка;
 То до земли они согнутся,
 То занесутся в облака!
 Тот по прихожим только трется,
 Тот по присутствиям живет. . .
 И каждый из чего-то бьется
 И тех, кто послабее, бьет.

Весельев

Тот бьется из каких-то планов,
 Тот бьется, чтоб попасть в чины,
 Тот около чужих карманов,
 Тот около чужой жены.
 И бейтесь, не жалея груди,
 Со дня рожденья до могил. . .
 Иной лишь тем пробился в люди,
 Что мастерски баклуши бил.

Незацепин

Посмотришь, на земной планете
 Что крику, толков и толчков!
 Все добиваются на свете,
 И бьются все из пустяков!
 Всем цели разные даются:
 Тот глуп, тот беден, этот плут;

Но из чего народы бьются
И много так народу бьют?

Любской

Все недовольны мы судьбою,
А нами недоволен свет;
Бессильным нет от нас отбою,
А нам от сильных мочи нет.
Одним всё сходит, удается,
Другим весь век — страданья нить;
Но каждый из того лишь бьется,
Чтобы карман себе набить.

Весельев

Иной начальник отделенья
Хлопочет, охает, кряхтит;
И всякий скажет, без сомненья:
«От дел он, чай, не ест, не спит!»
А он в душе над всем смеется
И припеваючи живет!
На службе из крестика бьется,
А дома мух на стенке бьет.

Незацепин

От Сены до степей монголов
Известны Севера сыны!
Суворов, Дибич и Ермолов —
Вот слава русской стороны!
Дела их в вечность перелются
И миру в страх передадут,
Что русские *недаром* бьются
И если бьют, так *больно* бьют.

(1834)

**190. (КУПЛЕТЫ МОРИНА
ИЗ ДРАМЫ-ВОДЕВИЛЯ «ТЕРЕЗА»)**

Вы оглянитесь кругом —
И вам нетрудно догадаться,
Что в свете — даже и с умом —
Без денег некуда деваться

И что весь грешный род людей
Хлопочет век из барышей,
Из барышей —
Из чистых только барышей!

Иной из кожи лезет вон
И норовит в чины пробраться,
Пред тем ползет, тому поклон
И рад лисою извиваться.
Чины ему всего милей.
А почему? — Из барышей!
Из барышей!
Из чистых только барышей.

Иной бессовестный купец
Начнет вам клясться и божиться,
Чтоб обмануть вас наконец
И хоть вершочком поживиться.
«Эй, друг, послушай, не греши.
Что пользы врать?» — А барыши?
А барыши?
Что пользы врать? — А барыши?

Иной бездарный журналист,
Хоть ничего не понимает,
Но тискает бездушный лист
И всё хулит, и всех ругает.
К чему ж морочить так людей?
К чему бранить? — Из барышей,
Из барышей!
Всё из одних лишь барышей.

Безар, наш тощий прожектер,
Всегда со знатью, не иначе;
Он льет шампанское, ликер
И фейерверки жжет на даче.
На что бы звать таких гостей?
Простой расчет: из барышей,
Из барышей,
Из чистых только барышей.

(1834)

191. ГОНДОЛЬЕР

В. П. Боткину

Voilà bien la Venise du poète!

*Sophie Gay*¹

«Гондольер молодой! Взор мой полон огня,
Я стройна, молода. Не свезешь ли меня?

Я к Риальто спешу до заката!

Видишь пояс ты мой, с жемчугом, с бирюзой,
А в середине его изумруд дорогой? . .

Вот тебе за провоз моя плата».

— «Нет, не нужен он мне, твой жемчужный убор;
Ярче камней и звезд твой блистательный взор.

Но к Риальто с тобой не плыву я:

Гондольер молодой от синьор молодых
Не берет за провоз поясов дорогих, —

Жаждет он одного поцелуя!»

— «Ах, пора! На волнах луч последний угас,
А мне сроку дано на один только час, —

Гондольер, подавай мне гондолу!

Помолюсь за тебя я ночным небесам,
Целовать я тебе руку белую дам,

А вдобавок спою баркаролу!»

— «Знаю я: голос твой звучной флейты звучней,
Знаю я, что рука морской пены белей,

Но к Риальто с тобой не плыву я!

Сам могу я запеть, — мне не нужно октав,

Мне не нужно руки — хладных сердцу отрав,
Одного жажду я поцелуя!»

— «Вот мой яшмовый крест — в Палестине найден,
И святейшим отцом в Риме он освящен,

А при нем и янтарные четки!»

— «Крестик ты сбереги, — я и сам в Риме был,

К папе я подходил, и крестом осенил

Он меня, мои весла и лодки!»

---

¹ Вот она, Венеция поэта! *Софи Ге* (франц.). — *Ред.*

И я видел потом, как, любуясь луной,
Плыл с синьорой вдвоем гондольер молодой,
А над ними ветрило играло
Он был весел и пел, и ей в очи смотрел,
И на щечке у ней поцелуй пламенел,
И Риальто вдали чуть мелькало.

(1835)

192. (МОНОЛОГ ТРАГИВРАЛЯ

ИЗ ВОДЕВИЛЯ
«СТРАСТЬ СОЧИНЯТЬ,
ИЛИ «ВОТ РАЗБОЙНИКИ!»)

Кинжалы и яды —
Вот наши отрады!
Все виды смертей,
Удары мечей,
И казнь палачей,
И когти чертей
Жалеть не должны мы!
Пусть будут казнимы,
Душимы, давимы —
Все лица тотчас!
Чем больше у нас
Погибнет народа,
Чем больше потеха,
Тем больше успеха,
Тем больше дохода!
Прославит нас свет!
На этот предмет
Даны нам: секиры,
Кинжалы, мортиры,
Топор, пистолет!
Итак, мой совет:
Душите, давите,
И режьте, и жгите!
Терзайте партер!
А мы, например,

Без дальних чинов,
Крича только: «Смерть им!» —
Себя обессмертим
Во веки веков!

(1835)

**193. <ФИНАЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ
ИЗ КОМЕДИИ С КУПЛЕТАМИ «ЖЕНСКАЯ НАТУРА»>**

А р б у з о в

Тут секретарь одним присестом
Решает дело в целый том;
Там, пользуясь хорошим местом,
Дом пышный строит эконо.
Здесь греет печь без дров от стужи...
Там вновь придумана соха...
Всё это хорошо снаружи,
А изнутри — не без греха!

П а п и л ь о т к и н

Когда пред робким адъютантом
Героя корчит генерал,
Когда писателя с талантом
Бранит бессовестный журнал,
Когда вдова скорбит о муже,
А с страстным юношей — суха, —
Всё это хорошо снаружи,
А изнутри — не без греха!

Ю л и я

Мы, девушки, за туалетом
Что год, то лишний час сидим,
А между тем пред целым светом
Твердим, что замуж не хотим.
Браним замужство даже вчуже
И избегаем жениха...
Но это только ведь снаружи,
А изнутри — не без греха!

Княгиня

О вы, по милости Амура
Живущие под властью дам!
Скажите, женская натура
Во всем ли нравилась вам?
Не будьте строги, а к тому же
Заметьте эти два стиха:
Когда мы хороши снаружи,
Внутри не ищут в нас греха!

Все

Когда мы хороши снаружи,
Внутри не ищут в нас греха!

(1838)

194. ИСТОРИЯ БАЛА

Был Рим! — Пред ним дрожали троны!
Но что же нам оставил он?
Наместо лавров — макароны,
И комедьянтов легион!
Затем и Спарта оплошала,
Затем упал и грозный Рим,
Что мудрость древняя не знала,
Как бал для царств необходим.
Бал создан новыми веками!
И мы должны благословлять
Того, кто выдумал балами
Серьезный мир побаловать!

Бал — настоящая находка
Для юных франтов и для дам;
Его с восторгом ждет красotka,
Он праздник пасмурным отцам.
Чтоб дочка куколкой оделась,
Хлопочет опытная мать,
А чтоб она не засиделась,
Везет ее потанцевать.

Бал можем мы сравнить с турниром,
С ареной важной суеты,

Где первым ставятся кумиром
Сердца и деньги красоты.
Один пронзить их шпорой хочет,
Тот аксельбантом притянуть,
А третий из того хлопочет,
Чтоб в сундучок ее скакнуть,
Тот хочет пыль пустить ногами,
Тот мадригальчик отпустить,
Тот норовит пленить усами,
А тот глисадой обольстить.

Судья тут ищет развлеченья,
А воин доблестных побед;
Тот повышенья, тот именья,
Тот покровительства привет.
Для всех открытые дороги:
Порхает, прыгает народ!
И у кого проворней ноги,
Скорее к цели тот дойдет.

А девы, стан свивая гибкий,
В корсете узком чуть дыша,
Всем раздают свои улыбки
Под дробь мелких антраша.
И даже доктор благодарный,
Смотря на танцы у дверей,
Любуется в душе, коварный,
Грядущей практикой своей.

Все резвы, веселы, как дети!
Лепечут нежно, как птенцы,
А между тем повсюду сети
И всюду ловкие ловцы.
Не надрывайте даром груди:
Труду до цели далеко!
Ведь и ногами выйдешь в люди,
Лишь только прыгай высоко!

Танцмейстер и профессор слова
Равны по службе и в чинах;
Но первый обогнал другого,
Затем что легче на ногах.

Давайте балы понедельно,
Они вас к цели приведут;
Те скажут: человек-то дельный!
Другие: он ужасный плут!
И пусть о бале бьют тревогу,
А результат его такой:
Он на короткую вас ногу
Поставит с сильною рукой!

Балы — игрушка в общем мненьи,
Но не таков их тайный смысл:
То плод роскошный упоенья,
А как раскусишь, так он кисл.
А что тут лести, вероломства,
Интриг, уловок и причуд!
Тут вся история знакомства,
Хоть бал игрушкою зовут.

Мы в польском девушку заводим,
Рассудок в вальсе узнаем;
В кадрили к сердцу переходим
И глазки приступом берем.
В мазурке речию живую
Даем двусмысленный намек:
И что в душе, что за душою,
Узнаем вдоль и поперек.

Но наконец к развязке сцены,
В кружок доверчивый стеснен,
Без прихотливой перемены
Час целый вьется котильон.
Уж дремлет на софе старушка,
А мы в углу. . . рука с рукой. . .
И часто бальная игрушка —
Опасной кончится игрой!

Бал создан нашими веками;
Того должны мы выхвалять,
Кто человечество балами
Затеял первый баловать!

Теперь идет нравоученье
(Хоть их не очень любит свет!):

К балам питая уваженье,
Хочу я вам подать совет:
Чтоб в обществе не знать опалы,
Людские прихоти любя,
Вы на балах — точите балы,
Балы давайте у себя.

(1839)

**195. <ФИНАЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ
ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ЛАКЕЙ НЕВПОПАД»>**

Боклер

Я из бар попал в лакеи,
Хоть на свете без труда
Большей частью из ливреи
Попадают в господа.
Я от этого доходы
И невесту потерял, —
Будь лакей я от природы,
Верно б, промаха не дал!

Сенвиль

Здесь делец —с надсады груди —
В госпитале кончил век,
Там бездельник вышел в люди,
Хоть был прежде «человек».
Отчего ж дельцу невзгоды?
Подслужиться оплошал. . .
Будь лакей он от природы,
Верно б, промаха не дал!

Дестиваль

Роль приняв футур-министра
Часто пошлый фанфарон
В гору лезет очень быстро,
Задавая всюду тон.
Неуч круглый, враг свободы,
Не умен он, не зубаст,
Да лакей он от природы,
Так уж промаха не даст!

Ж а к

Нынче модные затеи
Завелись во всех слоях.
Кто ж всё ладит? — Всё лакеи,
Только в разных галунах.
Бары все, справляя моды,
Разорились, банкрот. . .
А лакеи от природы
Их именьями живут.

1830-е годы

196—201. (ИЗ КОМЕДИИ С КУПЛЕТАМИ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ КВАРТИРЫ»)

1

(КУПЛЕТЫ АЛЕНА ИВАНОВНЫ)

Ох уж эти мне гусары!
Для девиц как саранча!
Заведут там тары-бары,
Рубят нежности сплеча;
Закипит, как самоварик,
Только денег дай в запас!
А женился — глядь, гусарик
Прогусарит всё как раз.

2

(КУПЛЕТЫ ЩЕКОТКИНА)

Начальник отделения —
Отдельная статья!
Его все чтут за гения,
И гений этот — я!
Не нужно уж Лизеточке
Дела мне подшивать;
Не будешь по котлеточке
В дежурство посылать!
Я десять лет всё кланялся,
Надломы есть в спине;

Зато теперь зачванился —
Покланяются мне.
Теперь головомытия
Сам стану учинять,
Без правил общежития
Пушить и распекать!
Могу столоначальнику
Задать я нагоняй,
А он мне, как начальнику,
И пикнуть не дерзай.
Чуть что неглижировано,
Чуть нету в ком пути —
Я тотчас же тово-воно. . .
Со мною не шути!
Жена, скажи племяннику —
Его я помешу;
И Ване место к празднику
Я теплое сыщу.
Теперь без затруднения
Ему проложим путь:
Начальник отделения
Ведь, брат, — не кто-нибудь!
Билетцы из пергамента
Мне всякий завезет,
Директор департамента
Обедать позовет.
Теперь все представления
Я сам начну писать,

(показывая на шею)

И здесь вот украшения
Уж мне не миновать.
Сошью салопчик норковый
Тебе я к рождеству;
Гуляй в мантилье шелковой
На радость торжеству!
Жена! теперь квартальница
Перед тобою — пас!
Отдѣленья начальница. . .
Целуй меня тотчас!

(КУПЛЕТЫ ПРИСЫПОЧКИ)

Ползать и кланяться,
 Важничать, чваниться
 Нам нипочем!
 Штучками оными
 Смотришь — персонами
 Мы прослыведем.
 Как бы то ни было,
 Только бы прибыло
 Звонкой в карман!
 Всё, что пользительно,
 Тут позволительно,
 Даже — обман!
 Вот мое правило.
 Оно доставило
 Мне капитал.
 Я уж не бегаю:
 Парочку пегую
 Им я достал.
 В дружбе с Задариным.
 Жить я стал барином:
 Балы даю!
 Жизнь веду чинную,
 Пью не полынную —
 Горское пью!
 Так-то, любезнейший,
 Совет полезнейший
 Не презирай:
 Дома ли, в свете ли,
 Чтоб не осетили, —
 Тон задавай!
 Будь сам покорнее.
 Был бы просторнее
 Угол в избе:
 Звякни деньжонками —
 С детками, с женками
 Придут к тебе!
 Легко прославиться!
 Никто не справится,
 Кто ты таков.

Выше полковника,
Лучше чиновника
Ты без чинов!
Собственной личностью,
Звонкой наличностью
Действуй вовек;
Ключи, знай; как цыпочка,
Скажут: Присыпочка —
Вот человек!

4

(КУПЛЕТЫ ЗАДАРИНА)

Премудренная задача
Журналиста ремесло:
Мне нужна на лето дача,
Надо, чтоб в любви везло,
Чтобы корм был для кармана,
Пища для души была
И бутылочка кремана
Не сходила со стола.
Нынче с каждого две шкуры
Всякий силится содрать, —
Отчего ж с литературы
Мне оброков не собирать?
Я в газету облакаю
Свою личность, как в броню;
Деньги с книжников взимаю,
А чуть нѣ дал — разбраню.
Там хватай хоть звезды с неба,
Там что хочешь намели, —
Я лишь тисну — и без хлеба
Сядет раком на мели.
Я статейками упрочил
Вес, доход и капитал:
Тех порочил, тех морочил,
Тем кадил, а тех ругал!
Наградить могу я славой
И убить могу вполне;
Благочиния управа
Не мешает в этом мне.

Нынче враг со мной издатель —
Я роман не ставлю в грош;
Завтра он со мной приятель —
Я пишу: роман хорош!
После вновь раскритикую...
Тут не видно плутовства...
Я формально публикую,
Что пишу из кумовства!
«Петербургские квартиры»
Пишет Кони, слышал я;
Там под видом он сатиры
Хочет выставить меня.
Надо, чтоб уж поневоле
Тут я руку приложил, —
Напишу: в них нету соли —
Мне их автор насолил.
Нет, меня не облапошат!
Я придумал всё хитро;
Напишу, что *Кони* — *лошадь*, —
Благородно и остро!
Да и Нестор-то ¹ наш самый
Запоеет кукареку!
Я его теперь за драмы
То есть вот как распеку.
Он намедни преотменный
Пир давал на целый свет,
И меня... о, дерзновенный!
Он не по́звал на обед.

б

(КУПЛЕТЫ ЗАДАРИНА)

По числу наличных денег
Судит нас крещеный мир:
Тот бесчестен, кто бедненок,
Кто же с деньгами — кумир.

И к какой нас благодати
Честь и совесть приведут?

---

¹ Нестор Васильевич Кукольник. /

Честь писателя — в печати,
Совість чистая —
(бьет по карману с деньгами)
вот тут.

Пусть зовут вас шарлатаном.
Нынче кто ж не шарлатан?
Только бейте по карманам —
Так набьете свой карман!

6

(КУПЛЕТЫ КУТИЛИНА)

Мог тогда б понтировать
Я в азарте смелом.
А теперь изволь метать
Без наличных — с мелом.
Уж угодно небесам,
Хоть грызи тут ногти, —
Попадешься не бесам,
Кредиторам в когти.
Случай вдруг лишил меня
Денег и невесты,
Хоть мне кажется, что я
В ней лишен не Весты,
А ударюсь об заклад,
Что не засидится. . .
Все ее почтут за клад, —
Только бы жениться.
С горем может пополам
И с прекистой рожей
Мне придется по полам
Шаркать у вельможей!
Обращусь теперь к задам,
Хоть уроки горьки. . .
И примусь опять за дам,
Не найду ль рутёрки?

(1840)

202. АЛЬПУХАРА
ГРАНАДСКАЯ БАЛЛАДА
(Из Мицкевича)

Замки маврские все пали,
Сарацины все в цепях;
Лишь один твердее стали,
Хоть чума в его стенах.
Непреклонна Альпухара,
Альманзор ей верный щит,
Но наутро ждут удара:
Под стеной уж крест блестит.

Чу! пальба, и вопль, и пламя!
Вот минута тишины. . .
На стене взвилось знамя,
На мечетях нет луны!
Но по трупам павших в брани
Альманзор, как гений сил,
Сквозь опасность, с саблей в длани,
Путь широкий проложил.

Горд испанский предводитель:
Меж развалин и гробов
Пенит кубки победитель,
Делит золото и рабов.
Но вот страж ему доносит:
«Стран далеких паладин
Говорить с героем просит,
Что низринул сарацин».

— «Пусть войдет!» И входит воин,
Потуплен смиренный взор —
То герой, что лавр достоин,
Щит неверных — Альманзор.
Альпухары вождь надменной
Презрел бегством. Наг и бос,
Он главу свою смиренно
Победителю принес.

«Вождь! — сказал он. — У порога
Я кладу мою главу,

Твоего признаю бога
И пророком назову.
Пусть несется весть, что братьий
И Алдаха я забыл,
Что для вражеских объятий
Грудь могучую открыл,

Что гремевший мавров славой
Исламизма верный сын,
Под чужой склонясь державой,
Стал вассалом — сарацин».
Доблесть чтит прямой испанец,
Победитель гостю рад:
«Пусть он враг и чужестранец,
По мечу он нам собрат!»

И вот чествуют героя,
Обнимают, руки жмут
И, забыв упорство боя,
Лавр в венок ему плетут.
Весел мавр при новых братьях
Живоносного креста,
Он сжимает их в объятьях,
Он целует их в уста.

Бейте в бубны, ратны люди!
Вождь Испании, ликуй!
Мавр его жмет крепче к груди,
Дольше длится поцелуй.
Вдруг, окинув всё собранье,
Он недвижим, взор застыл,
Каждый мускул в содроганьи,
На руках узоры жил.

Гнутся слабые колена,
Вот он с хохотом упал,
На губах клубится пена,
А в руке сверкнул кинжал.
«А, гяуры! что ж вы в страхе?
Я не в сече — на земле

Я простерт пред вами в прахе. . .
Смерть в груди и на челе!

Сарацин пришёл с мольбою
И предательством в ваш стан,
Но он нес сюда с собою
Смерти верный талисман.
Посмотрите: я бледнею,
Корчи руки мне свели,
Но вы смертью моею
Отойдете от земли.

Плачет от чумы Гранада,
Для меня ж она бальзам:
Я гостинец черный яда
В поцелуях роздал вам.
Знайте ж, гяуры, — Востока
Правоверные сыны
Не срамят Коран пророка,
Не мрачат святой луны!»

Он замолк. И дикий пламень
Вмиг потух в его очах,
А рука вождя, как камень,
Замерла в его руках.
Но безжизнен мавр на месте,
Он не свел с врагов лица,
И усмешка злобной мести
На устах у мертвеца.

Опустела Альпухара,
Груда камней, груда тел:
Знать, от века божья кара
Ей назначена в удел.
И сбылося: что не смели
Снять мечи — взяла чума!
И в одной могиле стлели
Шлем с оливой и чалма.

(1842)

203. (ЭПИГРАММА НА М. С. ВОРОНЦОВА)

Могуч, величествен и грозен,
В клуб английский граф Воронцов вступил.
Хоть он Шамиля не сразил,
Зато теперь сражен им Позен.

1845

204. ЛЮБОВЬ

Много дал бы я тому,
Кто откроет тайну —
Отчего и почему
Сердце любит так случайно?

Чуть взглянул — и сам не свой;
А мигнули глазом —
Так прощайся с головой:
Ум зашел за разум.

Жизнь и смерть, итоги лет,
Разность отношений —
Всё исчезло! Свет не свет
Без восторженных мучений.

Знать, пробил судьбины час!
Нет уж поворота!
Всё затягивает нас
Глубже в топкое болото.

Те твердят, что это кровь,
Те — духовная потреба. . .
О любовь, любовь, любовь!
Ты для нас загадка неба!

Неизбежное ты зло, —
Божество, хотя безбожно!
Жить с тобою тяжело,
Без тебя жить невозможно.

*Конец 1830-х — первая
половина 1840-х годов*

205. ИЗМЕНА

Вы мне говорили
Часто в прошлом лете,
Что меня любили
Больше всех на свете.
Я вам сдуру верил,
Увлекаясь чувством;
Взор ваш лицемерил
С редкостным искусством.

Год прошел — нашли вы,
Что уж стар я очень,
Что глаза не живы,
Жар любви непрочен.
Кстати ли участие
К жалкому калеке?
И нашли вы счастье
В дюжем человеке.

Он так полон страсти,
Геркулес по силам,
Говорит всё сласти
С увлеченьем милым;
Всё на нем с иголки,
Строен, бакенбарды
Словно две метелки —
Хоть в кавалергарды!

Страсть свою слезами
Вылил в жаркой сцене,
Стоя перед вами
На одном колене.
В брак готов, сердечный. . .
Лестная картина!
Стоит уж, конечно,
Выделки овчина.

Весело смеяться
Над судьбой комичной
Было б, может статья,
Кстати и прилично. . .

А я, дурень, плачу
И крушусь не в меру,
Что я с вами трачу
В ум и в душу веру.

*Конец 1830-х — первая
половина 1840-х годов*

206. БУЛГАРИН

Как вор отъявленный — он дерзок,
Как вор в суде — подленек он,
Как вор на исповеди — мерзок,
Как вор в полиции — смешон.

Первая половина 1840-х годов

207. БИОГРАФИЯ БЛАГОРОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Родился я — как подобает.
Родитель мой был столбовой.
Где он служил — господь то знает,
Но человек был с головой.
Хотя не дрался он с французом,
Носил медаль, не знал аптек,
Был дюж, здоров, с огромным пузом,
Как благородный человек.

Весь дом его был в строгом чине.
Холопей праздную семью
Держал всегда он в дисциплине,
Как свору гончую свою.
Он вел дела благополучно,
Виновных на конюшне сек,
Псарей учил собственноручно,
Как благородный человек.

Имея дела очень много
То на охоте, то в гостях,
Меня он сдал на волю бога,
Я взрос у ключниц на руках.

Я поедал варенье славно,
Ходил смотреть рысистый бег
И в бабки дулся преисправно,
Как благородный человек.

Я с гордостью открою внукам,
Что полный курс мой был букварь,
Что обучал меня наукам
Наш деревенский пономарь.
Я рос свободно, праздно, вольно,
Меж дворни, гончих и телег,
Да плеткой слуг стегал пребольно,
Как благородный человек.

Чтобы избавиться от жалоб,
Отец решил меня женить,
Да рассудил, что не мешало б
Сперва маленько послужить.
Мои бумаги были чисты —
Тогда был не ученый век,
И поступил я в копиисты,
Как благородный человек.

Не знал я, что такое страсти,
За честью гнаться не хотел,
Я покорялся всякой власти,
Пред богачом благоговел.
Не простирал далёко виды,
Сбирал щепы, как дровосек,
Сносил безропотно обиды,
Как благородный человек.

Я враг был всяких либералов,
Во мне дух барства не потух.
Всегда терпеть не мог журналов —
В них эдакий какой-то дух.
Я денег не сорил на вздоры,
Не заводил библиотек,
И не вступал ни с кем я в споры,
Как благородный человек.

Я проводил досуг иначе:
Бродягам гроша не давал

И в зимний вечер и на даче
Исправно спал иль козырял.
Меня не трогал неимущий —
Не призрывать же всех калек!
Пусть сам достанет хлеб насущный —
Как благородный человек.

Жену мою. . . как вам сказать бы? . . .
Мне мой начальник предложил.
Он знал ее еще до свадьбы
И награждал по мере сил.
За ней сулил он тридцать тысяч. . .
За эти деньги — в наш-то век —
Себя позволит всякий высечь,
Как благородный человек!

Жена любила все обряды
Великолепных светских дам,
Днем покупала всё наряды,
Скиталась ночью по балам.
Сперва ее пленила полька,
Потом подъехал знатный грек. . .
Что ж было делать? . . . Плюнул только,
Как благородный человек.

Я был в делах отменно тонок,
Спины и шеи не жалел,
Пред сильным — просто падал дó ног,
Знал фамильярности предел.
И хоть без мудрого ученья,
А переплыл я много рек
И нажил славных три имения,
Как благородный человек.

Я в свете с важностью прямою
Всегда держать себя умел,
И подчиненный предо мною
Ни сесть, ни пикнуть бы не смел.
А если б вышел он из правил,
Да я бы суд над ним изрек:
Без хлеба на всю жизнь оставил,
Как благородный человек.

Детей к начальству на поклоны
Всегда с собою я возил.
Что значат важные персоны,
Я с малолетства им внушил.
Зато карьеру им составил,
Теперь пойдут и без опеки,
Я долг родительский исправил,
Как благородный человек.

Весь век я терся по приемным
У командиров и вельмож,
Терпел их шутки с видом скромным,
На всё готов был и пригож.
За честь считал вкушать их брашен,
В мой дом их звал хоть на ночлег.
Зато их милостью украшен,
Как благородный человек.

Хоть ждал ремесленник уплаты
С меня лет десять иногда,
Но метил я в аристократы
И твердо знал, что нет стыда
Должать за мебель, за линейки.
Зато платил я весь свой век
Долги по картам до копейки,
Как благородный человек.

И внес на имя неизвестных
Давно в ломбард я капитал,
Достиг до степеней известных
И всё, что можно, нахватал.
Воздвиг этажей в шесть домишко,
И формуляр мой чист как снег,
А жил-то я на свой умишко,
Как благородный человек.

Скончался я, оплакан сыном,
За мной тянулся ряд карет,
Свезли меня под балдахином,
И на поминках был обед.

На днях в газетах вышел номер,
Что, мол, такой-то, имярек,
Почтенно жил и честно умер,
Как благородный человек!

1848

**208. ДИФИРАМБ ИСКРЕННЕМУ ДРУГУ
МЕЛОЧНОМУ ЛАВОЧНИКУ**

Пусть Virgiliy прославляет Августов,
а я хочу хвалить Фрола Силина, простого
поселянина.

Карамзин

Хвала тебе, торговец благородный,
С душою нежной, мягкою как шелк,
Хвала тебе! в те дни, когда, голодный,
По лавочкам таскался я как волк,
В те дни, когда вдруг захворал картофель
И страх объял кухарок всех умы, —
Ты разгадал мой истощенный профиль. . .
Ты помнишь ли? но не забудем мы!

Пожертвовав для ближнего карманом
И теплою любовью дыша,
Не захотел прослыть ты Тамерланом
И брал на грош лишь гривну барыша.
Зато к тебе сбежались все бабы
И съели вмиг все огурцов холмы,
Хотя тогда желудки были слабы. . .
Ты помнишь ли? но не забудем мы!

Душа твоя целительным бальзамом
На горничных обильно потекла.
Ты как артист припас в угоду дамам
И голубков из дутого стекла,
И баночку помады бергамотной,
И яблоков с брусникой для зимы, —
Цикорию давал в кредит охотно. . .
Ты помнишь ли? но не забудем мы.

Ты помнишь ли, когда я для афиши
Писал тебе про всякие харчи
И превознес талант твой выше крыши,
А бескорыстье — выше каланчи. . .
Ты мне принес, о добрый, две селедки,
Ватрушки фунт и разные кормы
И удружил три гривны на подметки. . .
Ты помнишь ли? но не забудем мы!

1848

**209. (КУПЛЕТЫ ГАЛЬЯРА
ИЗ ВОДЕВИЛЯ «СЭР ДЖЕК, ИЛИ
НЕ УГОДНО ЛИ ВАМ БЫТЬ ПОВЕШЕННЫМ?»)**

Если вдовушка уж в лётах
Да набит ее ларец,
И за нею в эполетах
Вьется ловкий молодец,
И воркует вокруг старушки:
«Я без вас не ем, не сплю!» —
Это значит — финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!

Если нимфа из балета
Обожает старичка,
И ему сбавляет лета,
И ласкает простачка:
«Вы такие, право, души!
Только вас одних люблю!» —
Это значит — финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!

Если автор представляет
Книжки критику на суд
И тот ловко обещает,
Что их скоро разберут:
«Ваши книжечки — игрушки,
Я их завтра расхвалю!» —
Это значит — финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!

Если в час, когда вы нужны,
Друг усердный вам твердит:
«С вами мы навеки дружны,
Кошелек мой вам открыт,
И процентов ни полушки! —
Я души не погублю!» —
Ну, а суньтесь — финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!

Все на свете колобродят.
Умный так же, как дурак,
Но все выгоду находят
Думать этак, делать так!
Здесь что шаг, то всё ловушки,
Но мы лезем, как в хмелю,
И не видим финтифлюшки,
Финтифлюшки, финтифлю!

(1849)

210. (КУПЛЕТЫ БОРОДАВКИНА

ИЗ ШУТКИ-ПОГОВОРКИ

«ВСЯКИЙ ЧЕРТ ИВАН ИВАНЫЧ!»)

Питер — дивная столица,
Я осмелюсь доложить:
Распотешить мастерица
И карман растормошить.

Здесь что шаг, то удивленье!
Всюду мрамор да гранит,
И уж точно просвещенье:
Всё на газе обстоит.
Всё так чисто и вальяжно. . .
Всюду этакий бонтон. . .
И устроено так важно —
На немецкий всё фасон.

Как кондитерские знатно
Здесь разубраны, ей-ей!

И у каждой аккуратно
Двое есть зубных врачей!
Над сладостями, шоколадом
Порти зубы — нипочем!
Тут вам вырвут, вставят рядом —
Всё за рублик серебром! . .

А уж сколько заведений,
В захолустьях даже всех,
Для душевных развлечений
И желудочных утех!
Здесь на дачах загляденье:
И воксалы и кафе,
Рестораны — объеденье,
Просто то есть — *тут-а-фе!*

Так вас вежливо обступят,
Требуя знай себе, не бось!
Правда, втридорога слупят,
Но зато уж всё — хоть брось.
Порции поменьше горстки,
Бутерброды под стеклом,
Водку подают в наперстке —
Утонченности во всем.

Рыба — сиг, лосось и штокфиш;
Всё рассчитано на вкус.
Что желудка не испортишь,
Уж за это поручусь.

А насчет скажу Пассажа,
Есть ли в мире где такой?
Преогромный, в три этажа,
А ведь летом — весь пустой.
Хоть торговля там в изъяне,
Плохо сводится итог,
Да зато поют цыгане:
«Уж как веет ветерок!».

Всё в размерах здесь громадных,
От палат до фонарей. . .
И вдобавок дней отрадных
Не бывает и ночей.

Невский устлан весь паркетом,
Не езда — а просто бег!
Только жаль — он взломан летом,
А всю зиму — на нем снег!

А наш Излер — вот сноровка! —
Распотешник, чародей!
Уж куды умеет ловко
Обморочивать людей!
Всех калибров народы
Там всю ночь и поутру:
Минеральные здесь воды
Всем, как видно, по нутру.

Сколько разных есть сокровищ!
Видишь диво каждый час:
То — в Кунсткамере — чудовищ,
То цыганский дикий пляс.
А послушать Лизу, Грушу,
Как распустят голосок, —
Потрясают просто душу,
Растрясаят кошелек!

Что за дамы! Как порхают!
Легче, кажется, пера...
А шары-то как спускают...
Надувать здесь мастера!
Да, уж надобно сознаться,
Что отыщется не вдруг
В целом свете, может статься,
Городок, как Петербург!

(1850)

211. <КУПЛЕТЫ РЕГЕНТИ

ИЗ КОМЕДИИ С КУПЛЕТАМИ «БЕДА ОТ СЕРДЦА
И ГОРЕ ОТ УМА»>

Вы видали ль: шасто бродит
В свете бедненький голяк:
Места ищет, не находит,
Прятал дырка на свой фрак.

Вот нашел он, — чуть пригрелся
И рукою не достать:
Обзавелся, разделся,
И в кармане благодать!

Вышло дело-то не худо!
Как успел он — вот в чем чудо!
Чуда нет тут — примечай:
Фокус-покус — ein, zwei, drei! ¹

Часто здесь купец удалый
Торг широко так ведет,
Забирает капиталы,
На чужой гуляет счет.
Но чуть срок пришел уплаты,
Купчик наш тю-тю. . . банкрот!
А чрез год, глядишь, палаты
Уж выводит тут как тут!

Вышло дело-то не худо!
Как успел он — вот в чем чудо!
Очень просто — примечай:
Фокус-покус — ein, zwei, drei!

Прожектер иной затеет
Печи греть совсем без дров
И порядком понагреет
Легковерных простаков. . .
Всё распишет, как в романе,
А выходит как назло:
Дрожь у пайщиков в кармане,
А ему, глядишь, тепло!

Вышло дело-то не худо!
Как успел он — вот в чем чудо!
Как успел он? — Примечай:
Фокус-покус — ein, zwei, drei!

Фокус-покусы на свете
Завсегда играют роль, —

---

¹ Раз, два, три! (нем.). — *Ред.*

Те от них катят в карете,
А другие трут мозоль.
Не надсаживая груди,
Не трудя свои глаза,
Тот при *дамах* вышел в люди,
А другой через *туза*.

Оно, в сущности, не худо!
Но как вышли — вот в чем чудо!
Очень просто — примечай:
Фокус-покус — ein, zwei, drei!

(1851)

212

Не жди, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка
И где зависит всё от сна
И от сварения желудка!
Где есть закон, чтоб понимать,
Как он изменчив и непрочен;
И где звездами лечат знать
От заслужённых ей пощечин!
Где много есть свободных мест
Для угнетенья и позора;
Где вешают на вора крест,
А не на крест вздевают вора!
Где низость доставляет чин,
А чин дает на подлость право:
Кто низко ползал — исполин,
Кто честно жил — упал без славы!
Где надо знать маршировать,
Чтоб выслужиться перед троном;
Где можно родину продать
И ей же вновь служить шпионом!
Где с детства учат фрунтовой,
Из школ поделали казармы;
Где управляет всей страной
Фельдфебель с палкой да жандармы!
Где всё правительство живет
Растленьем нравственным народа;

На откуп пьянство отдает
Для умножения дохода!
Где за словечко — цензоров
Пугают пытками тиранства,
А грабить можно мужиков
И драть — по вольности дворянства!
Где недостатка нет в полах,
А веры не видать от века;
Где бог в одних лишь образах,
Не в убежденьи человека!
Где нет управы для людей;
Где мысль их гонят; изуверство
Где есть закон; для лошадей
Особое есть министерство!
Где все цари едят и пьют
Или в солдатики играют,
Из мертвых мощи создают,
Живых же в землю отправляют!
Где <в прихоть> барства и чинов
Даны на жертву поколенья,
Где для затмения умов
Есть министерство просвещенья.

(1855)

Петр Андреевич Каратыгин родился 29 июня 1805 года в Петербурге, в актерской семье (крупными актерами были его родители, знаменитым трагиком стал старший брат, Василий Андреевич). В 1815 году мальчика отдали в Театральную школу, в класс балета; затем он перешел в драматический класс, где актерскому мастерству учился у драматурга А. А. Шаховского. В качестве режиссера и актера Каратыгин участвовал в организованных воспитанниками школы «домашних» спектаклях; для них он написал свои первые драматические произведения — пародию в стихах «Нерон» и водевиль «Сентябрьская ночь». Пьесы одобрил Грибоедов, бывавший в Театральной школе.

В 1821 году состоялся актерский дебют Каратыгина на сцене Русского для представления трагедий и комедий театра (с 1832 года называемого Александринским). Из училища официально Каратыгин был выпущен в 1825 году, но уже с 1823-го регулярно участвовал в спектаклях на амплуа «вторых любовников». Через десять лет он перешел на комические роли и сделался одним из ведущих комедийных актеров Александринского театра, где проработал всю жизнь. Каратыгин-актер имел, по словам Белинского, «талант односторонний, годный не для многих ролей, но тем не менее весьма замечательный...».¹

Одновременно с актерской деятельностью Каратыгин в 1832—1838 годах руководил драматическим классом в Театральной школе. Чуткий, отзывчивый педагог, он воспитал выдающихся комедийных актеров А. М. Максимова и А. Е. Мартынова.

Как драматург, Каратыгин дебютировал на казенной сцене в 1830 году водевилем «Знакомые незнакомцы», направленным против Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого. С этих пор и до самого кон-

---

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 534.

ца жизни (Каратыгин умер 24 сентября 1879 года) он постоянно писал для театра, создав в общей сложности 73 пьесы, из них 46 водевилей и 27 комедий (20 водевилей — оригинальные произведения, остальные — переводы и переделки французских). Наибольшую популярность принесли ему водевили; такие из них, как «Заемные жены, или Не знаешь, где найдешь и где потеряешь» (1834), «Ложа 1-го яруса на последний дебют Тальони» (1838), «Булочная, или Петербургский немец» (1843), «Вицмундир» (1845) и другие, поставили Каратыгина в число лучших русских водевилистов.

Многое связывает водевили Каратыгина с современным ему реалистическим искусством. Его герои принадлежат преимущественно к средним слоям населения Петербурга: это мелкие чиновники, купцы, бедняки интеллигенты. Водевили Каратыгина отличает сценичность, злободневность, хорошее знание быта, простота языка; для большинства из них характерен мягкий, добродушный юмор. Критика отрицательных черт действительности у Каратыгина, за редчайшими исключениями, отсутствует. Приверженец классического театра, он ко многим прогрессивным явлениям литературы и искусства (например, к творчеству Гоголя, Некрасова, Островского) относился отрицательно. Это проявилось, в частности, в водевиле «Натуральная школа» (1847).

Поэтические произведения Каратыгина — это водевильные куплеты и различные стихотворения, преимущественно шуточные, в их числе басни, стихотворные послания. Каратыгин был известен в театральном мире как остро слов и каламбурщик; он сочинил немало экспромтов и эпиграмм, посвященных главным образом театральной жизни.

Несколько стихотворений вошло в небольшую книгу «Сочинения П. Каратыгина» (СПб., 1854). Значительное количество стихотворений, не напечатанных при жизни автора, в их числе цикл «Закулисные эпиграммы», было опубликовано сыном драматурга, П. П. Каратыгиным, в журнале «Русская старина» (1880, №№ 1 и 3).

Посмертно был издан трехтомный «Сборник театральных пьес. Оригинальные и переводные водевили и комедии» (СПб., 1880), подготовленный, вероятно, самим драматургом; сюда вошла 31 пьеса. Кроме того, Каратыгин оставил интересные «Записки», где отразились события театральной жизни, очевидцем которых он был.

**213. (КУПЛЕТЫ ИВАНОВА
ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ЗАЕМНЫЕ ЖЕНЫ»)**

Красавице в семнадцать лет
Весьма немного время надо
Употребить на туалет:
Она прекрасна без наряда!

Она мила и в двадцать пять,
Однако ж рядится подольше,
И как бы, например, сказать:
Часа четыре в день, не больше...

Но стукнет тридцать, и тогда
Начнутся фокусы кокетства;
Употребляет иногда
И вспомогательные средства.

Но год подходит роковой,
Неумолимый, полновесный,
Сороковой, сороковой!
Губитель красоты телесной!

Еще проходят десять лет:
Уж об годах нет больше слуха,
Начнется долгий туалет:
До смерти рядится старуха!

(1834)

**214. (КУПЛЕТЫ ПОНУКАЛОВА
ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ЧИНОВНИК ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ»)**

Задеть мою амбицию
Я не позволю вам,
Я жалобу в полицию
На вас, сударь, подам,
Чтоб дерзкими манерами
Не смели обижать,
Не смели б офицерами,
Как пешками, играть.

Все эти обстоятельства
Подробно разберут;
За бранное ругательство.
Вас спросят, как зовут!
Здесь старого и малого
Спросите обо мне,
Все знают Понукалова
По службе, по жене.

Такое обхождение,
Неуваженье лиц,
Выводит из терпения,
Выходит из границ.
Заметить вам приходится,
Что этак, черт возьми,
Бесчинствовать не водится
С чиновными людьми.

Хоть смирен по природе я,
Но не шутите мной:
Я — ваше благородие,
А вы-то кто такой?
Вы просто так ершитесь,
Что взбесит хоть кого;
Отстаньте, отвяжитесь. . .
И больше ничего!

(1837)

215

Трем переводчикам «Гамлет» не удался. . .
Чтобы поправить зло такое,
Четвертый за него взялся, —
И вышло хуже — втрое!
Одно из двух: «Гамлет» едва ль переводим,
Иль только на Руси ему невзгода. . .
Зато уж переводчикам плохим
У нас решительно не будет перевода!

1837

1

(КУПЛЕТЫ КАРЛУШИ)

Во мне нет никакого смысла,
Хоть просто от стыда сгори!
То смотришь — тесто перекисло,
То подгорели сухари;
То ситники не допекутся,
То булки испеку — хоть брось;
И крендели не удаются,
И всё не так, всё вкривь да вкось!
Любовь — мучительная штука
И булочнику не с руки!
Уму и сердцу просто мука
И только перевод муки!

2

(КУПЛЕТЫ ФЛЮГЕРОВА)

Жена, действительно, как древо
Познания добра и зла.
Посмотришь справа, взглянешь слева,
Так браки — чудные дела!
Один с женою попадает
В большие люди и чины,
Другой, напротив, пропадает
По милости сзоей жены.
На незаконном основаньи
Домишко выстроит иной.
Есть под рукою оправданье:
«Где взял ты деньги?» — «За женой!»
Тому франтиха попадетсЯ,
За знатью тянется в струну;
А там, как справка наведетсЯ,
Притянут мужа за жену!
Жена глупа — тоску наводит,
Умна — так мужа проведет,
Красива — так друзей находит,
А муж в отставку попадет.

Короче, мудроно решиться.
Женитьба хитрая статья.
И без жены — жить не годится,
И с нею часто нет житья.

(1843)

3

(КУПЛЕТЫ КЛЕЙСТЕРА)

Могу сказать, я точно мейстер,
А не простой мастеровой.
Каков Иван Иваныч Клейстер,
Нигде не сыщется другой.
Васильский остров очень знает
Меня по честности своей.
Сам частный пристав забирает
Здесь булки, хлеб и сухарей.
В субботу, встретимшись со мною,
Он, этак сделавши, сказал:

(прикладывает руку ко лбу)

«Гут морген!» — и меня рукою
Он по плече потрепетал!

**219. (КУПЛЕТЫ РАЗГИЛЬДЯЕВА
ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ВИЦМУНДЕР»)**

Жизнь холостая мне очень наскучила!
Как одному не скучать?
Целый день дома, засядешь, как чучело,
Не с кем и слова сказать!

Нет никакого тебе утешения;
Вот хоть хозяйство возьмешь:
Тут беспорядок, а там упущение,
Точно в казармах живешь.

Кроме домашних хлопот и опрятности,
Даже по службе самой
Сколько различных обид, неприятности
Встретит наш брат холостой!

Как ни работает, как ни старается,
Всё замечать не хотят;
В наших способностях всяк сомневается:
Он, говорят, не женат!

Если ж красавицей женкой, как следует,
Кто заведется из нас,
Смотришь, начальник ласкает, обедает,
Там и прибавка тотчас!

Дети пошли, покумишься с директором,
Тут уж грешно отказать;
Будет вторым их отцом и протектором —
Это не шутка сказать!

Там и пошел! Через два или три года
Всех перегонишь друзей. . .
Да, быть женатым — огромная выгода. . .
Надо жениться скорей! . .

(1845)

**220. (КУПЛЕТЫ ИВАНА ВИХЛЯЕВА
ИЗ ШУТКИ-ВОДЕВИЛЯ «НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА»)**

Новую школу ума и словесности
Мы на Руси завели;
В этой-то школе дойти до известности
Многим уж мы помогли.
Тут не ученость нужна, а призвание,
Сила и воля души;
Если признал кто в себе дарование,
Просто — садись и пиши!

В плоскостях наших значенье глубокое;
Жизнь, как рассмотришь вблизи,
В низком отыщется дивно высокое,
Золото видно в грязи!
Надо раскапывать тайны семейные,
Чашу где горькую пьют;
Сколько трактиры, харчевни, питейные
Пищи поэту дадут!
Там-то отыщешь Руси молодечество,
Там-то все думают вслух,
Там первообраз всего человечества,
Там-то народный наш дух!
Мы, мы природы прямые поборники,
Гении задних дворов!
Наши герои: бродяги да дворники,
Чернь Петербургских углов!
Здесь мы реформу начнем социальную
Новым ученьем своим;
В школу гуманно-ультра-натуральную
Ваш пансион обратим!

(1847)

**221. (КУПЛЕТЫ БИРЮКОВА
ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДАЧИ»)**

Надоела дача эта!
Просто хоть сойти с ума!
Вместо красного-то лета
Здесь зеленая зима!

Холод, сырость, непогода;
С потолков течет струей. . .
Плачут деньги и природа,
А жильцы — хоть волком вой!

От дождя здесь всё размыто! . .
Каждый божий день с утра
То гвоздит как через сито,
То польет как из ведра. . .

Поневоле как в берлоге
Здесь засядет всяк из нас:
Сделай шаг — промочишь ноги,
Высунь нос — насмóрк тотчас!

В щели, в двери и в окошки
Ветер ходит тут и там. . .
Мухи, комары и мошки
Спать мешают по ночам! . .

Днем, как на смех, спозаранки —
Все бродяги набегут;
Скрыпки, трубы и шарманки
Так вот уши и дерут!

Гонишь их — они сильнее
Дуют, что ни говори. . .
Бросишь гривенник скорее,
Только черт вас побери!

Чуть немножко потеплее,
Выйдь — и встретятся с тобой:
Этот с пластырем на шее,
Тот с подвязанной щекой.

У того надуло в уши,
У другого зуб болит,
Этот с флюсом, тот в коклюши,
Тот сипит, другой хрипит. . .

Точно все из лазарета
Вырвались от лекарей. . .
Это северное лето,
Это — дача у людей!!

(1848)

1

Ну вот, «Весельчака» прочел я первый номер —
 Однако ж со смеху никто из нас не умер...
 В насмешку называли журнал «Весельчаком» —
 И кажется, что нас, подписчиков, дурачат:
 Плюшару весело с Брамбеусом вдвоем,
 Нам вовсе не смешно, а деньги наши плачут!

1858

2

Ты лопнул со смеху, несчастный «Весельчак»,
 Но не ропщи ты на судьбу-злодейку.
 В преемниках своих ты не умрешь никак,
 Оставив по себе забавников семейку!
 Пусть уморительный покойник мирно спит;
 Авань и без него мы не умрем от скуки:
 Здесь «Искра» над его могилою блестит
 И слышатся «Гудка» торжественные звуки!

*Февраль 1859***224. «ВОЕВОДА, ИЛИ СОН НА ВОЛГЕ»**

«Как пойдет наш «Воевода», —
 Все кричали наперед, —
 Посмотрите — что дохода
 Он театру принесет».

Ожиданья были долги,
 Результат короток был:
 Вот явился «Сон на Волге»
 И чуть всех не усыпил!

Просмотреть такую скуку —
 Не последняя из мук...
 Часто сон бывает в руку,
 А уж этот вон из рук.

1865

225. (ЭПИГРАММА НА А. К. ТОЛСТОГО)

Бессмертный Пушкин наш изобразил «Бориса»;
Теперь «Бориса» вновь представил граф Толстой. . .
Мы ограничимся пословицей одной:
«С богатым не тянись, а с сильным не борися!»

1870

Иван Иванович Панаев родился 15 марта 1812 года в Петербурге, в родовитой и богатой дворянской семье. С 1824 по 1830 год он учился в Благородном пансионе при Петербургском университете. Окончив пансион, Панаев поступил на службу в департамент государственного казначейства, а в 1834 году перешел в департамент народного просвещения, где состоял при редакции «Журнала министерства народного просвещения». Выйдя к 1845 году в отставку, он целиком занялся литературой. Умер Панаев в Петербурге 18 февраля 1862 года.

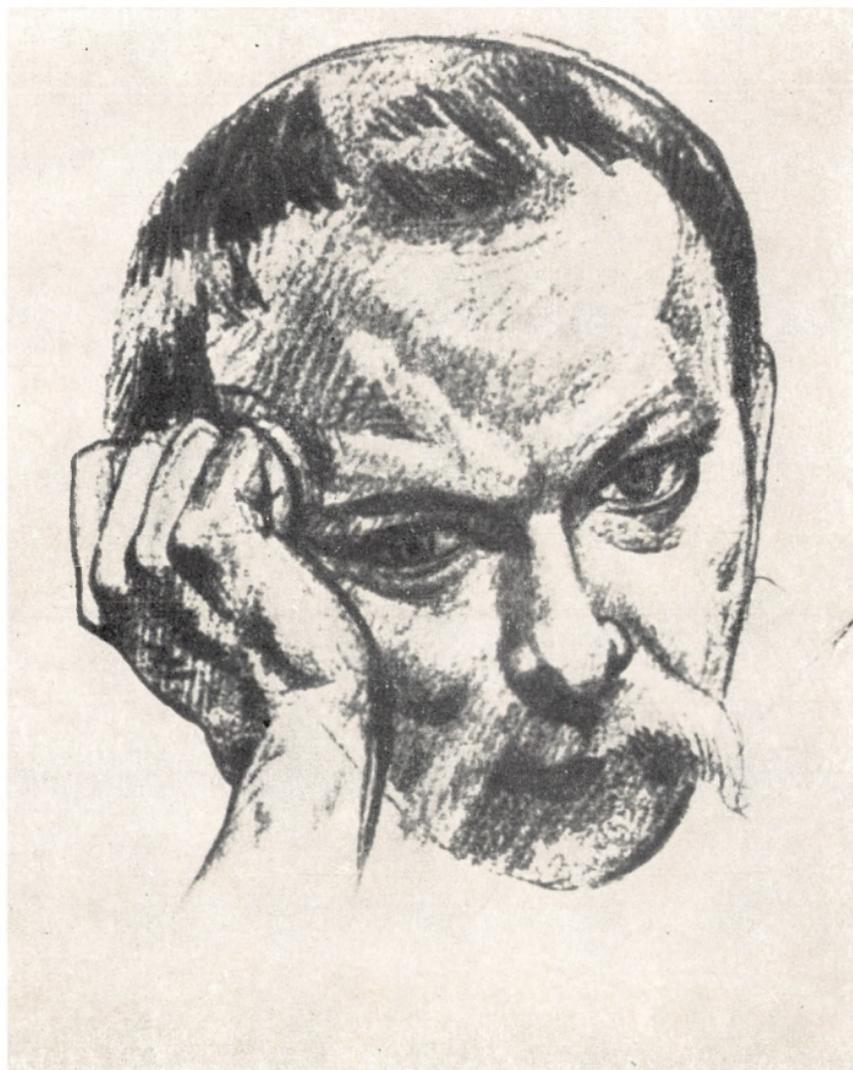
Первые литературные опыты Панаева относятся ко времени учения в пансионе, где он писал стихи и редактировал ученический журнал. Первое стихотворение Панаева было напечатано в 1828 году («Кокетка», в «Северной пчеле» № 61). Затем в различных изданиях появилось еще несколько бледных, подражательных стихотворений. В зрелые годы Панаев лирических стихов не публиковал и, видимо, не писал. Как прозаик он выступил в 1834 году, сотрудничая в «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества», «Отечественных записках» и других периодических изданиях и альманахах. Ранние рассказы и повести написаны им под влиянием романтической прозы А. Марлинского.

Решающую роль в становлении Панаева как писателя сыграло его знакомство с Белинским (1839), которое переросло затем в дружбу.

Преодолев увлечение романтизмом, Панаев начинает создавать бытовые нравоописательные очерки и рассказы, находя темы в окружающей жизни, и становится одним из зачинателей, а затем и виднейших представителей «натуральной школы».

В 1839 году Панаев сделался одним из ведущих сотрудников

«Отечественных записок», которыми фактически руководил тогда Белинский. Он напечатал в журнале «физиологические» очерки, ряд повестей и рассказов. Большой успех у современников имели «Онагр» (1841), «Актеон» (1842), «Литературная тля» (1843) и другие. Главная тема зрелого творчества Панаева — сатирическое изображение столичного аристократического общества и провинциального дворянства, нравов литературной среды.

В 1847 году вместе с Некрасовым Панаев стал издателем-редактором журнала «Современник» и оставался на этом посту до конца жизни. В «Современнике» он напечатал повесть «Родственники» (1847), роман «Львы в провинции» (1852). Под псевдонимом «Новый поэт» Панаев опубликовал в журнале множество обзоров, фельетонов, очерков. В 1851—1855 годах он вел ежемесячное обозрение «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», а в 1855—1861 годах — «Петербургская жизнь. Заметки „Нового поэта“».

Последние годы жизни Панаев писал мемуары. Ему принадлежат «Воспоминания о Белинском» (1860) и «Литературные воспоминания» (1861).

Немалую известность Панаев приобрел как поэт-пародист. Первые его пародии появились в «Отечественных записках» в 1843 году и печатались сначала там, а затем в «Современнике» — в фельетонах Нового поэта или отдельно. Пародии Нового поэта направлены против всего застойного, бесцветного в русской поэзии 40-х — первой половины 50-х годов, прежде всего — против эпигонов романтизма и сторонников «чистого искусства». Излюбленные объекты его пародий — Бенедиктов, Кукольник, в оценке которых Новый поэт был близок к Белинскому, затем — Щербина, Ростопчина и др.

Итогом деятельности Панаева-пародиста явился сборник «Собрание стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855).¹ С большей полнотой пародии Панаева собраны в пятом томе его шеститомного «Первого полного собрания сочинений» (СПб., 1888—1889); здесь же помещено несколько ранних лирических стихотворений Панаева.

---

¹ В сборник, кроме пародий Панаева, вошло несколько, написанных Некрасовым (см. в кн.: Б. Я. Бухштаб, Библиографические разыскания по русской литературе XIX века, М., 1966, с. 78—90).

226. К ЧУДНОЙ ДЕВЕ

Красоты ее мятежной
В душу льется острый яд...
Девы чудной, неизбежной
Соблазнительен небрежный
И рассчитанный наряд!
Из очей ее бьет пламень,
Рвется огненный фонтан,
А наместо сердца — камень
Искусительнице дан!
Ею движет дух нечистый,
В ней клокочет самый ад —
И до пят косы волнистой
Вороненый бьет каскад.
Всё в ней чудо, всё в ней диво:
Ласка, гнев или укор
И блестящий, прихотливый,
Искрометный разговор...
Он стоял в ее уборной,
Страстно ей смотрел в лицо
И, страдая, ус свой черный
Всё закручивал в кольцо.

(1842)

227. К ДРУЗЬЯМ

Где вы, товарищи? Куда занес вас рок?
Вы помните ль, как мы, хмельной отваги полны,
Собравшись в дружески-отчаянный кружок,
Шумели, будто бы в речном разливе волны?
Тех дней не воротить! Всему своя пора!..
Они исчезнули, как светлое виденье...
Блажен, кто пьянствовал от ночи до утра,
Из бочек черпая любовь и вдохновенье!
Блажен, стократ блажен!.. Встречая Новый год,
В мечте я прошлые года переживаю,
Беспечные года возвышенных забот,
И издалёка к вам, товарищи, зываю!
Примите дружески-бурсацкий мой привет,

Порыв души моей студенческой и чистой, —
Студенческой, друзья (хотя мне *сорок лет*)!
За ваше здравие и счастье ваш поэт
Пьет херес бархатный и чудно-маслянистый!

(1842)

228. НАПОЛЕОН

. . . . .
Фосфорным светом вдохновений
Его блистает голова. . .
Вот он, вот он, сей чудный гений,
Чьи громоносные слова
Европа с ужасом внимала;
Пред кем, безмолвная, она,
Склонясь во прахе, трепетала
И колыхалась, как волна!
Зарытый в мечты и окутанный мглою,
Один на горе, исполин, он стоит. . .
Заутра он двинет полки свои к бою,
И кто, дерзновенный, пред ним устоит? . .
Отважный виновник отчаянной брани,
Вперяя в грядущее стрелы очей,
Внимая свист ядер и гром восклицаний,
Он сердцем ликует при звуке мечей!
О гигант огнегремучий!
Разрывая бурей тучи,
Ты погибелью дышал! . .
Как орел мощно-крылатый,
Мир в когтях своих держал
И, как он, сей царь пернатый,
Гордо в облаках ширял!
Над стихией ты смеялся,
Громом, как Зевес, играл,
В ризы молний облачался
И вселенной потрясал! . .

. . . . .
И что ж, титан, с тобою совершилось?
Звезда твоя за тучу закатилась. . .

Разверзлось гибели жерло,
И поле битвы осветилось
Кровавым солнцем Ватерло!
Державный исполин промчался меж полками,
Блеснув очей своих победными лучами.
Он двинул гвардию — и вот раздался гром,
И, руки уложив на грудь свою крестом,
Он с думой мрачною и царственно-глубокой
С холма взирал на бой, недвижимый, одинокой!
Земля застонала, земля задрожала,
Как море, ее воздымается грудь;
Вот молния, вспыхнув, в дыму засверкала
И смерти широкий очистила путь.
И рыщет смерть, и гибельный свинец
В рядах бестрепетных творит опустошенье...
Уж близко замыслов гигантское крушенье...
И на главе его колеблется венец!

(1843)

229. К АЗИЯТКЕ

Вот она — звезда Востока,
Неба жаркого цветок!
В сердце девы страстноокой
Льется пламени поток!

Груди бьются, будто волны,
Пух на девственных щеках,
И, роскошной неги полны,
Рдеют розы на устах;

Брови черные дугою,
И зубов жемчужный ряд,
Очи — звезды подо мглою —
Провозвестники отрад!

Всё любовью огнистой,
Сумасбродством дышит в ней...
И курчаво-смолянистой
На плече побег кудрей...

Дева юга! пред тобою
Бездыханен я стою:
Взором адским как стрелюю
Ты пронзила грудь мою! . .

Этим взором, этим взглядом,
Чаровница! ты мне вновь
Азиатским злейшим ядом
Отравила в сердце кровь! . .

(1843)

230. МОГИЛА

С эффектом громовым, победно и мятежно
Ты в мире пронеслась кометой неизбежной,
И бедных юношей толпами наповал,
Как молния, твой взгляд и жег, и убивал!
Я помню этот взгляд фосфорно-ядовитый,
И локон смоляной, твоим искусством взбитый,
Небрежно падавший до раскаленных плеч,
И пламенем страстей клокочущую речь;
Двухолмной груди блеск и узкой ножки
стройность,
Во всех движениях разгар и беспокойность,
И припекавшие лобзаннями уста —
Венец красы твоей, о дева-красота!
Я помню этот миг, когда, царица бала,
По льду паркетному сльфидой ты летала
И как, дыхание в груди моей тая,
Взирая на тебя, страдал и рвался я,
Как ныне рвуся я, безумец одинокой,
Над сей могилую заглохшей и далекой.

(1846)

231. СЕРЕНАДА

В томной неге утопая,
Сладострастия полна,
Лунным светом облитая,
Вот Севилья, вот она!

Упоительно-прекрасен
И вкушая сладкий мир,
Вот он блещет, горд и ясен,
Голубой Гвадалквивир!

Близ порфировых ступеней,
Над заснувшею водой,
Там, где две сплелись сирени, —
Андалузец молодой:

Шляпа с длинными полями,
Плащ закинут за плечо,
Две морщины над бровями,
Взор сверкает горячо.

Под плащом его — гитара
И кинжал — надежный друг;
В мыслях — только донья Клара. . .
Чу! — и вдруг гитары звук.

С первым звуком у балкона
Промелькнула будто тень. . .
То она, в тени лимона,
Хороша как ясный день!

То она! И он трепещет,
Звуки льет как соловей,
Заливается — и мешет
Огонь и пламень из очей.

Донья внемлет в упоеньи,
Ей отрадно и легко. . .
В этих звуках, в этом пеньи
Всё так страстно-глубоко!

Под покровом темной ночи,
Песни пламенной в ответ,
Потупляя скромно очи,
Донья бросила букет.

В томной неге утопая,
Сладострастия полна,
Лунным светом облитая,
Вот Севилья, вот она!

(1846)

232. К***

Почтительно люблюся тобою
Издалека. . . Ты яркой красотой,
Как пышный цвет, торжественно полна,
Ты царственно, ты дивно создана!

Промчишься ли в блистающей карете —
Тобою бескорыстно вдохновлен,
Творю тебе обычный мой поклон,
Нимало не забота об ответе.

Окружена поклонников толпой,
Сидишь ли ты в великолепной ложе,
Я думаю: «Как хороша, о, боже!»,
Едва восторг удерживая мой.

Души моей высокое стремленье,
Мой драгоценный, задушевный клад!
Брось на меня хоть ненароком взгляд, —
Твой каждый взгляд родит стихотворенье!

(1846)

233. REQUIEM ¹

В ушах моих requiem страшно звучал,
И мрачно на улицах было,
Лишь там наверху огонек чуть мерцал
Сквозь красную штору у милой.

---

¹ Реквием (лат.). — *Ред.*

И холод по жилам моим пробежал,
И сердце болезненно сжалось;
Я более года ее не видал...
Что с ней, с моей милою, случилось?

Темна была ночь, ночь была холодна,
И ветер свистел так уныло...
В гробу как живая лежала она,
И полночь на башне пробило.

(1846)

234. ДВА ОТРЫВКА ИЗ БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ГРЕЗЫ «ДОМИНИКИНО ФЕТИ, ИЛИ НЕПРИЗНАННЫЙ ГЕНИЙ»

Сия драматическая греза, как усмотрит читатель, требовала обширной эрудиции. Герой ее — художник римской школы, родившийся в 1589 году и умерший в 1624 году.

Действие первое

ВЫХОД 2

1609

Картишная галерея в Мантуе. Доминикино Фети прохаживается по зале в глубокой и многозначительной задумчивости. На глазах его живительные слезы. Вдруг он останавливается, поднимая руки горé, перед картиною Джулио Романо.

Фети

Гори огнем священным, сердце,
Гори! Мне любо и легко взирать
На дивные создания искусства!
О Джулио Романо! О великий мастер!
Ты, кистью чародейственной владея,
В красе и блеске состязался с небом!
Во прах, во прах перед твоим талантом!

(Упадает на колени перед картиной. Через немного времени встает, отряхнется, протирает глаза. Холодный пот льется по его челу. Он снова смотрит на картину и, преисполняясь восторгом, начинает скакать и прыгать, напевая)

О Романо! О Романо!
Это диво — не картина!
Чудо мысли, исполненья,
Страсти, силы, вдохновенья...
И легко и вместе жутко,
Дрожь по телу пробегает,
Искры сыплются из глаз,
И пленительные звуки,
Расплетаясь и сплетаясь,
Будто змеи обвивают
Утлый, бранный мой состав!
Страшно! Дивная минута!
Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

*(В изнеможении упадает на стул.
Затем величественно поднимается
и произносит медленно и строго)*

Условия искусства глубоки!
И путь его исполнен бурь и терний.
Художник — не ремесленник. Он должен
Прежде всего иметь запас идей и нечто,

(сжимая руку в кулак)

Что избранным из избранных дается.
Я чувствую: во мне есть это нечто...
В груди растет зиждательная сила,
По жилам вместо крови льется огонь...
Не для земной и мимолетной славы
Я предаюсь великому искусству,
Не для себя, не для людей — для бога!
И жизнь моя пойдет легко и плавно,
Озарена священным вдохновеньем...
Спасибо Джулио Романо! Он
Мне указал мое предназначенье;
Двукратное — и от души спасибо
Великому!

Во все продолжение времени, покуда, под паитисм художнического восторга, Доминикино Фетти говорил, скакал и прыгал, в глубине галереи стояла не замеченная им девушка Анунциата, с умилением взиравшая на него.

А н у н ц и а т а
(*про себя*)

Как он хорош сегодня!
Он облит весь лучами вдохновенья,
И блеск в очах, и гордая улыбка. . .

(*Невольно громко*)

О Доминикино!

Ф е т и
(*будто просыпаясь*)

Кто звал меня? . .

(*Озирается. . . и, с удивлением увидев Анунциату, подходит к ней робко, с потупленным взором.*)

Анунциата! вы ли? Как! откуда? . .

А н у н ц и а т а
(*приседая с застенчивостью*)

Синьор художник. . . боже. . . извините. . .
Я здесь нечаянно. . .

Ф е т и

Анунциата!

Долгое и красноречивое молчание. Лицо Анунциаты постепенно одушевляется, глаза ее начинают сверкать, стан выпрямляется, правая рука поднимается торжественно. Во всей позе ее что-то прекрасное. . . Она смотрит на Фети и говорит.

А н у н ц и а т а
Великий боже! Что со мною? Я дрожу.
(*Громко и сильно*)

Внимай, внимай пророческому слову,
Из уст моих ты слышишь голос свыше.
Страшный путь ты избрал, Фети!
И на избранном пути
Для тебя расставят сети
Злоба, зависть; но идти
Должен ты по нем, лелея
Светлый, чистый идеал,
Не ропща и не робея;

Бог тебя сюда призвал...
Для великого!.. А люди...
Но ты пиши не для суда мирского,
Бесмыслен и пристрастен суд людей...
Есть суд другой — и есть другое слово...
Его-то ты вполне уразумей!..

(Исчезает.)

Доминик, пораженный сими словами, пребывает с минуту безмолвен, с опущенной головой. Потом поднимает голову, ища глазами Анунциату.

Ф е т и

О дивное, прекрасное явление!
О неземная!.. Где ты? погоди,
Не улетай... Благодарю, создатель!
В ее устах твое звучало слово!..
Мне слышатся еще досель те звуки
Гармонии чистейшей!.. Как светло!..
Как хочется мне плакать и молиться!
Как грудь кипит! Как сердце шибко бьется,
Рука к холсту невольно так и рвется...
Мой час настал. Великий, дивный час!..
За кисть, за кисть, Доминикино Фети!..

(Убегает.)

Действие седьмое

ВЫХОД ПРЕДПОСЛЕДНИЙ

Через пятнадцать лет после предшествовавшей сцены.
В Риме, в мастерской художника.

Ф е т и

(худой и бледный, пишет картину и вдруг останавливается, мрачно поводя глазами)

Нет, конечно, остыло вдохновенье...
Не воротить минувшее мгновенье!..

(Толкает ногою станок, на котором стоит картина. Картина падает.)

Прочь с глаз моих!.. Ну, веселитесь, люди!
(Рвет в бешенстве кисть, бросает ее и топчет ногами.)

Сбирайтесь смотреть на мой позор...
И вы, завистники с змеиною улыбкой,
Художники! Сбирайтесь сюда!..
Коварное, слепое провиденье!
Зачем сей путь ты указало мне?
Обман и ложь — и на земле и в небе!
Я изнемог!.. Довольно... Нету сил;
Червь внутренний мне сердце источил!..
Башмачник я, ремесленник презренный,
А не художник, славой осиянный!
(Хочет дико.)

Разбит во прах мой величественный сон!
(Задумывается и через минуту)
А сон тот был и чуден, и прекрасен...
Казалось мне тогда, что я восстану
В лучах, в венце и в нестерпимом блеске,
Величием, как ризой, облачен
И молниєю славы опоясан!
Колеблясь под куполом святыни,
Я радугу хотел сорвать с небес;
С природою я мыслил состязаться;
Пересоздать небесные светила,
Луну и солнце с неба перенести
На полотно. И кистью исполинской
Хаос, и тьму, и ад изобразить
На диво, страх и трепет человеку!..
Я мыслил сжать в одно произведение
Громадное — все божины миры!..
(Немного погодя)

Искусства царь, в регалиях моих
Я плавал бы над миром изумленным,
И на меня в немом благоговеньи
Смотрели б очи тысячи людей...
И голос мой тогда бы с высоты,
Подобно грому божьему, раздался:
О люди, на колени!.. Не предо мною, люди, —
Пред искусством! . . . . .
А ныне что я?

(Приближает к себе бутылку с вином и, указывая на нее)

Вот что теперь единственный мой друг,
Единственное благо мне дающий, —
Забвение. . .

(Пьет.)

Как сладко в душу льется
Живительный и пурпуровый сок!
Как весело мечтается и пьется! . .

*(Выпивает залпом несколько стаканов вина и
по некотором молчании)*

Что вижу я? . . Окрест меня собрались
Архистратиги дивные искусства,
Великие! . . Так точно, это он,
Божественный творец «Преображенья»,
И он, создатель «Страшного суда» —
Сей строгий и суровый Бонаротти. . .
Вот нежный, утонченный Гвидо Рени. . .
Страдалец вдохновенный Цампиери —
Мой гениальный тезка — также здесь. . .

(Еще пьет.)

И все они с любовью и с почтеньем
Торжественно взирают на меня
И говорят: «Достойный наш собрат!
Наполнив наши кубки золотые,
Мы чокнемся во здравие искусства,
Обнимемся — и вместе в путь пойдём
К сияющему храму вечной славы. . .
Мы гении, мы высшие земли!
Во храме том мы с гордостью воссядем
На благовонных лавровых венках,
Амврозией хвалений упиваясь,
И будем трактовать лишь об искусстве,
Зане другая речь нам неприлична. . .»

Долгое молчание.

Опять мечта. . . Проклятая мечта! . .
Вы, демоны, смеетесь надо мною? . .
Ну, смейтесь, смейтесь, — я и сам смеюсь.

Удар грома.

Сильнее, гром! Тебе не заглушить
Стенания растерзанного сердца! . .

Другой удар сильнее.

Вот так! И то не громко; посильнее! . .
О, если б мне стихии покорялись! . .
Одним ударом я б разрушил мир
И молнией спалил бы все картины. . .
Пусть гибнет всё. . . Пощады ничему!
И первое погибни ты, искусство! . .
Искусство — вздор. . . Оно на дне бутылки,
Вот где оно, искусство! . . Пить и пить. . .
Страстям своим. . . отважно предаваться,
Роскошничать и в неге утопать —
Вот жизнь! . . И Рафаэль так жил. . .
И я. . .

(Засыпает.)

Гром и молния. Фети спит непробудным сном. . . Освещенная молнией, бледная и худая, с распущенной косой, появляется Анунциата и останавливается перед спящим Фети.

А н у н ц и а т а

БогохулиТЕЛЬ дерзкий!
И это ты, что обещал так много,
Ты, кем была я некогда горда,
Кому вполне безумно предавалась,
Кем я жила и страстно упивалась, —
И это ты, мой светлый идеал?
Проклятие! Ты дерзостно попрал
Святыню чувств, надежд и вдохновений,
Ты погубил в зародыше свой гений,
На полпути к бессмертию ты пал!

Фети просыпается и с ужасом смотрит на Анунциату.

Ф е т и

О боже! Прочь, ужасное виденье. . .
Анунциата!! . Это страшный сон
Иль совести тревожное явление?!
Я без того разбит и сокрушен. . .
Анунциата, ты ли? . .

А н у н ц и а т а

Это я!

Я — казнь, тебе ниспосланная свыше! . .
А! ты узнал меня! . . Да, это я, —

Твоя Анунциата!.. Это я,
Доминикино Фети!.. О, гляди, гляди,
Я мало изменилася. Не правда ль?

Проклятие, проклятие тебе!

Фети

(упадая пред ней на колена)

Не проклинай! Не я, не я, а люди —
Виновники гибели моей!
У ног твоих позволь мне умереть,
Дай выплакать у ног твоих прощение...
Не я, не я, — а люди!..

(1846)

235

Напрасно говорят, что я гонюсь за славой
И умствую. Меня никто не разгадал!
Нет, к голове моей чернокудрявой,
Венчанной миртами, ум вовсе не пристал.
Нет, что мне умствовать! К чему? Вопросы дня
И смысла здорового прямое направление
Меня не трогают, не шевелят меня:
Когда в движеньи ум — мертво воображенье...
Не мир действительный — одни мне нужны грезы,
Одна поэзия душе моей нужна!
Порой салонный блеск, мазурка, полька, слезы,
Порою мрачный грот и томная луна...
При ослепительном и ярком свете бала,
С букетом ландышей и пышных тюбероз,
Иль одинокая под сумраком берез,
Я с наслаждением мечтаю и мечтала.
Напрасно ж говорят, что я гонюсь за славой
И умствую... Меня никто не разгадал!
Нет, к голове моей чернокудрявой,
Я повторяю вам, ум вовсе не пристал.

*Село Фекла
(1847)*

236. БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

И, головку склонивши уныло
И глотая слезу за слезой,
«Позабудь, если можно, что было», —
Прошептала, махнувши рукой.

На нее, как безумный, смотрел я,
И луна освещала ее;
Расставаясь с нею, терял я
Всё блаженство, всё счастье мое!

Густолиственных кленов аллея,
Для меня ты значенья полна:
Хороша и бледна, как лилея,
В той аллее стояла она.

(1847)

237

Ты мне всё шепчешь: «Постой!»
Я говорю: «Для чего же?»
Что же вдруг случилось с тобой?
Ты простонала: «О боже!»

Дивный был ужин вчера!
Мы проболтали до ночи,
Но и расстаться пора:
Сон уж смежает нам очи.

Что ты всё смотришь кругом?
Что потупляю я взоры?
Долго мы были вдвоем,
Сладко вели разговоры.

Я виноват пред тобой,
Ты предо мною. . . Но что же?
Ты мне всё шепчешь: «Постой!»
Я говорю: «Для чего же?»

(1850)

238. К ФАНИИ ЭЛЬСЛЕР

*Подражание одному
московскому стихотворцу*

Фанни милая порхала
Амазонкой и с ружьем,
Грациозно приседала
И летела напролом,
А сценические площадки
Света ярко струей
Освещали ее ножки.
Фанни! я поклонник твой!
Но не танцы и не пляски,
Силы полные, огня,
И не пламенные глазки
Озадачили меня. . .
Я люблю тебя, о Фанни!
Не за то, что легче лани
Ты порхаешь. Вовсе нет!
Не за эти прелесть-крошки
Восхитительные ножки,
А за то, что ты, на дрожки
Сев, поехала Москвой
Восхищаться. Взгляд твой зоркий
Упивался красотой
Самотёка, Лысой горки
И Поклонною горой. . .
Вот поэтому-то Фанни
Вдруг с ума свела меня. . .
Ей и дань рукоплесканий,
И восторги. . . Да, тебя
Русским сердцем понял я!

1850

239. СЕРЕНАДА

Уж ночь, Акулина!
Окрестности спят;
Все жители Клина
Давно уж храпят.

Покушав наваги
И выпив потом
Целительной браги,
Я здесь, под окном!

Своей балалайкой
Тебя разбужу,
А Жучку нагайкой
Как сноп положу.

До нитки промочен,
Осенним дождем,
Я жду тебя очень
Давно под окном.

Надень душегрейку,
К окошку присядь,
Дай грусть мне злодейку
С тобой разогнать.

Какая причина,
Что темен твой дом?
А! вот и лучина
Зажглась за окном.

(1851)

240. ГРЕЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Я лежал в Марафонских полях,
А гекзаметр горел на устах.
Наяву иль во сне, но, поэзии полн,
Видел где-то я там, вдалеке, при луне,
Блеск эгейских серебряных волн —
И чудесный процесс совершался во мне:
Пред мечтою моею проходил

Эврипид, и Софокл, и Эсхил. . .
Вспоминал я прелестные взоры
Живописной Аркадии дев,
Эримантоса дивные горы
И певцов беотийских напев
Под зеленым шатром сикоморы,
В честь Венеры пафосския храм,
Где у белой коринфской колонны,
Волю дав неудержным страстям,
Танцевали лесбийские жены. . .

И приятно ласкали мой взор
Парфенона краса и размеры,
И дымок, что вился из амфор,
И в плюще виноградном гетеры. . .
Там быстрее, чем из лука стрела,
Повершать с волей сильной и жгучей
На гражданской арене дела
К агоре мчался всадник кипучий. . .
Высоко возносился мой дух,
Я к Зевесу поднял свои руки,
А меж тем щекотали мой слух
Тетрахорды приятные звуки. . .
Кипарисы склонялись ко мне;
Перепутаны ветвью лианы,
Помавали главою платаны. . .
И, пылая в священном огне
И сливаясь с природой устами,
Я коснулся до лиры перстами. . .
И сознал, что, душою и мыслию грек,
Я элленов вполне понимаю;
Что каков ни на есть, а и я — человек
И в себе мирозданье вмещаю.

(1851)

241. ПОЭТ

В пределах дальней высоты,
Где носятся планет плеяды
И звезд блистают мириады,
Он водрузил свои мечты;

Среди небесного объема,
Преград не зная ниотколь,
Он в облаках, в соседстве грома,
Земную позабыл юдоль.
Игру мирского треволнения
Он прихотливо пренебрег,
Но в бурном вихре вдохновенья
О братьях позабыть не мог.
Над ним таинственные мысли,
Как тучи черные, нависли;
И — телом прах, душой колосс,
Светило и надежда века —
Он погрузился весь в вопрос
О назначеньи человека. . .
Не тщетно он пытал судьбу,
Не тщетно он витал в эфире,
Печаль и тайную борьбу
На громкой возвещаая лире. . .
Вдруг грянул колокол глухим
И перекатным звоном —
И медным языком своим,
С гуденьем и со стоном,
Вещал таинственный ответ,
Душе его понятный, —
И очутился вдруг поэт
В пустыне необъятной:
Кругом шумят толпы людей
С их суетностью дикой,
Но он один, как средь степей,
Угрюмый и великой! —
И всё, что радует других,
Ему смешно и ложно. . .
Да счастье для натур таких
Едва ли и возможно! . .

(1851)

242

В безумных оргиях уходит жизнь, как сон:
Шампанское с утра до ночи льется,
Крик, женщины, стаканов битых звон. . .
Хоть тяжело, а весело живется. . .

И страшно мне окончить жизнь в глуши,
И страшно мне теперь за труд приняться,
А *между тем* на дне моей души
Глубокие вопросы шевелятся. . .

(1853)

243. СЕЛЬСКАЯ ТИШИНА

Уж солнце медленно сокрылось за горою,
Означив свой закат огнистой полосой;
Прохлада чудная дневной сменила жар;
Над ближним озером поднялся белый пар,
И слышно в воздухе цветов благоуханье. . .
Природа нежится в таинственном молчаньи,
Лишь там, в запущенном, заглухнувшем саду,
Лягушки плещутся и квакают в пруду. . .
«Жить в сельской тишине — какое наслажденье,
Имея так, как я, доходное именье
И добрых мужичков, в определенный срок
Раз в год собирая с них умеренный оброк
И прибавляя всё — благодаренье богу! —
К наследью отчему землицы понемногу».
Так долго думал я и долго любовался
Природы красотой. Передо мной являлся
Порою Дормидон с небритой бородой,
Чтоб трубку вычистить, докуренную мной. . .
Но вот уж тень легла на нивы и поляны,
Вот месяц выглянул и, полный и румяный,
Бледнее и бледней на тверди голубой;
Вот пес откликнулся на крик сторожевой. . .
Дремá долит меня и очи мне смежает. . .
На сон грядущий мне постель готовят.
Пора и на покой, пора! . . Покушав плотно,
С какой приятностью, как сладко, беззаботно
Я лягу на постель и стану засыпать. . .

1853

24. НА ДОРЪГЕ

Я еду просекой. . . Зеленою стеной
Деревья высятся направо и налево;
В прогалинах лесных мелькают предо мной
Густые зелени недавнего посева.

Роскошный чернозем подернул падший лист.
Орешник пожелтел, и облетела роза. . .
Свежо. . . Лишь изредка раздастся только свист
И вдруг зашелестит плакучая береза.

Вся роща звуками и песнями полна.
Вот въехали в чащу. Дорога сжалась узко. . .
Пронзительно кричит нахальная желна,
Трещит болтливый дрозд, и свищет трясогузка.

На темном ельнике краснеет ярко клен;
Сквозь листья резкою багровой полосой
Виднеется заря. . . Я в думу погружен,
И грудь моя полна безвыходной тоскою.

На срубленной сосне, насупившись, сидит
Ворона, каркая. . . И тяжело и больно!
Печальной осени кругом печальный вид
Припоминает мне прошедшее невольно.

Остановил коней, из брички вылез вон. . .
Стою. . . гляжу назад. . . А сердце так и гложет. . .
И всё мне кажется, как будто бы сквозь сон,
Что сразу угадать мой стих никто не может! . .

(1854)

245. ОНА И Я

Как луна, ты томна и прекрасна
И, как солнце, — ярка, горяча,
Благовонна, свежа, сладострастна —
В трепетаньи златого луча
И в дрожании звонкого звука
Поэтических песен моих!

Ты бессмертна!.. Бессмертью порука —
Гармонический, гордый мой стих,
Прославлявший тебя бесконечно...

Когда первой рассветной зарею,
У пруда наклонившись беспечно,
Увлажняешь ты лик свой водою —
Лик, подернутый легкой дремою, —
О! я твердью клянусь голубою,
Что горжусь в ту минуту тобою
Несравненно сильнее, чем собою!..

В голове моей мысли толпятся...
Музыкально-прекрасные звуки
На горячих устах шевелятся,
И, скрестивши торжественно руки,
Я твержу: «Хоть я равен герою,
Но могучей атлета ступнею
Не сомну и ничтожнейшей травки;
Мирозданья любуясь красою,
Не задену мельчайшей козявки!»

Мимолетное духа явление,
Хоть я мыслию — мир обнимаю,
Но я в вечности — только мгновенье
И поэтому — *атом* творенья
Берегу — и из уст выдыхаю!..

(1855)

246. FAR - NIENTÈ ¹

В сельце Валуевке он тридцать лет живет,
В известные часы травник целебный пьет
И кушает всегда три раза в день исправно
С супругою своей Федосьей Ермолавной.
Он после трапезы курит обыкновенно,
Привычкам следуя лет сорок неизменно;

---

¹ Безделье (итал.). — *Ред.*

Зевает, кашляет, сморкается, плюет,
Приподнимается — и опочить идет. . .

От беспокойных мух прикрыв свой тучный лик,
Он погружается в огромный пуховик
И спит до вечера. И жизнь так льется плавно. . .
Придет его будить Федосья Ермолавна,
И он поднимется; отекая рукой
Укажет на стакан с брусничною водой
И выпьет залпом всё; потом почешет спину
И отправляется лениво на крыльцо,
Чтоб освежить свое заплывшее лицо. . .
Меж тем на водопой пригнали уж скотину,
Уж солнце клонится к закату — и порой
Из саду вдруг пахнет накошенной травой.
Сквозь рощу темную огонь заката блещет,
И каждый лист сквозит и радостно трепещет. . .

(1855)

Знаменитый русский художник Павел Андреевич Федотов родился 22 июня 1815 года в Москве, в многодетной бедной семье мелкого чиновника. Детские впечатления, связанные с жизнью городской окраины, общение с простыми людьми во многом определили направление его творчества. Одиннадцати лет мальчик был помещен в первый Московский кадетский корпус. Воспитывавшийся в атмосфере николаевской муштры, он отличался от большинства своих товарищей широтой интересов, жаждой знаний и сохранил эти качества навсегда. В корпусе Федотов увлекался многим: математикой, химией, языками (изучил французский и немецкий), рисованием, музыкой, много читал, сочинял шуточные стихи и переводил отрывки из од Клопштока.

В 1833 году Федотов окончил корпус с отличием, благодаря чему, в чине прапорщика, был назначен в лейб-гвардии Финляндский полк, расквартированный в Петербурге. Свободные от службы часы он отдавал музыке (играл на рояле, флейте, скрипке, сочинял песни, которые сам же исполнял, аккомпанируя себе на гитаре) и живописи, сделавшейся постепенно его главным увлечением. С 1835 по 1845 год Федотов посещал вечерние классы Академии художеств, поначалу решив стать художником-баталистом.

Задумав всецело посвятить себя живописи, Федотов в 1843 году в чине капитана вышел в отставку с нищенской пенсией. Вся его дальнейшая жизнь прошла в крайней бедности и напряженном творческом труде. Вскоре Федотов занялся жанровой живописью и рисунком. Этому способствовало письмо, полученное им в 1844 году от И. А. Крылова. Знаменитый поэт, баснями которого Федотов увлекался с детства, увидав несколько его набросков, посоветовал художнику «отдаться своему настоящему призванию — изображению народного быта». ¹ Свои новые произведения Федотов создает

---

¹ Я. Д. Лещинский, Павел Андреевич Федотов — художник и поэт, Л.—М., 1946, с. 18.

на основе внимательного изучения окружающей жизни. Он ходит по Петербургу, зарисовывая типы из простонародья, городские сценки. Дарование его развивается под воздействием передовых идей 40-х годов. Мотивы социально острых, новаторских по своей сути произведений Федотова связывают его творчество с гоголевским направлением в литературе, с «натуральной школой». Через посредство своего друга А. В. Дружинина Федотов сблизился с писателями, группировавшимися вокруг «Современника», — Некрасовым, Достоевским, Панаевым и др. Гравер Е. Е. Бернарнский познакомил его с идеями кружка Петрашевского.

В 1848 году Федотов впервые участвовал в академической выставке, где показал картины «Свежий кавалер» и «Разборчивая невеста». Следующая работа, «Сватовство майора», экспонированная на выставке 1849 года, принесла ему большую известность и звание академика по «живописи домашних сцен».

Однако в реакционных кругах картины Федотова вызвали недовольство. В «Москвитянине» появилась статья «Эстетическое кое-что по поводу картин и эскизов г. Федотова», автор которой, П. М. Леонтьев, усмотрел в работах художника злобу и «сатирическую насмешку над изображаемыми лицами». ¹ Цензура запретила издание литографий с федотовских картин, меценаты стали отказываться от приобретения его произведений. Последние годы жизни художника прошли в отчаянной борьбе с нуждой и по-прежнему напряженной работе. В картинах этих лет («Вдовушка» — 1851, второй вариант — 1851—1852, «Анкор, еще анкор!» — 1851, «Игроки» — 1852) преобладает трагическое начало.

В 1852 году Федотов сошел с ума. Хорошо знавший его художник Л. М. Жемчужников объясняет это «борьбой с нуждой, постоянным напряжением и сознанием полной невозможности выйти из этой борьбы». ² Федотов очутился в невыносимых условиях сначала частной, а затем казенной больницы, где и умер 14 ноября 1852 года.

Стихи Федотов сочинял на протяжении всей жизни, наиболее интенсивно — в последние годы; впрочем, всегда урывками, в минуты отдыха. Это басни, стихотворные пояснения к собственным картинам, лирические стихотворения, песни и т. д.

Стихи Федотова по своему художественному значению не идут ни в какое сравнение с его живописно-графическими работами, однако созданы на общей с ними основе, родственны их настроениям

---

¹ «Москвитянин», 1850, № 8, отд. 6, с. 24.

² Л. М. Жемчужников, Мои воспоминания из прошлого, Л., 1971, с. 111.

и темам. Бóльшая и наиболее интересная часть стихов — сатирические произведения. Это социальная сатира, нередко затрагивающая политические основы Российской империи. Естественно, что напечатаны подобные произведения быть не могли. Не предназначая свои поэтические опыты для печати, Федотов обычно читал их друзьям, а те переписывали и распространяли их в списках. Некоторые произведения, в особенности поэма «Поправка обстоятельств, или Сватовство майора», приобрели в списках широкую популярность.

Публикация поэтического наследия Федотова началась вскоре после его смерти и затянулась надолго из-за препятствий, чинимых цензурой. Наиболее полно стихотворные произведения Федотова были опубликованы в наше время, в книге Я. Д. Лещинского «Павел Андреевич Федотов — художник и поэт» (Л.—М., 1946).

**247. КАРТИНА «СВЕЖИЙ КАВАЛЕР,
ИЛИ ГДЕ ЗАВЕЛАСЬ ДУРНАЯ СВЯЗЬ,
ТАМ И В ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК — ГРЯЗЬ»**

Где завелась дурная связь,
Людей порядочных стыдась,
Там их как можно избегают,
Друзей под масть уж подбирают;
Друзья под масть лишь потакают;
За снисходительность же их
Хозяин также должен в них
Оправдывать их заблужденья:
За снисхожденье — снисхожденье.
Потом, боясь их оскорбить,
Он не откажет разделить
И с ними то, что им по нраву,
И так он нехотя отраву,
Сначала морщась, будет пить,
Потом, привыкнув, находить,
Что этот яд не так опасен,
Что ропот на него напрасен,
И наконец, что знал за грязь,
Уже полюбит, с ней сроднясь,
И будет даже удивляться,
Как мог он этого бояться.
Но между тем увидит сам,
Что он к порядочным людям

Стал больше прежнего не к масти,
В кругу их быть — уж род напасти,
Упрека полны взоры их.
Тут, с горем убежав от них,
Встревожив совесть, он стремится
В разгуле страсти позабыться,
И, упоенный, счастлив он;
Тут совесть отыскала сон.
И вот на поприще разврата
Уж он далек, уж нет возврата,
Расслабла совесть ото сна,
От опьяненья, а она,
Бывало, тенью неразлучной
Плелась за ним, как страж докучный,
И берегла его от бед.
Но тень резка, коль ярок свет.
Его же солнце вихрь могучий
Страстей, пороков черной тучей
Затмил, как в сумраке предмет;
Он мрачен стал — и тени нет.
Так он один в потемках бродит,
В потемках тень за ним не ходит.
Победу празднуя, порок
Нахально носит свой венок.
И если встретит вдруг презренье,
Уж не раскаянье, а мщенье
В душе порочной закипит:
К злодейству — шаг, коль совесть спит.

1846

248. ПОПРАВКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,

ИЛИ ЖЕНИТЬБА МАЙОРА

(Предисловие к картине)

Вот майором десять лет,
А надежды нет как нет
В подполковники подняться:
Всё смотры мне не клеятся,
Всё робею на смотрах.
Слово «смотр» наводит страх.
Право, хуже всякой бабы!..

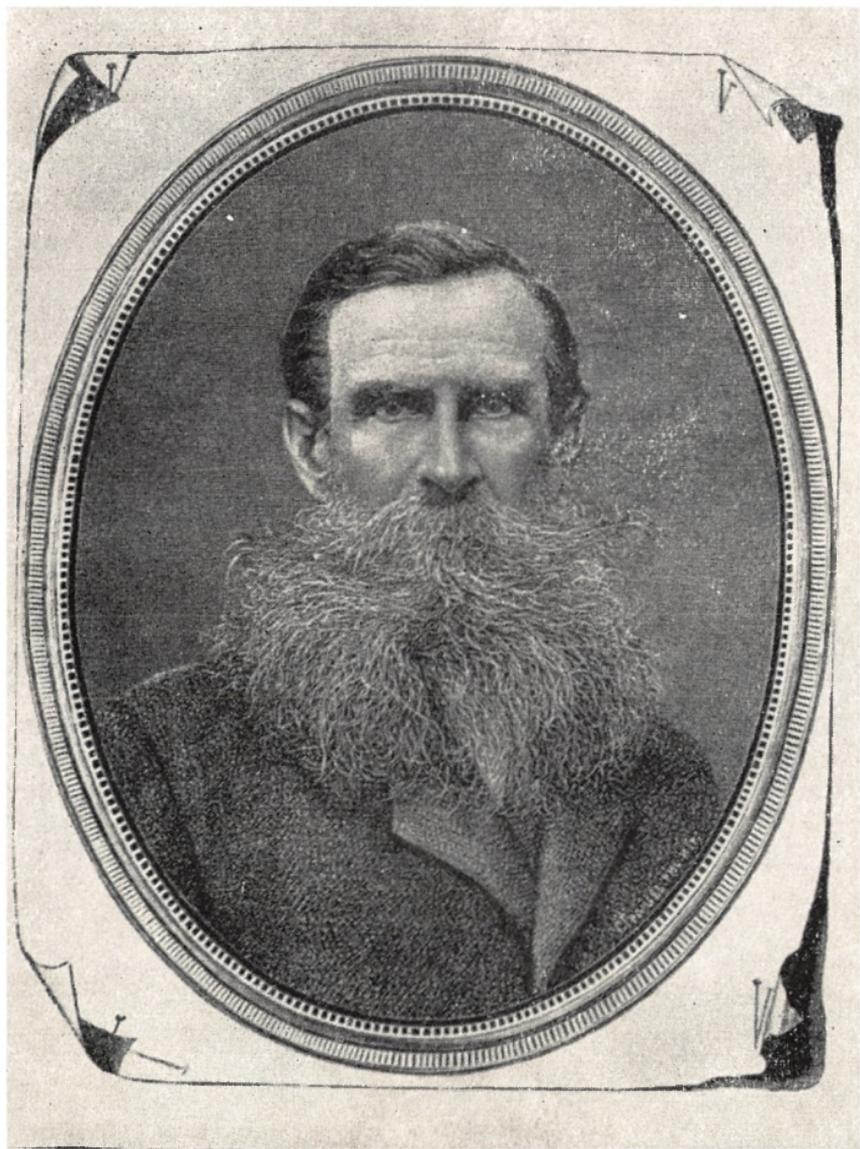
Нервы, что ли, стали слабы?
Чуть начальник впереди
10 Покажись, стеснит в груди
И, как иглами уколот,
Весь вздрогнешь, по телу холод
И мурашки пробегут,
Зубы дробь во рту забьют,
Как в карете стекла; волос
Станет дыбом, рвется голос,
Звон глухой гудит в ушах,
Звезды бегают в глазах,
Поле будто всё кружится —
20 И изволь тут отличиться! ..
Пить для храбрости? .. И пил,
Да лишь вдвое наглупил.
Позапрошлый год стояли
Мы в каре и всё стреляли.
Вдруг командуют: «Вперед!»
С фланга мне пришел черед.
Уж недаром ненавижу
Я каре; засуетясь,
Тут забыл назначить фас,
30 Гаркнул: «Марш!» И что же вижу?
Фасы — кто куда лицом,
Как стояли врозь крестом,
Дуют-дуют по долине. . .
Я ж торчу один шестом,
Одуревши, в середине.
Музыканты тоже врозь,
Кто куда. . . Беда, хоть брось!
Не забуду и поныне,
Как тогда со всех сторон,
40 Как на падаль тьма ворон,
На меня поналетели
Командиры, — ели, ели!
Как душа осталась в теле!
А начальники у нас,
Как расходятся подчас,
Матер[щиной] так и хлещут,
И иные этим блещут.
Прошлый год, судьбе назло,
Мне как будто повезло:

- 50 На смотру и в построеньях
Лучше шло, чем на ученьях.
Я ошибся только раз,
Да и то дым пушек спас.
Ну, я думал: в добрый час!
Чтоб не сглазить, перед старшим
Церемониальным маршем
Нам пройти уж нипочем!
Не замеченный ни в чем,
Верно, буду я представлен!
- 60 План уж был в уме составлен,
Как полковника схвачу,
Как и выше поскачу.
И в мечтах лечу, лечу...
Вижу: армия большая,
Все колоннами идут
И, знамена преклоняя,
Все мне почесть воздают;
Барабаны громко бьют,
Громко музыка играет,
- 70 И народ кругом зевает,
Дамы так ко мне... а я
Так марширую свободно...
Но постой, мечта моя!
Наяву идут повзводно,
Вот идут, идут, идут,
Ровным шагом землю бьют,
Поле чистое трясется,
Эхо близких рощ и гор
Вторит музык стройный хор,
- 80 Сквозь аккорды крик несется:
«Рад стараться, ваше...ство!»
И на лицах торжество.
Взвод щетинистой грядюю
Взвод сменяет чередую;
Всё вперед, вперед, вперед...
Вот подходит мой черед.
Рад — и страшно, сердце бьется:
Что, как вдруг с ноги собьется
Батальон мой?.. Никогда!
- 90 Нет, взошла моя звезда!..
Но... и вдруг мечта остыла,

Точно громом поразило,
Точно с неба слышу: «Стой! . . .»
Барабанов смолкнул бой,
Стихло всё, остановилось,
Разом в землю пригвоздилось,
Замерло — лишь там и сям
Потихоньку по рядам
Офицеры пробегают
100 И ряды свои ровняют;
Вот и те уж по местам,
Все чего-то ожидают,
Все боятся; но зачем?
Для чего бояться всем?
Есть за всех один несчастный —
Это я! . . . О рок ужасный!
Так и есть: в мой пятый взвод
Прямо корпусный идет.
Вот всевидящее око!
110 Он подметил издалика
У каналы у одной
В пятом взводе под сумой
С табаком кисет проклятый.
Погубил меня взвод пятый!
Ждал схватить иль чин, иль крест,
А попался под арест!
Хуже ж всех годов мне это
Было нынешнее лето.
Только третий боевой
120 Как пойдет — хоть волком вой!
Знал претвердо на ученье,
Тут не то — нашло затменьё!
А жолнера поутру
Как просил я на смотру
Подсказать мне, но лукавый
Всё об Леленьке кудрявой
Об своей, видно, мечтал,
В голове всё, видно, бал. . .
Молодежь! . . . А мне от бала
130 От его уж так попало,
Хоть в отставку подавай!
Эх, отставка — вот так рай! . . .
Никаких смотров не знай!

Сам себя лишь только знаешь,
Сам себе лишь отвечаешь.
Вот другим везет. . . а я?
Знать, такая колея! . .
Больше ль знает Пятогреев?
Иль умней меня Михеев?
140 Ха-ха-ха! или Рубцов?
Уж глупейший из глупцов!
А Зубанов с красной рожей,
На говядину похожей,
А Биршнапс, а Муано?
Все полковники давно,
Все с полками набивают,
Чай, карман да поживают,
Как царьки; один лишь я. . .
Просто дрянь судьба моя!
150 Всюду запятые, точки.
Знать, родился не в сорочке.
Нет, довольно! Решено —
Выйду! Уж пора давно
На покой, чего тут ждать?
Ведь мне каждый смотр обидно
Перед фронтом срам глотать.
А устав мудрен! Мне, видно,
Нечего здесь больше ждать,
Генералом не бывать! . .
160 Да и это незавидно!
Ну, положим, генерал. . .
Экой важный капитал!
Что от этого прибудет?
Ведь начальство всё же будет,
Так же будет распекать,
Да тогда еще стыднее.
А ведь с чином не умнее
Станешь — так же будешь врать! . .
Содержанья и прибудет,
170 Так расходов втрое будет:
Надо уж себя держать
На вельможескую статью;
И шитье, да и нельзя же
Обойтись без экипажа. . .
Голь, как нынче, будет та же.

Вышел бы, да вот беда:
Чем кормиться-то тогда?
Пансион? . . . Велико дело!
А уж крепко надоело! . . .
180 Разве к статским перейти?
От смотров хоть бы уйти,
Но и там беда повсюду:
В статской я надворным буду,
А надворный там велик,
Там надворный, без сомненья,
Уж начальник отделенья —
Я ж к бумагам не привык.
Что ж я буду за начальник?
Мне любой столоначальник
190 Завернет везде кавык:
Там, где взять, — себе оставит,
А бумажку ту представит
Мне, с которой лишь беда,
И распутывай тогда!
А как дел-то сам не знаешь
Да в законах не смекаешь —
Не подскажет важный чин,
И, не справившись один,
Поневоле всякой мошке
200 Поклонись чернильной в ножки,
А не то тебя под суд
Эти мошки упекут.
В статской важны чин и званье,
Но важней законов знанье.
Впрочем, есть и там места,
На которых и проста,
Без особенной науки,
Можно греть порядком руки.
Не об жалованье речь,
210 Совесть можно сбросить с плеч!
Не такие нынче годы!
Говорится про доходы.
Например, комиссарьят,
Или провиантский штат,
Иль полиция, таможня. . .
Вот уж, говорят, там можно!

Только с прочими делись,
А иначе берегись! . . .
Прах возьми! Да я б делился,
220 Да и сам бы понажился!
Этак бы сначала дом
В пять этажей, да притом
Чтоб и в нем всего битком.
После сбил бы помаленьку
В хлебном месте деревеньку.
А хозяйством править лень —
Клал в ломбард на черный день
Чистоган. . . Когда б понажил,
Я б раскланялся и зажил,
230 Как второй Сарданапал,
И тогда задай-ка бал. . .
Глядь, в числе гостей попал,
С уверениями в дружбе,
Тот, кто прежде так на службе
Просто со свету сживал.
Принимая всех радушно,
Я б простил великодушно
Прошное врагам моим,
Я бы даже на смех им
240 Задавал обеды часто.
«Ваше пр—во» тогда б уж баста!
Клим Матвейч, Петр Лукич, —
Поименно просто кличь.
Вот к такому бы местечку
Приютиться человечку
Славно б! . . . Кто ж добру не рад!
Только вот что говорят:
Что туда без денег вряд
Попадешь. . . подсунуть надо,
250 Да ведь как! . . . Исчадья ада
Ведь нельзя сказать *берут* —
Чисто-начисто дерут,
Начиная с самой справки.
Ты придешь: как точно в лавке,
Там на всё уж такса есть,
И не стоит мало несть.
Единичными рублями
Там с простыми писарями

Не поладишь, им на чай
260 Тож полсотенку подай, —
Вот тогда язык развяжут
И вакансию укажут,
Да научат и уму,
То есть сколько и кому
Да и в руки ль самому.
Может, где важней супруга
Иль секретная подруга,
Что и к ним с поклоном снесть,
Где и к ним лазейка есть.
270 Ведь с бумагами ему, чай,
Неровён бывает случай,
Часто в ночь . . . так дай ему.
Умный писарь — член в дому.
Он и там смекнет делишком,
Где, хоть это редко слишком,
Что начальник — правовед
Иль студент задорных лет —
Щекотлив вдруг до дохода;
Ведь в семье не без уroda, —
280 Их глупцами и зовут.
Ну, так писарь верно тут,
Как всегда, на шаг от плюхи,
Знает хоть, когда он в духе.
Что ж, и это верный ключ;
Гром гремит не всё из туч,
Часто из . . . Так писаря,
Откровенно говоря,
Даром, что ли, прижимают?
Нет, себе, чай, цену знают!
290 С виду мошки; а министр,
Как ни будь умом он быстр
И глубок, а донесенье
Иль секретное решенье
Пишет сам ли? . . . Писаря —
Четко нужно для царя.
А министру до того ли? . . .
У великих всех людей
Быстро бьет фонтан идей,
В спехе брызжет поневоле,
300 Да наставит лишь крючков:

Почерк гениев таков.
А иной бы рад стараться,
Да спасует. . . а, признаться,
Поглядишь: барчата все
Бойко мелют по-франсе.
А взгляни в чистописанье —
Тотчас встретишь оправданье:
«Кантонистов, что ли, нет?
Это низко нашим чадам!»
310 Русский ум наш крепок задом.
А вот тут. . . с писцом секрет
Государственный и важный
Раздели. . . Хоть не продажный
Этот писарь, может быть,
Да мадерцы как не пить? . .
Часто нехотя напьется,
А напьется — и проврется,
И, что чтится за секрет,
Глядь, обходит весь уж свет.
320 И шути тут с писарями! . .
Еще милостивы с нами!
Много ль есть учителей,
Чтобы смысл науки всей,
Смысл в ученье столь глубоко,
Как достать местечко с соком,
Передал одним уроком
И полсотни только б взял? . .
Бескорыстья идеал!
Право, сотню дам охотно.
330 Так, купив себе маршрут
И карман набивши плотно,
Отправляйся выше. . . тут,
Тут уж тысячи берут.
Выше — уж десятки тысяч!
Ух бы их на конной высечь!
Поневоле после всяк,
Заплатив за место так,
Всё вернуть скорей захочет
И, как жадный волк, наскочит
340 Вымещать всё над казной.
И бессовестно иной
Вслух кричит: «Казна богата!

Грех обидеть ближних, брата,
У казны ж не грех украсть,
Есть кому ее накласть;
Коль казны и неостанет,
Так министр кой-как натянет:
Министерский ум глубок,
Он из камня выжмет сок —
350 И казна опять богата!»
Так, забывши всё, что свято,
Рассуждается у нас.
Только если в добрый час
Совесьть как-нибудь разбудишь, —
Вовсе иначе рассудишь.
Тут увидишь, что казна
Не для кражи собрана.
Сборы все и приношенья
На благие учрежденья
360 С нас правительство берет.
Стало, кто казну дерет,
Тот у ближних благо крадет.
Пусть кто хочет душу гадит,
Мне ж таких не надо мест —
Совесьть грозная заест.
Всё терпением залечим,
Да притом подсунуть нечем:
Шарф на выжигу, темляк,
Ну хоть два, хоть три, да знак —
370 Вот и всё. . . Нет, с этим дудки!
С этим близ трактира будки
Не получишь. Вот мечтай,
Замки строй и рассуждай:
Ноль на ноль сто раз помножа,
Всё в итоге будет то же.
Всюду деньги! Даже в рай
Хочешь — денежки подай,
Хоть умри без покаянья.
Но когда есть состоянье,
380 Лишь пожертвуй в церковь вклад,
Да побольше — что тут ад!
Нипочем! Весь век молиться
Будет пастырь за тебя.
А без денег за себя

Сам молись. Беда, коль грянет
Невзначай последний час
И застанет средь проказ!
Бедный! Кто тогда предстанет
Пред судьей на небесах
390 Выручать тебя в грехах?
Кто врата отворит рая?
Чья молитва? Отпевая,
Пастырь, сам как бы стыдясь
Бога за тебя, свой глас
Не возвысит в песни сладкой,
А, как будто бы украдкой,
Он сквозь зубы над тобой
«Со святыми упокой»
Проворчит в скороговорку
400 И в червивую каморку
Не проводит бедняка:
Вишь, от церкви далека.
С стройной, громкою мольбою
Над богатым к небесам
Из кадила фимиам
Вьется пышною, густою
Ароматною волной.
Бедным фимиам иной.
Им, посмотришь, и кадило
410 Только-только бы чадило.
Деньги, деньги — счастья ключ!
Но постой! Надежды луч
Не совсем угас покуда,
Не совсем еще мне худо —
Дай-ка я за ум возьмусь:
Почему я не женюсь?
Да, женюсь, и на богатой,
Дам щелчка судьбе рогатой.
Как богатой мне не взять!
420 Иль невест богатых мало?
Иль во мне что недостало?
Чем не муж я? чем не зять?
Штаб, густые эполеты,
Шпоры, конь, усы и лета!
Что ж, в поре я, просто хват,
Хоть немножко толстоват...

Это возбудит почтенье;
Хуже ж, если б был худой.
Скажут верно, он больной
430 Иль худого поведенья.
Всё, что надобно жене
Ждать от мужа, есть во мне:
Чин высокоблагородный,
И притом собой дородный.
Что ж еще? Уж для купчих —
Это сущий клад для них.
Кстати ж, слышал, у Кулькова,
У подрядчика лесного,
У купца-бородача,
440 Старовера, богача,
Хлебосола записного,
Уж назначен миллион
Дочери. Когда бы он
Отдал мне ее. . . Не худо!
Аппетитненькое блюдо!
Право, нечего зевать,
Надо сваху засылать,
А потом принарядиться
Поновей, понадушиться,
450 Можно и духов достать
И помады хоть у франтов,
У бригадных адъютантов,
Взять у них же орденюк,
Да батистовый платок,
Да часы на случай, с дочкой
Коль придется говорить,
Пальцем баловать с цепочкой
И носочком такту бить;
Шарф надеть, позвонче шпоры,
460 Да, поднявши плечи, грудь,
Эполетами тряхнуть,
Да погромче в разговоры. . .
Посмотрю я, как тогда
Мне откажет борода!
С бородой, в сибирках, тести —
Деньги есть, так ищут чести.
Раз при мне один купец,
Мужа дочери смекая,

- Как заботливый отец,
470 Все сословия сличая,
Вот что вывел наконец:
«Выдать за купца не худо,
Да не худо, как покуда
Хорошо дела идут;
Но беда подчас и тут.
Сколько б в руки ни попало
Денег, — кажется всё мало:
Хочется учетверить —
В оборот рискнет пустить
- 480 Да с казной в подряды вступит,
Думая, что вот-то слупит!
Ан, глядишь, в капкан попал,
Поминай свой капитал!
До ковша в дому опишут
Да в мещане перепишут.
А мещанин — что холоп:
Чуть набор — забреют лоб.
Зять — солдат, и дочь — солдатка, —
Нет, для батюшки несладко.
- 490 Я умри, умри жена —
Дочь пропадшая. Она —
Иль на месте оставайся
Век замужнею вдовой,
Иль цыганкой век шатайся.
- . . . . . Вот подчас
Что случается у нас,
У купцов, от оборотов!
Долго ль дело до банкротов!
- 500 А коль чуть остерегись,
С капитальцем поприжмись,
Так беда от патриотов —
Только и звенит в ушах,
Что торговля-де в руках
Наша вся у иноземцев,
Англичан, французов, немцев,
А что наши-де купцы
Просто неучи, глупцы.
Вот как хочешь и вертись.
- 510 Впрочем, если попадися

Зять почетный гражданин, —
А, тут не кафтан один
Шитый, тут уж есть и льготы;
Впрочем, всё же обороты! . .
То ли дело дворянин!
По уму хоть бы не годен
И душой неблагороден —
Всё ж себе он господин,
Хочет — спит, а хочет — служит
620 И об детушках не тужит:
Хочет — воспитает сам,
Нет — раздаст по корпусам;
И того нет — всё ж барчаты —
Не посмеют взять в солдаты.
Но коль выше забирать,
О, так надобно, чтоб зять
Непременно был военный, —
Это самый сан почтенный! . .
Ни фальшивых нет весов,
530 Нет ни взяток, ни крючков,
Что в других так ненавистно:
Тут всё чисто, бескорыстно».
Оттого-то, как магнит,
Так мундир к себе манит
Всех, кто с чистою душою
И невинной простотою.
Дети. . . дай им барабан,
Дай гусарский доломан,
Саблю, знамя. . . А в предмете
640 У девиц в семнадцать лет,
Хоть в глуши живут, хоть в свете,
Всюду, вечно эполеты,
Шпоры, усики, колеты.
Да и все, — явись в мундире,
Все дают дорогу шире.
Да еще бы! . . Кто же нас
И спасает в грозный час?
Шутка, право, нелегка ведь
Лоб и грудь свою подставить,
550 Чтоб другой лишь был прикрыт,
И за всё лишь полусыт.

Поневоле уваженье
К ним питаешь и почтенье!
Только немцы на Руси,
Боже нас от них спаси,
То есть те, что здесь торгуют,
Про мундир всегда толкуют,
Что не стоит он гроша.
А в нем нет, знать, барыша!
560 Говорят вишь: «Гольден трессен,
Абер только нихтс цу фрессен!..»
С жиру бесятся они,
А на совесть загляни —
Что всё держит? Штык российский.
Что же, прусский, иль австрийский,
Иль (еще) иной какой
В мире водворит покой,
Чтоб спокойно проживали
Да спокойно торговали? . .
570 А, да что и говорить,
С ними бисер лишь сорить!
Бросив родину святую
И навек в страну чужую
За одним лишь барышом
Кто бежит — что толку в нем?
Уж плохие эти братья,
Их иудины объятья!
Деньги бары к ним везут,
Деньги сами здесь сосут
580 И живут, как бары, пышно.
В благодарность только, слышно,
Всё мерещится им кнут, —
А народ зовут рабами
И бесчестными плутами!
Честен немец в мелочах,
Только царство их в бедах
Век Россия выручала.
Что ж, своих сынов, что ль, мало
У отчеств славных их?
590 Нет, не мало, коль от них
Нам, и дома мы, а тесно;
Отчего ж им неизвестна
Плутовская наша честь,

Рабская — всё в жертву несть,
Чтоб спасти страну родную?
С честью их забравши сбрую,
Деньги, трубку и кисет,
Всякий там бежит от бед,
Чтобы как в тревоге шумной
600 Свой титул благоразумный,
Разорясь, не запятнать,
Чтоб у нас им щеголять.
Чести он у них замена;
Нипочем для них измена,
Так от них нельзя и ждать,
Чтобы должное воздать
Бескорыстной чести ратных —
Это чуждо душ развратных.
Но корысть что хочешь ври,
610 А посмотришь, все цари
И у нас и в целом мире
Отчего всегда в мундире?
Знать, в мундире что-то есть,
Что ему такая честь!
Слухи ж ходят об невесте
Таковы, что ей не к чести,
Да она, быть может, тут
Как ни в чем. . . Ведь это плут
Распустил всё Курозвонов,
620 Подпоручик. По его,
Я ведь тоже из бурбонов.
У него ведь ничего
Нет святого, — хвастунишка,
Пустомелишка, мотыжка;
Хуже нет в полку у нас,
А посмотришь, как подчас
Нос подымет, глазки сузит,
Зафидонит, зафранцузит
И с презрением на свет
630 В свой расколотый лорнет
По верхам глядит! . . О, я бы
Вышколил его, когда бы
В мой попался батальон:
Надежурился бы он! . .

Соком бы бурбон достался,
Ни к чему бы придирался.
Младшего легко прижать
И всегда остаться праву,
В каждом что-нибудь сыскать
640 Можно, что не по уставу;
Ну хоть пуговица будь
Набок номером чуть-чуть —
И довольно. Сбил бы с тона,
Я бы дал ему бурбона,
Дурь бы в нем поунялась.
Вот что сбредил: будто раз
Сваха вдруг к нему явилась,
Уверяя, что в него
До безумия влюбилась
650 Дочь Кулькова, и его —
Было свахе порученье —
Звать к обедни в воскресенье,
И обещан миллион.
Будто б и поехал он,
Да взглянул: ряба, в веснушках,
Да в таких как будто в мушках,
Носа, глаз не разберешь,
И как двадцать пять одёж.
Двадцать пять, и все на вате,
660 Вот какая в перехвате. . .
Руки! Плечи! Но, скрепясь,
Будто он на этот раз
Подмигнул ей для потехи.
Сваха видит: есть успехи,
И с зарей к нему опять,
Тащит в дом уж представлять.
Будто был он у Кульковых
И что тьму достоинств новых
Там он в дочке их открыл,
670 То есть, что бы ни спросил, —
И аза в глаза не знает,
Книгу в руки забирает
Вверх ногами, как подашь,
И по всякой «Отче наш»,
«Богородицу» читает
По складам, не жди конца,

Кличет «тятенькой» отца,
Словом, словом — просто дура,
На невест карикатура. . .

680 Будто он — поклон и вон,
Несмотря на миллион.
Видишь, партией такую
Он рассорился б с роднею,
Что родные — все князья,
Говорит: «И сам-то я
Был пажом и по талантам
И ученью первым был;
Верно б, в гвардии служил,
Был бы флигель-адъютантом,

690 Если б ротный командир
Не придрался. И мундир
Был уж сшит преображенский. . .
Мужичина деревенский! . .
Сам курил, а нам курить
Вздумал строго запретить.
Ну, конечно, нагрубил —
Мы почти уж сами были
Офицеры!» — И затем
Им надели лямки всем,

700 И в полку нам без того бы
Не видать его особы.
И давно б он вышел вон,
Да в полку хороший тон
Без него пиши пропало!
Нас ему, вишь, жалко стало,
Да полковницу притом,
Что она всегда по нем,
Чуть его в гостиной нет. . .
С муженьком постыл ей свет,

710 А иначе почему ж
Так к нему придирчив муж?
Службу он ведь твердо знает,
И полковник распекает
За жену — не за устав,
А что он всегда был прав,
Несмотря что раз в неделю
Верно он свою постелю
На гауптвахту посылал.

Словом, столько он болтал,
720 Лгал по поводу Кульковых,
Столько фраз про них суровых
В полк изволил распустить,
И затем всё, чтоб отбить
И других, кому жениться
Вдруг охота разгорится,
Чтоб, попав в Кулькова дом,
Не развели о нем
И, конечно б, осмеяли,
Как узнали б о скандале,
730 С каковым его Кульков
Сам прогнал. А от долгов,
Как мундир уж был в закладе,
Как пришлось уж Христа ради
Занимать у денщиков,
Как за всё уж он хватался
И к Кульковым подбирался,
От чего ж и бредил он,
Что какой-то миллион
Скоро где-то он достанет,
740 Всех купать в шампанском станет.
Бредил месяц или два,
Знать, надеялся сперва,
И тогда про дом Кулькова
Никому в полку ни слова,
А напротив, иногда
Говорил, что не беда
Человеку борода:
И за что ж ее поносят?
Ведь ее французы ж носят,
750 И что в царстве, наконец,
Дело первое — купец.
Будь век мир — солдат не нужен,
Честен люд — судья досужен,
Некого судье судить,
Некого солдату бить,
А покушать всяк попросит
И одежду тоже носит.
Где же взять всё? . . У купца.
Видно, видно шельмеца!
760 Так Кулькова пусть красую

И не славится большою,
Да в красе и толку нет!
Будь теперь хоть маков цвет,
Будь она хоть розан, всё же
Будет, верно, в сорок лет
На ровесниц всех похожа.
Кто тогда их разбирать
Станет голову ломать,
Кто тогда была какая,
770 Иль кривая, иль косая, —
Все равны, а той лишь честь,
У которой деньги есть,
У какой попить, поесть
Можно вкусно, той и честь.
Где обед хорош и вины,
Где на славу в именины,
Пир на праздниках дают —
Все туда с поклоном льнут,
Все покушать даром падки,
780 Да к тому ж, коль блюда сладки,
Так посмотришь, не один
Там хлебает господин,
Позабыв породу, чин.
Выгодным найдя смиренье,
Там забыл про вдохновенье,
Примирайсь с толпой, поэт. . .
И кого, кого там нет!
Штука важная обед!
И спроси из нас любого,
790 Хоть профессора иного,
Про хозяйку: что, умна ль?
Что, любезна ль? что, ловка ль?
Да подобной нет — все скажут:
Сласти всем язык подмажут.
И про нас заговорят,
Что такие есть ли вряд.

Майор зовет денщика.

Сидор, Сидор! Спишь? Живее,
Поликарповну скорее!
Ну, что свахою слывет.
800 Знаешь, где она живет?

Отыщи ее где хочешь,
Ты недаром похлопочешь;
Да смотри, не будь глупцом:
Баба станет обо всем,
Об житье-бытье моем
У тебя осведомляться,
Так прошу ей не поддаться...
Первое, что спросит, — чин.
Отвечай, что господин
810 Твой майор еще покуда,
Но чрез год он, худо-худо,
Будет полный генерал.
Побожись, что не соврал:
Бабе только побожиться
Да с божбой перекреститься —
Всё за чистое сойдет.
Об достатке речь пойдет,
Не провришь про кухню нашу,
Что едим век щи да кашу,
820 А скажи: на днях умрет
Барский дядя пребогатый,
Что огромные палаты,
Что заводов, деревень,
Что чего не счесть и в день,
Всё, чем заживо он правит,
То, мол, всё ему оставит,
Что наследник, мол, один
У него мой господин.
Что, мол, добр; солдат как учит —
830 Он не бьет их и не мучит,
Что и сам, мол, я пока
В жизнь не слышал «дурака».
Хоть под левым глазом сине
У тебя, да сам, разиня,
Напросился на кулак —
Ты сапог мне подал как?
Ну, уж с этим разом баста,
Помиримся. Только глаз-то
Чем-нибудь затри, закрась,
840 В лазарет зайди. На мазь
В счет поставь пятиалтынный.
Да и весь ты, точно блинник,

Весь засален, весь в дырах, —
Это в счет идет у свах.
Где б достать всё поновее?
У кого-то есть ливрея?
У женатых попроси, —
Вот записку отнеси.
Кстати, помни, подстригися, —
850 Вишь, как пудель! . . И явился
К свахе, будто на парад.
Еще тут важнее, брат,
Надо лгать, а так ведется,
Что смелее франтам врется
И скорее верят. . . Да,
Сколько хочешь лги тогда! . .
Что, мол, просто барин славный,
А уж к службе — ох, исправный! . .
Чуть про службу спор и толк,
860 Сам полковник, целый полк,
Смотришь, прут к нам за советом.
Барин, мол, там первый в этом,
И, мол, диво ли, когда
В рот хмельного никогда.
Даже трубки он не курит,
Карт и в руки не берет,
А гостей коль соберет,
С ними только балагурит,
Да и то коли когда
870 Чуть об девушках нескромно
Молодежь заври — беда! . .
Для него и то скромно.
В обхожденьи ласков, прост,
Аккуратно держит пост,
Не бывал ни раза болен,
Как бывают иногда
Все другие господа.
Бедных любит, богомолен
И что им и царь доволен!
880 И что, кажется, его,
Господина моего,
Он к себе в министры прочит —
Это целый полк пророчит! . .
И лукавая одна

Пребогатая княжна
К нам уж сваху засылает:
Вишь, ужасно влюблена
В барина. Да-пусть страдает!..
Барин свистни, так княжон
890 Налетит со всех сторон —
Выбирай себе любую.
Да не хочет. Нет, уж он
Выбрал сердцу дорогую.
С год, мол, день и ночь ему
Всё вертится на уму
Дочь какого-то Кулькова
(Может быть, и нет такого).
А меж тем: Кульков! Кульков!
Затверди ты это слово.
900 Тут ведь нет немецких слов,
Трудных так для денщиков,
Помни про кулек!.. не сбейся,
Будешь говорить — не смейся!..
Побожись, что по ночам
Бред мой часто слышишь сам,
Вдруг, мол, вскрикнет: «О Кулькова!
О мой ангел! друг!» — и снова
Прихрапнет, потом опять,
Да ведь за ночь-то раз пять,
910 Как в горячке!.. Утром встанет,
Так, глядишь, на нем лица нет!
Просто страх меня берет.
Так и жди — с ума сойдет.
Ну, потеря!.. Спать, пожалуй,
У кого умишка малый,
А ведь барин по уму
Не спустил бы никому!..
Да чего, преосвященный,
Раз приехавши к нему,
920 Говорит: «Хоть ты военный,
А уж друга не оставь,
Ты мне проповедь поправь!»
Он ведь с ним на «ты», почтенный,
Вот так просто, как друзья;
Значит — ум!.. А нынче я
За него весьма боюсь

И тебе уж поклонюсь
В ножки, добрая моя.
Ты судьбой людскою мечешь,
930 Холостую скуку лечишь
И безденежья недуг
Лечишь ты, — так будь нам друг,
Припаси и нам лекарства,
Сбереги подпору царства!
Понял, Сидор? Ну, смотри,
Бабе ты очки вотри.
Ты, я знаю, как захочешь,
Так на шею черту вскочишь,
Ты, я знаю, брат, не глуп. . .
940 Например: откуда суп
С курицей у нас являлся?
Я тогда уж притворялся,
Молча ел. — Ведь денег я
Не давал. . . Казна моя
Станет лишь на щи да кашу.
Помнишь, как-то простоквашу,
Как-то жареный петух,
А в моих подушках пух? . .
Что, нашел? . . Нашел, ну, ладно!
950 Ты всегда соврешь прескладно.
Так пойди ж, похлопочи,
Тут ведь есть магарычи.
Как женюсь, разбогатею,
И тебя, братец, пригрею
И наградою заслуг
Уж не старый архалук,
Как теперь, — тогда придется,
Как у важных бар ведется,
В галунах ливрею сшить,
960 В аксельбанты нарядить.
Голод нынешний забудешь.
У меня ты просто будешь
Целым домом заправлять,
Да другими понукать,
Да прикрикивать — и только!
Любо? — Хлопочи ж, изволь-ка! . .

1848

249. ПЧЕЛА И ЦВЕТОК

Летая по свету, конечно, за медком,
Пчела влетела в дом.
Увидевши в окне горшочки
И в тех горшках цветочки,
Ну как не залететь?
Где до любимого коснется,
Не только что пчелам — и нам, людям, неймется.
Любимое хоть в щелку поглядеть —
И то отрада, —

А тут пчеле цветы — чего ж' ей больше надо?
К тому ж людской разборчивый и прихотливый род
Цветов к себе дурных в хоромы не берет,
А из отличных всё пород.
Коль и на взгляд иной не так приятен,
Так уж наверно ароматен.
И подлинно, пчела

В дому один цветок породистый нашла,
Да только, не в родню, он что-то рос так бедно
И цвел так бледно,
Что не на что взглянуть.

Пчела подумала: «Попробую нюхнуть!
Авось утешусь ароматом,
Авось медку найду хоть атом!»
Но что же? .. И того
Не оказалось у него.
Пчела плечами только жала:
«Земля, что ль, под тобой, цветочек, отошала?»
Подумала и вниз сползла —
Земля хорошая была
И полита как надо.

Трудолюбивую пчелу взяла досада.
(Кто сам трудолюбив,
К бездействию других ужасно щекотлив;
Сейчас подумает, что, верно, тот ленив.)
И, приписав всё лени,
Пчела укоры, пени
На хилого цветка

Посыпала как из мешка:
«Урод, — жужжит она, — позор своей породы!
Ты знаешь, как ее повсюду чтут народы?»

А ты свои дары природы
Куда девал?»

И жало

Уж мезтью задрожало.

«А я, — тогда цветок уныло отвечал, —
Блажен, когда б об этом и не знал.
Желаньем не томясь и к цели равнодушный,
Я, может, лучше б цвел и в этой сфере душевной!
Окно на север здесь, любезная, взгляни!
Насупротив — стена, и я всю жизнь в тени.
В тени!.. Меж тем с порой изящества начало
В душе про сладкое про что-то зашептало,
Но вместе с тем, увы, тогда ж казалось мне,

Что что-то здесь в моем окне
Тот сладкий шепот заглушало,
Но я тогда еще был мал,
Неясно это понимал

И рос, как все. Когда ж с явлением почек
Все закричали: «Вот цветочек!» —
Тогда широкая молва
Души неясные слова
Собой мне разъяснила.

Я понял, чем меня природа одарила,
Какой блестящий мне дала она удел.
За ним, достичь его желаньем полетел —
Душа лишь только средств искала, —
Но в них, увы, судьба мне жадно отказала!
Я жажду солнца, но оно
В мое не жалует окно!

Желанья пылкие желаньями остались,
От безнадежности лучи их к центру сжались,
И спертый жар теперь как ад во мне палит
И весь состав мой пепелит!

Так не дивись, пчела, что я цвету так вяло,
И не брани меня, не разобрав, за лень.

Ничтожности моей начало —
Тень!..»

Талант, молись, чтоб счастья солнце
Взглянуло иногда в твое оконце.

Иначе, как цветы,
В тени замрешь и ты.

10 июля 1849

250. РАЦЕЯ

(Объяснение картины «Сватовство майора»)

Честные господа,
Пожалуйте сюда!
Милости просим,
Денег не спросим:
Даром смотри,
Только хорошенько очки протри.

Начинается,
Починается
О том, как люди на свете живут,
Как иные на чужой счет жуют.
Сами работать ленятся,
Так на богатых женятся.

Вот извольте-ко посмотреть:
Вот купецкий дом, —
Всего вдоволь в нем,
Только толку нет ни в чем:
Одно пахнет деревней,
А другое харчевней.
Тут зато один толк,
Что всё взято не в долг,
Как у вас иногда,
Честные господа!

А вот извольте посмотреть:
Вот сам хозяин-купец,
Денег полон ларец;
Есть что пить и что есть...
Уж чего ж бы еще? Да взманила, вишь, честь:
«Не хочу, вишь, зятка с бороною!
И своя борода —
Мне лихая беда.
На улице всякий толкает,
А чуть-чуть под хмельком,
Да пойди-ка пешком вечерком,
Глядь! — очутишься в будке,
Прометешь потом улицу сутки.

А в густых-то будь зять —
Не посмеют нас взять. . .
Мне, по крайности, дай хоть майора,
Без того никому не отдам свою дочь! . . .»
А жених — тут как тут, и по чину — **точь-в-точь,**

А вот извольте посмотреть,
Как жениха ждут,
Кулебяку несут
И заморские вина первейших сортов
К столу подают.
А вот и самое панское,
Сиречь шампанское,
На подносе на стуле стоит.

А вот извольте посмотреть,
Как в параде весь дом:
Всё с иголочки в нем;
Только хозяйка купца
Не нашла, знать, по головке чепца.
По-старинному — в сизом платочке.
Остальной же наряд
У француженки взят
Лишь вечер для самой и для дочки.
Дочка в жизнь в первый раз,
Как боярышня у нас,
Ни простуды не боюсь,
Ни мужчин не страшась,
Плечи выставила напоказ. —
Шейка чиста,
Да без креста.

Вот извольте посмотреть,
Как в левом углу старуха,
Тугая на ухо,
Хозяйкина сватья, беззубый рот,
К сидельцу пристаёт:
Для чего, дескать, столько бутылок несет,
В доме ей до всего!
Ей скажи: отчего,
Для чего, кто идет, —
Любопытный народ!

А вот извольте посмотреть,
Как, справа, отставная деревенская пряха,
Панкратьевна-сваха,
Бессовестная привираха,
В парчовом шугае, толстая складом,
Пришла с докладом:
Жених, мол, изволил пожаловать.

И вот извольте посмотреть,
Как хозяин-купец,
Невестин отец,
Не сладит с сюртуком,
Он знаком больше с армяком;
Как он бьется, пыхтит,
Застегнуться спешит:
Нараспашку принять — неучтиво.

А извольте посмотреть,
Как наша невеста
Не найдет сдуру места:
«Мужчина чужой!
Ой, срам-то какой!
Никогда с ними я не бывала,
Коль и придут, бывало, —
Мать тотчас на ушко:
«Тебе, девушке, здесь не пристало!»
Век в светличке своей я высокой
Прожила, проспала одинокой;
Кружева лишь плела к полотенцам,
И все в доме меня чтут младенцем!
Гость замолвит, чай, речь...
Ай, ай, ай! — стыд какой!..
А тут нечем скрыть плеч:
Шарф сквозистый такой —
Всё насквозь, на виду!..
Нет, в светлицу уйду!»

И вот извольте посмотреть,
Как наша пташка собирается улететь;
А умная мать
За платье ее хватать!

И вот извольте посмотреть,
Как в другой горнице
Грозит ястреб горлице, —
Как майор толстый, бравый,
Карман дырявый,
Крутит свой ус:
«Я, дескать, до денежек доберусь!»

Теперь извольте посмотреть:
Разные висят по стенам картины.
Начинаем с середины:
На середине висит
Высокопреосвященный митрополит;
Хозяин христианскую в нем добродетель чтит.
Налево — Угрешская обитель
И во облацех над нею — святитель...
Православные, извольте перекреститься,
А немцы,
Иноземцы,
На нашу святыню не глумиться;
Не то — русский народ
Силой рот вам зажмет.

И вот извольте посмотреть:
По сторонам митрополита — двое
Наши знаменитые герои:
Один — батюшка Кутузов,
Что первый открыл пятки у французов,
А Европа сначала
Их не замечала.
Другой
Герой —
Кульнев, которому в славу и честь
Даже у немцев крест железный есть.

И вот извольте посмотреть:
Там же, на правой стороне, —
Елавайский на коне,
Казацкий хлопчик
Французов топчет.

А на правой стене хозяйский портрет
В золоченую раму вдет;
Хоть не его рожа,
Да книжка похожа:
Значит — грамотный!

И вот извольте посмотреть:
Внизу картины,
Около середины,
Сидит сибирская кошка.
У нее бы не худо немножко
Деревенским барышням поучиться
Почаще мыться:
Кошка рыльце умывает,
Гостя в дом зазывает.

А что, господа, чай устали глаза?
А вот, налево, — святые образа...
Извольте перекреститься
Да по домам расходиться.

1849

251. ТАРПЕЙСКАЯ СКАЛА

Притча

В глубокой древности один законодатель
И, как велось, богам приятель,
С одним из них в радушный час
Сидевши глаз на глаз,
Был удостоен откровенья
И наставленья,
Как сделать счастливим народ.
Конечно, первое условие
Для счастья — здоровье.

Вот он для улучшения своих людских пород
Постановил в закон: чуть где родись урод
Иль хворенький иной, иль просто недоношен,
Дитя быть должен в море брошен;
А если быть кому по правилам в живых, —

Чтобы ни пятнышка на них,
Ни бородавочки нигде не оставалось,
Сейчас чтобы срезалось
Иль выжигалось.
Устроен на скале Тарпейской комитет.
Набрали членов добрых, честных,
Умом, ученостью известных,
Хирургов цвет.
И в этом комитете
Осматривались все и подчищались дети.
Проходит двадцать, тридцать лет,
Вот новое уже явилось поколение,
Но вовсе не видать в породе улучшения.
Уродов не перевелось.
Знать, члены матерей щадили.
В делах политики в расчет не брать же слез,
И добрых членов заменили
Другими, покрутей;
Но улучшение людей
Вперед у них, глядят, всё мало подается.
Не действует на членов ни арест,
Ни крест;
Смени иного — он смеется
И очень, очень рад:
В другое место заберется, —
Везде, где ни служи, — везде жирней оклад,
Чем в членах комитета.
Смекнувши это,
Сейчас
Оклады увеличили для членов во сто раз,
И место сделалось первейшим в государстве.
Но улучшилась ли людей порода в царстве?
Член, точно, местом дорожит,
Поэтому от всякой малости дрожит
И, несмотря на материно горе,
Ребенка всякого почти кидает в море.
Оно спокойней и верней —
Дитя отпето
И нет вперед ответа.
А если жить и даст по доброте своей,
То с пятнышками у детей
Обрезав и кругом с запасом,

Без носа часом
Их пустит в свет иль без ушей
И изо всякого обделаает урода.
А вместе с тем
Всё прекращалось, и наконец совсем
С земли исчезла вся порода.
Остались члены для развода.
И слышал я вчера:
Потомки их весьма способны в цензора.
1849 (?)

252. УСЕРДНАЯ ХАВРОНЬЯ]

Не далее как в нынешнем году
В одном саду
Любимая из барыниных дочек,
Лет четырех, сама цветочек,
Хотела розанчик сорвать
Да, позабывши про колючки,
С разбега хватъ —
И ободрала ручки!
«Ай, ай!» — швырнувши прочь цветок,
Бедняжка зарыдала.
На звонкий голосок
Мамаша прибежала.
Увидевши в крови любимое дитя,
Перепугалась не шутя;
Сейчас ребенка подхватила,
Лечить в хоромы потащила...
Ребенок на руках у матери ревет,
Колючки острые клянет,
За ним и мать вопит, колючки проклиная.
«Вот я их! — говорит, ребенка утешая. —
Колючки гадкие! Вишь, смели обижать
Малюточку мою! Сейчас их всех содрать».
Конечно, всё лишь это были прибаутки
Для шутки
От истинной любви к малютке.
Хавронье ж, горничной, случись вблизи стоять.
Привыкши век свой всё буквально понимать, —
Притом же с барыней холопке что за шутки! —

Хавронья и на этот раз
Всё поняла за истинный приказ,
Хоть очевидно,
Для сада будет преобидно.
Хоть говорится иногда:
Спрос не беда,
Не послушанье
(Ведь ухо может изменить) —
Сомнительное приказанье
Не грех подчас переспросить.
Иль в знак сомнения хоть за ухом почешешь:
За что ж, мол, иль себя, или господ опешишь?
Лишь стоит быть чуть-чуть с умом.
Но бабы как-то слабы в нем!
Хавронья ж добрая была зато такая,
Что общите целый свет —
Подобной нет!
А потому, припоминая,
Что этот плач и вой
В дому от игл уж не впервой,
Ей было по душе скорей беду исправить,
Чтоб и вперед дитя от бед избавить
И дому барскому усердье показать.
(Хорошие дела откладывать не надо:
А может, будет и награда!)
Давай сейчас в саду колючки оскребать!
Обчистив розаны, отправилась в шиповник,
Потом в крыжовник,
В малину сочную — везде колючки есть!
На всё колючее изволила пасесть.
С колючками кой-где и кожу всю содрала
И неколючее вокруг всё перемяла.
Через неделю всё повяло!
Колотья нечем!.. Бабе честь!..
Зато понюхать иль поесть
В саду бывало прежде густо,
А нынче — пусто!..

И так у нас в натуре:
Мигни только цензуре.

1849 (?)

Гусиное перо людей
 С умом прекрасно выручает.
 Гусиное перо судей —
 Судьям карманы набивает.

Из-за гусиного пера
 С(енковский) вывел вздор нелепый, —
 Пером гусиным на ура
 Стреляет в *сей* и *оний* репой.

[Гусиное перо иного
 Отправило за Енисей.]
 Гусиное перо Крылова
 Задело под крыло гусей.

Задело — и за дело!

Конец 1840-х годов

**254. К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ,
 СТИХОВ МОИХ СТРОГИМ РАЗБИРАТЕЛЯМ**

Кто б ни был, добрый мой читатель,
 Родной вы мой или приятель,
 Теперь хочу я вас просить
 К моим стихам не строгим быть.
 Я не отъявленный писатель,
 Хоть я давно ношусь с пером,
 Да то перо, что носят в шляпе,
 А что писатель держит в лапе,
 Я с тем, ей-богу, не знаком
 10 И не пускаюсь в сочиненья,
 А уж особенно в печать.
 Меня судьба, отец да мать
 Назначили маршировать,
 Ходить в парады, на ученья
 Или подчас в кровавый бой
 За славой или на убой.
 Но как от русского штыка

Дыра довольно глубока,
Враги все наши присмирели,
20 Ругая нас издалека,
Тревожить явно уж не смели, —
То я спокойно десять лет
Без пуль, картеч и разных бед
Возился с службой гарнизонной.
Вот довод, кажется, резонный,
Что не могу я быть поэт.
Не правда ль? . . Не угодно ль стать
Во фрунт поэту записному
Да не угодно ль помечтать
30 Или начальнику иному
Рапорт стихками написать.
Хоть будь вполне литературно,
Да не по форме, скажут: дурно! . .
Начальник распечат — и прав:
Что сочинять, где есть устав,
Где шаг, малейшее движенье —
Всё так обдуманно давно
И с вас потребуют одно
Слепое лишь повиненье
40 И распекут за сочиненье.
Иль пусть какой-нибудь поэт,
Какого лучше в свете нет,
Слетает к бесу на расправу,
То есть на сутки на заставу.
Займись там выпрренной мечтой,
Да подорожной хоть одной
Не просмотри, пренебреги,
Да на звонок не побеги, —
Такого зададут трезвону,
50 Забудешь всех — и Аполлона,
И девять муз, и весь Парнас.
Нет, некогда мечтать у нас.
Солдат весь век как под обухом:
Тревоги жди пугливым ухом,
Поэты ж любят все покой,
А у солдат покой плохой!
Для стихотворного народа
Всегда торжественна природа,
Ему мила и непогода.

- 60 Он всё поет: и дождь, и гром,
И ветра в осень завыванье;
Сам льет в стакан спокойно ром,
Сидя в тепле. Нет, в нашей шкуре
Попробуй гимны петь натуре:
Воспой-ка ручейки тогда,
Как в сапогах бурчит вода,
Воспой под дождь в одном мундире,
Когда при строгом командире
Денщик твой, прогнанный в обоз,
- 70 Твою шинель упрятал в воз;
Иль в сюртуке в одном в мороз
Прстой, начальство ожидая,
Тогда как пальцы, замирая,
Не в силах сабли уж держать,
Изволь-ка в руки лиру взять
Да грянь торжественную оду
На полунощную природу.
Нет, милый, рта не разведешь
И волчью песню запоешь.
- 80 Поэтам даже свод небесный
Какой покос дает чудесный!
А нам красавица луна
Напомнит только ночь без сна
На аванпостах. Ясный Феб,
Луна и Феб — поэтам хлеб,
А нам от Феба пыль да жарко,
Нам Феб — злодей, коль светит ярко;
Он нам не недруг лишь, когда
Вблизи холодная вода.
- 90 И эти звезды, что высоко,
Что в поэтическое око
Так бриллиантами блещут,
Нам дальностью своей твердят,
Что и до звезд земных далеко
(С прибавкой славы и любви).
Вот всё, что в пышущей крови
Вздымает сильное брожение,
Что кипятит воображение.
А нам? .. Наш брат ослеп, оглох,
- 100 Нам это всё — к стене горох.
Блаженство наше: чарка в холод,

Да ковш воды в жару, да в голод
Горячих миска шей, да сон,
Да преферанс. . . — и Аполлон,
И с музами, спроважен вон.
И даже самая любовь,
Хотя подчас волнует кровь,
Да только кровь. А сердце — дудки!
Нас не поддеть на незабудки,
110 На нежности; наш идеал:
Нам подавай-ка капитал,
Затем что ведь и в нас, мы знаем,
Не лично мы всегда прельщаем,
Прельщает чаще наш мундир,
Российских барышень кумир.
Смешно же бескорыстных строить:
Одно должно другого стоять
(О совести ни слова тут).
Но если ж мишуру берут
120 Взамен святой любви личной,
Так уж умнее взять наличный
За это капитал. У нас
Примеров всяких есть запас.
Есть, точно, по любви женаты,
Да что они? Бывали хваты,
Теперь — кислятина: ухваты,
Горшки, пеленки на уме,
Век с плачем о пустой суме,
С роптаньем, — и сказать ужасно:
130 На добродетель ропщут гласно!
Они, завидуя ворам,
Скорее к выгодным местам
Бегут казной отогреваться,
Казной за голод отъедаться.
Меж тем иной, как холост был,
Глядишь, честнейшим малым слыл.
Выходит, что жена и дети —
Лишь только дьявольские сети
Без золота. Так вот любовь!
140 Ей тоже денег подготовь,
Не то готовь и скорбь и слезы.
Где ж тут поэзия? где ж розы?
Те розы вечные, о коих так твердят?

Любовь без денег — просто яд.
И яд тем более опасный,
Что он на вкус такой прекрасный:
Лизнешь — не хочется отстать.
Коварна брачная кровать!
А полюбить да не жениться,
150 Так, право, лучше утопиться!
Да и топились не раз.
Ведь есть же Лизин пруд у нас.¹
Когда же с жизнью жаль расстаться,
Душой и телом век больной,
Ты будешь по свету таскаться,
Всегда рассеянный, шальной
И, стало быть, всегда смешной.
Ну вот влюбленных перспектива.
Нет, эта цель не так красива,
160 Чтобы любовь боготворить.
Нам с нею каши не сварить!
Теперь мы примемся за славу,
Необходимую приправу
Поэзии. Но славе пир
Дает война, а тут был мир.
С трубою, с крыльями кумир
Не принимает приношенья
От тех, кто знает лишь ученья,
Парады, лагерь, караул, —
170 Кровавый любит он разгул.
Поэзию он в уши трубит
Лишь тем, кто больше губит, рубит,
Кто кровь людскую льет рекой.
Я ж десять лет моей рукой
Махал на вольном только шаге, —
Другой ей не было отваги,
И мой смиренный кроткий меч
Не знал кровавых грозных сеч;
Тупой родясь, умрет не точен;
180 В крови пред славой непорочен,
Служить он мог, лишь как косарь,

---

¹ Есть в Москве пруд, прозванный «Лизин», потому что в нем, с отчаяния в любви, утопилась Лиза — и есть надпись: «Здесь утопилась Лиза, Эрастова невеста. Топитесь, девушки, для всех довольно места».

Щепя лучину под алтарь.
А груди тел и крови реки
Принести ей в дар — не в том, знать, веке,
Ошибкой родился мой меч.
Итак, об славе кончим речь.
Ну вот и всё, чем стих поэта
Питался от начала света.
Еще пересчитаем вновь:
190 Природа, слава и любовь!
Иное, точно, кровь мутило,
Да не до рифм тогда нам было,
Мутило с желчью пополам,
Иное ж вовсе чуждо нам.
На чем же тут душе развиться,
Воображенью порезвиться?
Пускай рассудит целый свет:
Поэзии тут пищи нет!
Где ж было мне практиковаться
200 И чистоты в стихах набраться
Такой, чтоб критик злой иной
Не отыскал стишок больной?!
Не придирайтесь, бога ради,
Пока стихи еще в тетради,
Пока не жались под станок.
Я сам к печатным очень строг,
В печать не лезу — знак смиренья,
А это стоит снисхожденья.

Начало 1850

255. КОТ

Раз у одних моих знакомых.
В опасности был целый дом их:
Огромнейшие стаи развелись,
И преогромных, крыс,
Таких, что кошкам не спускали
И кошек за хвосты — на смех — не раз кусали.
Беда!
К съестному прогрызут, не спрячешь никуда.
Да уж пускай к съестному,
А то — к иному!

Чуть напомаженные жирно волоса...
Вон — где у барышни коса?
Они отъели!
В самом деле.
Тогда, взбесившись, мать, отец
Купили наконец
Кота, да уж такого —
Большого, злого,
И отдали сей час
На целый дом приказ,
Чтоб ни крохи коту съестного не давали,
Отнюдь не баловали.
Вот мера умная заметно впрок идет.
И кот
День ото дня, глядят, становится жирнее,
Да и съестное всё целее,
Да и в подполице смиреннее.
И слава разошлась в народ:
Печатают об Ваське все газеты
И продают его портреты,
Становятся во фронт солдаты и кадеты,
И дамские к нему направлены лорнеты,
И наконец поэты
Шлют сонеты.
Меж тем со славою кот Васька год, другой
Ест провиант всё только свой.
А если при столах чуть просьбу промяучит,
Одно только всегда получит:
Брыс!
Ешь крыс!
А крыс уж стало,
И от него же, в доме мало.
А что осталось, то сделалось умней,
И Ваське стало голодней.
Уж он мяучит чаще.
Ответ не слаще.
Вот Ваське старость подошла,
И крыса не одна уж из когтей ушла...
Он походя «мяу!» невольно повторяет,
Всё ничего не получает.
И вот честнейший в мире кот,
Увидевши, что честью не берет,

Как он усердно ни мяучит
(Какая честь, коль голод мучит!),
Кой-что у повара стянул
И, услышав, как тот ругнул
По-старому, хватясь пропажи, крысу,
А на него, на кису,
Нет подозрения, — вот он на счет чужой,
Что день, то утолит нечисто голод свой.
И вскоре по привычке
Он в клетку к барской птичке
Меж проволочек лапу запустил,
За крылышко одним уж ногтем зацепил,
Пока та билась.
Но так случилось,
Что тут зараз
И клетка сорвалась,
И в комнату вошли и двери затворили.
Взглянув на встрепанную птичку, возопили.
Хоть кот шмыгнул
Под стул,
Хоть в темный угол, — но блестели
И прямо привели с грозой идущих к цели
И сами — некогда мышинная гроза —
С отливом золотым зеленые глаза.
Все прямо на кота кричат: «Убить злодея!
Убить тирански, не жалея!
Ворам в урок!»
Велели повару сейчас принесть мешок,
Кота за шиворот схватили, —
Хоть натопорщился, урчал, но усадили...
И вот
Несчастный кот
Завязан.
Кто чем попало бил нещадно по мешку —
И после брошен был в реку.
За дело и наказан.

Есть часто, говорят, пресытые места:
Хоть жалованье там и мало значит,
Так, совесть в ком чиста,
На этом месте, верно, плачет.
Коль приношениями он,

Какие ввел уже в закон
Его предместник-прижимало,
И не побрезгует сначала,
Так будет еще бога он за место прославлять!
Но если вновь еще не станет прижимать,
Так будет у него дохода
Всё меньше, меньше год от года.
Конечно, с этим честь растёт,
И взятки вокруг него, как мыши,
Скребут законы тише
(А от чего же и доход?),
Но скоро он зато до своего дойдет —
До маленького жалованья только.
Тогда изволь-ко,
Коль свыше жданных нет наград,
Коль штатное и одному не сыто,
А тут еще, глядишь, супруга плодovита!
Пособия хоть сам проси стократ,
То, может, вслух не скажут,
Но миную ему покажут:
Брыс!
Ешь крыс!
Вот всё и награжденье.
Дай бог ему терпенье,
Чтоб не окончил он потом
Моим котом.

24 сентября 1850

256. ТЕНЬ И СОЛНЦЕ

Давно когда-то от богов,
Не знаю, кажется, посредством облаков,
Сообщено на Солнце было отношенье,
Что на него к богам пришло с земли прошенье,
Что будто бы оно
Не греет всех равно,
А Солнце, кажется, на то и создано,
Что на земле цветки иные не от тени
Цвести не могут, а от тени.
Нельзя ли чем-нибудь поправить это зло? —

И Солнце раз пятьсот прочло
И со вниманием со всех сторон глядело
    Это дело,
    Желая угодить богам.
    Да только что в бумагах там
Из главных слов одно такое было слово,
    Которое для Солнца вовсе ново.
    И Солнце стало в пень.
    То слово было: *тень*.
Ну, разумеется, сейчас за лексиконом
    Академическим, и в оном,
    Открывши с словом *тень* листок,
    Понявши с первых строк
    Намек
    На недостаток света,
    Вскричало Солнце: «Вздор всё это!
Гоня землю век на корде кувырком,
    Я знаю всю ее кругом
И в жизнь не видело ни одного предмета,
    Чтоб света не было на нем!
Конечно, круглые к краям всегда темнее,
Но нет ли в словаре чего и поумнее?»
    Давай опять
    Про *тень* читать.
Тень, сказано, лежит всегда за тем предметом,
    Который озарится светом.
Давай исследуем, свали́м любой предмет,
    Да коли сзади тени нет,
    Так боги подшутили.
И тот же час предмет для опыта свалили.
    Глядь, подлинно, за ним светло.
«Ну! — Солнце говорит, — от сердца отлегло!
    А то и вправду б было стыдно,
Что если от меня кому-нибудь обидно,
    Что если бы и мой
    На вещи взгляд был не прямой,
Так это слово *тень* — лишь выдумка пустая
    Для пополненья словарей!»
    И жалоба земная
    За недостатком смысла в ней
    Назад отправлена скорей.

Естественно, что радостью сияют
Те, кто по счастью попадают
На луч светил земных.
Любуясь, солнышки, судьбою озаренных
Собою, нехотя довольные за них
И видя всё в лучах своих,
Поймут ли горе заслоненных? . .

1849 или 1850

257. САДОВНИКИ

Всё вовремя свое берет!
Быть дорогим всему черед,
Когда что надо.
Садовник, школенный на английский манер
Для разведения парков, сквер,
Из своего превычурного сада
В простой фруктовый сад зашел
Да глазом как кругом обвел —
Смутился!
Так глаз его к дорожкам приучился,
К их красноватому песку,
К обстриженному дерну по шнурку,
Где по аллеям в грунте,
Ровней солдат во фрунте,
Стоят подстриженны деревья и кусты,
Где всюду столько чистоты,
Не говоря уж про цветы!
А это: без толку деревьями засажен:
Где между них — аршин, где — сажень;
Подбора вовсе нет пород:
Там вишня между груш растет,
Тут между яблонями — слива,
Всё в беспорядке, как пришлось,
Везде неряшество, навоз, —
Куда как некрасиво! . .
То подпертой тычиной сук,
То сам хозяин, как паук,
Оплел всё дерево сетями,
Не ладя, видно, с воробьями. . .
«Ну уж сад! . . —

Сказал наш садовод, с хозяином столкнувшись. —
Забрался я к тебе, любезный, да не рад!
Ходить совсем нельзя, тут лазей всё нагнувшись;
Дорожек нет; в глаза торчат
Сучки, листы! Тут с раза
Иль ногу вывихнешь, или уйдешь без глаза!
А звал еще смотреть!.. Нет, в нашем — хоть
танцуй!..»

— «Толкуй себе, толкуй! —
Хозяин отвечал. — Твой садик — точно, загляденье;
А мой хоть некрасив, нечист,
Зато уж объеденье!
По осени, убрав свой желтый лист,
Приди ко мне опять — дам фруктов и варенья!»

Не унывай, артист,
Что всё в тебе для света модного шершаво;
Зато подчас за твой талант
Тебе и самый модный фронт,
Завидуя, воскликнет: «Браво!»
Право!..

1849 или 1850

Николай Васильевич Берг родился 24 марта 1823 года в Москве, в дворянской семье, по отцовской линии происходившей из Лифляндии; мать была родом из Сибири. В 1830 году отец Берга, чиновник, получил место в Томске, куда затем переехала семья. Здесь мальчик окончил уездное училище. Перебравшись с родителями в Тамбов, он поступил в гимназию, но доучивался уже в Москве, в 1-й гимназии. Соучеником Берга здесь был А. Н. Островский; они сблизились и сохранили дружеские отношения навсегда. В 1843 году Берг был принят на историко-филологический факультет Московского университета, но не окончил его. Он увлекся изучением иностранных языков (овладел польским, чешским, сербским, занимался французским, греческим, арабским), мечтал о путешествиях. Поэтические опыты Берга получили одобрение университетских профессоров М. П. Погодина и С. П. Шевырева. Берг стал печататься в издававшемся ими журнале «Москвитянин». Впоследствии (1850) он, вместе с А. Н. Островским, А. А. Григорьевым, Е. Н. Эдельсоном, Б. Н. Алмазовым, Т. И. Филипповым, Л. А. Меем, вошел в «молодую редакцию» «Москвитянина». Несмотря на длительное, до конца существования журнала (1856), сотрудничество там, убежденным славянофилом Берг не был. Сближение со славянофилами произошло на почве усиленного интереса поэта к фольклору и литературе славянских народов.

В 1846 году Берг поступил преподавателем русского языка в Московское училище живописи и ваяния; отсюда он перешел на службу в Московскую контору государственного коммерческого банка.

С 1853 года начинается период странствий; лишь ненадолго поэт приезжает в Москву и в свое тамбовское имение. В начале Крымской войны он отправился на Дунай, где состоял переводчиком при штабе южной армии. Потом перебрался в осажденный Севастополь и пробыл там до самой сдачи города. Он посылал в «Москвитянин» подробные корреспонденции, составившие затем книгу «Записки об

осаде Севастополя» (т. 1—2, М., 1858). Неплохой рисовальщик, он создал в Севастополе серию натуральных рисунков «Севастопольский альбом» (М., 1858). В дальнейшем Берг побывал в Италии, куда был привлечен революционными событиями, и некоторое время находился в отряде Гарибальди, после этого совершил два путешествия по Ближнему Востоку. В журналах появляются его путевые очерки. Часто поверхностные, перегруженные незначительными подробностями, они все же привлекали читателей как живые впечатления очевидца. Нередко хвалил очерки Берга в своих журнальных обзорах Некрасов, который затем привлек Берга к сотрудничеству в «Современнике» (здесь в 1863—1864 годах были напечатаны «Мои скитания по белу свету»).

В 1863 году Берг отправился в Польшу, где вспыхнуло восстание. На основе непосредственных впечатлений и изучения секретных архивных материалов им была написана книга «Записки о польских заговорах и восстаниях 1831—1862 гг.» (М., 1873). Берг навсегда остался в Варшаве. Сначала он служил чиновником при наместнике края, а с 1868 года — преподавателем русского языка и истории русской литературы в Главной школе, преобразованной впоследствии в Варшавский университет. На этой должности он находился до конца жизни. Одновременно Берг деятельно сотрудничал в исторических журналах «Русский архив» и «Русская старина», в 1874—1877 годах редактировал газету «Dziennik Warszawski». Умер Берг 16 июня 1884 года.

Берг дебютировал в печати в 1845 году переводом стихотворения шведского поэта Рунеберга «Жалоба девы» («Москвитянин», № 1). Увлечшись славянской поэзией, он, по совету С. П. Шевырева, осуществил полный перевод «Краледворской рукописи» (М., 1846). Затем в его переводе вышли «Сербские народные песни» (М., 1847). Обе книги были хорошо встречены журнальной критикой. Следующая, «Песни разных народов» (М., 1854), содержащая переводы с двадцати восьми языков, была оценена по-разному. Резко критиковал книгу Чернышевский в «Отечественных записках».¹ Поиному отнесся к ней Некрасов, который писал И. С. Тургеневу: «Я стою на том, что книга хороша... Кроме дельности, книга имеет большое литературное достоинство — в ней встречаются настоящие перлы поэзии» (письмо от 9 октября 1854 года).² В ответ Тур-

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1949, с. 362—368; другой, в целом положительный отзыв Чернышевского о книге появился в «Современнике» (см. там же, с. 291—317).

² Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. 10, М., 1952, с. 208.

генов писал о книге: «...Это предприятие Берга очень полезно и хорошо — вот где бьют родники истинной поэзии. Я тебе благодарен за мысль выслать мне эту книгу».¹ Впоследствии вышли «Переводы и подражания» («Библиотека иностранной поэзии», вып. 1, СПб., 1860) и «Переводы из Мицкевича» (Варшава, 1865). Незадолго до смерти Берг анонимно выпустил свой последний сборник, «Srngâratilakam, или Книга любви. Вольные подражания Бгартригари, древнеиндийскому поэту и брату магараджи Викрамадитьи...» (Познань, 1881), составленный по преимуществу из оригинальных стихотворений. Тургенев писал о нем автору: «Я получил Ваше письмо и книгу эротических стихов, которые отличаются и благозвучием, и грациозностью содержания» (письмо от 6 декабря 1882 года).²

Доля оригинальных произведений в поэтическом наследии Берга невелика. Кроме небольшого числа стихотворений, ему принадлежат две поэмы — «Деревня» («Москвитянин», 1848, № 4) и «Сокольники» (там же, 1849, № 1—2). Важнейшее место в литературном наследии Берга занимают его переводы. Для переводческой деятельности Берга характерна настоящая одержимость, с какой он брался за изучение всевозможных, порой малоизвестных языков и наречий. Выбор произведений для перевода иногда бывал случаен. Однако у Берга были и постоянные привязанности: славянский фольклор, особенно сербские эпические и лирические песни, Мицкевич, из произведений которого он перевел «Пана Тадеуша», «Крымские сонеты», и многое другое. Эти переводы Берга — значительный вклад в дело развития русского переводческого искусства.

258. ЖАЛОБА ДЕВЫ

(Из *Рунеберга*)

Если б, сердце, ты лежало
На руках моих,
Всё качала бы, качала
Я тебя на них;

---

¹ И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 2, М.—Л., 1961, с. 231.

² И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 13(2), Л., 1968, с. 118. В примечании к этому письму (с. 342) отзыв Тургенева ошибочно отнесен к появившемуся за 21 год до того 1-му выпуску «Библиотеки иностранной поэзии» — т. е. к «Переводам и подражаниям» (1860).

Будто мать дитя родное,
С тихою мольбой, —
И заснуло б, ретивое,
Ты передо мной!

А теперь в груди сокрыто,
Заперто в тюрьму,
Ты доступно, ты открыто
Одному ему;

Но не видит он печали;
Как мне с этим быть?
Позабыть его? Едва ли
Можно позабыть!

Мчатся годы, грусть всё та же,
Те же всё мечты. . .
Сердце, сердце, да когда же
Здесь умолкнешь ты?

(1845)

259. КУКУШКА

(Из «Краледворской рукописи»)

В чистом поле рос дубочек,
Там кукушка куковала,
Куковала, тосковала,
Что весна не вечно в поле.

Кабы всё весна-то в поле,
Как бы жито вызревало?
Кабы лето вечно было,
Как бы яблоко дospelо?

Как бы мог прозябнуть колос,
Кабы осень всё стояла?
Было б горько, было б тяжело
Красной девице без друга!

1844 или 1845

260. ПЕСНЯ ЯРОСЛАВНЫ
(из «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

Как возговорит в Путивле
Ярославна у ворот:
«Путь-дорогу я узнаю,
Все приметы отличу
И касаткой по Дунаю
Понесусь и полечу;
На поляне там зеленой
Ладу верного сыскав,
Омочу в реке студеной
Я бобровый мой рукав,
И на милом теле рану,
Нанесенную врагом,
Омывать я долго стану
Тем бобровым рукавом».

Как возговорит в Путивле
Ярославна у ворот:
«Ветер вольный, ты гуляешь
По небесным вышинам,
Для чего же посылаешь
Стрелы вражеские к нам?
Или, ветер, недостало
Голубых тебе морей?
Иль на них тебе не стало
Белокрылых кораблей?
Для чего, когда лелеял
Море синее твое,
По ковыль-траве развеял
Всё веселие мое?»

Как возговорит в Путивле
Ярославна у ворот:
«Днепр могучий, наша слава!
Быстроводная река!
Выносил ты Святослава
Против рати Кобяка!
Ребры гор тобой пробиты;
На своей теперь волне
Из чужбины принеси ты

Ладу милого ко мне,
Чтобы я не горевала
Рано утром по зарям,
Чтобы слез не проливала
По князьям-богатырям!»

Как возговорит в Путивле
Ярославна у ворот:
«Солнце, солнышко ты красно!
Озаряя дол и лес,
Ты горишь тепло и ясно
Посреди твоих небес!
Не пылай так жарко ныне...
Солнце, солнце, для чего
Истомило ты в пустыне
Рати лады моего?
Ты согнуло их колчаны,
Ты свело у них луки...
Посылают половчаны
К нам несметные полки».

1845

261. ЗЕЙНИНО ЗАКЛЯТИЕ
(Из сербских народных песен)

Полотно ткала сидела Зейна,
Полотно ткала на огороде.
Мать приходит звать ее на ужин:
«Слышишь, Зейна, ужинать пойдем-ка!
Поедим-ка сахарной баклавы!»
Дочь на это с сердцем отвечает:
«Без меня пускай отходит ужин!
Не до ужина мне, горькой, нынче:
От тоски болит и ноет сердце!
Приходил ко мне сегодня милый,
Ощипал мои цветы-цветочки,
Оборвал в стану шелковы нитки.
Побраним его с тобою вместе:
Грудь моя, ты будь ему темницей!
Руки белые — на шее цепью!
А уста ему пусть очи выпьют!»

Ноябрь или декабрь 1846

262. Л.

Ты еще не умеешь любить,
Но готов я порою забыться
И с тобою слегка пошутить,
И в тебя на минуту влюбиться.

Я влюбляюсь в тебя без ума;
Ты, кокетка, шалить начинаешь:
Ты как будто бы любишь сама,
И тоскуешь, и тайно страдаешь;

Ты прощаешь певцу своему
И волнение, и грусть, и доuku,
И что крепко целую и жму
Я твою белоснежную руку;

И что в очи тебе я смотрю
Беспокойным, томительным взором,
Что с тобой говорю, говорю
И не знаю конца разговорам...

Вдруг, я вижу, ты снова не та:
О любви уж и слышать не хочешь,
И как будто другим занята,
И бежишь от меня, и хохочешь...

Я спешу заглушить и забыть
Ропот сердца мятежный и страстный...
Ты еще не умеешь любить,
Мой ребенок, мой ангел прекрасный!

1848
Москва

263. ОЧИ

(Из Ганки)

Очи, полные огня,
Вы — мои мучители!
Для чего вы у меня
Мир души похитили?

Всякий день и всякий час,
Днем и в ночь угрюмую,
Только знаю, что про вас
Думушку я думаю!

Веселюся ли с толпой,
В степи ли безлюдные
Унесусь — и вы за мной,
Пламенные, чудные!

Очи, полные огня,
Вы — мои мучители!
Для чего вы у меня
Мир души похитили?

1849
Москва

264. ПРАВО, МАМЕНЬКЕ СКАЖУ

(Из Масальского)

Что такое это значит:
Как одна я с ним сижу,
Всё тоскует он и плачет? . .
Право, маменьке скажу!

Я ему одна забота,
Но в душе моей, вишь, лед,
И глаза мои за что-то
Он кинжалами зовет.

Вишь, резва я, непослушна,
Ни на миг не посижу. . .
Право, мне уж это скушно,
Право, маменьке скажу!

Под окном моим всё бродит,
Сам с собою говорит;
Как одна — он глаз не сводит,
А при людях — не глядит.

Но порой, как с ним бываю,
И сама я вся дрожу,
И смущаюсь, и пылаю...
Право, маменьке скажу!

Пусть она о том рассудит;
Вот уж я погляжу,
Что-то с ним, с бедняжкой, будет?..
Нет, уж лучше не скажу!

(1851)

265. (ИЗ МИЦКЕВИЧА)

О песня, ты святой ковчег,
Куда народ во дни печали
Кладет свой рыцарский доспех,
И меч, и славных дней скрижали!
Ты гласом вещим говоришь,
Из века в век переходящим,
И чудодейственно миришь
Былое наше с настоящим!
Сгорают, тлеют письма,мена,
Могучих гениев творенья,
Лишь ты уходишь от забвенья,
Каким-то чудом спасена!
Всегда жива, одна и та же...
О песня, ты стоишь на страже
С мечом архангела у врат
Нам дорогих воспоминаний;
О песня, ты священный клад,
Ты цвет народных достояний!
Когда же суетный народ
Тебя, услышав, не поймет,
Бежишь ты, песня, и хоронишь
Свою заветную красу
В ущельях мрачных и в лесу,
Или среди развалин стонешь...
Так с крыши, объята огнем,
Слетает птичка поневоле,
Покинув гнездышко и дом...

Над ним повеется — и потом
Она летит в леса и в поле —
И там приют себе найдет,
И песни прежние поет. . .

(1854)

266—267. (ИЗ ЦИКЛА
«ЛИТОВСКИЕ ПЕСНИ»)

1

ЛИХАЧ

У меня лихой братишка,
Разбитной, удамый парень.

У него конек буланный,
Золоченые копыты.

Коли по полю проедет,
Дрожкой дрогнет чисто поле,

Мурава-трава поблекнет,
Алы цветики завянут!

А как по лугу поедет,
Стоном стонет луг широкий!

А поедет по дуброве, —
Вся гудет-шумит дуброва,

Елки-елочки трясутся,
Ветки-веточки валяются!

Повстречал красу-девицу,
Точно белую лилею;

Он сказал девице: здравствуй!
А она ему ни слова.

С головы он дал ей шляпу,
А она ему веночек.

(1854)

ВОРОН

Кружится черный ворон,
 На землю опустился,
 В когтях своих он держит,
 Он держит белу руку
 И золото колечко.
 «Скажи мне, черный ворон,
 Где взял ты белу руку
 И золото колечко?»
 — «Я был на поле битвы,
 Там люди страшно бились,
 От сабель от булатных
 Там иверни летели,
 Там кровь лилась рекою,
 И не один там плакал
 Отец по милом сыне!»
 — «Ах, ворон, черный ворон!
 Отдай мое колечко!
 Знать, милый ненаглядный
 Домой уж не вернется!»

(1854)

268. КРАКОВЯКИ

(Из цикла «Польские народные песни»)

1

Скачет, скачет конь мой борзый, по полю он скачет;
 Не скажу я никому, что всё это значит.
 Скачет, машет конь ретивый своей черной гривой;
 Ах, не верьте вы, не верьте девице спесивой!

2

Свищут, свищут соловьи, песенки заводят;
 Нынче мбодцам не верь: всех они проводят;
 Нынче молодцам не верь, да и девкам тоже,
 Знать, такая вышла мода, ни на что не гожа!

3

Брошу эти страны
И махну туды я,
Где у старых панов
Жены молодые.

4

Сяду, сяду на коня,
Стремечко из стали:
Помни, помни, как меня
Звали, прозывали!

5

Чтобы вы узнали истого поляка,
Пропою, танцуя, я вам краковяка.

6

Сивая кобыла, да рыжая грива,
Хоть не статен, не хорош, да порхаю живо!

Сказывают люди — и что им за дело! —
Что девица с молодцом вечером сидела.

8

Наша хата, наша хата повалится скоро;
Ах, как же ей не валиться, коли подле бора.

9

Сизый селезень плывет через сине море;
Мой сосед сегодня весел, мне печаль да горе.

10

Я поеду чрез деревню, сниму с себя шапку,
Старой матушке поклон, дочь ее в охапку!

(1854)

1

МОЙ ЖЕНИХ НА ВОЙНЕ

Женихи моих подружек дома,
 Только нету моего со мною,
 На войне жених мой ненаглядный,
 Мой кудрявый странствует далёко,
 В Турции гуляет белокурый;
 Мать родная там его не холит,
 Финская сестрица не лелеет,
 Финская невеста не целует!
 Острый меч его лелеет-холит,
 А ласкает сабля боевая,
 А целует и милует пушка!
 Без него пропасть мне одинокой,
 Без него, по ком я так вздыхала
 И по ком я слезы проливала!
 Он хотел было жениться дома,
 И о пасхе быть бы нашей свадьбе,
 Да не здесь пришлось ему жениться,
 Не в Финляндии играл он свадьбу,
 А играл он свадьбу на чужбине,
 Под шатром великого владыки,
 В хижине у малого владыки,
 Обвенчался не кольцом, а саблей,
 Не с невестой, а с турецкой пулей.

(1854)

2

САМ Я ВЫУЧИЛСЯ ПЕТЬ ПЕСНИ

Не лучше тот молот,
 Кузнец не ловчее,
 Что в кузне родился,
 В печи закалился!
 Я не был в ученье,
 К лапландцам не ездил
 И по морю к эстам
 Ни разу не плавал,

А сам научился
Я складывать песни,
Я слово по слову
Сбирал по дороге,
И в хворосте рылся,
И шарил под ивой,
И в вереске частом,
И в травке-муравке;
Как малым ребенком
Я бегал за стадом
По скалам высоким,
По мшистым камням,
По холмикам злачным,
По кочкам медвяным, —
В ту пору со мною
Беседовал ветер,
И тысячи звуков,
И тысячи песен
Летали, носились,
Качались, звенели
И в море плескались
В волнах пенношумных.
Я скатывал песни,
Я свертывал песни,
Завязывал в узел
И клал на стропилы
Хозяйского дома,
В кошну золотую,
В серебряный ящик
За медным замочком...

(1854)

271. ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ КЛЕФТА

(Из цикла «Греческие песни»)

Скорее бросайся ты с берега вплавь,
Руками своими что веслами правь,
А грудь молодецкую выгни рулем, —
И легким и быстрым плыви кораблем!
Бог даст и поможет пречистая нам, —
Ты будешь, товарищ, сегодня же там,

Где, помнишь, мы жарили вместе козлят...
Про то, что погиб я, не сказывай, брат!
А если расспрашивать станет родня,
Скажи, что в чужбине женили меня,
Что был мне булат посаженным отцом,
Что нас угощали на свадьбе свинцом,
Что мне за женою моей отвели
В приданое сажень косую земли!

{1854}

272. ЖЕНИТЬБА ВОРОБЬЯ

{Из цикла «Сербские народные песни»}

Как задумал воробей жениться,
Стал он сватать девицу синицу,
Три раза он по полю пропрыгал
И четыре по горе высокой,
Сватал, сватал, наконец сосватал;
Взял в дружки он пегую сороку,
В деверья хохлатую чекушу,
В посаженные отцы витютня,
В кумовья болотную чапуру,
А в прикумки птицу шеверлюгу.
Собирались сваты по невесту
И дошли до ней благополучно,
Но как стали возвращаться к дому
И пошли через Косово поле,
Говорит им так синица птица:
«Не шумите, господа вы сваты,
Вы не спорьте, громко не гуторьте!
А не то ударит с неба кобчик
И отымет он у вас невесту!»
Только что она проговорила,
Как откуда ни возьмися кобчик,
Ухватил девицу он синицу,
Кто куда все сваты разбежались,
Сам жених в овсяную солому,
А дружка сорока на брезу!

{1854}

273. СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ НЕПОБЕДИМОГО МАЛЬБРУКА

(Из цикла «Французские песни»)

Мальбрук в поход поехал,
Мирионтон, мирионтон, мирионть,
Мальбрук в поход поехал,
Ах, будет ли назад?

Назад он будет к Пасхе,
Мирионтон, мирионтон, мирионть,
Назад он будет к Пасхе
Иль к Троицыну дню.

День Троицын проходит,
Мирионтон, мирионтон, мирионть,
День Троицын проходит,
Мальбрука не видать.

Мальбрукова супруга,
Мирионтон, мирионтон, мирионть,
Мальбрукова супруга
На башню всходит вверх.

Паж оттуда видит,
Мирионтон, мирионтон, мирионть,
Паж оттуда видит,
Он в черном весь одет.

«Ах, паж мой, паж прекрасный,
Мирионтон, мирионтон, мирионть,
Ах, паж мой, паж прекрасный,
Что нового у вас?»

«Принес я весть дурную,
Мирионтон, мирионтон, мирионть,
Принес я весть дурную:
Пролить вам много слез!»

Оставьте алый бархат,
Мирионтон, мирионтон, мирионть,
Оставьте алый бархат
И светлый свой атлас!

Мальбрук наш славный умер,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,
Мальбрук наш славный умер
И в землю погребен.

Четыре офицера,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,
Четыре офицера
За гробом шли его.

Один его кольчугу,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,
Один его кольчугу,
Другой кирасы нес.

А третий меч булатный,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,
А третий меч булатный,
Четвертый — ничего.

Вокруг его могилы,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,
Вокруг его могилы
Фиалки расцвели.

И соловей на ветке,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,
И соловей на ветке,
И соловей запел.

Над гробом поднялся,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,
Над гробом поднялася
Мальбрукова душа.

Упал на землю всякий,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,
Упал на землю всякий,
Упал и после встал,

Чтоб петь его победы,
Мирионтои, мирионтои, мирионтеи,

Чтоб петь его победы
И подвиги его.

Когда ж его зарыли,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Когда ж его зарыли,
Легли все отдыхать.

Одни сам-друг с женою,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Одни сам-друг с женою,
Другие — как пришлось.

Там было много всяких,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Там было много всяких,
Я видел это сам.

Блондинок и брюнеток,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Блондинок, и брюнеток,
И рыжих, и седых».

Теперь мы всё пропели,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Теперь мы всё пропели,
И песне той конец!

(1854)

274

О чем ты стонешь, сине море?
Что пасмурно твое чело?
Скажи ты мне, какое горе
В твоих пучинах залегло?

Ты плачешь, море, что не стало
Тебе знакомых кораблей,
Что смело реяли, бывало,
Одни среди твоих зыбей.

Не плачь, не плачь ты, сине море,
Глубоко вопли затаи:
Пройдет твое лихое горе,
Вернутся соколы твои!

Я видел страшные траншеи
И вал из камня и земли,
Где, притаившись, точно змеи,
Рядами пушки залегли.

За ними — славы ратоборцы,
Стоят и хладно битвы ждут,
Твои питомцы — черноморцы,
Им бой не в бой и труд не в труд!

Пускай придут: всё это ляжет,
Отчизне жертвуя собой...
Кто ж будет жив, кто перескажет
Про этот день, про этот бой?..

*28 февраля 1855
Дуфиновка, деревня под Одессой*

275. (ЛФИ) ¹

«Кичкенé, ахшам хаир!» ²
Для тебя, мой стройный тополь,
Я готов забыть весь мир,
И Москву, и Севастополь!

В час, как тени упадут
На холмы и на долины,
И к молитве позовут
Правоверных муэдзины,

И слышней журчат ручьи
По садам Бахчисарая,
И засвищут соловьи,
Сладострастно замирая,

---

¹ Женское татарское имя.

² «Добрый вечер, милая!»

Заиграет ветерок
С тополями по вершинам —
В этот час, под вечерок,
Ты с горы идешь с кувшином,

И звенящая струя
Зарокочет по кувшину;
Выхожу тогда и я,
Свой портфель походный выну.

Начертать я в нем хочу
Стан твой девственный и стройный,
Эти косы по плечу
И во взгляде пламень знойный,

И восточные черты,
Хоть неловко, хоть неверно...
Но опять с кувшином ты
Убегаешь, точно серна!

Я кричу тебе: «Прости,
Пышный цвет Бахчисарая!»
Ты на миг, в полупути,
Остановишься, играя,

Ручки сложишь и стоишь
Над кувшином грациозно;
Я к тебе — но ты глядишь
Повелительно и грозно...

Я напрасно умолял
Дать мне хладного напитку —
Ты сказала: «Кель фантал!»¹ —
И захлопнула калитку...

28 сентября 1855
Бахчисарай

---

¹ «Ступай к фонтану!»

Федор Богданович Миллер родился 22 января 1818 года в Москве. Мальчик рано лишился отца. Детство его прошло в нужде. Учился он на казенный счет в училище при лютеранской церкви Петра и Павла, отлично закончив которое в 1834 году, поступил учеником в аптеку и через три года получил звание аптекарского помощника (фармацевта). Работая в аптеке при Московском университете, он посещал университетские лекции и в 1839 году выдержал экзамен на звание домашнего учителя. В 1841 году Миллер поступил преподавателем сначала немецкого, а затем русского языка и словесности в 1-й московский кадетский корпус, прослужил там 28 лет и в 1869 году вышел в отставку. Умер Миллер в Москве 20 января 1881 года.

В печати Миллер дебютировал романом «Цыганка» (М., 1839), который написал в шестнадцатилетнем возрасте. Стихи он начал писать еще в детстве. Из его стихотворных произведений первым был напечатан перевод драмы австрийского писателя И.-Ф. Кастелли «День Карла Пятого», появившийся в журнале «Москвитянин» (1841, № 8). С этого времени Миллер сделался постоянным сотрудником «Москвитянина», помещая там свои произведения, главным образом переводы. После закрытия журнала (1856) Миллер печатался в «Русском слове», «Библиотеке для чтения», «Московском вестнике», «Русском вестнике», «Отечественных записках» и других журналах. В 1859 году он основал собственный еженедельный литературный и юмористический журнал «Развлечение», который редактировал до конца жизни. В первое время направление журнала имело либерально-обличительный оттенок, но вскоре он сделался совершенно бесцветным и вполне благонадежным. Свои стихи Миллер нередко печатал в «Развлечении» под псевдонимами «Гиацинт Тюльпанов», «Заноза» и др.

Известность Миллер приобрел своими переводами стихотворений и поэм Гете, Шиллера, Гейне, Фрейлиграта, Мицкевича и других поэтов, а также многих драматических произведений («Цимбе-

лин» и «Мера за меру» Шекспира, «Вильгельм Телль» и «Мессинская невеста» Шиллера, «Альманзор» Гейне, «Тюрьма и венец» Цейдлица, «Дочь короля Рене» Герца и др.).

Оригинальные произведения Миллера немногочисленны: это малосамобытные, довольно слабые лирические стихи; гораздо более интересны его стихотворные сказки, созданные на фольклорной основе («Поток богатырь и девица-лебедь», «Судья Шемяка», «Сказка о купце, о его жене и о трех пожеланьях» и др.).

Под конец жизни Миллер оказался на откровенно реакционных, верноподданнических позициях. Его стихи 60—70-х годов — среди них немало сатирических — содержат злобные нападки на все прогрессивное.

При жизни Миллера был издан ряд его сборников: «Стихотворения 1841—1848», М., 1848 (цензурное разрешение — 12 августа 1847 г.); «Стихотворения» в 2-х книгах, изд. 2, испр. и доп., М., 1860 (цензурное разрешение — 26 мая 1859 г.); с 1872 по 1881 год в Москве вышло шеститомное собрание стихотворных переводов и оригинальных стихотворений Миллера.

276—279. (ИЗ ФРЕЙЛИГРАТА)

1

ПИРАТ

1

Видно, празднует габара:
Всё на деке веселится,
И гаванская сигара
У пирата не дымится.

Ах, не диво, что сигара
У испанца потухает:
Нежит слух его гитара,
Голос милый распевает.

В платье с берега Гоанго
И в мантилье из Китая
Пляшет с боцманом фанданго
Кастильянка молодая.

Резвой птичкою летает
Дева, полная веселья,
И глаза ее блистают,
Что брильянты ожерелья.

Пляшет донья Инезилья,
Рдеют розы на ланитах,
Развевается мантилья
На плечах полуоткрытых;

И под сетку голубую
Скрыты шелковые косы;
На красотку молодую
Загляделись все матросы.

Все на райне, на лафетах
Вкруговую заседают
И, забыв о пистолетах,
Кастаньетами щелкают.

2

Но вот кончился их танец;
Инезилья отдыхает,
И гитару мавританец
Ей почтительно вручает.

Вот поет она про балы
Во дворцах родного края,
Где в граненые бокалы
Льется влага дорогая,

Где под звуки музыкантов
Доњи милые танцуют
И сердца надменных грандов
Красотой своей чаруют.

Воспеваает край счастливый,
Где их пристань ожидает,
Где под сению оливы
Лазарони отдыхает;

Воспеваает блеск Милана,
Рима — Запада столицы...
Пожалейте капитана:
Он заслушался певицы.

3

Он заслушался певицы
И забыл, что враг не спит;
На него, быстрее птицы,
Оттоманский бриг летит.

Вот он близко, вот примчался, —
Это страшный Абдалла...
И внезапно залп раздался,
Загремело: «Иль-Алла!»

Засверкали ятаганы...
На врагов своих грозой
Устремились мусульманы;
Закипел кровавый бой.

Дымом все кругом объаты;
Торжествует Оттоман:
Стонут пленные пираты
И убит их капитан!

Плачет донья молодая...
О, не плачь, моя краса!
И платочком из Китая
Осуши свои глаза!

У мароккского султана
Блещет золотом дворец;
Там и друга капитана
Ты забудешь наконец.

И фрегат в Марокко мчится;
Вот и берег недалек.
Завтра много облежится
У султана кошелек.

(1843)

ВОЗДУШНЫЙ КАРАВАН

Поздно ночью мы лежали на земле, среди равнины;
У коней своих усталых чутко спали бедуины;
Вдалеке, при лунном свете, горы нильские белели,
А кругом, в песке зыбучем, дромадеров кости тлели.

Я не спал; под головою у меня седло лежало,
А широкий плащ дорожный был мне вместо одеяла;
Близ меня лежала сумка сладких фиников сушеных,
Сабля острая и пара пистолетов заряжённых.

Всё безмолвно; лишь порою затрещит в костре забытом
Огонек, иль конь, проснувшись, стукнет об землю
копытом;

Лишь порою в отдалении крик орлиный раздавался
И наездник полусонный за ружье свое хватался.

Вдруг земля поколебалась и померк за облаками
Лунный свет, степные звери пронесли перед нами;
Кони робко отшатнулись, наш вожатый приподнялся...
«Ну, — сказал он, — знать, воздушный караван опять
помчался!»

Это он! и вот несутся, вслед теней своих вожатых,
Дромадеры с седоками на хребтах своих горбатых,
И воздушною толпою идут девы, как Ревекка,
На плече неся кувшины; цель пути их — город Мекка.

Ну! еще! иль нет конца им? вот бесчисленные гости!
Вновь в верблюдов превратились их рассеянные кости;
Черный прах, что по равнине в облаках густых, летучих
Бурно вьется, превратился в черных воинов могучих...

В это время ежегодно восстают для каравана
Все, которые погибли тут в песках от урагана, —
Чей, быть может, прах истлевший нынче с пылью мы
глотали,
Чьи разбросанные кости мы ногами попирали.

И грядю бесконечной, как на пир, во всем раздолье
Восстают они и мчатся в град святой на богомолье,
И летят от Сенегала до берегов Баб-эльмандеба...
Страшен поезд их тревожный при огнях ночного неба!

Стойте, други! Кони рвутся? Так накиньте им арканы!
Ободритесь! не бегите, как пугливые бараны:
Пусть воздушною одеждой ваших лиц они коснутся,
Имя Аллы призовите, — духи мимо пронесутся.

Подождите, — лишь денницы загорится луч отрадный
И на вас от гор повеет ветер утренний, прохладный, —
И опять во прах летучий обратятся привиденья...
Вот заржал мой конь ретивый, чужа утра приближенья!

1845

3

ПОГРЕБЕНИЕ РАЗБОЙНИКА

В носилках похоронных
Лежит боец лесов,
И шесть вооруженных
Суровых удальцов
Среди лесов дремучих
Безмолвные идут
И на руках могучих
Товарища несут.

Носилки их простые
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежит сраженный
Разбойник молодой,
Назад окровавленной
Повиснув головой.

В минуту жаркой битвы
Сразил его свинец, —

И кончил дни ловитвы
Бестрепетный боец!
Сочится кровь из раны
По лбу и по вискам
И вниз струей багряной
Бежит по волосам.

Он грозно сдвинул брови,
Храня надменный вид,
Но взор под слоем крови
Врагам уж не грозит.
Он правую рукою
Сдавил свой острый меч
И с ним, уставший с бою,
В могилу хочет лечь.

Меч этот быстро, метко
Удары наносил,
И сбиров он нередко
Как молния разил;
Теперь, звуча, влачится
Он вслед за мертвецом;
Как слезы, кровь струится
Холодная по нем.

И в миг борьбы жестокой
Со смертью роковой
Он пояс свой широкий
Схватил другой рукой;
Ремни его колета
Разрублены висят,
Два длинных пистолета
За поясом блестят.

Так спит он, охладельный,
Лесов угрюмый сын,
В кругу ватаги смелой,
Средь темных Апеннин!
Так с ним они печально
Идут в глуши лесной
Для чести погребальной.
Но вот кричат им: «Стой!»

И наземь опустили
Носилки с мертвецом,
И дружно приступили
Рыть яму вшестером.
В воинственном уборе,
Как был он завсегда,
Без гроба, на просторе
Кладут его туда.

Засыпали землю...
«Прости, лихой собрат!»
И медленной стопою
Идут они назад.
Но чу! — сторожевого
Свисток раздался вдруг...
Ватага в лес — и снова
Безмолвно всё вокруг.

1846

4

ТРУЖЕНИК

Кто идет во глубь земли
Или молотом махает;
Кто сетями для семьи
Хлеб насущный добывает;
Кто за плугом льет свой пот,
Как наемник господина;
Кто под ношей спину гнет
Для жены своей, для сына, —

Честь им! слава их трудам!
Слава каждой капле пота!
Честь мозолистым рукам!
Да спорится их работа!
Но забудем ли о том,
Кто безропотно страдает
И, работая умом,
Сам нередко голодает?

В тесной хижине ль своей
Он с наукой тратит годы,

Раб ли книжных торгашей,
Пишет драмы или оды,
Или просто вздор чужой
Переписывает к срокам,
Иль, вступив в ученый строй,
Ходит, бедный, по урокам, —

Что ж! ведь труженик и он!
И ему — терпеть, трудиться
Повелел судьбы закон,
И его глава сребритя!
И влачит до гроба он
Бремя скорби и гоненья,
А детей голодных стон
Убивает вдохновенье!

Так иного я знавал:
Духом он стремился в небо,
Но во прахе изнывал,
Пресмыкаясь ради хлеба!
Так с семьею на плечах
Хлопотал он и трудился,
Целый век свой был в тисках
И как рыба об лед бился!

И сидел он, и писал,
Бледный, с впалыми щеками;
А меж тем восток сиял,
Ветерок играл цветами,
Пел весенний соловей,
Пар дымился над рекою...
Он над книгою своей
Гнулся — труженик душою!

Но под бременем скорбей
Утешался он, мечтая:
«Жизнь печальна, но и в ней
Есть поэзия святая!
Пусть судьба гнетет меня!
Тверд останусь я душою:
Для детей трудился я,
Честь моя всегда со мною!»

Наконец не стало сил!
Кончил он свое боренье;
Лишь порой к нему сходил
Луч заветный вдохновенья:
Ночью вдруг его лобзал
Поцелуй знакомой музы,
И свободно возлетал
Прежний гений, сбросив узы.

Вечным сном теперь он спит!
Прах его земля сокрыла;
Одинокая стоит
Без креста его могила.
И малютки, и жена
Плачут, бедные, без пищи:
Только имя без пятна
Им отец оставил нищий!

Честь и слава всем трудам!
Слава каждой капле пота!
Честь мозолистым рукам!
Да спорится их работа!
Вспомним с честью и о том,
Кто с наукой голодает
И, работая умом,
Горький век свой убивает!

(1850)

280

Полно, зачем ты, слеза одинокая,
Взоры туманишь мои?
Разве не сгладило время далекое
Раны последней любви?

Время их сгладило, сердце тревожное
Скрыло их в недрах своих, —
Там, как в могиле, им место надежное,
Там не дороешься их.

Сердце их скрыло; но память досадная
Их как святыню хранит;
Знать, оттого-то и грусть безотрадная
Душу порою томит.

9 июля 1847

281. ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ
(из «Слова о полку Игореве»)

Что не горлица воркует ранним утром в тишине,
Безутешная горюет Ярославна на стене:

Вольной пташкой полечу я по Дунаю,
Путь-дороженьку разведая, узнаю,
Там в Каял-реке, склонясь на бережок,
Обмочу я свой бобровый рукавок,
И слезами, и студеною водою
Раны князя, друга милого, обмою.

Так в Путивле ежедневно, ранней-утренней порой
Раздается скорбный голос Ярославны молодой:

Ветер, ветер! ах, зачем ты из долины
Веешь стрелы на родимые дружины?
Разве нет тебе приволья в облаках,
Нет раздолья с кораблями на морях?
Для чего ж мою ты, ветер, губишь младость,
По ковыль-траве развеял мою радость?

То не дождичек осенний грустно во поле шумит,
Безутешная княгиня слезно плачет-говорит:

Днепр мой славный! ты пробил себе волнами
В землю половцев дорогу меж горами;
Быстро мчали струи вольные твои
В стан враждебный Святославовы ладьи...
Принеси ж ко мне ты друга дорогова,
Да не шлю к нему я слез горячих снова!

Так в Путивле, на рассвете, с городской его стены
Слышен голос Ярославны в час заветной тишины:

Солнце красное! ты всем равно сияешь,
Всем тепло свое равно ты посылаешь...
Ах, зачем своим ты огненным лучом
Раскаляешь друга милого шелом?
И полки его, ослабленные зноем,
В диком поле приуныли перед боем!

Так в Путивле одиноко плачет утренней порой
Князя Игоря супруга на стене городской.

1848

282

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять;
Вдруг охотник прибегает,
Из ружья в него стреляет...
Пиф-паф! ой, ой, ой!
Умирает зайчик мой!

1851

283. ВОРОН

Над колыбелью лампада горит:
Ночью, в тиши безмятежной
Мать молодая над сыном сидит,
Смотрит на спящего нежно.

«Спи, ненаглядный, пока над тобой
Носятся светлые грезы!..
Кто мне откроет, что в жизни земной
Ждет тебя — радость иль слезы?»

По лесу ветер завыл, за окном
Каркает ворон дубравный:
«Твой ненаглядный в овраге лесном
Будет мне пищею славной».

1856

284. ПОРОДА ХИЩНЫХ

Всюду, где ни взглянешь, — лишь один обман,
Ближний точит зубы на чужой карман.

Тот затеял новый издавать журнал, —
Взял вперед подписку — да и тягу дал.

Тот займет у друга денег на фу-фу,
А потом с торговлей вылетит в трубу.

Тот, приняв почтенный, добродушный вид,
Друга облапошить в карты норовит.

Тот пустил в продажу медь за серебро
И увидел вскоре, «яко се добро»,

И живет, как барин, истину познав:
Лишь украдь побольше — будешь чист и прав.

Так идет на свете, видно, с давних пор:
Где воришкам горе, там вора́м простор.

(1861)

285. СКАЗКА

О КУПЦЕ, О ЕГО ЖЕНЕ И О ТРЕХ ПОЖЕЛАНИЯХ

Жил купец Парамон Алексеич
С благоверною Марфой Петровной
В собственном каменном доме.
Их богатством господь не обидел:
Был их дом как полная чаша.
Они жили мирно и ладно,
Ни заботы, ни горя не зная,
Ели сытно и спали покойно
И толстели себе на здоровье.
Но хоть жизнь их была и привольна,
И добра, и богатства довольна,

А порою казалось им мало
И желалось быть побогаче.
Такова, зная, натура людская:
Дашь им гору — подай и подгорье.

Как-то раз, вечерней порою,
Наш купчина с своею женою
Пили чай за большим самоваром,
Крупный пот обтирая платочком.
Шла беседа у них о житейском:
О товаре, какой залежался,
О последней выручке в лавке,
О тугих временах, о потерях,
О богатстве соседа. И молвил
Парамон Алексеич в раздумье:
«Есть же люди такие на свете,
Что по щучьему точно веленью
Всё у них исполняется живо.
Вот, примерно, сосед наш почтенный.
Захотел он хоромы построить,
Чтобы всем они были на диво, —
Лишь мощною тряхнул — и готово:
Стены — мрамор, зеркальные окна
И болваны кругом по карнизам;
А в нутро как заглянешь — ослепнешь!
Вот так люди! А мы что с тобою?
Мелюзга!» И он плюнул с досадой.
Говорит ему Марфа Петровна:
«Есть, я слышала, эдакий корень,
Что богатство дает человеку.
Одна странница мне говорила,
Что достать его за морем можно».
— «Ну, достань, если можно, — с усмешкой
Отвечал Парамон Алексеич. —
Нет, старуха, его не достанешь.
А вот есть, говорят, в каждом годе
Час удачливый: если потрафишь
В этот час пожелать себе счастья,
Иль добра, иль богатства какого —
Всё исполнится вмиг по желанию.
Вот бы часа такого дознаться —
Мы бы зажили важно с тобою!»

Так беседовал добрый купчина
Со своей благоверной супругой.

Вдруг звонок у калитки раздался,
На дворе барбоска залаял,
И, немного спустя, перед ними
Седовласый является странник
С суковатою длинною палкой,
В черном платье, ремнем подпоясан
И с тяжелой сумой за спиною.

«Чай и сахар, добрые люди!» —
Он сказал им с глубоким поклоном.
«Просим милости с нами откушать!» —
Отвечает радушно купчина
И сажает нежданного гостя
К образам, на почетное место,
И чайком, и домашним вареньем,
И наливкой его угощает,
А меж тем с ним ведет разговоры
Про святые места и про скиты,
Про далекие чуждые страны
И про тяжесть скитальческой жизни.
Так прошел у них вечер в беседе.
Время к ночи подходит, и странник
Собирается в путь и, прощаясь,
Говорит своим доброхотам:
«Вижу я, что вы добрые люди,
И хочу наградить вас. Я знаю
Ваши тайные мысли. Сегодня
Вам хотелось счастливого часа,
Чтоб исполнились ваши желанья, —
Этот час наступил, и вдобавок
Дозволяются вам три желанья;
Но смотрите, не зря говорите,
А обдумайте их хорошенько!»
Так сказал им таинственный странник
И исчез.

Парамон Алексеич
И жена его чуть не рехнулись
От такого нежданного счастья;

Но купчина опомнился скоро
И промолвил Марфе Петровне:
«Ну, старуха, налей мне стаканчик!
За чайком померекаем вместе,
Что придумать нам тут поразумней, —
Один ум хорошо, а два лучше».
Оживилась Марфа Петровна,
Заварила свежего чаю
И, девятый стакан наливая,
Мужу молвила: «Пей на здоровье!
Пей, голубчик мой! Вот хорошо бы,
Если б был теперь кстати лимончик:
С ним бы чай был гораздо вкуснее».
Лишь успела она это молвить,
Как на блюде — отколь неизвестно —
Перед ними лимон очутился,
Такой сочный, душистый и крупный,
Что не скоро такого и купишь.
Рассерчал Парамон Алексеич
На жену за такое желанье.
«Ах, раздуй те горой! — закричал он
На нее. — Вот так глупая баба!
Вот, шальная, нашла, что придумать!»
Но лишь только сказал он и видит:
Раздувается Марфа Петровна
В ширину — и всё больше и больше.
Смотрит он и диву дивится,
И глазам своим верить не смеет.
Но она всё толстеет, всё пухнет,
Будто на море парус от ветра.
Вот и стол с самоваром поехал
От дивана к стене; вот и сам он,
Парамон Алексеич почтенный,
В дальний угол со стулом отъехал,
Где всё крепче его припирает
Раздобрешее тело супруги.
Испугался купец не на шутку, —
Видит: дело выходит плохое, —
Так и ждет, что вот лопнет купчиха
Иль задушит его под собою.
«Стой! — кричит он. — Уж я задыхаюсь!
Ничего, ничего мне не надо,

Лишь бы ты опять стала такую,
Как была!»

Вмиг исполнилось это:
Стала Марфа Петровна сжиматься
И в свой прежний объем возвратилась.
И сидят они молча за чаем
С горькой думой, что так неразумно
Три желанья из рук упустили.
Близок локоть, да, знать, не укусишь.

1865

286. СУДЬЯ ШЕМЯКА

«Помоги мне, братец, — просит брат убогой, —
Не оставь, родимый, милостью премногой!
Вот уж наступают вьюги с холодами;
Одолжи лошадку съездить за дровами».
— «Ох, как надоело мне с тобой возиться!
Век ты будешь плакать, век ты будешь биться.
Видно, сам уж плох ты, пропил, знать, деньжонки,
Что купить не можешь клячи-лошаденки.
Счастлив, что пришел ты, как иду к обедни;
Так и быть, возьми уж, только знай — в последний!
Приведешь — и больше к моему порогу
Ни ногою, слышишь? Прогоню, ей-богу».
Взял бедняга лошадь. «Дай уж оголовок», —
Просит он у брата. «Ишь ты, больно ловок!
За него вечер лишь деньги отдал сам я;
Оголовок знатный, нет, его не дам я —
Изорвешь, испортишь, буду я в изъяне».
— «Дай, ведь не к хвосту же привязать мне сани».
— «Делай там как знаешь, людям поклонися;
Где-нибудь достанешь, только отвяжися».
Так сказав, богатый бедняка оставил;
Бедный, взявши лошадь, путь домой направил.
Думает он думу: как бы сани справить,
Чтоб дрова из лесу до дому доставить?
Повезет ли лошадь? Ведь без хомута-то
Воз тащить тяжелый будет трудновато.
Ну, да уж устрою — я ведь парень ловкой:
Ей к бокам оглобли привяжу веревкой,

А чтоб не съезжали, я свяжу ремнями
Как-нибудь покрепче хвост ее с санями.
Справил — и поехал в рощу за дровами.
Нагрузивши дровни, по дороге гладкой
Тянет их до дому рядышком с лошадкой.
Всё идет как надо, вот и дотащились;
Только вдруг за что-то сани зацепились.
«Эй, ну-ну! — кричит он, — вывози, родная!
Тут уж недалечко, дам тебе сенца я».
Палкой замахнулся: «Ну же, ну, тащися!»
Конь рванул всей силой — хвост и оборвися.

Как наутро лошадь увидал богатый, —
«Что ты с нею сделал? что в ней без хвоста-то? —
Закричал он грозно. — Это, брат, неладно;
Этак одолжать вас будет мне накладно.
Мы пойдем к Шемяке: пусть он нас рассудит
И тебя за лошадь заплатит принудит».
И пошел к Шемяке с братом брат убогой.
Путь их был не близок: снежною дорогой
Шли они всё утро и, устав немало,
Завернули оба в сельское кружало.
Богача хозяин встретил с уваженьем:
Кланяется в пояс — с нашим, мол, почтеньем;
И вина, и пива гостю предлагает,
Бедняка же будто вовсе и не знает.
К богачу подсевши, пьет он с ним, гуторя;
А бедняга на печь завалился с горя,
Чтоб заспать свой голод. Слушая их речи,
Он вздремнул немного — и свалился с печи.
Как на грех, ребенок спал тут той порою;
Он его, упавши, придавил собою. . .
«Ах ты, душегубец! ах, беспутный Каин!
Что ты тут наделал? — кричал хозяин. —
Этого, брат, дела так я не оставляю,
И на суд к Шемяке я тебя представлю».
— «Что ж, пойдем к Шемяке, знать такая доля, —
Отвечал бедняга, — буди божья воля!»
И пошли все трое; а меж тем дорогой,
Закручинясь, думу думает убогой:
«Что ж теперь мне делать? Ведь меня засудят!
Пропаду я, бедный! Эх, уж будь, что будет:

Брошусь-ка я с моста и покончу разом!
(У бедняги с горя ум зашел за разум).
Вот подходят к мосту; он перекрестился
И через перила вдруг перевалился.
Под мостом в ту пору сани проезжали,
Двое мужичков в них песни распевали.
Вдруг на них свалился будто куль тяжелый —
И замолкли звуки песни их веселой.
Крик бедняга слышит: «С нами крестна сила!»
Голову приподнял — перед ним верзила,
Парень здоровенный, в бок его толкает,
И ругает крепко, и с саней пихает;
А под ним, уткнувшись в сено головою,
Кто-то тяжко стонет и хрипит порою.
Понял он, в чем дело, — и давай бог ноги;
Но верзила парень стал середь дороги.
«Глянь, что ты наделал, лиходей треклятый!
Ведь пришиб до смерти моего отца ты.
Ты за это дело мне ответишь, милый,
И тебя к Шемяке потащу я силой».
— «Что ж, пойдем к Шемяке: пусть он нас
рассудит! —

Говорит убогой. — Двух смертей не будет».

Идут они в город вчетвером. Дорогой
Грустно так повесил голову убогой:
Думает, гадает, как бы умудриться,
Чтоб от наказанья строгого отбиться.
Он с дороги камень поднял с думой злою
И, в мошну засунув, спрятал под полою.

На высоком стуле важно заседает
В храмине Шемяка и свой суд вещает.
И с благоговеньем пред судьей строгим,
Кланяясь, предстали три истца с убогим.
Первый свою просьбу изложил богатый.
«Что ответить можешь на слова истца ты?» —
Вопросил Шемяка. Тот, взамен ответа,
Лишь потряс мошною: посмотри, мол, это!
«А! — смекнул Шемяка. — Это он сотнягу
Мне за суд мой сулит. Выручу беднягу!»
«Вот мое решенье, — говорит. — От брата
Ты с хвостом, не так ли, получил коня-то?»

Посему и должен ты радеть о том же,
Чтоб ему скотину возвратить с хвостом же.
Того ради конь сей должен находиться
При тебе, доколе хвост не отраслися».

Тут судье хозяин сельского кружала
Жалобу представил. Не смутясь нимало,
На вопрос Шемяки бедный, без ответа,
Лишь потрянул мошною: посмотри, мол, это.
И Шемяка сметил: «Вот еще сотнягу
Мне за суд он сүлит. Выручу беднягу!»
И сказал: «Вот слушай, как в случае оном
Поступить ты должен, следуя законам:
У него ребенка ты убил родного,
Так с его хозяйкой приживи другого».

Тут с поклоном третий подает прошение
И судью Шемяку молит о решенье.
На вопрос Шемяки бедный, без ответа,
Вновь трясет мошною: посмотри, мол, это!
И Шемяка сметил: «А, еще сотнягу
Мне за суд он сулит. Выручу беднягу!»
И сказал в раздумье: «В преступленье оном,
Знай, сугубо винен ты перед законом:
Срамно посягая на себяубийство,
Ты, живым оставшись, совершил убийство.
А как отца сыну уж не возвратишь ты,
То за преступленье смерти подлежишь ты.
Ляг же ты под мостом; он же, на мост ставши,
Пусть тебя задавит, на тебя упавши».

Весело выходит от судьи убогой;
Те ж в душе Шемяку всё клянут дорогой.
«Что ж, любезный братец, — говорит бедняга, —
Подавай коня-то!» — «Нет, зачем, сердяга;
Я уж передумал. Нам бы помириться!
Конь, хоть и бесхвостый, всё ж мне пригодится.
Дам тебе деньжонок — разживайся с богом,
И вперед, пожалуй, пригожусь во многом».
Бедный согласился, с братом помирился,
А потом к другому с речью обратился:
«Ну, тебе с хозяйкой надо, знать, расстаться».

— «Нет, я передумал; что с тобой возжаться!
Мне детей не надо, — с ними только горе;
Лучше помиримся и, со мной не споря,
Вот возьми кобылу — славная лошадка —
Да рублѣв десяток, так уж, для придатка».
— «Нет, я не согласен: подавай полсотни
Иль отдай хозяйку, — что тебе вольготней».
Но расстаться с нею было не под силу,
Отдал он бедняге деньги и кобылу.
Тут убогий с третьим начал разговоры:
«Ох, как горько слушать мне твои укоры!
Видно, на сем свете не жилец я боле!
Ну, ступай-ка на мост да скачи оттоле».
— «Нет, я передумал! Что с тобой возиться:
На тебя скакавши, сам могу убиться.
Убирайся с богом!» — «Нет, родимый, дудки!
Мы с тобой ходили в суд ведь не для шутки:
Ты хотел обидеть горького беднягу,
Так скачи, брат, с моста иль подай сотнягу».
Как ни спорил парень, как он ни бранился,
Всѣ ж таки на сотне с бедным помирился.

Вот домой приходит бедный развеселый.
Уж не будет знаться он с нуждой тяжелой.
Станет жить как люди, голод позабудет
И в миру считаться хуже всех не будет.
А меж тем Шемяка дани поджидает
И к нему за нею парня посылает.
«Что ж, приятель, так-то держишь обещанье?
Что сулил Шемяке ты за оправданье?»
— «Что ж ему сулил я?» — «Три мошны с казною,
В каждой по сотняге». — «Что ты! Бог с тобою!
У меня в мошне той грош не заводился,
А лежал вот камень — им я и грозился;
Коль меня в ту пору он не оправдал бы,
Я вот этим камнем в гроб его вогнал бы».
Как узнал Шемяка о таком ответе,
Отслужил молебен, что живет на свете.

1873

287. ТРУЖЕНИКИ-ДЕТИ

Ночь. В темном подвале, на грязном полу,
В каморке сырой и холодной,
Прижавшись, валяются дети в углу,
Уснув на желудок голодный.
Лежат они тут, на рогожах, мешках,
Вдыхая миазмы подвала;
Не видно кровинки на впалых щеках,
С них юности краска сбежала...
Но крепок их сон после тяжких трудов, —
Ведь им только в нем и отрада:
Во сне им не больно кусанье клопов,
Не слышно трущобного смрада.
Но кто ж эти дети? Зачем они тут?
За что они терпят мученье?
То наш малолетний ремесленный люд, —
Он, видите, отдан в «ученье».
Вот утро настало. Весь дом еще спит,
Но их подмастерье суровый
Давно растолкал и угрюмо следит,
Чтоб все были к делу готовы.
И каждый принялся за труд свой дневной:
Вот мальчик, тщедушный и хилый,
Топор поднимает нетвердой рукой
И рубит дрова через силы.
А вот и другой, посреди мостовой —
По росту почти что ребенок, —
Запрягшись в салазки и скорчась дугой,
Он тащит с водою бочонок;
А вот малолетний работник идет,
Под ношей тяжелой сгибаясь,
Присядет на тумбу, на миг отдохнет
И снова пойдет, задыхаясь.
И все хуже нищих одеты на взгляд:
В халатах иль чуйках дырявых,
С которых обрывки лохмотьев висят,
А ноги — в опорках корявых...
Какую ж дают им награду за труд,
Для них непосильный порою?
Дают им сырой и холодный приют
Да впроголодь кормят бурдою!

И дня одного не проходит притом,
Чтоб не были кем они биты:
Хозяин их «учит» ремянным кнутом,
Их бьет подмастерье сердитый,
Хозяйка и даже кухарка подчас
Запустит в иного поленом...
Скажите, известно ли это у нас
Управы ремесленной членам?

1876

288—290

1

Все тайны монгольских наречий
Недаром открыты ему:
Усвоив монгольские речи,
Монголом он стал по уму.
Монгольской премудрости книгу
Он с целью благой изучил:
По ней он монгольскому игу
Цензурный устав подчинил.

2

Плуты, воры, самодуры!
Успокойтесь, отдохните
От бича литературы:
Вы отныне состоите
Под эгидою цензуры.

3

Блаженной памяти Красовский,
Восстав из гроба, произнес:
Цензурный комитет московский!
В тебя мой дух я перенес!
Прими ж мое ты наставленье:
Чтоб избежать невзгод и бед,
Марай с плеча без сожаленья:
За это замечаний нет!

2-я половина 1870-х годов

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий сборник вошли произведения четырнадцати поэтов 1840—1850-х годов, чье творчество не представлено в Большой серии «Библиотеки поэта» отдельными книгами и не отражено в коллективных сборниках (таких, например, как «Поэты-петрашевцы»). Некоторые произведения Е. П. Ростопчиной, Э. И. Губера, Е. П. Гребенки, Ю. В. Жадовской, Ф. А. Кони, И. И. Панаева были включены в сборник «Поэты 1840—1850-х годов», выпущенный в Малой серии в 1962 году (вступительная статья и общая редакция Б. Я. Бухштаба; подготовка текста, биографические справки и примечания В. С. Киселева). В настоящем издании творчество их представлено полнее. Из других поэтов П. А. Каратыгин, П. А. Федотов, Ф. Б. Миллер, Н. В. Берг представлены в различных выпусках «Библиотеки поэта» лишь отдельными произведениями; стихи И. П. Крестьяева, Н. Д. Хвощинской, Е. Л. Милькеева, М. А. Стаховича в издании «Библиотеки поэта» не входили.

Для создания правильного представления о поэтах, творческий путь которых начался в 1830-е годы (Ростопчина, Губер, Гребенка, Кони, Каратыгин) или продолжался в 1860—1870-е (Каратыгин, Миллер), в сборник включены произведения и этих периодов.

При установлении порядка следования авторов в сборнике принимались во внимание как биографические данные (дата рождения, время начала творческой деятельности, период наибольшей активности), так и жанровые: в особую группу выделены водевилисты (Кони, Каратыгин) и сатирики (Панаев, Федотов), завершают книгу переводчики по преимуществу (Берг, Миллер).

При подготовке настоящего сборника были просмотрены отдельные, прижизненные и посмертные, издания данных поэтов, журналы, альманахи, некоторые газеты за ряд лет, рукописные материалы. Одиннадцать стихотворений, принадлежащих Ростопчиной, Милькееву, Кони, Миллеру, публикуются впервые.

Тексты публикуемых стихотворений сверялись с обнаруженными в архивах рукописями. В результате этой сверки ряд текстов печатается в более полном или измененном, по сравнению с прежними публикациями, виде.

Тексты, как правило, печатаются в последней авторской редакции. Отдельные случаи, когда предпочтение отдается посмертному изданию, главным образом из-за цензурных купюр в прижизненном, оговорены в примечаниях. Произведения, впервые опубликованные

после смерти поэта, печатаются по наиболее авторитетным посмертным изданиям.

Особую трудность представляет выбор текста для произведений Федотова. Большая их часть публиковалась по спискам (автографы, за редкими исключениями, не сохранились), причем публикации и известные нам списки одного произведения часто имеют множество разночтений. В подобных случаях нами выбирался наиболее авторитетный, наиболее исправный из имеющихся текст; явные искажения исправлялись по другим публикациям и спискам; все эти исправления отмечены в примечаниях.

Слова в тексте, заключенные в угловые скобки, являются редакторскими конъектурами. В угловые скобки, кроме того, взяты заглавия и подзаголовки, данные редакцией. Слова, зачеркнутые автором в рукописи, заключаются в квадратные скобки. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Явные опечатки в источниках текста исправляются без оговорок в примечаниях.

Стихотворения каждого автора расположены в хронологическом порядке; недатированные стихотворения помещены в конце. Многие датировки стихотворений уточнены по первым публикациям, автографам, письмам и другим источникам; в необходимых случаях обоснование датировок приведено в примечаниях.

Даты в угловых скобках означают год, не позднее которого, по тем или иным данным, было написано произведение; для водеvilльных куплетов — это нередко год первой постановки водевиля на сцене, для других — год первой публикации или цензурного разрешения издания. Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком.

Подборке стихотворений каждого автора предшествует биографическая справка, где сообщаются основные сведения о жизни и творчестве поэта; приводятся данные о важнейших изданиях его стихотворений. Здесь, как и в примечаниях, использованы, наряду с опубликованными, и рукописные материалы.

В примечаниях после порядкового номера указывается первая публикация, затем, через точку с запятой, последовательные ступени изменения текста (простые перепечатки не отмечаются) и, после точки, источник, по которому печатается текст. Источник текста вводится формулой «Печ. по...»; эта формула носит условный характер, обозначая издание, в котором текст впервые установился. Указание только одной (первой) публикации означает, что текст в дальнейшем не изменялся.

Авторские сборники, часто встречающиеся в примечаниях к стихотворениям одного автора, полностью описаны лишь при первом упоминании, а в дальнейшем даны в сокращении. Описания книг и журналов, часто встречающихся в примечаниях к стихотворениям нескольких авторов, также даны в сокращении (см. список сокращений).

Сведения о музыкальных переложениях произведений нами заимствованы из книги: Г. К. Иванов, Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года), справочник, вып. 1—2, М., 1966—1969; причем приводятся фамилии только сколько-нибудь известных композиторов, остальные даны суммарно, по формуле: «Положено на музыку одним композитором (двумя и т. д. композиторами)».

Сокращения, принятые в примечаниях

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Булгаков — Ф. И. Булгаков, П. А. Федотов и его произведения художественные и литературные, СПб., 1893.

Вольф — А. Вольф, Хроника петербургских театров, ч. 1—3, СПб., 1877—1884.

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ГРМ — Рукописный отдел Государственного Русского музея (Ленинград).

ЕИТ — «Ежегодник императорских театров».

ИВ — «Исторический вестник».

ЛГ — «Литературная газета».

Лещинский — Я. Д. Лещинский, Павел Андреевич Федотов — художник и поэт, Л.—М., 1946.

ЛН — «Литературное наследство».

М — «Москвитянин».

ОЗ — «Отечественные записки».

П — «Пантеон», «Пантеон русского и всех европейских театров».

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.

Ростковский — Ф. Ростковский, История лейб-гвардии Финляндского полка, отд. 2 и 3. 1831—1881, СПб., 1881.

РС — «Русская старина».

С — «Современник».

СО — «Сын отечества».

Сомов — А. И. Сомов, П. А. Федотов, СПб., 1878.

ССНП — (И. И. Панаев), Собрание стихотворений Нового поэта, СПб., 1855.

ТБЛ — Государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского (Ленинград).

«Тетрадь Пушкина» — рукописная тетрадь, содержащая автографы стихотворений Е. П. Ростопчиной, принадлежавшая ранее А. С. Пушкину (ПД).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

ц. р. — цензурное разрешение.

ЦТМ — Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

СТИХОТВОРЕНИЯ

Е. П. РОСТОПЧИНА

1. Стихотворения, 1841, с. 9; М, 1850, № 16 (др. ред.) — в составе 9-й гл. романа в стихах «Поэзия и проза жизни. Дневник девушки». Печ. по Стихотворениям, т. 1, СПб., 1856, с. 19. Автограф,

с надзаг.: «Из романа „Поэзия и проза жизни“», — ГПБ. Положено на музыку М. Ю. Виельгорским, Е. В. Кочубей (отд. изд., вместе с «ответом» на романс — романсом «Скажите ей» на слова Н. А. Долгорукова) и еще тремя композиторами. Подражание стихотворению французской поэтессы Марселины Деборд-Вальмор (1786—1859) «S'il l'avait su!». Впоследствии, во вступлении к циклу «Неизвестный роман» (см. примеч. 21), Ростопчина вспоминала о своем юношеском увлечении творчеством Деборд-Вальмор, «от которой все мы так плакали в свою молодость и после которой уж никто не умел изобразить женское сердце» (Стихотворения, т. 1, изд. 2, 1857, с. 322). *Пашкова* Елизавета Петровна (урожд. Киндякова, ум. 1854) — двоюродная тетка Ростопчиной.

2. Частично (ст. 1—16) — «30 дней», 1938, № 2, с. 96, в статье Вл. Нейштадта «Неизвестные стихи Е. П. Ростопчиной» (по списку, принадлежавшему В. И. Нейштадту; ныне — в ЦГАЛИ). Печ. по кн.: «Поэты 1840—1850-х годов», «Б-ка поэта» (М. с.), 1962, с. 219, где опубликовано полностью по тому же списку. Эпиграф — неточная цитата из послания Пушкина «К Чаадаеву» (1818). *Трехцветный шарф* — деталь формы офицера русской армии в конце XVIII — начале XIX в.

3. «Декабристы. Сборник материалов», Л., 1926, с. 7, под загл. «Послание к страдальцам», без ст. 5—8 и 41—44, с иным порядком строк, с разночтениями (по автографу ГБЛ); «30 дней», 1938, № 2, в статье Вл. Нейштадта «Неизвестные стихи Е. П. Ростопчиной», под загл. «К страдальцам», с эпиграфом: «„Но где, скажи, когда была Без жертв искуплена свобода?“ *Кондратий Рылеев*», без ст. 41—44, с иным порядком строк, с разночтениями (по списку, принадлежавшему В. И. Нейштадту; ныне — в ЦГАЛИ). Впервые печ. по автографу ПД, наиболее полному и самому позднему, с дарственной надписью декабристу кн. С. Г. Волконскому, датированной: «16 января 1856 г., Москва», и авторской пометой: «Москва, май 1831, импровизировано в одну ночь 14-летней девочкой, Евдокией Сушковой». Другой автограф (ГБЛ) — конца 40-х — начала 50-х годов — с дарственной надписью декабристу З. Г. Чернышову «в знак особенного уважения от граф. Евдокии Ростопчиной» Стихотворение посвящено декабристам, сосланным в Сибирь. *России, вспрянувшей от рабственного сна* — перефразированный стих «Россия вспрянет ото сна. . .» из послания Пушкина «К Чаадаеву» (1818).

4. «Утренняя заря, альманах на 1840 год», СПб., с. 119, под загл. «Опыты простонародных мелодий», подпись: Г. Е. Р. . . на; Стихотворения, 1841, с. 46, под загл. «Простонародные песни». Печ. по Стихотворениям, т. 1, с. 67. Положены на музыку: 1-е — тремя композиторами, 2-е — М. Ю. Виельгорским и еще двумя композиторами, 3-е — А. С. Даргомыжским, С. И. Донауровым и еще пятью композиторами. *Петровское* — Петровский парк под Москвой.

5. Стихотворения, 1841, с. 62. Эпиграф — из стих. Н. Ф. Павлова (1803—1864) «К N. N.» («Нет! ты не поняла поэта. . .»).

6. «Московский наблюдатель», 1835, ч. 1, с. 292, подпись: Гр... А. Р.; Стихотворения, 1841. Печ. по Стихотворениям, т. 1, с. 123. Точная дата — по автографу ЦГАЛИ. Эпиграф — из стих. А. И. Тургенева (1781—1803) «Элегия» («Угрюмой осени мертвящая рука...»). А. В. Дружинин писал об этом и нескольких других стихотворениях Ростопчиной: «Во всех этих пьесах вы найдете сильный протест против многих сторон великосветской жизни...» (А. В. Дружинин, Собр. соч., т. 7, СПб., 1865, с. 159). *Село Анна* — родовое поместье мужа Ростопчиной в Воронежской губернии, где поэтесса поселилась после свадьбы и часто подолгу жила в дальнейшем. *Изженет* — изгонит.

7. М., 1854, № 5, с. 6, в подборке «Несколько стихотворений из „Зеленой книги“», с авторским примечанием: «„Зеленая книга“ была рукопись, подаренная автором одной короткой приятельнице, содержащая в себе все неизданные мелкие стихотворения, слишком задушевные для печати; после десяти лет, по случаю смерти ее обладательницы, «Зеленая книга» теперь возвратилась опять в руки автора». Печ. по Стихотворениям, т. 1, с. 137. В «Зеленую книгу», составившую затем раздел 1-го тома Стихотворений 1856, вошли также №№ 8—13. *Паликар* — здесь: албанский воин.

8. М., 1854, № 5, с. 8, в той же подборке, что и предыдущее стихотворение. Печ. по Стихотворениям, т. 1, 1856, с. 143.

9. «Московский наблюдатель», 1835, ч. 4, с. 377, под загл. «Последний цвет», подпись: Гр. А... Р...на; Стихотворения, 1841. Печ. по Стихотворениям, т. 1, 1856, с. 161. Положено на музыку И. И. Геништой. П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 8 февраля 1836 г., полностью приводя это стихотворение, писал: «Каковы стихи? Ты думаешь, Бенедиктова? Могли бы быть Жуковского, Пушкина, Баратынского; уж верно не отказались бы они от них. И неужели сердце твое не забилось радостью Петровского и Чистых Прудов и не узнал ты голоса некогда Додо Сушковой, а ныне графини Ростопчиной?.. Какое глубокое чувство, какая простота и сила в выражении и, между тем, сколько женского!» («Остафьевский архив князей Вяземских», [т.] 3, СПб., 1899, с. 293). В рецензии на сборник 1841 г. Белинский, приводя это стихотворение целиком, отмечал, что оно запечатлено «глубоким чувством... Это, по нашему мнению, лучшее стихотворение в книжке» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 5, М., 1954, с. 459). Эпиграф — неточная цитата из вступ. ст. А. Делатуша к изд. «Oeuvres complètes d'André de Chénier», Paris, 1819, р. XXI. *Андре Шенье* (1762—1794) — французский поэт.

10. Стихотворения, т. 1, 1856, с. 185.

11. Там же, с. 197. *Рессегье* Жюль (1789—1862) — французский поэт и беллетрист.

12. Там же, с. 211.

13. Там же, с. 217. *В своих степях далеко буду я*. Имеется в виду село Анна, куда Ростопчина в начале мая уехала (см. № 14).

14. Там же, с. 223. Эпиграф — неточная цитата из поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» (песнь 1, «Прощальная песнь Чайльд-Гарольда», строфа 9).

15. Стихотворения, 1841, с. 180. Эпиграф — из стих. Гейне «Der Schmetterling ist in die Rose verliebt. . .».

16. С, 1839, т. 14, отд. 6, с. 162 (др. ред.), без посвящения, с эпиграфом: «Es gibt in unserem Leben einige Minuten», подпись: Г—ня Ев. Р—на; Стихотворения, 1841; Стихотворения, т. 1, 1856. Печ. по Стихотворениям, т. 1, изд. 2, СПб., 1857, с. 235. Посылая стихотворение П. А. Плетневу, Ростопчина писала: «„Две встречи“ — истинный рассказ моих двух первых свиданий с Пушкиным, и я обработала эту мысль именно для вас и «Современника», зная, как вам приятно собрать в этом издании всё относящееся к памяти незабвенного» (письмо от 21 декабря 1838 г. — ПД). Первая встреча Ростопчиной с Пушкиным произошла весной 1827 г., во время праздника Пасхи (*Святой недели*). «8 апреля Пушкин был на пасхальном народном гулянье под Новинским, которое устраивалось на обширной площади, там, где позднее был Новинский бульвар (теперь улица Чайковского); „под Новинским“ гулянье называлось по названию монастыря (Иисуса Навина), когда-то находившегося поблизости» (Н. Ашукин, Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина, М., 1949, с. 104). По словам очевидца, «толпы народа ходили за славным певцом Эльборуса и Бахчисарая, при восхищениях с разных сторон: „Укажите! укажите нам его!“» (ИВ, 1899, № 5, с. 753). Вторая встреча, о которой рассказывает Ростопчина, произошла в декабре 1828 г. О ней вспоминает С. Сушков: «В стихотворении «Две встречи» она описала первое свое знакомство с Пушкиным на бале у московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, в первую зиму ее выезда в свет, когда ей было 18 лет; Пушкин так заинтересовался пылкими и восторженными излияниями юной собеседницы, что провел с нею большую часть вечера и после того тотчас познакомился с семейством Пашковых» («Сочинения графини Е. П. Ростопчиной», т. 1, СПб., 1890, с. VIII—IX). Стихотворение посвящено Петру Александровичу Плетневу (1792—1865), поэту и критику, другу Пушкина и издателю в 1838—1846 гг. «Современника». Эпиграф — из сочинений Фридриха Бутервека (1766—1828), немецкого философа, историка литературы, поэта и беллетриста. В посвящении «Памяти Пушкина» (1852) к своим драматическим сценам в стихах «Дочь Дон-Жуана» Ростопчина еще раз, с благодарностью, вспоминала о Пушкине:

Он, наш кумир, он, слава русской славы,
Благословлял на дальний путь меня. . .
Песнь женская была ему забавой,
Как новизна. . . О! не забуду я,
Что Пушкина улыбкой вдохновенной
Был награжден мой простодушный стих. . .

17. «Вчера и сегодня», Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом, кн. 1, СПб., 1845, с. 115, без эпиграфа. Печ. по Стихотворениям, т. 2, СПб., 1856, с. 3. Эпиграф — из поэмы Байрона

«Паломничество Чайльд-Гарольда» (песнь 1, «Прощальная песнь Чайльд-Гарольда», строфа 2). *Село Анна* — см. примеч. 6. *Вороново* — подмосковное имение Ростопчиной, где поэтесса часто и подолгу жила начиная с лета 1840 г.

18. «Памятник искусств и вспомогательных знаний», т. 1, тетрадь 4, СПб., [1841], с. 1 (ц. р. — 27 декабря 1840 г.), без эпитафии, даты и подписи; «Вчера и сегодня», Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом, кн. 1, СПб., 1845. Печ. по Стихотворениям, т. 2, с. 38. *Жозеф Делорм* — псевдоним французского поэта и критика Ш.-О. Сент-Бева (1804—1869). Эпитафия — цитата из его стих. «*A madame Pauline F. . .*».

19. «Русская беседа», т. 2, СПб., 1841, с. 3, где помещено вслед за стих. Лермонтова «Графине Ростопчиной» («Я верю, под одной звездой. . .»). Печ. по Стихотворениям, т. 2, с. 63, с восстановлением правильного чтения ст. 3 по первой публикации. Знакомство Ростопчиной с Лермонтовым состоялось еще в 1830 г. Во время своего последнего приезда в Петербург, в начале 1841 г., поэт почти ежедневно встречался с Ростопчиной; в 1858 г. она вспоминала об этом в своем письме к А. Дюма: «Двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой. . . Мы постоянно встречались и утром и вечером. . . Отпуск его приходил к концу. . . Лермонтову очень не хотелось схать, у него были всякого рода дурные предчувствия. Наконец, около конца апреля или начала мая, мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути. Я из последних пожалала ему руку. . . Во время всего ужина и на прощаньи Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать, старалась смеяться над его казавшимися пустыми предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце» (Е. Сушкова, Записки, Л., 1928, с. 351—353). Впоследствии Ростопчина посвятила памяти Лермонтова два стих. — «Нашим будущим поэтам» и «Пустой альбом». *Заступница родная* — Е. А. Арсеньева (1760—1845), бабушка Лермонтова.

20. Стихотворения, т. 2, с. 105. Заглавие — аллюзия на стих. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840).

21. М, 1848, № 1, с. 31 (ц. р. — 27 декабря 1847 г.), в цикле стихотворений «Неизвестный роман», без подписи. Печ. по Стихотворениям, т. 1, с. 395, с посвящением всего цикла К. П. И. М. По предположению Вл. Ходасевича, посвящение расшифровывается: князю Платону Ивановичу Мещерскому. «„Неизвестный роман“ — вещь, в которой автобиографический смысл представляется несомненным» (Владислав Ходасевич, Графиня Е. П. Ростопчина. — В его кн.: «Статьи о русской поэзии», Пб., 1922, с. 31—32). Датированный автограф — ПД. Цикл написан от имени молодой помещицы З. . .

22. «Северная пчела», 1846, 17 декабря, вместе с четырьмя другими стихотворениями Ростопчиной, без подписи, даты, указания места написания, посвящения и эпитафии, с подзаг.: «Рыцарская баллада», с чтением ст. 29: «С монахом шепчется она» и другими отличиями; «Полярная звезда», 1856, кн. 2, с подписью, под загл.

«Насильственный брак», с незначительными расхождениями с текстом «Северной пчелы», со следующим примечанием, принадлежащим Герцену: «Это стихотворение было напечатано; цензура не догадалась сначала, что «Насильственный брак» превосходно представил Николая и Польшу; потом спохватилась, и «Старый барон» (Николай I) выслал из Петербурга известного автора их» (А. И. Герцен, Собр. соч., т. 12, М., 1957, с. 457). Печ. впервые по автографу (ПД, «Тетрадь Пушкина»), источник эпиграфа неразборчив. Перепечатывалось во многих изданиях вольной печати (см. в сб. «Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1970). Легально — в РС, 1872, № 2. В Стихотворения, тт. 1—4, не вошло. Автографы — ГПБ (с чтением ст. 29: «С ксендзами шепчется она», ст. 79: «Тирану верной быть должна» и с другими изменениями), ЦТМ (под загл. «Насильственный брак» и с другими изменениями), ПД (3 автографа с разночтениями). Сохранилось множество списков, что свидетельствует о большой популярности произведения. Разночтения газетного текста с текстами автографов, в особенности публикуемого, доказывают, что Ростопчина, посылая стихотворение в «Северную пчелу», намеренно исключила из него все явные намеки на Польшу. В Петербурге внимание на стихотворение обратили в начале 1847 г. А. В. Никитенко записывает в своем дневнике: «*Январь 5*. Суматоха и толки в целом городе... Рыцарь барон сетует на жену, что она его не любит и изменяет ему, а она возражает, что и не может любить его, так как он насильственно овладел ею. Кажется, чего невиннее в цензурном отношении? И цензура, и публика сначала поняли так, что графиня Ростопчина говорит о своих собственных отношениях к мужу, которые, как всем известно, неприязненны. Удивляюсь только смелости, с какою она отдавала на суд публике свои семейные дела, и тому, что она связалась с «Северной пчелою». Но теперь оказывается, что барон — Россия, а насильно взятая жена — Польша. Стихи действительно удивительно подходят к отношениям той и другой и, как они очень хороши, то их все твердят наизусть... Кажется, нельзя сомневаться в истинном значении и смысле этих стихов. Булгарина призывали уже к графу Орлову. Цензура ждет грозы. *Январь 11*. Толки о стихотворении графини Ростопчиной не умолкают... Государь был очень недоволен и велел было запретить Булгарину издавать «Пчелу». Но его защитил граф Орлов, объяснив, что Булгарин не понял смысла стихов. Говорят, что на это замечание графа последовал ответ: „Если он (Булгарин) не виноват как поляк, то виноват как дурак!“» (А. В. Никитенко, Дневник, т. 1, [Л.], 1955, с. 299—301). История этого стихотворения подробно описана в статье В. Киселева «Поэтесса и царь» («Русская литература», 1965, № 1, с. 144—156). *Вздувает огонь междоусобья*. Имеется в виду польское восстание 1830—1831 гг., жестоко подавленное царем. *Послал он в ссылку, в заточенье* и т. д. После подавления восстания сотни польских революционеров были отправлены в сибирскую ссылку.

23. «Северная пчела», 1846, 24 декабря, под загл. «Соловью. На голос серенады Шуберта», без эпиграфа и подписи, вместе с двумя другими стихотворениями Ростопчиной, со следующим редак-

ционным примечанием: «Стихотворения того же автора, произведения которого напечатаны в № 284» (имеется в виду стих. «Насильный брак»). Печ. по Стихотворениям, т. 2, с. 183. Автографы — ГБЛ, ПД. Эпиграф — из стих. немецкого писателя Людвиг Релльштаба (1799—1860) «Segeade», положенного на музыку Францем Шубертом (1797—1828). Стихотворение Ростопчиной было положено на музыку А. И. Дюбюком. *Каподимонте* — замок близ Неаполя, резиденция королей.

24. Стихотворения, т. 2, с. 215. Автограф — ПД, с разночтениями и более развернутым посвящением: «Сестре и брату (княгине Любви Петровне Голицыной и графу Николаю Петровичу Апраксину, в память и благодарность данного ими вечера, где пел хор Московских цыган)». Л. П. *Голицына* (1818—1882) и Н. П. *Апраксин* (р. 1815) — знакомые Ростопчиной. В *чужбине, в дни разлуки*. Речь идет о заграничном путешествии Ростопчиной в 1845—1847 гг.

25. М, 1851, № 2, с. 151, с посвящением: «Посвящается графине Е. В. де Салья-Турнемир», без прозаического обращения к графине, с пробелами вместо ст. 26—27, 147—152, 199, 208—210. Печ. по Стихотворениям, т. 2, с. 283, с исправлением ст. 60 и 227 по автографу (ПД) и первой публикации. *Графиня* — Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (псевдоним — Евгения Тур, 1815—1892), русская писательница либерального направления. Эпиграф — из сочинений римского историка Публия Корнелия Тацита (55—120); полностью фраза звучит: «Ave, Caesar! Morituri te salutant!» («Славься, цезарь! Идущие на смерть тебя приветствуют!»); таково было обращение римских гладиаторов к императору перед боем. 1. *Цирк* — здесь в значении: место (в Древнем Риме) для различных состязаний, в том числе и боев гладиаторов. 4. Сюжет о девушке из бедной семьи — невесте богача, ставшей жертвой интриги знатной княжны, — заимствован из повести Евгении Тур «Ошибка» (1849). 5. *Аргус* (греч. миф.) — многоглазый великан, часть его глаз постоянно бодрствовала; в переносном смысле — бдительный страж.

26. Стихотворения, т. 2, с. 277. *Меропа Александровна Новосильцева* (ум. 1880) — подруга Ростопчиной.

27. М, 1852, № 7, с. 271, без подписи, даты, инициалов адресатов и с разночтениями. Печ. по Стихотворениям, т. 2, с. 305. Автографы — ГТМ (др. ред.; опубликовано в кн.: «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.—Л., 1932) и ПД (текст совпадает с публикуемым); в обоих посвящение расшифровано. Островскому стихотворение было послано в сопровождении письма, где поэтесса писала: «Вот вам новинка, внушенная мне намеренным чтением и разговором, перерывшим святыню воспоминаний на дне моего сердца... По принадлежности, это новое вдохновение посвящается вам, моим избранным и верным, сочувствующим всему, что я вам читала и доверяла. Спешу его послать, желательно, чтоб оно поспело еще в «Москвитянин» под прикрытием *Бедной и милой Невесты*; если можно, заставьте старика (Погодина) спустопорожнить мне страничку в 4-м номере, только *без имени моего* и с заглавными буквами

ваших имен; также не нужно выставлять числа; это стихотворенье из таких, которое должно таиться под скромным покровом анонима, и это скорей всех поймет ваша душа, милый друг мой» («Неизданные письма к А. Н. Островскому», с. 495—496). Комедия Островского «Бедная невеста» действительно была опубликована в 4-м номере журнала. *Новым друзьям старые стихотворения* читались Ростопчиной на одной из ее московских «суббот» в доме на Садовой (дом Небольсина), где Ростопчины поселились после возвращения в Россию. Н. В. Берг вспоминал о вечере у М. П. Погодина, где Островский читал комедию «Банкрут», 3 декабря 1849 г.: «Графиня говорила с автором «Банкрута» более, чем с кем-нибудь, и просила его бывать у нее по субботам вечером. Такие же приглашения получили и еще несколько лиц, бывших тогда у Погодина, и сам Погодин. Так возникли «субботы Ростопчиной». . . Завязь кружка составляли: Островский, Мей, Филиппов, Эдельсон. . .» (Н. В. Берг, Гр. Ростопчина в Москве. — ИВ, 1893, № 3, с. 701. См. также: Д. М. Погодин, Воспоминания. — Там же, 1892, № 4, с. 52—53). Расшифровка посвящения: *Островский* Александр Николаевич (1823—1886); *Берг* Николай Васильевич (см. с. 426); *Мей* Лев Александрович (1822—1862), поэт и драматург; *Эдельсон* Евгений Николаевич (1824—1868), критик, — участники «молодой редакции» «Москвитянина».

28. Стихотворения, т. 2, с. 337. Автографы — ГПБ (под загл. «Разлука. Слова для песни») и ПД (под загл. «Слова для песни»). Положено на музыку А. А. Вилламовым и О. Донауровой.

29. Стихотворения, т. 2, с. 339. Автограф — ПД, без авторского примечания и с пометой: «Москва, на Спиридоновке, в доме Рахманова». *Высокосный* (високосный) *год* — по народным поверьям — несчастливый: Касьян немилостивый (день 29 февраля) «высоко косит» — велика смертность людей, падеж скота.

30. П, 1853, № 10, с. 1. Автограф — ПД. Положено на музыку одним композитором. *Валдайский колокольчик* — ямской колокольчик; производство их процветало в уездном городе Валдае Новгородской губ.

31. Печ. впервые, по автографу ПД («Тетрадь Пушкина», где стихотворение, в нарушение хронологической последовательности, обычно соблюдавшейся Ростопчиной, написано на оставшейся под автографом «Насильного брака» части страницы). Стихотворение продолжает тему «Насильного брака» — о взаимоотношениях России с Польшей (см. примеч. 22). Несмотря на заметное поправление политических взглядов Ростопчиной в 50-е годы, она и в это время остается сторонницей освобождения *жены* — Польши из-под власти *мужа* — России.

32. П, 1855, № 3, с. 3. Печ. по Стихотворениям, т. 2, с. 363. Автограф — ПД. *Новосильцева* М. А. — см. примеч. 26. Положено на музыку А. И. Дюбюком, П. И. Чайковским.

33. Стихотворения, т. 2, с. 381. Автограф — ПД. *Голицына Мария Ивановна, княгиня (1819—1881)* — знакомая Ростопчиной. Положено на музыку П. П. Булаховым.

34. Стихотворения, т. 2, с. 409. Датируется по месту автографа (ПД, «Тетрадь Пушкина») между стихотворениями, датированными: 1 января 1855 г. и 12 февраля 1855 г. Положено на музыку Н. Д. Дмитриевым и Ю. А. Капри.

35. Е. П. Ростопчина, Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки. Продолжение комедии Грибоедова «Горе от ума», СПб., 1865, с. 101. Датируется по «Сочинениям графини Е. П. Ростопчиной», т. 1, СПб., 1890, с. XVIII, XXV. Предпринятые при жизни автора попытки напечатать комедию и поставить ее на сцене Александринского театра не увенчались успехом, пьеса не была пропущена цензурой. Действие происходит в Москве, в 1850 г., в доме Фамусова, куда, после 25-летнего отсутствия, вновь приезжает Чацкий и снова встречается с действующими лицами «Горя от ума». Комедия представляет собой памфлет, направленный как против западников, так и против славянофилов. Первых представляют студент Цурмайер и Петров, связанный с «Современником»; вторых — Платон Михайлович Горячев и его жена, вводящая в дом Фамусова Мстислава Кирилловича Элейкина, поэта, идейного вождя славянофилов; прототипом его послужил А. С. Хомяков (1804—1860), поэт, публицист и философ-идеалист, один из идеологов славянофильства. Сближение в 1850 г. со славянофилами к середине 50-х годов сменилось у Ростопчиной разочарованием. Ее письма последних лет содержат резкую критику славянофилов и лично Хомякова. Славянофилы, — пишет она Дружинину 23 апреля 1854 г., — «сочинили нам какую-то мнимую древнюю Русь, к которой они хотят возвратить нас, несмотря на ход времени и просвещения... эти люди убили нам Языкова во цвете лет, удушили его талант под изуверством; эти же люди уходили Гоголя, окормя его лампадным маслом, стеснив его в путях суеверных обрядов запоздалого фанатизма... Хомяков, личный враг мой... давно разглашает о мне разные небылицы, называет меня врагом Руси и православия, западницей, жорж-зандисгкой...» («Письма к А. В. Дружинину. (1850—1863)», М., 1948, с. 268). Вскоре Ростопчина поместила Хомякова в свой «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году» (строфы 8—10):

Вот их вождь и председатель,
Вот святоша Хомяков,
Их певец, пророк, вещатель:
Вечно спорить он готов
Обо всем и без причины,
И, чтоб ум свой показать,
Он сумеет заедино
Рго и сонга поддержать.

Русской старины блюститель,
То он враг англичан,
То пристрастный их хвалитель,
Он за них речист и рьян... .

То, в корнях индийских роясь,
В брамах дедов ищет нам,
Непричесанный и моясь
Редко, с горем пополам! . .

Православья страж в народе,
Крепко держит он посты,
Много пишет о свободе,
Восстает на суеты.
Он о «мерзостях России»
Протрубил во все рога. . .
Говорят, рука витии
Для крестьян его строга!!!

36. Стихотворения, т. 2, с. 473. Печ. с исправлением пунктуации в ст. 1—2 по автографу ПД. *Не сотвори себе кумира* — цитата из Библии (Исход, XX, 4), одна из заповедей бога, записанных на скрижалях Моисеем.

37. Стихотворения, т. 4, СПб., 1859, с. 289, с неверной датой. Датируется по автографу ПД, текст которого полностью совпадает с печатаемым. Эпиграф — неточная цитата из стих. Пушкина «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю. . .»).

38. Там же, с. 323. Автограф — ПД.

Э. И. ГУБЕР

39. «Сборник на 1838 год», СПб., с. 285. Автограф — ПД.

40. СО, 1839, № 1-2, с. 13. Датируется по Стихотворениям, СПб., 1845. Автограф — ПД. Ранняя редакция приведена в Сочинениях, т. 1, СПб., 1859, с. 51—53.

41. С, 1837, т. 5, с. 186, без подписи (в содержании: Губерт). Печ. по Стихотворениям, с. 7. Автограф — ПД. *Денница* — утренняя заря. *Капитолий* — здесь: храм в Древнем Риме, где происходили заседания сената.

42. «Московские ведомости», 1857, 12 ноября, в тексте «Воспоминания об Эдуарде Ивановиче Губере» М. Лонгинова, который писал: «Мне. . . вскоре (после смерти Пушкина) дали прочесть два рукописных стихотворения на смерть Пушкина, ходившие в городе, из которых одно принадлежит Губеру. . . Вот эти стихи, сохранившиеся у меня едва ли не с тех пор. . . Стихи Губера в то время не были напечатаны, потому что событие, внушившее их, было еще слишком свежо и многие весьма понятные отношения препятствовали тогда их обнародованию». Ст. 26—41 вошли с незначительными изменениями в «Посвящение» к переводу «Фауста» («Фауст», сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера, СПб., 1838, с. VIII). *Цевница* — свирель.

43. БдЧ, 1840, № 3-4, с. 12. Печ. по Стихотворениям, с. 26. Автограф — ПД. Стихотворение развивает тему стих. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта. . .»).

44. СО, 1838, № 1-2, с. 143 (ц. р. — 30 декабря 1837 г.). Печ. по Стихотворениям, с. 33, с исправлением неверно указанной здесь даты (1838) по автографу ПД.

45—46. Фауст, сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера, СПб., 1838, с. 41, 167.

1. Из сцены «За городскими воротами». Фауст произносит монолог, обращаясь к Вагнеру.

2. Сцена «Комната Маргариты» (Маргарита за прялкой). Положено на музыку М. И. Глинкой.

47. «Утренняя заря, альманах на 1840 год», СПб., с. 127. Печ. по Стихотворениям, с. 43. Положено на музыку А. Л. Гурилевым и еще тремя композиторами.

48. БдЧ, 1841, № 1-2, с. 95 (ц. р. — 31 декабря 1840 г.). Датировка произведения в Стихотворениях и автографе ПД 1842 г. явно ошибочна; датируется 1840 г. по ц. р. первой публикации.

49. БдЧ, 1840, № 1-2, с. 15, с разночтениями и строкой точек вместо ст. 24. Печ. по Стихотворениям, с. 52. Автограф ПД совпадает с печатаемым текстом. Стихотворение было включено во 2-ю гл. поэмы «Антоний». Положено на музыку двумя композиторами. *Епанча* — старинный широкий плащ. *Ланиты* — щеки. *Под разодранным покровом* — цитата из стих. А. И. Полежаева «Цыганка».

50. Стихотворения, с. 85. Автограф (ПД), с датой: 1842 и чтением ст. 24—28:

О свободных днях.

Русский песне внемлет,
Он ее поймет,
И опять задремлет,
И опять заснет.

Вошло, с незначительными изменениями и чтением ст. 24—28 как в автографе, во 2-ю гл. поэмы «Антоний» (Сочинения, СПб., 1859, т. 1). Включение стихотворения в сб. «Всемирная Илиада». Опыт исторической хрестоматии, составитель Е. М. Жданов (СПб., 1886) послужило одной из причин цензурного запрещения и уничтожения этого сборника (ЦГИА, ф. 777, оп. 3, ед. хр. 94). Входило в подпольные сборники революционных песен (напр., в сб. «Песни свободы», 1905). Положено на музыку О. И. Дютшем и тремя другими композиторами.

51. «Утренняя заря, альманах на 1841 год», СПб., с. 206 (ц. р. — 30 октября 1840 г.). Печ. по Стихотворениям, с. 58. Автограф — ПД. *Где твой Рим?* Подразумевается падение Римской империи, разгромленной варварами. *Рамена* — плечи.

52. БдЧ, 1842, № 7-8, с. 7. Датируется по Стихотворениям. Автограф — ПД. Положено на музыку А. Е. Варламовым и еще четырьмя композиторами.

53. «Дагерротип», тетрадь 1, СПб., 1842, с. 3. Автограф — ПД. Положено на музыку А. Л. Гурилевым и еще семью композиторами.

54. БдЧ, 1842, № 5-6, с. 75. В Стихотворения не вошло. Положено на музыку А. С. Даргомыжским и еще тремя композиторами. Ср. ст. 11—12 со ст. 11—12 из стих. Лермонтова «К*» («Я не унижусь пред тобою...», 1832; впервые, неполно, опубликовано в 1859 г.) — «И целый мир возненавидел, Чтобы тебя любить сильней».

55. Стихотворения, с. 82. Автограф — ПД.

56. Там же, с. 83. Автограф — ПД. Объясняя причину возникновения этого и двух других стихотворений Губера («Молитва», 1839 и «Одиночество», 1840), О. И. Сенковский писал: «Постоянная бессонница уже в 1839 году была его постоянным недугом. Он проводил ночи в изнурительном бдении, то сидя в креслах, то расхаживая по комнате, и засыпал часа на два — на три, не иначе как после совершенного телесного изнеможения. Эти мучения, это ужасное ночное одиночество, нередко наполненное беспорядочными видениями, следствием сильного волнения крови, несколько раз изображал он глубокими и мрачными чертами, и молитвой его был печальный стон о послании единственного блага земного, сна... Это... стихотворение написано в 1842 году: поэт уже чувствовал постепенное разрушение действием тлетворного недуга своего редкого таланта...» (БдЧ, 1847, № 5-6, отд. 6, с. 19, 21).

57. БдЧ, 1843, № 5-6, с. 10. Датируется по Стихотворениям. Автограф — ПД. Положено на музыку А. С. Танеевым и двумя другими композиторами.

58. «Молодик на 1844 год», СПб., с. 103. Печ. по Стихотворениям, с. 97. Автограф — ПД. *Благая часть* — здесь: лучшая доля.

59. Стихотворения, с. 101, с цензурным изъятием строф 5, 9 и 11, замененных строками точек. Печ. по кн.: «Поэты 1840—1850-х годов», «Б-ка поэта» (М. с.), 1962, с. 182, где впервые опубликовано полностью по автографу ПД.

60. Стихотворения, с. 106. Автограф — ПД. Перекликается со стих. Лермонтова «Дума» («Печально я гляжу на наше поколенье!...»). Ср. в особенности ст. 29—32, перефразирующие следующие лермонтовские строки:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.

61. Стихотворения, с. 108. Печ. по сб. «Новоселье», ч. 3, СПб., 1846, с. 141. Автограф — ПД. Вероятно, здесь подразумевается друг

Губера последних лет его жизни — 17-летний кн. Д. П. Салтыков, которому посвящено в том же году написанное стих. «Князю Д. П. Салтыкову» («У гроба близкого я весело гляжу...»).

62. Стихотворения, с. 110. Автограф — ПД.

63. «Иллюстрация», 1847, № 5, с. 72 — отрывки из 1-й части; там же, № 8, с. 22 — отрывки из 2-й части (в обоих случаях — без загл., подписи, указания действующих лиц и ремарок и с беспорядочным расположением фрагментов). Печ. по «Русской мысли», 1883, № 1, с. 1 (где поэма впервые опубликована полностью по авторизованному списку П. А. Висковатовым) с исправлением мелких искажений по автографу ПД. Попытки напечатать поэму целиком, предпринимавшиеся неоднократно, долгие годы были безуспешны. Так, О. И. Сенковский, намеревавшийся опубликовать ее в БдЧ, не получил цензурного разрешения. Поэма, предназначенная для включения в «Сочинения» Губера, была представлена в петербургский цензурный комитет. В своем докладе от 2 октября 1858 г. цензор В. Н. Бекетов писал: «В пропуск их (имеются в виду обе части «Прометей», ошибочно принятые цензором за два отдельных стихотворения) к печати я несколько затрудняюсь, ибо под мифологическим в этих обоих стихотворениях изложением можно понимать и христианские понятия о сотворении мира, власти бога и значении вообще человека». Петербургский цензурный комитет, «не признавая себя вправе одобрить эти стихотворения», передал поэму в Главное управление цензуры, которое определило: «К печатанию сих стихотворений не дозволять» (ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 135). А. Г. Тихменев, намекая на это цензурное запрещение, писал в «Биографическом очерке»: «К печатанию, по не зависящим от нас обстоятельствам, она не была напечатана в нашем издании... Есть в ней стихи, поражающие своей внутренней силой и энергией образа» (Э. И. Губер, Сочинения, т. 3, 1860, с. 316). В основе поэмы лежит один из популярнейших древнегреческих мифов. *Прометей* (греч.: провидец) — один из титанов, богоборец и защитник людей. Губер использовал, кроме того, одну из версий легенды, по которой Прометей сотворил людей. Легенда о Прометее с древнейших времен привлекала писателей, поэтов, композиторов, художников. Прометею посвящена трилогия Эсхила (до нас дошла лишь одна ее часть — трагедия «Скованный Прометей»); о нем писали: Кальдерон, Вольтер, Гердер, Гете. Свободолюбивая суть образа Прометеея, бесстрашная борьба с тираном Зевсом сделали его в XIX в. героем произведений Байрона, Э. Кине, Шелли, в России — Рылеева, Огарева, Щербины. *В темной области гробов*. Ср. № 40, ст. 2.

64. Сочинения, т. 1, с. 188. Печ. с исправлением ст. 25 по беловому датированному автографу ПД; там же — второй, черновой автограф.

65. «Искра», 1859, № 3, с. 1, без ст. 8, замсненного точками. Печ. по Сочинениям, т. 1, с. 183, где опубликовано полностью, с восстановлением правильного чтения в ст. 6, 8, 13 по автографу ПД. Датируется 1845 г. по месту автографа на одном листе с черновым

автографом стих. № 64 («Странный дом», 1845); №№ 66—68, записанные на том же листе грубой оберточной бумаги, что свидетельствует о близости времени их написания, — также датируются нами 1845 г.

66. «Искра», 1859, № 3, с. 1, с иным чтением ст. 4, 11, 42 и пропуском ст. 29—31, замененных строками точек. Полностью печ. впервые, по автографу ПД. Датировка — см. примеч. 65.

67. Сочинения, т. 1, с. 186. Автограф — ПД. Датировка — см. примеч. 65.

68. Там же, с. 184. Печ. по автографу ПД. Датировка — см. примеч. 65. В Сочинениях напечатано с продолжением из 8 стихов, которые, хотя и находятся в автографе ниже ст. 20, но — после некоторого пробела и, вернее всего, являются недоконченной попыткой переделки стихотворения. Приводим эти стихи здесь:

Вдали замирают
Живые, весенние звуки
И в грудь западают,
Как грустные песни разлуки.

Как стражи ночные,
Качаются старые ели,
И степи родные
В туманной дали зашумели.

69. Сочинения, т. 3, СПб., 1860, с. 335, б. г., со следующим пояснением А. Г. Тихменева: «„Современник“, переходивший тогда в руки гг. Некрасова и Панаева, получил от него (Губера) стихотворение, предназначенное в первую книжку «Современника» за 1847 год (ц. р. журнала № 1 за этот год — 30 декабря 1846 г.). По не зависевшим от редакции обстоятельствам, оно тогда не было напечатано (т. е. было запрещено цензурой), а затем затерялось в бумагах. Только по выходе в свет первых двух томов нашего издания мы получили это стихотворение от Н. А. Некрасова. Спешим передать его читателям здесь, так как оно уже не может войти в ряд с прочими мелкими стихотворениями Губера, которые все помещены в первом томе нашего издания» (с. 334—335).

70. Сочинения, т. 1, с. 179. Автограф — ПД.

Е. П. ГРЕБЕНКА

Стихотворения Гребенки, как правило, лишены авторской датировки. Стихотворения 71—82 датируются нами годом первой публикации (или ц. р.) в отличие от предыдущих изданий, где год опубликования стихотворений часто принимался за год их написания (как напр., в изд.: Євген Гребінка, Твори в п'яти томах, т. 1, Київ, 1957).

71. «Альманах на 1838 год», СПб., с. 311 (ц. р. — 17 декабря 1837 г.). Положено на музыку двумя композиторами; вошло в народный песенный репертуар. В основе стихотворения — украинские народные песни.

72. ОЗ, 1839, № 2-3, отд. 3, с. 140. *Коханка* — возлюбленная.

73. ОЗ, 1839, № 8-9, отд. 3, с. 165.

74. ОЗ, 1839, № 12, отд. 3, с. 176. Стихотворение посвящено эпизоду из истории борьбы Молдавии под руководством господаря *Иоанна Лютото* (ум. 1574) против турецкого гнета, когда на помощь Молдавии прибыл отряд запорожских казаков во главе с гетманом *Свирговским* (прав. — Свэрчовским). Турецкие войска были разгромлены в нескольких сражениях объединенными молдавско-казацкими силами. *Бунчук* — символ власти украинских гетманов и атаманов, длинная трость с шаром, под которым крепились волосы из конского хвоста.

75. ОЗ, 1841, № 11-12, отд. 3, с. 65. Положено на музыку А. М. Ларме и еще одним композитором; вошло в народный песенный репертуар (ст. 1 чаще поется: «Помню, я еще молодушка была...»).

76. «Русская беседа», т. 2, СПб., 1841, б/с. Положено на музыку А. А. Алябьевым и еще одним композитором. Включалось в песенники. *Кивер* — форменный головной убор из твердой кожи.

77. ЛГ, 1843, 17 января, с. 54. Положенное на музыку, стало популярным «цыганским» романсом.

78—81. 1. СО, 1837, ч. 185, с. 129, как отдельное стихотворение, под загл. «Песнь казаков», с дополнительной строфой после ст. 12 и другими разночтениями. Печ. по БдЧ, 1843, № 2, с. 170, где, под загл. «Песня», входит в состав гл. 3 поэмы «Богдан. Сцены из жизни малороссийского гетмана Зиновия Хмельницкого». *Курень* — здесь: отдельная часть запорожского войска. *Кошевой* — войсковой атаман в Запорожской Сечи.

2. БдЧ, 1843, № 2, с. 179, где входит в качестве гл. 6 в состав поэмы «Богдан...». В основу положено событие, относящееся к началу освободительной борьбы украинского народа под руководством гетмана Зиновия Богдана Хмельницкого (ок. 1595—1657) против шляхетской Польши (1648—1654) и случившееся в апреле 1648 г. у Каменного Затона на Днепре. Есаул украинского казачьего реестрового войска Иван *Барабаш*, сторонник польского шляхетского правительства, был послан с войском против отряда Хмельницкого; отказавшись перейти на сторону повстанцев, был казнен казаками. «*История руссов, или Малой России*» — рукописная летопись, велась в Могилевском монастыре «с древнейших времен по 1768 год»; была частично использована Д. Н. *Бантыш-Каменским* (1788—1850) в его четырехтомной «*Истории Малой России*» (у Гребенки — «*История Малороссии*»). Здесь — ссылка на 1-й том этого труда

(изд. 2, М., 1830). *Налой* (аналой) — столик для икон и для книг, читаемых во время церковных служб.

3. П, 1841, № 1, отд. 2, с. 38, в составе «отрывка из поэмы „Богдан Хмельницкий“». Печ. по БдЧ, 1843, № 2, с. 194, где вошло в состав гл. 9 поэмы «Богдан...». *Пирятин*, *Лубны* — небольшие города на Полтавщине вблизи друг от друга; находились в районе казацких войн.

4. ЛГ, 1841, 30 января, под загл. «Песня бандуриста», с примечанием: «Из поэмы „Гетман Хмельницкий“». Печ. по БдЧ, 1843, № 2, с. 203, где вошло в эпилог «Осьмое января 1654 года» поэмы «Богдан...».

82. С, 1844, № 7-9, с. 106.

83. «Метеор, на 1845 год», СПб., с. 111.

84. «Модный магазин», 1862, № 11, с. 237, с надзаг. «Посмертное стихотворение Е. П. Гребенки» и с редакционным примечанием: «Стихотворение это доставлено нам Н. В. Гербелем и появляется здесь в первый раз».

Е. Л. МИЛЬКЕЕВ

Датировка в публикациях и известных нам автографах стихотворений Милькеева, как правило, отсутствует. Стихотворения 85—93 датируются нами годом ц. р. сборника.

85. Е. Милькеев, Стихотворения, М., 1843, с. 56 (ц. р. — 28 июня 1842 г.). Автограф — ПД.

86—88. Там же, с. 77, 118, 122.

89. Там же, с. 127. Написано, вероятно, под впечатлением пребывания поэта в Петербурге. *Вавилон* — здесь: синоним большого города, полного соблазнов, пышной роскоши и кричащих противоречий. *Поднял ты с земли дубравы И висеть заставил их*. Речь идет о «садах Семирамиды» — висячих садах, сооруженных в древнем Вавилоне. *Слепос столпотворенье*. Имеется в виду библейская легенда о сооружении в древнем Вавилоне башни с целью добраться до бога; башня осталась недостроенной, так как разгневанный бог смешал языки людей и те перестали понимать друг друга.

90. Там же, с. 130.

91. Там же, с. 132. *Пифон* (греч. миф.) — громадный змей, обитавший возле г. Дельфы; был убит Аполлоном.

92. Там же, с. 144. Два автографа (ранние редакции), один из них под загл. «Бури и страсти», — ПД. *Борей* — северный холодный ветер. *Твердь* — небо.

93. Там же, с. 147.

94. Печ. впервые, по автографу ПД (там же — еще два автографа).

95. Печ. впервые, по автографу ПД. В ст. 6 нарушена рифма; возможно, что «кафтан» — описка и следует читать «халат». *Чамбары* (или чембары) — просторные шаровары, кожаные или холщовые.

96. Печ. впервые, по автографу ПД (там же — второй автограф с неполным текстом).

И. П. КРЕШЕВ

97. СО, 1842, № 6, отд. 3, с. 4. Эпиграф — из стих. В. Гюго «La statue» (1837). *Сильван* (римск. миф.) — бог лесов, полей и стад. *Лидийские берега* — берега Лидии, древнего государства в Малой Азии; царь Лидии Крез обладал несметными богатствами. *Лукулловы чертоги*. Лукулл Люций Лициний (106—56 до н. э.), римский консул, владел огромными богатствами. *Сидонские хрустали*. Сидон, один из крупнейших древнефиникийских городов, славился ремеслами, в том числе производством различных изделий из хрусталя. *Квириты* — полноправные римские граждане. *Амфора* — большой узкогорлый сосуд. *Кошиница* — плетеная корзина с расширяющимся верхом. *Алоэ* (столетник) — растение с толстыми мясистыми листьями; сок его применялся в красильном деле. *Багряница* — царское одеяние, плащ из дорогой ткани багряного цвета.

98. БдЧ, 1842, № 12, с. 74. *Пастух Бион* — Бион Смирнский (II в. до н. э.), греческий поэт, представитель буколической (пастушеской) поэзии.

99. СО, 1842, № 9, отд. 3, с. 6. Перевод стих. английского поэта Томаса Мура (1779—1852) «'Tis the last rose of summer».

100. БдЧ, 1843, № 3, с. 11. Перевод стихотворения Андре Шенье (см. примеч. 9) «Je sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre...». *Акант* — южное растение с крупными листьями.

101—102. БдЧ, 1844, № 12, с. 81, 84.

103. БдЧ, 1845, № 1, с. 14 (ц. р. — 1 января 1845 г.). Перевод оды римского поэта Горация (65—8 до н. э.) из кн. 2 (11) (ст. 1—8 Крешевым не переведены). *Амбра* — здесь: благовонная растительная смола. *Сок Фалерна* — фалернское вино, по названию области в италийской провинции Кампанья. *Лидия* — героиня нескольких од Горация, римская куртизанка; вероятно, имя вымышленное.

104. ЛГ, 1845, 20 декабря. *Лидия* — здесь: идущее от Горация (см. примеч. 103) имя красавицы, ставшее нарицательным. *Мирт* — вечнозеленое дерево с душистыми цветами; считался посвященным Афродите и служил символом любви. *Каприфолый* (каприфоль) —

вьющийся кустарник с душистыми цветами. *Пактола* (Пактол) — река в древнем государстве Лидии (см. примеч. 97); имела, по преданию, золотоносное дно.

105. Там же.

106. «Вчера и сегодня», Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом, кн. 2, СПб., 1846, с. 70. *Лорелея* — героиня подсказанных рейнским пейзажем (скалой Лур-лей) немецких легенд, послуживших основой для стихотворений немецких романтиков — Brentano, Гейне, Зимрока, Эйхендорфа и др. Крешевская трактовка близка балладе Кл. Brentano «Лорелея» (1801), где героиня, покоряющая всех своей красотой, страдает от холодности любимого ею и с отчаяния бросается в Рейн.

107. «Репертуар и пантеон театров», 1847, № 1, с. 159. Перевод стих. немецкого поэта Георга *Гервега* (1817—1875) «Strophen aus der Fremde», 2 («Ich möchte hingehn wie das Abendrot...»). Ст. 17 — аллюзия на ст. 38 из стих. Лермонтова «Дума» (1838) — «Над миром мы пройдем без шума и следа»; это придает крешевскому переводу также значение отклика на стихотворение Лермонтова.

108. Там же, с. 160. Перевод стихотворения немецкого поэта Фридриха *Рюккерта* (1788—1866).

109—111. 1. СО, 1857, № 6, с. 129. Перевод стихотворения Горация (см. примеч. 103) из кн. Эподы (2). *Форум* — в Древнем Риме площадь для народных собраний, суда и ярмарки. *Приап* (римск. миф.) — бог садов и плодородия. *Сильван* — см. примеч. 97. *Сабиньянка*, *апулянка* — жительницы Сабинии и Апулии, областей в древней Италии. *Лукрин* — Лукринское озеро в провинции Кампанья. *Проскурняк* (или просвирик) — растение семейства мальвовых с розовыми цветами. *Термин* (римск. миф.) — бог границ. *Лары* — божества домашнего очага у римлян. *Иды* — середина месяца. *Через две недели*. Имеются в виду календы — начало месяца. Иды и календы — обычные в Древнем Риме сроки ростовщических операций.

2. СО, 1857, № 9, с. 201. Перевод оды Горация из кн. 1 (9). Другой, более ранний крешевский перевод этой оды («Смотри: глубоком снегом засыпанный...») — БдЧ, 1844, № 7. *Талиарх* (лат. «распорядитель пира») — вымышленное имя юноши. *Соракт* — гора в Средней Италии. *Диота* — сосуд для вина. *Сабинское вино* производилось в Сабинской провинции, в которой находилось и имение Горация — Сабина. *Поле Марсово* — поле за стенами Рима, где происходили гимнастические и конные состязания и народные собрания для выборов должностных лиц.

3. СО, 1857, № 18, с. 409. Перевод оды Горация из кн. 2 (8). И. П. Помяловский писал об этом переводе: «По близости к подлиннику... по выдержанности тона, по легкости и гармонии стиха перевод на далеко оставляет за собою переводы предшественников» («Отчет о присуждении Пушкинской премии в 1884 году», СПб., 1884, с. 12).

112. М, 1853, № 15, с. 108. *Пальна* — село в Елецком уезде Орловской губернии, имение Стаховича. *Скрыня крупчатки* — часть запруды перед мельничной плотиной; крупчатка — здесь: крупчатая (изготавливающая пшеничную муку тонкого помола) мельница. *Вебер* К.-М. (1786—1826) — немецкий композитор. *Каналетто* (настоящее имя — Антонио Канале, 1697—1768) — итальянский живописец-пейзажист. См. пародию И. И. Панаева на это и следующее стихотворения — № 243.

113. М, 1853, № 19, с. 161. *Двойная земля* — пахотная земля, разделенная на озимые и яровые поля. *Свора* — здесь: ремень, на котором водят борзых собак; *смычок* — веревка, которой связывают собак попарно, отправляясь на охоту. *Поле кончивши* — здесь: окончив охоту. Ср. тему осенней охоты у Пушкина — в поэме «Граф Нулин», 1825 (ст. 1—4, 21—30) и в стих. «Осень (Отрывок)», 1833. См. пародию И. И. Панаева на это и предыдущее стихотворения — № 243.

114. М, 1854, № 8, отд. 8, с. 137, в составе «Зимней сцены (из русского быта)» «Изба». Отд. изд. пьесы (СПб., 1860) — под загл. «Святки» (переименование принадлежало цензору И. Л. Нордстрему,шедшему заглавие «Изба» «тривиальным»). — См.: А. А. Стахович, Ключки воспоминаний, М., 1904, с. 33). Песню исполняет молодой ямщик *Алеха*, влюбленный в крестьянскую девушку Груню. *Одонье* — небольшая скирда из снопов необмолоченного хлеба.

115. М, 1854, № 6, с. 57. *Изволок* — некрутой длинный подъем. *Гуж* — кожаная петля на хомуте для крепления оглобли к упряжи. *Постройка* — ремень или веревка, соединяющая валёк (толстую палку у передка повозки) с хомутом. *Череп* — здесь: ледяной слой под снегом или по насту. *Зажора* — вода подо льдом или снегом при таянии.

116. Там же, с. 61.

117. Там же, с. 62. *Кура́* — поэмка. *Закута* (или закут) — хлев для мелкого скота; кладовая, чулан в избе.

118. М, 1855, № 3, с. 17, в составе «Летней сцены (из русского быта)» «Ночное». Пьеса была поставлена на московской и петербургской сценах, где (по статистике за 1855—1881 гг.) занимала одно из первых мест по количеству спектаклей. Песню исполняет пастух *Ваня*.

119. М, 1855, № 6, с. 3. Конъектура в ст. 31 введена нами на месте пропуска.

120. С, 1855, № 6, с. 220. Перевод стих. Гете «Nähe des Geliebten».

121. «Русская беседа», 1856, № 1, с. 11.

122. М, 1856, № 5, с. 1 — гл. 1, под загл. «Аксюта. Стихотворная повесть. Глава 1-я». Печ. по изд.: М. А. Стахович, Былое. Стихотвор-

ная повесть, гл. 1-я и 2-я, М., 1858. Поэма не была завершена. Две известные нам главы являются лишь ее завязкой; дальнейшее повествование, несомненно, должно было быть посвящено встрече и любовной истории главных героев — крестьянской девушки Аксюты и молодого помещика Соснова. Также не вызывает сомнения автобиографическая основа произведения. Так, в качестве прототипа Кирилы можно указать бурмистра Ивана Мокринского, впоследствии убийцу Стаховича, Аксюты — племянницу бурмистра, любовницу Стаховича. Впрочем, Мокринский не обладал достоинствами героя поэмы Кирилы; он использовал связь своей племянницы с барином в целях личной наживы и за счет этого разбогател. В основе 2-й гл. лежат воспоминания Стаховича о его жизни в Москве, в пору студенчества, в конце 30-х годов.

Гл. первая. Строфа 1. *Прасол* — оптовый скупщик скота и мяса для перепродажи. Строфа 7. *Зипун* — крестьянский кафтан из грубого толстого сукна. Строфа 8. *По всем крестинам занимал На вышках он любое место* — т. е. занимал одно из почетных мест. Строфа 10. *Кузнецкий мост* — улица модных лавок в центре Москвы. Строфа 11. *Святки* — праздничное время от рождения до крещения. Строфа 12. *В честь столь любимого романа* — т. е. «Евгения Онегина». *День приходился Полухлебки*. Полухлебка — простонародное наименование дня преподобной Аксиньи (24 февраля), связанное с тем, что в закромах к этому времени оставалась половина от запасенного в урожай хлеба. Строфа 15. *«Вперед, вперед, моя история!»* — цитата из романа «Евгений Онегин» (гл. 6, строфа 4). Строфа 16. *Половень* — сарай для хранения половы (мякины). Строфа 25. *Прядет волну* — т. е. овечью шерсть.

Гл. вторая. Строфа 1. *Впервые Мочалов Гамлета играл!* «Гамлет» в переводе Н. А. Полевого впервые был поставлен на сцене Московского (Малого) театра 22 января 1837 г. П. С. Мочалов (1800—1848), ярчайший представитель прогрессивного романтизма в русском театре 2-й четверти XIX в., утвердил демократическое направление на русской сцене; игра его, отличаясь естественностью, отказом от канонов классицизма, пользовалась огромным успехом у демократического московского зрителя. Гамлет стал одним из значительнейших образов, созданных актером. *Пока не выведет Гамлет Братоубийственной измены*. Клавдий в «Гамлете» сделался королем, убив короля Дании — своего брата и отца Гамлета — и женившись на его вдове Гертруде. *Как зверь подстреленный вскочил И смехом кровь заледенил*. Имеется в виду эпизод, начинающийся словами Гамлета, убедившегося, что Клавдий — убийца его отца: «Оленя ранили стрелой. . .» (д. 3, явл. 3). Белинский, присутствовавший на первом (как и герой поэмы и, безусловно, ее автор) и многих последующих представлениях «Гамлета», сходно описал этот момент в исполнении Мочалова: «Вдруг Мочалов одним львиным прыжком, подобно молнии, с скамеечки перелетает на середину сцены и, затопавши ногами и замахавши руками, оглашает театр взрывом адского хохота. . . если бы, по данному мановению, вылетел дружный хохот из тысячи грудей, слившихся в одну грудь, — и тот показался бы смехом слабого дитяти в сравнении с этим ненстовым, громовым, оцепеняющим хохотом. . .» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1953, с. 321—322). Строфа 5. *Тик* Людвиг (1773—1853) — немецкий писатель-романтик.

Шлегель — имеется в виду Август Вильгельм Шлегель (1767—1845), немецкий критик, теоретик романтизма; ему принадлежит перевод семнадцати трагедий Шекспира, а также курс «О драматическом искусстве и литературе», где центральное место занимает истолкование творчества Шекспира. Строфа 6. *Не он ли начал с Полиника*. Первой ролью, сыгранной Мочаловым на сцене, была роль Полиника в трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах»; дебют состоялся в 1817 г. и прошел с большим успехом. *Он был и Фердинанд, и Мор*. Речь идет об исполнении Мочаловым ролей в драмах Шиллера — Фердинанда в «Коварстве и любви» и Карла Моора в «Разбойниках». Строфа 7. *Чуйка* — длинный суконный кафтан. *Лисьи шубы* носили обычно купцы. *Им до Гамлета дела нет, Как и Гамлету до Гекубы*. Имеется в виду следующий монолог Гамлета (из 2-го действия):

Комедиянт, наемщик жалкий, и в дурных стихах,
 Мне выражая страсти, плачет и бледнеет,
 Дрожит, трепещет... Отчего?
 И что причина? Выдумка пустая,
 Какая-то Гекуба!

Что ж ему Гекуба?
 Зачем он делит слезы, чувства с нею?
 Что, если б страсти он имел причину,
 Какую я имею?..

Гекуба — в «Илиаде» Гомера — жена троянского царя Приама, мать Гектора; после гибели Трои, потеряв детей, бросилась в море. Образ вошел в классическую литературу как выражение беспредельной скорби и отчаяния. Строфа 10. *Дом Полторацкого*. С. Д. Полторацкий (1803—1884) — библиограф и библиофил, знакомый Пушкина. Вероятно, здесь речь идет об огромном доме Полторацкого на Б. Калужской ул., № 14. *Грустил невступно в тридцать лет!* Аллюзия на стих из романа «Евгений Онегин» «Ужель мне скоро тридцать лет?» (гл. 6, строфа 44). Строфа 12. *Полежаевское племя Гуляк талантливых, лихих* и т. д. Имеется в виду поэма А. И. Полежаева (1804 или 1805—1835) «Сашка» (1825), в иронической манере изображающая буйный разгул кружка московских студентов. Стахович здесь говорит о студентах начала 1820-х годов. *Трактир «железный»* — трактир вблизи Московского (Малого) театра, называвшийся «Над железным» (позднее — трактир Тестова); посещался актерами, студентами. *«Пунш хлестал»* — неточно процитированные слова из «Сашки» Полежаева; вероятно, имеется в виду один из следующих стихов: «Кричит... Пунш плещет, брызжет пиво» (гл. 1, строфа 11) или «Возись! Пунш плещет, брызжет пиво» (гл. 1, строфа 30). Строфа 13. *Шесть пар разбавивши водою*. «Пара чаю» — счетная единица порций чая в трактире: подавались два чайника — с кипятком и заваркой. Строфа 15. *Сениор* — здесь: предводитель студенческой компании (по образцу германских университетов, где так назывался выбиравшийся студентами глава студенческого землячества). Строфа 16. *Гегель В.-Ф.* (1770—1831) — крупнейший немецкий философ-идеалист; конец 30-х — начало 40-х годов — время сильного увлечения студентов Московского университета философией Гегеля. Строфа 17. 10 строк точек на месте ст. 1—10, вероятно, цензурное изъятие. Строфа 20.

Сводчик — посредник при финансовых сделках. *Фризовая шинель* — см. примеч. 175. *Съютить* — соединить, совершить сделку. Строчка 21. *Запродажа* — предварительное условие, заключаемое о продаже чего-либо.

123. «Московский вестник», 1860, 13 февраля, с редакционным примечанием: «Эти стихи принадлежат покойному М. А. Стаховичу и доставлены нам его братом» (А. А. Стаховичем). Конъектура в ст. 12 введена нами на месте испорченного окончания стиха (в газетном тексте: «пополз»). *Курá* — поэмка. *Пополоз* (от местного глагола «полóзить») — пополз.

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ

124. ЛГ, 1848, 29 января.

125. ЛГ, 1848, 9 декабря, без загл. и 9-й строфы, замененной строками точек. Печ. по М, 1853, № 3, с. 249, где опубликовано без подписи (в содержании подпись: Х.). Датированный автограф — ПД. *Редова* — чешский народный танец; танцевался на балах.

126. «Сборник лучших произведений русской поэзии». Изд. Н. Щербины, СПб., 1858, с. 401 (ц. р. — 2 декабря 1857 г.), с чтением ст. 11—12: «Мы говорим: ужель мечтанья Всё, что признали мы душой?», ст. 14: «Не благо ль то, что свершено?» и вариантами др. строк. Печ. по ИВ, 1890, № 6, с. 556, где опубликовано (вместе с № 127) в тексте воспоминаний В. Р. Зотова «Петербург в сороковых годах» по автографу, полученному Зотовым от автора в конце 1849 г. Текст данной публикации предпочтен нами первому как более авторитетный и более качественный. Стихотворение, как и следующее, навеяно французской резолюцией 1848 г. и ее поражением.

127. ИВ, 1890, № 6, с. 556, в тексте воспоминаний В. Р. Зотова (см. примеч. 126). Печ. с нашей конъектурой в ст. 15 на месте отсутствующего, вероятно по цензурным условиям, окончания стиха. *Свобода, равенство и братство!* — лозунг французской революции 1848 г.

128. «Заздравный фиал. Альманах на 1852 год», СПб., с. 7 (ц. р. — 2 октября 1851 г.).

129—130. ОЗ, 1852, № 8, с. 316, 317.

131. Там же, с. 317. Печ. по «Сборнику лучших произведений русской поэзии». Изд. Н. Щербины, с. 400.

132. П, 1853, № 6, с. 125.

133. П, 1854, № 1, с. 1.

134. П, 1856, № 3, с. 4.

135. «Сборник лучших произведений русской поэзии». Изд. Н. Щербины, с. 398. Датируется годом ц. р. сборника (см. примеч. 126).

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

Стихотворения Жадовской, кроме №№ 136—138, 142 (см. соответствующие примечания), датированы нами по оглавлению Стихотворений, СПб., 1858.

136—137. М, 1843, № 12, с. 288, подпись: Ю. Ж—ая. В оглавлении Стихотворений, 1858 ошибочно датированы 1-е — 1847-м, 2-е — 1845-м г.; датируются по первой публикации.

138. А. Е. Варламов (Отд. изд. с нотами), СПб., (ц. р. — 1844 г.). Печ. по Стихотворениям, СПб., 1846, с. 17. Автограф — ПД. Положено на музыку А. Е. Варламовым, М. И. Глинкой, А. С. Даргомыжским, А. И. Дюбюком и еще шестью композиторами.

139—141. Стихотворения, 1846, с. 6, 9, 23.

142. Там же, с. 49. В оглавлении Стихотворений, 1858 ошибочно датировано 1847-м г.

143. Там же, с. 32.

144. Там же, с. 42. Печ. по Стихотворениям, 1858, с. 18. Положено на музыку А. С. Даргомыжским и еще тремя композиторами.

145. «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год», М., с. 393. В Стихотворения, 1858 не вошло.

146. «Московский городской листок», 1847, 30 апреля. В Стихотворения, 1858 не вошло.

147. Там же, 1847, 13 января; «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год». Печ. по Стихотворениям, 1858, с. 42.

148. БдЧ, 1847, № 4, с. 33.

149. Там же, с. 34. Печ. по Стихотворениям, 1858, с. 41.

150. «Московский городской листок», 1847, 13 октября. Печ. по Стихотворениям, 1858, с. 47.

151. Стихотворения, 1858, с. 51.

152. Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1885, с. 50, где помещено в отделе стихотворений 1844—1847-го годов. Предположительно датируется 1847 г., так как, возможно, здесь речь идет о стихах, включенных в сб. 1846 г. Инициал в заглавии, вероятно, раскрывается как «Перевлесский» (см. о нем с. 271 наст. изд.).

153. Стихотворения, 1858, с. 67.
154. Там же, с. 69. Положено на музыку Ю. А. Капрн.
155. «Ярославский литературный сборник. 1850 год», Ярославль, 1851, с. 35.
156. Стихотворения, 1858, с. 71.
157. «Русский вестник», 1857, № 5-6, с. 144. Печ. по Стихотворениям, 1858, с. 74.
158. Стихотворения, 1858, с. 106.
159. СО, 1857, № 32, с. 761. В Стихотворения, 1858 не вошло. Обращено к поэту Н. Ф. Щербине (1821—1869). Автор осуждает его за приверженность антологической тематике. Вероятно, написано в связи с выходом двухтомных «Стихотворений» Щербины (СПб., 1857). Стихотворение Жадовской перекликается с отзывом Чернышевского, в своей рецензии на выход двухтомника призвавшего поэта обратиться «к современной жизни» и «безбоязненно... погрузиться в нее» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1948, с. 543).
160. Стихотворения, 1858, с. 108.
161. СО, 1857, № 13, с. 293. Печ. по Стихотворениям, 1858, с. 119. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым, В. Н. Ребиковым и еще двенадцатью композиторами. Стихотворение приобрело широкую популярность, постоянно печаталось в хрестоматиях и вошло в круг школьного чтения.
162. СО, 1857, № 23, с. 537. Положено на музыку одним композитором.
163. Там же.
164. «Сборник литературных статей, посвященный русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина», т. 3, 1858, с. 195 (ц. р. — 19 сентября 1857 г.). Печ. по Стихотворениям, 1858, с. 131.
- 165—166. Стихотворения, 1858, с. 111, 121.
167. Там же, с. 122. *Кошница* — см. примеч. 97.
168. Там же, с. 123, без ст. 5—8, замененных строками точек. Печ. по Полн. собр. соч., т. 1, с. 175. Стихотворение пользовалось популярностью в демократических кругах.
169. Стихотворения, 1858, с. 128, без ст. 13—16, замененных семью строками точек. Печ. по Полн. собр. соч., т. 1, с. 181. Строка точек введена нами для обозначения строфы, оставшейся невосстановленной.

170. Стихотворения, 1858, с. 129. По-видимому, посвящено памяти Белинского. Это подтверждается относящимся к тому же периоду письмом Жадовской профессору И. Н. Шиллю (от 14 июля 1858 г.), где поэтесса, вспоминая строгий отзыв «Современника» о своем первом сборнике (отзыв принадлежал Белинскому; ср. ст. 1—2), пишет далее, что Белинский «один умел хотя резко, но верно оценить достоинство того или другого произведения. Его сухая правда цепилась мною дорого» (Ю. В. Жадовская, Сочинения, [т. 4]. Сочинения и переписка, СПб., 1886, с. 61; ср. в особенности ст. 4). *Жизни он не считал никогда Глупой шуткой иль даром напрасным.* Аллюзия на ст. 1 из стих. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный. . .» и ст. 11—12 из стих. Лермонтова «И скучно и грустно» — «И жизнь, как помотришь с холодным вниманьем вокруг, — Такая пустая и глупая шутка».

171. Там же, с. 131. Адресат стихотворения раскрыт в Полн. собр. соч., т. 1, с. 184. Возможно, что стихотворение навеяно вышедшими незадолго до того «Стихотворениями» Некрасова (М., 1856). Личное знакомство поэтессы с Некрасовым состоялось позднее, в 1860 г.

172—173. Там же, с. 133, 134.

Ф. А. КОНИ

174. «Атеней», 1830, т. 3, с. 305. Отдельный оттиск (др. ред., под загл. «Андалузская серенада», с примечанием: «Перевод из испанской народной драмы») — ПД. *Денница* — утренняя заря.

175. ИВ, 1890, № 5, с. 316, в тексте записок В. Р. Зотова «Из воспоминаний», где опубликовано по неизвестному ныне датированному автографу Кони, присланному им Зотову для его альбома. Перевод песни Беранже (1780—1857) «Le roi d'Yvetot» («Король Ивето») — политической сатиры, иносказательно критиковавшей Наполеона. *Под фризьяком* — под одеялом либо шинелью из фриза, грубой ворсистой ткани.

176. И. А. Рупини (Отд. изд. с нотами), М. (ц. р. — 1831 г.). Печ. по «Сборнику на 1838 год», СПб., с. 258. Авторизованный список — ПД. Положено на музыку И. А. Рупини и А. Е. Варламовым.

177—178. Ф. Кони, Жених по доверенности, водевиль в одном действии, М., 1833. Впервые поставлен в Москве, 16 декабря 1832 г., с участием В. И. Живокини (Жанно), М. С. Щепкина (Терция). Датруется по первой постановке.

1. Ф. Кони, Жених по доверенности. . . М., 1833, с. 7. *Жанно* Латур — персонаж водевиля, странствующий подмастерье.

2. Там же, с. 25, с чтением ст. 15: «Судья и черствый журналист» и с другими вариантами. Печ. по Театру Ф. А. Кони, т. 4, СПб., 1871, с. 289. *Терция* — персонаж водевиля, старый часовщик. *Палата* — Судебная палата.

179—181. Ф. Кони, Принц с хохлом, бельмом и горбом, волшебная сказка-водевиль в одном действии, М., 1836 (ц. р. — 27 ноября 1835 г.). В обоих списках ТБЛ (один из которых цензурный) стих. 2 — без ст. 25—36 и с др. изменениями, стих. 3 отсутствует. Впервые поставлен в Москве, 13 октября 1833 г., с участием М. С. Щепкина (губернатор Зеленого острова). Датируется по первой постановке. Действие происходит на Зеленом острове «за тридцать земель... в 1970 году». Один из наиболее острых по социальной критике среди русских водевилей, «Принц...» направлен против николаевской действительности.

1. Ф. Кони, Принц с хохлом, бельмом и горбом..., М., 1836, с. 13. *Мадригал* — небольшое любовно-лирическое стихотворение, обычно посвященное даме и восхваляющее ее; льстивая похвала, комплимент.

2. Там же, с. 34, с изменениями явно цензурного характера. Ст. 21—24 здесь читаются:

Без убытка и без риску
Брать доходы я постиг
И велю открыть подписку
На сто новых моих книг.

Ст. 25—36 отсутствуют. Печ. по Театру, т. 3, СПб., 1871, с. 64. Своими политическими высказываниями, жестокостью и лицемерием губернатор Зеленого острова напоминает администратора, типичного для русского самодержавия. Куплеты эти не потеряли актуальности и в начале XX в., что неоднократно отмечалось исследователями. «Куплеты, лавируя на грани цензурного и нецензурного, получали характер действительной сатиры, годной не для одного дня. Некоторые строки... может быть, сейчас не беспрепятственно прошли бы на наших сценах... Не правда ли, можно подумать, что это диалог из современной политической газеты или из «Сатирикона?»» (А. Измайлов (Смоленский), Федор Кони и старый водевиль. — ЕИТ, 1909, вып. 3, с. 22—23). *Тортиколь* — персонаж водевиля, чиновник особых поручений при губернаторе. *Желтый дом* — обиходное название в середине XIX в. Обуховской психиатрической больницы в Петербурге, здание которой было выкрашено желтой краской; переносно — больница для умалишенных.

3. Там же, с. 79. Печ. по Театру, т. 3, с. 84. *Рике* — персонаж водевиля, принц, «горбун, кривоногий, кривобокий, с бельмом на глазу и с огромным хохлом», по «веселый, живой» и мыслящий здраво. *В звезде* — т. е. с наградой, орденом в форме звезды. *Аксельбанты* — наплечные шнуры с металлическими наконечниками на мундире у офицеров генерального штаба, адъютантов и др.

182. И. А. Рупини (Отд. изд. с нотами), М. (ц. р. — 1833 г.). Печ. по Театру, т. 1, СПб. — М., 1870, с. 169, в составе водевиля «Деловой человек, или Дело в шляпе» (1840), как романс, исполняемый Марьей Петровной, женой чиновника. Два авторизованных списка, в обоих как самостоятельное произведение, — ПД: первый — под загл. «Певец над озером», с добавлением к основному тексту 8 ст. в начале

и 4-х в конце; второй — без загл., с пометой: «8 июля 1836 г., Москва», с прибавлением 20 ст. в конце. Положено на музыку И. А. Рупини, К. Н. Лядовым.

183—184. Ф. Кони, Карета, или По платью встречают, по уму провожают, водевиль в одном действии, М., 1836 (ц. р. — 13 августа 1835 г.). Впервые поставлен в Москве, 19 декабря 1833 г., с участием В. И. Живокини (Дюкре). Датируется по первой постановке. Водевиль пользовался большим успехом.

1. Ф. Кони, Карета, или По платью встречают, по уму провожают. . . , М., 1836, с. 14. Куплеты направлены против равнодушия светского общества к национальному театру, против моды на иностранных гастролеров. *Дюкре* — персонаж водевиля, отставной оперный певец. *Фарсёр* — актер, играющий в фарсах, создающий комический эффект чисто внешними средствами. *Обрия собака*. Имеется в виду драма «Обриева собака» французского драматурга Г. де Пиксерекура (1773—1844), одного из создателей жанра мелодрамы; для его пьес характерна нарочито запутанная интрига, нагромождение ужасов. *Фигурантки* — здесь: артистки балета, участвующие в групповых выступлениях.

2. Там же, с. 119; П, 1840, № 3, где опубликовано в виде отдельного стихотворения, под загл. «Карета», с эпиграфом: «„Карету мне, карету!“ „Горе от ума“», и состоит из шести строф. Печ. по Театру, т. 4, с. 47. *В карете Разъезжает четверней* — т. е. в карете, запряженной четверкой лошадей.

185. Ф. Кони, Муж в камине, а жена в гостях, водевиль в одном действии, М., 1834, с. 50. Впервые поставлен в Москве, 28 января 1834 г., с участием М. С. Щепкина (Фредерик). Авторизованный список, в виде отдельного стихотворения, — ПД. «В этом водевиле есть все, что требуется от водевиля: и острота, и веселость, и легкость, и игривость, забавные положения и маленькие куплетцы» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, М., 1953, с. 145). *Фредерик* — персонаж водевиля, молодой журналист.

186—189. Ф. Кони, В тихом омуте черти водятся, старая русская поговорка в лицах и в одном действии, М., 1834. Впервые поставлен в Москве, 28 января 1834 г., с участием М. С. Щепкина (Незацепин), В. И. Живокини (Весельев), Д. Т. Ленского (Любской). Водевиль имел большой успех. «У нас нет водевиля, — писал Белинский в рецензии на отдельное издание водевиля. — А потому. . . труды г. Кони достойны некоторого внимания и даже уважения. . . В его «В тихом омуте черти водятся» есть нечто такое, что может вас заставить если не прочесть, то выслушать эту пьеску на театре без скуки, даже не без удовольствия; в ней есть несколько забавных положений, несколько миленьких куплетцев, исполненных веселости. . .» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, М., 1953, с. 137—138).

1. Ф. Кони, В тихом омуте черти водятся. . . , М., 1834, с. 13. *Незацепин* — персонаж водевиля, гусарский полковник.

2. Там же, с. 34. Печ. по Театру, т. 2, 1870, СПб.—М., с. 130. Авторизованный список, с изменениями, в рукописной тетради «Былое Ф. К(они)» (ПД).

3. Там же, с. 77. Авторизованный список, в виде отдельного стихотворения, — ПД. *Весельев* — персонаж водевиля, московский барин, гусарский офицер в отставке.

4. Там же, с. 126; СО, 1837, ч. 184, в виде отдельного стихотворения, под загл. «Все бьются, биты и все бьют», с эпиграфом: «„Да из чего ж беснуетесь вы столько?“ „Горе от ума“», в составе 9 строф; П, 1840, № 10, с тем же загл. и эпиграфом, в составе 10 строф. Печ. по Театру, т. 2, с. 173. *Любской* — персонаж водевиля, гусарский корнет. *Присутствия* — правительственные учреждения в дореволюционной России. *Дибич-Забалканский* И. И. (1785—1831), граф — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., усмиритель польского восстания 1830—1831 гг. *Ермолов* А. П. (1777—1861) — генерал, видный полководец, герой Отечественной войны 1812 г.

190. Ф. Кони, Тереза, драма-водевиль в одном действии, М., 1835, с. 11. Впервые поставлен в Москве, 31 января 1834 г., с участием М. С. Щепкина (Морин); имел большой успех. Датируется по первой постановке. Авторизованный список в виде самостоятельного стихотворения, под загл. «Из барышей», — ПД. *Морин* — персонаж водевиля, старый ростовщик. *Безар* в действии не участвует и больше не упоминается.

191. БдЧ, 1835, т. 11, с. 27, под загл. «Баркарола». Печ. по П, 1841, № 3, с. 44. Вольный перевод стих. французского поэта и драматурга К. Делавиня (1793—1843) «Le gondolier» («Conduis-moi, beau gondolier...»). Е. А. Бобров, сопоставляя текст подлинника с переводом Кони, отмечал: «На наш взгляд, пьеса Делавиня не блещет поэзией, хотя и показывает в нем ловкого и знаменитого версификатора... В переделке Кони тема смягчена и опоэтизирована... Кони, насколько было возможно, затушевал пошловатость подлинника и придал ему немалые красоты. Распространенностью своею в России песня про гондольера сбязана, конечно, всецело Кони...» («Варшавские университетские известия», 1912, № 9, с. 51—52). Стихотворение приобрело широкую популярность и, начиная с 1850-х годов, постоянно включалось в песенники. Положено на музыку А. Е. Варламовым и К. К. Арнольди. *Боткин* Василий Петрович (1810—1869) — писатель, критик и публицист. *Софи Ге* (1776—1852) — французская писательница. *Риальто* — здесь: селение вблизи Венеции.

192. Ф. Кони, Страсть сочинять, или «Вот разбойники!», водевиль в одном действии, М., 1836, с. 56 (ц. р. — 4 октября 1835 г.). Впервые поставлен в Петербурге, в сезон 1836—1837 г. В рукописном сборнике стихотворений Кони (ПД) куплеты записаны как самостоятельное произведение, под загл. «Правила новейшей драматургии. *Ультраромантик*». Публикуемые куплеты направлены против засилья на русской сцене мелодраматических пьес, насыщенных кошмарами и различными душераздирающими эффектами, и являются сатирой на такого рода произведения. *Трагивраль* и его сестра Аспазия — персонажи водевиля, сочинители подобных трагедий.

193. Театр, т. 1, с. 89. Впервые поставлен в Петербурге, в сезон 1838—1839 г. Цензурный список пьесы с пометой: «Одобрить к пред-

ставлению. СПб., 14 ноября 1838 г.» — ТБЛ. *Арбузов* — персонаж водевиля, богатый откупщик. *Папильоткин* — персонаж водевиля, молодой чиновник, влюбленный в сестру княгини Елецкой *Юлию*.

194. П, 1840, № 1, с. 132, в статье Кони «История балов и маскарадов», без загл. Авторизованный список под загл. «История бала», со значительными разночтениями — ПД. Ст. 77—92, с изменениями, вошли в водевиль «Лакей невпопад». В статье стихотворению предшествует следующий текст: «В наше время бал есть уже не просгая забава... Под маскою веселого убийства времени кроются виды, планы, надежды и жизнь. Мало ли есть людей, которых бойкие ноги довели далеко. Иной одним прыжком попал на видное место, другой глissадою и курбетом достиг до «степеней известных»! Нередко дробью ног выбиваются — порядочные доходы. До чего не доводят танцы, до чего не доходят тансеры с гибкими членами!.. Вот куплеты, изображающие историю бала, — хорошо ли, дурно ли — бог ведает, но что они верны — за это ручаюсь...» *Аксельбант* — см. примеч. 181. *Мадригальчик*, мадригал — см. примеч. 179. *Глissада* (глиссад) — в танцах: скользющее па. *Антраша* — легкий прыжок вверх, во время которого ноги танцующего несколько раз касаются одна другой. *Танцмейстер и профессор слова* и т. д. Ср. у А. П. Сумарокова («Эпиграмма»):

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

Польский — полонез, танец, которым обычно открывался бал. *Котильон* — кадрили, между фигурами которой вставляются другие танцы: мазурка, вальс, полька. *Точить балы* (обычнее — балясы, лясы) — пустиословить.

195. Театр, т. 4, с. 274. Сведения о постановке на сцене отсутствуют. Персонажи водевиля: *Боклер* — уланский корнет; *Сенвиль* — драгунский ротмистр; *Дестиваль* — отец взрослой дочери; *Жак* — слуга Дестиваля. «*Человек*» — здесь: лакей. Ст. 1—4 почти полностью совпадают со стихами из водевиля Д. Т. Ленского «Стряпчий под столом» (1834):

Я из бар попал в лакеи;
Точно так же иногда
И лакеи из ливреи
Попадают в господа!

196—201. П, 1840, № 10, с. 5. Печ. по Театру, т. 2, с. 4. Сюжет заимствован из немецкого фарса «Die drei Wohnungen». Впервые поставлен в Петербурге, 13 сентября 1840 г. (без 4-го действия — «Квартира Журналиста на Козьем болоте», где выведен Булгарин), с участием П. А. Каратыгина (Щекоткин), В. В. Самойлова (Кутилин); в Москве — 29 ноября 1840 г., с участием М. С. Щепкина (Щекоткин), П. М. Садовского (Присыпочка), Д. Т. Ленского (Кутилин). Один из наиболее смелых по своей сатирической направленности русских водевилей. Белинский неоднократно и с большой похвалой

отзывался о нем. В рецензии на премьеру «Петербургских квартир» критик решительно противопоставил водевиль «всей этой груде тотчас же забываемого хлама». «Публика живо заинтересована, потому что каждый из зрителей видит знакомое себе, совершенно понятное, видит те лица, которые сейчас только оставил, из которых одни ему друзья, другие враги, одним он готов поклониться из своих кресел, на других хохотом вымещает он свою досаду... На пьесу г. Кони нельзя смотреть без веселого хохота — так удачно она придумана и так прекрасно она выполняется. Гг. Ленский и Кони стоят целою головою выше других наших водевилистов...» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1954, с. 324—325, 330). Два месяца спустя, в рецензии на появление «Петербургских квартир» в П, критик снова чрезвычайно высоко оценил водевиль, назвав его «примечательным явлением в литературе ныншнего (1840) года» (там же, с. 405). Реакционная критика встретила появление водевиля отрицательно. Так, Булгарин в своей книге «Комары. Всякая всячина» (СПб., 1842) обрушился на Кони с грубой руганью «за его пьесу «Собачьи конуры» (явный намек на «Петербургские квартиры»), где он вывел на сцену своих прежних кормильцев и представил их ворами и разбойниками...» (с. 90). Кони писал в ответ: «Все журналисты отозвались о «Петербургских квартирах» с похвалою, одному г. Булгарину они пришли не по нутру... «Петербургские квартиры» сделались его постоянной идеей (idée fixe), об чем бы он ни заговорил — сведет непременно на «Петербургские квартиры», и тогда беда — он не знает меры своему гневу, желчь кипит, перья трещат, чернила брызжут, и в заключение «Петербургские квартиры» называются собачьими конурами, а автор их Кони лошадью...» (ЛГ, 1843, 9 мая).

1. *Алена Ивановна* — жена главного героя водевиля, Щекоткина; куплеты исполняет, обращаясь к своей дочери Лизе, которая «все торчит у окна».

2. *Афанасий Гаврилович Щекоткин* — чиновник. Куплеты исполняет, обращаясь к жене и дочери. Щекоткин подарил супруге директора своего департамента карету, за что получил повышение — место начальника отделения. *Департамент* — в царской России отдел министерства; в свою очередь подразделялся на отделения, а те — на столы, ведавшие каким-либо специальным кругом дел; департаментом руководил *директор*, отделением заведовал *начальник отделения*, столом — *столонячий*. *Неглижировать* — относиться к чему-либо пренебрежительно, без внимания. *Билетцы из пергамента* — визитные карточки. *Теперь все представления* и т. д. Имеются в виду представления о награждении нижестоящих чиновников, о повышении их по службе и т. д. *И здесь вот украшения Уж мне не миновать*. Имеется в виду получение ордена, который носили на шею. *Квартальница* — жена квартального полицейского надзирателя.

3. Куплеты исполняет Петр Петрович *Присыпочка*, спекулянт, мелкий делец. «Кони одним из первых зарисовал в русской драматургии фигуру русского фактора, человека на все руки...» — характеризовал этот образ А. Измайлов (Смоленский) (ЕИТ, 1909, вып. 3, с. 10). *Задарин* — см. ниже. *Полынная* — водка, настоенная на полыни, горькая на вкус. *Горское* — легкое виноградное вино. *Осетить* (обсетить) — овладеть человеком хитростью, поймать, уличить его.

4. *Абдул Фадееч Задарин* — один из героев водевиля, журна-

лист. Этот образ — памфлет на Ф. В. Булгарина (1789—1859), реакционного писателя и журналиста, темного литературного дельца, связанного с III Отделением, издателя (вместе с Н. И. Гречем) реакционной газеты «Северная пчела». Первоначально (список ТБЛ) Кони дал журналисту фамилию «Фиглярин», что весьма прозрачно намекало на Булгарина, которому еще Пушкин в своих эпиграммах дал прозвище «Видок Фиглярин»; затем изменил на «Фонарин» (другой список ТБЛ). Но и Задарин столь недвусмысленно напоминал Булгарина, что был узан и современниками, и самим Булгариным. Фамилия персонажа (от глагола «задарить») намекает на его бесстыдное делячество: за подношения от купцов он помещает в своей газете хвалебные отзывы об их товарах, пишет хвалебные рецензии о книгах за взятки от их авторов. Белинский отмечал как «самый интересный» 4-й акт водевиля, «Квартира Журналиста на Козьем болоте», куда вошли публикуемые куплеты: он «сам по себе есть целая комедия, полная жизни, занимательности и остроумия. . . Мы не можем не поделиться удовольствием с нашими читателями и не выписать тех куплетов Задарина, в которых особенно высказывается его литературная и журнальная profession de foi (система взглядов)» (далее в рецензии целиком приводятся куплеты «Премудренная задача. . .»). — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1954, с. 401, 403). *Креман* — сорт французского шампанского. *Благочиния управа* *Не мешает в этом мне*. Намек на связь Булгарина с III Отделением. *Управа благочиния* — полицейское управление в столицах и губернских городах. *Я формально публикую, Что пишу из кумовства!* Булгарин, написав в «Северной пчеле», что пьеса Н. А. Полевого «Уголино» (1838) «есть верх гениальности и драматургии», вскоре, через шесть номеров, просил прощения у публики за свои похвалы, говоря, что «Уголино» — самое нелепое создание и что он его похвалил единственно из «кумовства» (см.: Ф. Кони, Фельетон. — ЛГ, 1843, 9 мая). *Напишу, что Кони — лошадь*. Имеется в виду один из множества грубых выпадов против Кони со стороны Булгарина, писавшего в своей газете о «болоте, где пасутся кони» («Северная пчела», 1840, 12 августа). Обозленный доказательствами разоблачениями его темных махинаций на литературном поприще, Булгарин после появления «Петербургских квартир» отзывался о водевилисте в еще более ругательном тоне. *Да и Нестор-то наш самый* и т. д. Нестор Васильевич Кукольник (1809—1868), как автор псевдоисторических пьес, иронически сравнивается с древнерусским летописцем Нестором. *Я его теперь за драмы* и т. д. Имеются в виду нашумевшие в то время драмы Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» (1834) и «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» (1835), проникнутые монархическим духом. Критиковать «патриотические» пьесы Кукольника, находившегося под покровительством Николая I, было небезопасно; так, «Московский телеграф», опубликовавший отрицательный отзыв Н. А. Полевого по поводу первой из этих пьес, был закрыт. *И меня. . . Он не пбзвал на обед*. Не приглашенный Кукольником на чтение его новой, еще не опубликованной драмы «Князь Холмский» (1840), Булгарин в отместку раскритиковал ее в «Северной пчеле».

6. *Кутилин* — персонаж водевиля, молодой человек, картежник и мот; рассчитывал выгодно жениться, однако, обнаруженный Шекоткиным в шкафу у певичы, был выгнан за это из дома богача-эконома

Похлебова, к дочери которого он сватался, привлеченный обещанным за нею стотысячным приданым. *Понтировать* — в карточных играх: делать ставку против банка, т. е. определенной суммы денег, находящейся в руках банкюмета. *Метать Без наличных — с мелом* — вскрывать карты при игре в банк, вместо выплаты проигранных сумм записывая их мелом на карточном столе. *В ней лишен не Весты*. Веста — богиня целомудрия у древних римлян; здесь: намек на дурную репутацию невесты — не девственницы. *Рутёрка* — счастливая карта; здесь также в переносном смысле: богатая невеста.

202. ЛГ, 1842, 13 сентября, под загл. «Альцугара». Список — ПД (архив Ф. А. Кони). Печ. по ЛГ, заглавие, ввиду явной опечатки, — по списку. Перевод «Ballada Alpuhaga» («Альпухарской баллады») из исторической повести (поэмы) А. Мицкевича «Конрад Валленрод». Баллада повествует о событиях реконквисты (освободительной борьбы испанцев против арабского владычества в VIII—XV вв.). *Альпухара, Гранада* — города на юге Испании. *Мавры* — так в средние века называли всех завоевателей Испании, пришедших из Северной Африки. *Сарацины* — средневековое название арабов. *Альманзор* (европейская переделка прозвища «Аль-Мансур», т. е. «победитель») — Мухаммед-ибн-Абу-Амир (ум. в 1002) — талантливый полководец, фактический правитель кордовского халифата; одержал над испанцами ряд крупных побед, благодаря которым чрезвычайно расширил владения халифата. Умер от ран либо, по другой версии, от болезни. *На мечетях нет луны!* Серп полумесяца на мечетях является символом ислама. *Паладин* — рыцарь из свиты короля, верный рыцарь. *Исламизм* — вероучение ислама, т. е. мусульманской религии. *Гяуры* — у мусульман — презрительное название всех иноверцев. *Коран пророка* — основная «священная» книга ислама, по преданиям, созданная Мухаммедом (Магометом, р. предпол. между 570 и 580 — ум. в 632).

203. ИВ, 1890, № 5, с. 317, в тексте записок В. Р. Зотова «Из воспоминаний». Список, под загл. «К Воронцову», — ПД. Михаил Семенович *Воронцов* (1782—1856), граф, в 1844 г. был назначен кавказским наместником с чрезвычайно широкими правами; по заданию Николая I должен был подавить горцев, восставших под руководством *Шамиля* (ок. 1798—1871), но осуществить это ему не удалось. У Воронцова, прибывшего в Петербург, произошел конфликт с М. П. *Позеном* (1798—1871), начальником VI Отделения императорской канцелярии, занимавшегося кавказскими делами. В результате Позен должен был уйти в отставку. Никитенко записал в своем дневнике 31 января 1845 г.: «Позен уволен от должности. Бесконечные толки. Дело между тем очень просто объясняется пословицею: «два медведя в одной берлоге не могут жить». Позен настолько умен и сознателен, что не мог занимать важное место без влияния, а граф Воронцов не мог допустить, чтобы между ним и государем стоял посредником умный человек» (А. В. Никитенко, Дневник, т. 1, [Л.], 1955, с. 287). *Английский клуб* в Петербурге состоял из представителей великосветского общества, доступ в него был чрезвычайно ограничен.

204. Печ. впервые, по авторизованному списку из архива Ф. А. Кони (ПД; там же — второй список). Датируется, как и № 205,

по месту списка среди рукописей стихотворений Кони конца 1830-х — первой половины 1840-х годов.

205. Печ. впервые, по списку из архива Ф. А. Кони (ПД); там же — второй список, без загл., с разночтениями, расположенный после стих. «М. А. Крюковой» («Оболочку ледяную...»), на одном с ним листе; к Крюковой, вероятно, обращено и публикуемое стихотворение. Датировка — см. примеч. 204. *Кавалергард* — военноплекованного офицерами из знати и крупных помещиков; отбирали туда стройных, высокого роста юношей.

206. Печ. впервые, по списку из тетради «Былое Ф. К(они)» (ПД). Датируется временем полемики между Кони и Ф. В. Булгаринным, начатой в 1840 г. (см. примеч. 199).

207. Лютня II. Потаенная литература XIX столетия, 2-е изд., Лейпциг, 1874, с. 21, без подписи, даты и с разночтениями. Печ. по ИВ, 1890, № 5, с. 317, где опубликовано в тексте записок В. Р. Зотова «Из воспоминаний» впервые в России по неизвестному ныне автографу, переданному Зотову автором в 1848 или 1849 г. для помещения в ЛГ; однако, по цензурным условиям, стихотворение тогда не было напечатано. Два черновых автографа, с разночтениями, — ПД. Там же — три списка; два из них — цензурованные (ряд строк цензорами зачеркнут): один — под загл. «Благородный человек наизнанку», с пометой «От Сандуновой» (жены Ф. А. Кони) (ц. р. — 12 марта 1869 г., Вильна), другой — под загл. «Биография благородного человека, рассказанная им самим в наизидание позднейшего потомства. Сочинение Ф. Кони. Писано в 1848 г.» (ц. р. — 27 января 1872 г., СПб.). Приводим здесь строфы из обоих цензурных списков, не вошедшие в печатаемый вариант.

Первый список

После строфы 10:

С таким смиреньем от природы
Я в колею свою попал.
Богач убавил мне расходы,
А генерал местечко дал.
Я начал править строго, (честно,)
Для нищих взятки все пресек.
А сам я вел дела, известно,
Как благородный человек.

После строфы 17:

Теперь, узнав мою карьеру,
Наверно всякий патриот
В мечты пустые бросит веру
И по стопам моим пойдет.
С моей системой непременно —
Что б ни предсказывал Задек —
Он будет гражданин почтенный,
Как благородный человек.

Второй список

(строфы, зачеркнутые цензором)

После строфы 13:

Не презирал я также моду,
За духом общества сновал,
Для барынь знатных я в угоду
Молился богу, танцевал;
Обедал в доме, пел с дьячками,
А бал — пускался в алагрек,
Не брезгал мелкими статьями,
Как благородный человек.

После строфы 15:

Меня за это всюду чтили;
В клуб английский я пожелал —
На вороних не прокатили,
И в год директором я стал.
Со мной играло генеральство,
Я был отважен, как абрек.
Лишь не обыгрывал начальство,
Как благородный человек.

После строфы 16:

Так прослужил я безупречно
Полвека родине моей,
В награду службы беспорочной
Мне учредили юбилей.
Среди стихов и пышной прозы
Мне поднесли золотой ковчег. . .
Я принял дар — и пролил слезы,
Как благородный человек.

Вариант. После строфы 10:

За эту кротость и смиренность
Нас бог щедротами взыскал:
Мой грек жене купил именье,
Мне — место важное достал.
И я достойным оказался:
Я взятки тотчас же пресек,
А сам — ни разу не попался,
Как благородный человек.

Вариант. Строфа 4, ст. 5—8:

Я рос, как барин, праздно, вольно:
Чинил на девичьи набег
Да мальчигов стегал пребольно,
Как благородный человек.

Столбовой — потомственный дворянин. *Козырял* — здесь: играл в карты. *Брошна* — кушанья. *Линейка* — многоместный экипаж. *Ломбард* — в XIX в. кредитное учреждение, принимавшее на сохранение деньги с выплатой процентов; казенная ссудная касса. *Достиг до степеней известных* — перифраз слов Чацкого о Молчалине из «Горя от ума»: «. . .он дойдет до степеней известных. . .» (д. I, явл. 7).

208. ИВ, 1890, № 5, с. 315, в тексте записок В. Р. Зотова «Из воспоминаний». Пародия на куплеты П. Смирновского, посвященные Излеру и опубликованные в ЛГ (1848, 30 сентября). Предприниматель И. И. Излер организовал в Петербурге «Заведение (воксал) искусственных минеральных вод» — сад, где устраивались всевозможные развлечения для состоятельных горожан и где продавались различные безалкогольные напитки. Был там, однако, и ресторан, торговавший и более крепкими напитками (намек на это содержится в № 210). Деятельность «Заведения» особенно оживилась летом 1848 г., во время вспышки в Петербурге эпидемии холеры. Сердобольный делец, заботившийся прежде всего якобы об отвлечении петербуржцев от мыслей о «страшной гостье», ежедневно устраивал грандиозные балы, фейерверки и концерты с участием оркестров, эстрадных артистов и цыганского хора. Излер пожертвовал денежные суммы «в пользу призрения сирот» и для участия в своих концертах собрал со всего города уличных музыкантов и шарманщиков. Фельетонист ЛГ П. Смирновский в своих «Петербургских письмах» нередко рекламировал различные товары и увеселения, в особенности — из номера в номер — расхваливал «Заведение» Излера. Апофеозом явились его куплеты, «петые 5 сентября 1848 г. дирижером хора московских цыган» на концерте, данном в честь Излера в благодарность за его «человеколюбие», а затем напечатанные в ЛГ. В. Р. Зотов, в то время редактор газеты, раскисался позже в напечатании «Куплетов». «.. Куплеты г. Смирновского, — вспоминал он, — возбудили неудовольствие в истинных литераторах, и я вскоре услышал, что Ф. А. Кони написал пародию на эти куплеты. Я просил его прислать мне эти стихи — что он тотчас же исполнил — и хотел их напечатать, чтобы хоть сколько-нибудь загладить мою вину и доказать беспристрастие «Литературной газеты», но все старания мои поместить в ней насмешку над чересчур восторженным куплетистом были напрасны, и я только теперь могу привести остроумную пьесу даровитого писателя. . .» (ИВ, 1890, № 5, с. 315). Приводим две строфы (1-ю и 4-ю) из «Куплетов» Смирновского, наиболее близкие к тексту пародии Кони.

Хвала тебе, наш Излер благородной,
Несчастных друг и друг честных людей!
Хвала тебе! Ты в памяти народной
Останешься на память наших дней.
В те дни, как все от страха трепетали
И грозный бич тревожил всех умы,
В твоих садах превесело гуляли. . .
Ты помнишь ли? — Но не забудем мы!

Ты вспомнишь ли, как щедрою рукою
В тяжелый год ты бедным помогал
И не одной вдовице с сиротой
Слезу тоски и скорби отирал? . .
На праздник свой зазвав толпу несчастных,
Избавил их от нищенской сумы. . .

Про столько дел, отрадных и прекрасных,
Ты вспомнишь ли? — Но не забудем мы. . .

Пародия разоблачает мизерность благодеей «торговца» и небескорыстность восхвалений. «Куплеты» и пародия являются перепевом популярной в то время песни французского поэта-песенника П.-Э. Дебро (1796—1831) «Т'en souviens-tu? disait un capitaine» («Ты помнишь ли? — сказал мне капитан»); ранее ее пародировал Пушкин в стих. «Рефутация г-на Беранжера» («Ты помнишь ли, ах ваше благородье. . .»), ошибочно сочтя за песню Беранже. Эпиграф — неточно и с пропуском процитированное начало повести Н. М. Карамзина «Фрол Силин, благодетельный человек». *Тамерлан* (Тимур, 1336—1405) — среднеазиатский полководец; здесь имеется в виду грабительская сущность его походов и необыкновенно жестокое отношение к поработленным. *Помада бергамотная* — приготовленная на бергамотном эфирном масле (бергамот — сорт груш).

209. П, 1850, № 1, отд. 9 («Балагур»), с. 1, под загл. «Финти-флюшки. Куплеты из нового водевиля „Сэр Жак“», с подписью: Ф. Анатолин. Печ. по Театру, т. 3, с. 37. Два авторизованных списка — ТБЛ. Поставлен впервые в Петербурге в июне 1849 г. с участием П. И. Григорьева (Гальяр). Датируется по первой постановке. Куплеты эти длительное время пользовались популярностью. А. Измайлов (Смоленский) отмечает, что без них «позднее, на протяжении целого 20-летия не обходился ни один эстрадный куплетист» (ЕИТ, 1909, вып. 3, с. 18).

210. П, 1850, № 8, отд. 9 («Балагур»), с. 1; «Репертуар русской сцены», 1851, № 6 (в составе водевиля). Печ. по Театру, т. 1, с. 26. Поставлен впервые в Петербурге 17 июля 1850 г.; водевиль имел большой успех. Ермил Ермилыч *Бородавкин*, московский купчик, попавший в Петербург, расхваливает прелести столицы только что приехавшей молодой провинциалке. *Всё на газе обстоит*. В Петербурге в это время вводилось газовое освещение улиц. *Вальяжно* — степенно, важно. *Бонтон* (франц. bon ton) — хороший тон, светская учти-вость. *Воксал* — здесь: место общественных увеселений. *Тут-а-фе* (франц. tout-à-fait) — совсем. *Штокфиш* — вяленая треска. *Пассаж* — трехэтажный универсальный магазин, открытый в 1848 г. на Невском проспекте. Кроме различных торговых лавок, здесь размещались кафе, а также устраивались, в подвальном помещении, концерты, на которых нередко выступал хор московских цыган. *Не бывает здесь ночей* — имеются в виду белые ночи. *Невский устлан весь паркетом*. В ту пору мостовые центральных петербургских улиц были торцовые. *Излер* — см. примеч. 208. *Минеральные здесь воды Всем, как видно, по нутру* — см. примеч. 208. *Кунсткамера* в Петербурге была основана Петром I (1714); помимо других экспонатов, содержит и анатомические препараты, сохраняющиеся в спирту. *Лиза, Груша* — известные в то время исполнительницы романсов из Московского цыганского хора. *А шары-то так спускают*. Одним из популярных массовых зрелищ в те годы были полеты смельчаков на воздушных шарах, наполненных гелием. *Да, уж надобно сознаться* и т. д. Аллюзия на слова Фамусова из «Горя от ума»: «А, батюшка, признайтесь, что едва где сыщется столица, как Москва» (д. 2, явл. 5).

211. «Репертуар русской сцены», 1852, № 1, с. 20. Печ. по Театру, т. 2, с. 250. Впервые поставлен в Петербурге, 1 октября 1851 г., с участием В. В. Самойлова (Регенти). Датируется по первой постановке. Антонио *Регенти* — персонаж водевиля, итальянец, «профессор безлой магии, увеселительной физики и акробатического искусства из Болоньи». *Тот при дамах вышел в люди, А другой через туза* — игра слов: посредством игральных карт и — благодаря покровительству женщин и какого-либо важного, влиятельного лица.

212. «Будущность. L'Avenir» (Лейпциг — Париж), 1861, 3(15) января, № 6, с. 47, без подписи, с редакционным примечанием: «Стихи эти в 1855 году ходили в рукописи; если не ошибаемся, за границей еще напечатаны не были» и с загл. «Стихи к императору Александру II, при восшествии его на престол», вряд ли принадлежащим Кони. Иногда приписывалось Герцену. Принадлежность стихотворения Ф. Кони устанавливается свидетельством Д. В. Григоровича (Литературные воспоминания, Л., 1928, с. 96), писавшего: «За экспромт, сказанный им где-то: «Не жди, чтобы цвела страна...» (процитированы ст. 1—4), и еще другой, сказанный по случаю неудачной попытки графа Воронцова захватить Шамиля (см. № 203), Ф. Кони, говорили, поплатился тем, что призван был к известному Л. В. Дубельту». Ср. в кн.: П. В. Быков, Силуэты далекого прошлого, М.—Л., 1931, с. 16 и 119; здесь приведены, с разночтениями, ст. 1—16. Стихотворение получило распространение в революционных кругах, в частности, на Украине — см. в кн.: «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», Киев, 1963, с. 170—171; здесь же оно приведено с рядом отличий от текста наст. изд., наиболее существенное из которых — дополнительные 16 ст. в конце; Кони они, вероятно, не принадлежат. Приводим эти стихи:

Я слышал, будто на Руси
Закон судьбы переменился;
Мне говорят: «Свободны мы,
Царь умер — новый воцарился».
Крут был покойник и жесток,
Его хвалить — не очень честно.
Царь новый мягче — но есть ли прок
В нем для народа? — Неизвестно.
Покойник самодержцем был,
И новый самодержцем будет.
Покойник царствовать любил,
И новый царствовать полюбит.
И по отцовскому пути
Он в манифесте обещает
«Неукоснительно идти...».
Дурак, кто проку ожидает.

Ст. 7 здесь искажен. Стихотворение входило в сборники вольной печати (см. об этом в кн.: «Вольная русская поэзия второй половины XIX в.», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959, с. 737—738). Александр II (1818—1881) вступил на престол 19 февраля 1855 г. *Звездами лечат*

знать. Речь идет об орденах. *Фельдфебель с палкой* — вероятно, Николай I. *На откуп пьянство отдает*. Имеется в виду система винных откупов, существовавшая в России до 1863 г., при которой право на торговлю вином было отдано за денежный взнос частным лицам, откупщикам. *По вольности дворянства*. Подразумевается «Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (1762), освободивший дворян от обязательной военной службы и предоставивший им ряд других значительных привилегий. *Для лошадей Особое есть министерство*. Имеется в виду основанный в 1843 г. государственный комитет коннозаводства на правах министерства; в 1848 г. комитет вошел в состав министерства государственных имуществ, но в 1856 г. снова был выделен в особый комитет. Ст. 45. Конъектура введена нами в строке, испорченной во всех списках.

П. А. КАРАТЫГИН

213. [П. Каратыгин], *Заемные жены*, водевиль в одном действии, СПб., 1834, с. 23. Впервые поставлен в Петербурге, 3 мая 1834 г. с участием Н. О. Дюра (Иванов). Водевиль приобрел большую популярность и долго продержался на сцене. *Иванов* — молодой человек, журналист и сочинитель водевилей; чтобы выманить деньги у своего богатого дядюшки-холостяка, он выдает 17-летнюю соседку-швею за свою жену. Куплеты исполняет, обращаясь к ней. Положены на музыку Н. О. Дюром, под названием «Женские наряды».

214. П. Каратыгин, *Чиновник по особым поручениям*, водевиль в одном действии, СПб., 1837, с. 61. Авторизованный список — ТБЛ. Впервые поставлен в Петербурге, 12 июня 1837 г. с участием И. И. Сосницкого (Понукалов). *Понукалов* — комиссариатский чиновник; исполняет куплеты, обращаясь к Задорину, с которым повздорил. *Я — ваше благородие*. Благородие — титулование, присвоенное чиновникам от низшего, 14-го до 9-го класса «табели о рангах».

215. РС, 1880, № 3, с. 656. *Трем переводчикам «Гамлет» не удался*. Имеются в виду известные в то время в России переложения трагедии Шекспира «Гамлет»: А. П. Сумарокова — первая русская переложка (1748, поставлен на сцене в 1750 г.), С. И. Висковатова — первый русский перевод-переложка, сделанный с французского перевода-переложки Дюсси (1810), М. П. Вронченко — первый русский перевод с английского, приближающийся к тексту Шекспира (1828). *Четвертый за него взялся*. Речь идет о Н. А. Полевом. «Гамлет» в его переводе был поставлен на московской и петербургской сценах в 1837 г. Современники отмечали некоторую неверность и неполноту этого перевода, однако признавали и достоинства: сценичность, живость языка. Так, Белинский писал, что «в нем много недостатков, и недостатков важных...», и все же характеризовал его как «прекрасный, поэтический перевод...» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1953, с. 426). В переводе Полевого трагедия продержалась на

сцене до конца XIX в. Огромный успех имели исполнители главной роли — П. С. Мочалов в Москве (см. примеч. 122) и брат водевиллиста В. А. Каратыгин в Петербурге.

216—218. П. Каратыгин, Булочная, или Петербургский немец, водевиль в одном действии, СПб., 1843. Впервые поставлен в Петербурге, 26 октября 1843 г., с участием А. Е. Мартынова (Карлуша), П. И. Григорьева (Флюгеров) и автора (Клейстер). «„Булочная“ Каратыгина 2-го чуть не попала под секвестр цензуры. Слух о запрещении, конечно, способствовал успеху пьесы, самой по себе весьма забавной» (Вольф, ч. 1, с. 104). О временном запрещении водевиля см. в кн.: П. А. Каратыгин, Записки, Л., 1970, с. 265—266. Водевиль имел огромный успех и вызвал множество восторженных рецензий.

1. П. Каратыгин, Булочная, или Петербургский немец... СПб., 1843, с. 8. *Карлуша* — подмастерье в булочной, принадлежащей немцу *Клейстеру*; влюблен в хозяйскую дочь.

2. Там же, с. 24. *Флюгеров* — мелкий чиновник, вдовец.

3. Там же, с. 29. Печ. по 4-му изд., М., 1873, с. 27. *Мейстер* — мастер. *Васильский остров* — Васильевский остров, район в Петербурге; здесь обычно селились петербургские немцы. *Частный пристав* — пристав полицейской части. *Гут морген* (guten Morgen — нем.) — доброе утро.

219. П. Каратыгин, Вицмундир, водевиль в одном действии, СПб., 1845, с. 55. Впервые поставлен в Петербурге, 14 ноября 1845 г., с участием автора (Разгильдяев). В изд.: П. А. Каратыгин, Сборник театральных пьес, тт. 1—3, СПб., 1880 водевиль не вошел, хотя значится в перечне пьес, включенных в 3-й том; вероятно, был исключен цензурой. Сатирическая острота, типичность и яркость образов, драматургическое мастерство поставили «Вицмундир» в ряд лучших русских водевилей; он пользовался большим успехом и продержался на сцене вплоть до XX в. *Разгильдяев* — мелкий чиновник, холостяк, до крайности рассеянный.

220. [П. Каратыгин], Натуральная школа, шутка-водевиль в одном действии, СПб., 1847, с. 38. Впервые поставлен в Петербурге в конце 1847 г. с участием А. М. Максимова (Иван Вихляев). В «Сборник театральных пьес», тт. 1—3, не вошел. Водевиль имел скандальный успех. Герои его, Иван Вихляев со своим братом, проникают под видом учителей в женский пансион, где Иван представляется «писателем из Натуральной Школы Виссарием Кесаревичем Недостойным» — вероятно, намек на В. Г. Белинского. В постановке пьесы, однако, как писал А. Вольф, «Максимов 1-й копировал И. И. Панаева, выведенного в пьесе под именем Вихляева, и пел или, лучше сказать, говорил речитативом... куплет, всегда повторяющийся, ради которого, вероятно, написана была и сама пьеса...» (Вольф, ч. 1, с. 125). Водевиль направлен против писателей «натуральной школы», группировавшихся вокруг журналов «Отечественные записки» и «Современник»; в куплетах содержатся намеки на авторов, чьи произведения вошли в альманахи Некрасова «Физиология Петербурга» (чч. 1—2, СПб., 1845) и «Петербургский сборник» (СПб., 1846). Ку-

плеты взял на вооружение Булгарин, часто цитируя их в своих фельетонах в «Северной пчеле». Каратыгин впоследствии пытался оправдать себя, когда писал: «„Натуральную школу“... назвали дерзким пасквилом на реальное направление нашей литературы, чего у меня и в голове не было. Я смеялся не над реальным направлением, а над теми отчаянными циниками, которые в своих грязных произведениях доходили тогда до отвратительного безобразия» (П. А. Каратыгин, Записки, Л., 1970, с. 268). *Наши герои: бродяги да дворники, Чернь Петербургских углов!* Намек на очерки В. И. Луганского (Даля) «Петербургский дворник», Некрасова «Петербургские углы» и др. произведения, напечатанные в «Физиологии Петербурга».

221. Сборник театральных пьес, т. 2, с. 250. Впервые поставлен в Петербурге, 15 ноября 1848 г., с участием автора (Бирюков). «Как всегда, П. А. Каратыгин понадеялся только на себя и отличился как водевилец и как актер. «Петербургские дачи»... имели большой успех» (Вольф, ч. 1, с. 132). *Бирюков* — петербургский чиновник.

222—223. Эпиграммы датируются годами выпуска 1-го и последнего, 7-го, номеров журнала «Весельчак». Юмористический петербургский журнал «Весельчак», «журнал всяких разных странностей светских, литературных, художественных и иных» (февраль 1858 — нач. 1859), отличался аполитичностью и пошловатым юмором; был закрыт из-за недостатка подписчиков.

1. РС, 1880, № 1, с. 172. *Плюшар* А. А. (1806—1865) — издатель «Весельчака», петербургский типограф и книготорговец. *Брамбеус* (или барон Брамбеус) — псевдоним О. И. Сенковского (см. примеч. 253), который участвовал лишь в первых четырех номерах журнала. Оба безуспешно пытались привлечь Каратыгина к сотрудничеству в журнале (см. об этом: «Русский вестник», 1880, № 9, с. 160).

2. «Русский вестник», 1880, № 9, с. 167, в тексте письма к Л. К. Шульгину от 20 февраля 1859 г., где Каратыгин писал: «Я сочинил эпитафию... прекратившему свое существование „Весельчаку“». *Искра* — петербургский сатирический еженедельный журнал революционно-демократического направления (1859—1873); ред.-изд. В. С. Курочкин и Н. А. Степанов. *Гудок* — юмористически-сатирический журнал, выходивший в Петербурге в 1859 г., ред.-изд. Г. К. Блок; носил благонамеренно-развлекательный характер.

224. РС, 1880, № 3, с. 658, без 3-й строфы, замененной строкой точек. Печ. по кн.: М. В. Шевляков, Русские остряки и остроты их, СПб., 1899, с. 53. Автограф — ЦТМ. Датируется годом первой постановки «Воевода» (в Петербурге, 23 апреля 1865 г.). Комедия Островского «Воевода» («Сон на Волге») при появлении в печати («Современник», 1865, № 1) была встречена критикой отрицательно; многие журналы обошли ее молчанием. У Каратыгина встречаются неодобрительные высказывания и о других пьесах Островского.

225. РС, 1880, № 3, с. 659. В эпиграмме речь идет о трагедии Пушкина «Борис Годунов» и трагедии А. К. Толстого (1817—1875) «Царь Борис» (1868—1869), опубликованной в «Вестнике Европы»,

1870, № 3 (впервые на сцене — в 1881 г.). Стихотворение датируется годом первой публикации драмы Толстого. И. Г. Ямпольский, сопоставляя эти трагедии Пушкина и А. К. Толстого, отмечает «ряд сходных деталей, восходящих к общему источнику — «Истории» Карамзина», сходство некоторых сцен и элементов композиции (См.: А. К. Толстой, Собр. соч., т. 2, М., 1963, с. 684). Примечательно, что поначалу Каратыгин относился к трагедии Пушкина резко отрицательно (см. его письмо к П. А. Катенину от 5 марта 1831 г. — РА, 1871, стлб. 243).

П. П. ПАНАЕВ

226. ОЗ, 1843, № 1, отд. 8, с. 53 (ц. р. — 31 декабря 1842 г.), в «Литературных и журнальных заметках» Панаева, без подписи. Печ. по ССНП, с. 67. Первая публикация (вместе с № 227) Нового поэта. В ОЗ ей предшествует следующий текст: «Спешим обрадовать любителей высокого и прекрасного. Скоро на горизонте русской литературы (благословляем 1843 год!) взойдет величаво новая блестящая звезда, появится новый могучий поэтический талант, в стихах которого сила и светская шеголеватость, яркость и радужность, внешняя художественность формы и кокетливость выражения доведены до изумительного совершенства. Он, по нашему мнению, может быть достойным соперником того русского поэта, который, по справедливости, оценен уже образованною публикою и поставлен глубокомысленными и просвещенными критиками в число наших литературных знаменитостей первой величины». Здесь содержится намек на В. Г. Бенедиктова (1807—1873); его стихи сделались излюбленной мишенью для Нового поэта (см. также №№ 228, 229). Пародия на любовные стихи Бенедиктова.

227. ОЗ, 1843, № 1, отд. 8, с. 54, в «Литературных и журнальных заметках» Панаева, без подписи. Печ. по ССНП, с. 6. Датируется годом ц. р. первой публикации (см. примеч. 226). В ОЗ пародию предваряют следующие слова: «„Романтическая“ поэзия не совсем умерла на Руси — она только заснула было, с большого поэтического разгулья, а теперь просыпается, и, новый Эпименид, не зная, что писалось и читалось на Руси во время ее сна, снова запела свои удалые и хмельные песни. Вот одна из них. . .». Пародия на стихотворения Н. М. Языкова (1803—1846), в творчестве которого, особенно в 20-е годы, значительное место занимали студенческие мотивы, тема дружеских пирушек. *Бурсацкий* — здесь: студенческий. В молодости Языков учился в Дерптском университете.

228. ОЗ, 1843, № 4, отд. 8, с. 129, в «Литературных и журнальных заметках» Панаева, как отрывок из поэмы некоего юного поэта «Наполеон», со следующим предварительным замечанием: «Мы слышали всю поэму из уст самого автора и можем смело уверить читателей, что это произведение колоссальное, в котором чудно соединена глубина мыслей с ослепительным блеском поэзии. Прилагаемый здесь отрывок послужит подтверждением нашего мнения. . . Посмотрите, как ярко и гениально обрисовывает поэт Наполеона. . .» В ССНП не

вошло. Пародия на стих. В. Г. Бенедиктова «Ватерлоо». Панаев высмеивает ходовые штампы, обычные для образа «героя», «гения» в эпигонской поэзии; в пародии сохранены нарочитые перемены ритма, имеющие место в стихотворениях Бенедиктова.

229. ОЗ, 1843, № 4, отд. 8, с. 130, в «Литературных и журнальных заметках» Панаева. Печ. по ССНП, с. 11. В предисловии к сборнику Панаев писал, имея в виду это стихотворение (а также № 226): «Я воспевал... различных чудных и азиатских оев, пропитанных мускусом, с косами, которые бились до пят воронеными каскадами» (с. VI). Пародия на стих. В. Г. Бенедиктова «К черноокой» (первоначально — под загл. «К Аделаидс», (1835)). Наиболее близки к пародии следующие строки из стихотворения Бенедиктова:

Ты — жемчужина Востока,
Поля жаркого цветков! ..
.. Нет в лице твоём тумана,
Грудь не сжата у тебя,
И извив живого стана —
Азиатская змея...
.. Фосфор в бешеном блистанье —
Взоры быстрые твои,
И сладчайшее дыханье
Веет мускусом любви.

Ср. также ст. 1 пародии со ст. 21 стих. Губера «Цыганка» (см. № 49) — «Вот она, дитя Востока...».

230. С, 1847, № 1, отд. 4, с. 67 (ц. р. — 30 декабря 1846 г.). Пародируются общие мотивы любовной лирики Бенедиктова. Наиболее близки к пародии стих. «К черноокой» и «Кудри». Ср. в последнем:

Поцелуем припекать...
.. Кудри пышные, густые —
Юной прелести венец!

231. С, 1847, № 1, отд. 4, с. 67. Печ. по ССНП, с. 7. Датируется по ц. р. первой публикации (см. примеч. 230). Пародия на эпигонские «испанские» стихотворения, множество которых писалось в 30—40-е годы. *Севилья* — город в Андалузии (Южная Испания); расположен на реке *Гвадалквивир*. *Донья* — госпожа.

232. С, 1847, № 1, отд. 4, с. 69. Датируется по ц. р. журнала (см. примеч. 230). Пародия на эпигонский романтизм любовной лирики Н. В. Кукольника (см. примеч. 199) с характерной для него темой почтительной, робкой любви. Наиболее вероятные объекты пародии: стих. «Ленора! с страхом и слезами...», а также отрывки из драматической поэмы «Мария Стюарт».

233. С, 1847, № 1, отд. 4, с. 69. Датируется по ц. р. журнала (см. примеч. 230). Пародия направлена против многочисленных, появившихся в 40-е годы, подражаний лирике Гейне.

234. С, 1847, № 2, отд. 4, с. 164. Печ. по ССНП, с. 81. В С пародии предшествуют следующие слова: «Я, Новый поэт... приношу на суд публики плод долговременных трудов моих и глубокого изучения. Скажу смело: «Доменикино Фети» произведение гениальное, громадное, шекспировское. Однако ж на первый раз не решаюсь печатать его вполне: в нем с лишком сорок тысяч стихов. Странное дело! не могу писать коротко, а сократить жаль: свое, родное, вылившееся из сердца при священном наитии вдохновения!.. Читайте и судите!..» Пародия на драмы Н. В. Кукольника (см. примеч. 199) «Джулио Мости» (1833) и «Доменикино» (ч. 1. «Доменикино в Риме», (1837); ч. 2. «Доменикино в Неаполе», (1838)). В «Доменикино» (как и в ряде других драматических произведений Кукольника, посвященных художникам и поэтам) главным героем выступает гениальный творец, не признаваемый «толпой», наделенный бурными, клокочущими страстями; проповедуется идея божественной избранности гения. Герой драмы Кукольника «Доменикино» — Доменико Зампиери (*Цампиери*, 1581—1641), прозванный Доменикино, итальянский живописец и архитектор, принадлежавший к Болонской школе; творчество его эклектично. В «Джулио Мости» он также один из героев. Главный герой пародии — другой итальянский художник, Доменико Фети (или Фетти, 1589—1624), также примыкавший к Болонской школе. В «Доменикино» он — один из персонажей. *Драматическая греза*. Пародируется подзаголовок «Доменикино» — «драматическая фантазия». Действие первое. Здесь пародируется сцена в картинной зале из «Джулио Мости» (ч. 1, сцена 1), где Зампиери, «сорвав со стены портрет Форнарины, целует его, пляшет и поет:

Форнарина Рафаэля!
Форнарина Рафаэля!
Лейтесь, лейтесь, поцелун
В это чудо, в это диво...»

Горé — вверх. *Джулио Романо* (наст. имя Джулио Питти, 1492 или 1499—1546) — итальянский живописец и архитектор, ученик Рафаэля. Действие седьмое. *Велеленный* — великолепный. *Регалии* — здесь: предметы, являющиеся символом царской власти. *Что вижу я?*.. *Окрест меня собрались* и т. д. Здесь пародируется «Сон Доменикино», интермедия-фантазия из 2-й части «Доменикино», где к герою на «полночный суд великий» являются тени Рафаэля, Микеланджело и других художников. *Архистратиги* — военачальники, здесь: ведущие художники. *Божественный творец «Преображенья»* — Рафаэль Санти (1483—1520). *Бонаротти* — Микеланджело Буонаротти (1475—1564). *Гвидо Рени* (1575—1642) — итальянский художник, представитель академической живописи. *Амврозия* (греч. миф.) — пища богов, дающая бессмертие и вечную юность. *Зане* — так как, потому что. *Опять мечта...* *Проклятая мечта!*.. и т. д. Здесь пародируется финальная сцена из 2-й части «Доменикино», где художник, потерявший веру в себя, разговаривает со своим двойником, на-

поминающим ему о его прежних творениях, и затем выпивает яд. Снижая образ, Новый поэт изображает герся, погубившего свой талант страстью к вину (здесь содержится намек на самого Кукольника).

235. С, 1847, № 4, отд. 4, с. 155, как стихотворение, полученное от поклонницы Нового поэта. Пародия на стих. Е. П. Ростопчиной «„Она всё думает!“ — так говорят и мне...». Ср. у Ростопчиной:

«Она всё думает!» — так говорят и мне —
И важной мудрости, приличной седине,
Хотят от головы моей черноволосой...
«Она всё думает!» — Неправда! Разум мой
Не увлекается мышления тщетой,
Не углубляется в всемирные вопросы.
...Я думать не хочу!.. Зачем мне размышленья?..
Что дума? — Суд, расчет, внимательный разбор
Того, что чудно нам...

К голове моей чернокудрявой, Венчанной миртами. Вероятно, намек на лавровый венок, которым увенчали поэтессу соотечественники во Франции в 1846 г. *Туберозы* (туберозы) — декоративное растение с душистыми цветами. *Село Фекла.* Многие стихотворения Ростопчиной имеют помету «Село Анна».

236. С, 1847, № 4, отд. 4, с. 156, без загл. Загл. — по ССНП, с. 17. Пародируются стихи в «гейневском» духе. Принятая за «серьезное» лирическое стихотворение, пародия была положена на музыку Н. Д. Дмитриевым; романс приобрел большую популярность. Е. П. Ростопчина использовала это стихотворение для своей пародии «Песня по поводу переписки ученого мужа с не менее ученой женой» («Густолиственных липок аллея...»), направленной против К. К. Павловой и Панаева (см. в кн.: «Русская стихотворная пародия», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1960, с. 491, 779).

237. С, 1850, № 5, отд. 6, с. 142. Пародия на стих. А. А. Фета (1820—1892) «Ты говоришь мне: прости!...».

238. С, 1850, № 11, отд. 6, с. 97, под загл. «К Фанни», без подзаг. Печ. по ССНП, с. 39. Пародия на стих. Н. В. Берга (см. с. 426) «Фанни Эльслер, в день отъезда ее из Москвы» (М, 1850, № 12). *Фанни Эльслер* (1810—1884) — австрийская балерина; гастролировала в 1850—1851 гг. в Петербурге и Москве, где пользовалась огромным успехом; ей также посвящены анонимное стих. «Ф. Э. в „Жизели“» (М, 1850, № 12) и стих. Ростопчиной «Фанни Эльслер, в день ее последнего представления» («Стихотворения», т. 2, СПб., 1856). Ср. в стихотворении Берга:

Да, мне милы и за то вы,
Что, любя Москву мою,
Полюбили в ней еще вы
Наши Горы Воробьевы,
Что гуляли по Кремлю.

Там, свои покинув дрожки,
Вы смотрели на Москву,
Там и ваши чудо-ножки,
Пропорхнувши вдоль дорожки,
Смяли нашу мураву. . .

239. С, 1851, № 3, отд. 5, с. 14, в рецензии на кн. «Прогулка по Пассажу. Шутка П. Татаринова», СПб., 1851. «Перепев» стих. Пушкина «Я здесь, Инезилья. . .» (1830). Пародия на «испанские» стихотворения, надуманность, оторванность от жизни которых осмеивается перенесением действия из Испании в обывательскую обстановку глухой русской провинции.

240. С, 1851, № 9, отд. 6, с. 42, в «Заметках Нового поэта о русской журналистике. Август 1851». Печ. по ССНП, с. 71. В С после пародии Новый поэт пишет: «Прекрасно, — заметил мой внутренний голос, — в этом греческом стихотворении греческая жизнь отражается точно так же верно и ловко, как и в других русских стихотворениях, называемых греческими; но только ты опоздал немножко. Мода на греческие стихотворения уже прошла, теперь они совсем не в ходу». Пародия на антологические стихотворения Н. Ф. Щербины (см. примеч. 159), вошедшие в его сб. «Греческие стихотворения» (Одесса, 1850). *Марафонские поля* — равнина в Аттике, где в 490 г. до н. э. греки одержали победу над персами. *Эврипид* (Еврипид, ок. 480—406 до н. э.), *Софокл* (ок. 497—406 до н. э.); *Эсхил* (525—456 до н. э.) — древнегреческие драматурги. *Аркадия* — гористая область на полуострове Пелопоннес (Греция). *Эримантос* — горы на западе Пелопоннеса. *Певцы беотийские* — из Беотии, области в Средней Греции, славившейся своими певцами и музыкантами. *Сикомора* (сикомор) — тутовое дерево. *Венера пафосская*. Пафос — древний город на острове Кипр, где расположен храм Венеры (Афродиты). *Лесбийские жены* — с острова Лесбос, находящегося в Эгейском море. *Парфенон* — храм Афины, построенный в V в. до н. э. в Афинах. *Амфора* — см. примеч. 97. *Гетера* — в Древней Греции — образованная незамужняя женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни. *Агора* — площадь в древнегреческих городах, где устраивались народные собрания. *Тетрахорда* — древнегреческий музыкальный инструмент, разновидность лиры. *Помавать* — покачивать.

241. С, 1851, № 11, отд. 5, с. 86, в «Заметках Нового поэта о русской журналистике. Октябрь 1851», как «новое произведение дамы-поэта», прочитанное ею «в блестящем литературном собрании». «Все в этом стихотворении, — пишет Новый поэт, — начиная от великолепного, истинно колоссального (если не по идее, то по намерению) содержания — до отделки стиха, обличает руку опытную и самоуверенную. . .». Пародия на стихи из романа К. К. Павловой (1807—1893) «Двойная жизнь». Наиболее близки к пародии стихи из 3-й гл. романа («Песнь о колоколе»), которые, по ходу действия, читает молодой поэт в светском кружке, состоящем «из самых избранных любителей и любительниц литературы». Ср. в особенности след. строки:

И будь отныне таково
Предназначение его.
Там средь небесного объема,
Высоко над землей взнесен,
Пусть плавает, соседом грома,
И с миром звезд граничит он. . .

Перемена ритма в конце пародии имеет место и в ряде стихотворных фрагментов романа Павловой.

242. С, 1853, № 11, отд. 6; с. 78, в статье «Заметки Нового поэта о предметах, вовсе не касающихся литературы, его новые стихи и два слова о русской журналистике. Октябрь», без ст. 7—8. Печ. по ССНП, с. 26. Пародия на стих. Н. П. Огарева (1813—1877) «В пирах безумно молодость проходит. . .», которое, без ст. 7—9, было напечатано в С, 1850, № 1. Приводим текст пародируемого стихотворения:

В пирах безумно молодость проходит;
Стаканов звон да шутки, смех да крик
Не умолкают. А меж тем не сходит
С души тоска ни на единый миг;
Меж тем и жизнь идет, и тяготеет
Над ней судьба, и страшной тайной веет.
Мне мир наскучил — он не шлет забвенья
Душевной скорби; судорожный смех
Не заглушает тайного мученья! . .

243. С, 1853, № 11, отд. 6, с. 77, в тексте той же статьи, что и предыдущая пародия. Печ. по ССНП, с. 21. В С пародию предваряют следующие слова: «Заговорив о стихах, я, кстати, не могу удержаться, чтобы не сообщить моему благосклонному читателю, что я сочиняю теперь поэму. В поэме этой будет до 115 глав. Вот небольшой отрывок из главы 48. . .» После текста пародии Новый поэт пишет: «О, счастливы, тысячу раз счастливы обитатели деревень, созерцающие природу и курящие жуков табак! Мы, обитатели шумных городов. . . самые жалкие создания. У нас. . .» — и далее следует пародия «В безумных оргиях уходит жизнь, как сон. . .» (см. № 242). Пародия на напечатанные в М стих. М. А. Стаховича «Пальна» (см. № 112) и «Осень» (см. № 113). Ср. в первом — ст. 17—26 и во втором — ст. 61—64.

244. С, 1854, № 2, «Литературный ералаш. Тетрадь первая», с. 24. Пародия на стих. А. А. Фета «Старый парк» и «Не спрашивай, над чем задумываюсь я. . .», напечатанные в том же помере С. Ср. в первом:

Краснели по краям кленовые листья,
Горошек отцветал, и осыпалась роза.

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;

Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы. . .

И во втором:

Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте, —
Закаркал как-то зло, отрывисто и резко.

245. С, 1855, № 2, отд. 5, с. 225, в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики», без загл., как перевод «нового глубокомысленного стихотворения одного современного персидского поэта», прочитанное Новому поэту «содержателем одного персидского магазина». Печ. по ССНП, с. 75.

246. ССНП, с. 23.

П. А. ФЕДОТОВ

247. «Военный сборник», 1902, № 11, с. 244, в статье В. В. Жерве «Павел Андреевич Федотов. Биографический очерк», с искажениями. Печ. по автографу (ГРМ). Датируется годом создания картины «Свежий кавалер» (1846; другие названия картины: «Следствия пирушки и упреки», «Утро чиновника, получившего накануне орден»), тематически связано с ней. *Друзей под масть уж подбирают*. Имеется в виду пьяный полицейский, изображенный на картине лежащим под столом. Ср. прозаическое описание картины, также принадлежащее Федотову: «Под столом заднего плана виден пробуждающийся, вероятно оставшийся на поле битвы, тоже кавалер, но из таких, которые пристают с паспортами к проходящим» (Лещинский, с. 178).

248. П, 1854, № 1, с. 19, в статье В. В. Толбина «П. А. Федотов» — отрывки (276 ст.) с пересказом или пропуском наиболее острых в цензурном отношении мест; «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора», Лейпциг, 1857, с. 14, без указания автора, под загл. «Рассуждение майора» (508 ст.), вместе с № 254, помещенным в качестве предисловия, со множеством пропусков, в том числе и ряда острых в политическом отношении мест; «Русское слово», 1862, № 4, с. 13, в статье А. Г. Витковского «Воспоминания о Павле Андреевиче Федотове», под загл. «Рассуждение майора, или Поправка обстоятельств» — отрывки (143 ст.), соединенные пересказом исключенных мест, со следующим примечанием, намекающим на цензурный характер изъятий: «К сожалению, по не зависящим от нас обстоятельствам мы не можем привести всех стихов и приуждены ограничиться слабейшими из них. . .» (с. 17); РС, 1872, № 5, с. 739, как вторая часть трехчастной поэмы «Майор», под загл. «Размышления майора, или Поправление обстоятельств» (530 ст.; вместе с №№ 254 и 250, названными здесь «Предисловие к читателям» и «Содержание картины „Приезд жениха“»), опубликовано В. П. Поповым, восстановившим, как сказано в редакционном предисловии, «более правильный текст «Майора» по нескольким имеющимся у нас спискам» (с. 733), с приложением вариантов (с. 754) и с дополнением (РС, 1872, № 8, с. 211), где (по нескольким спискам либо со слов друзей

Федотова, а также по экземпляру лейпцигского изд. 1857 г.) приводятся наиболее резкие в цензурном отношении стихи; Лещинский, с. 146, с указанием: «Печатаемый нами текст поэмы восстановлен по рукописи Федотова, находящейся в Институте литературы Академии наук» (с. 140; однако автограф поэмы ни в ПД, ни в других рукописных хранилищах нами не обнаружен, текст же в кн. Лещинского имеет большое число разночтений по сравнению со всеми публикациями и списками поэмы). Печ. по кн. Ростовского, Приложение, с. 33, где опубликовано по списку П. И. Рейслера, одного из ближайших друзей Федотова (наиболее полному и исправному по сравнению со всеми другими публикациями и известными нам списками), с восстановлением пропущенных здесь ст. 10, 44—47, 70, 302, 321, 441 и 784 и исправлением явных искажений в ст. 11, 30, 105, 234, 241, 354—355, 377, 403, 490, 548, 565, 620, 754—755, 914 и 943 по другим публикациям и спискам. Ст. 495 — начало 496-го заменены строками точек во всех публикациях и обнаруженных нами списках. Датируется 1848 г., временем завершения работы над картиной «Сватовство майора» (см.: Н. Харджиев, К изучению жизни и творчества П. А. Федотова. — «Искусство», 1956, № 8, с. 67; та же дата в кн.: «Московская Румянцевская галерея». Редакция и объяснительный текст Н. И. Романова, М., [1905], с. 57 и в нескольких списках поэмы. Иные даты: «около 1846 г.» — Сомов, с. 9; «1846» — РС, 1872, № 5 и Лещинский, с. 39; «1849» — РС, 1872, № 8 — все без мотивировок; сведения о распространении поэмы в 1846—1848 гг. отсутствуют). Еще при жизни автора поэма была очень популярна и получила широкое распространение в списках; несколько десятков их хранится в различных архивах Москвы и Ленинграда. Текстуальные расхождения между списками поэмы, порой значительные, следующим образом объясняются младшим современником Федотова, А. И. Сомовым: «Автор, чувствуя... несовершенства, старался устранить их и поэтому постоянно переправлял и сокращал свое произведение, вследствие чего оно ходило по рукам в различных редакциях, причем позднейшие отличались большею гладкостью стиха и краткостью» (Сомов, с. 10). Впрочем, краткость списков — это часто результат отсутствия в них не только несовершенных, но и цензурно острых мест. Кроме того, нередки случаи искажения текста при многократной переписке. А. И. Сомов вспоминает: «... автор не предназначал эту пьесу для печати, для которой она, при тогдашних условиях цензуры, была и совершенно неудобна. Но он охотно читал ее в знакомых домах, давал друзьям ее списывать, а те, в свою очередь, позволяли другим делать с нее копии, которые таким образом скоро распространились по всему городу (Петербургу), и не было дома, где не читалась и не переписывалась бы эта «забавная» и, что всего главнее, «нецензурная» поэма» (там же). Поэма получила распространение также в Москве и в провинции, была популярна в офицерской среде (см.: Вл. Ашукин, Федотов-поэт. — «Русский инвалид», 1902, 14 ноября). Цензура долгое время препятствовала проникновению поэмы в печать. Цензурному преследованию в России подверглось анонимное лейпцигское издание 1857 г. Комитет цензуры иностранной сообщил министру народного просвещения 25 февраля 1858 г. об изъятии экземпляра поэмы в этом издании у московского книгопродавца Кнута: «Комитет препровождал сию книгу в С-Петербургский цен-

зурный комитет и спрашивал: не была ли она в рукописи представлена на рассмотрение внутренней цензуры. В ответе своем комитет сей изъявил: 1. что помянутое стихотворение писано покойным Федотовым и 2. что в нем есть некоторые довольно жесткие места, которые следовало бы исправить; но как этого теперь, за смертью автора, сделать невозможно, то обстоятельство это, составляя препятствие к дозволению в продажу или в свет означенной брошюры, может быть разрешено только Главным управлением цензуры». В свою очередь Главное управление цензуры определило: «не дозволить сие сочинение к ввозу в Россию» (ЦГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 4398). В 1867 г. неизвестным лицом была предпринята попытка опубликовать текст поэмы без купюр (эта рукопись не сохранилась) в составе представленной им в цензуру рукописи сборника «Старые тетради. Сборник сочинений разных авторов в прозе и стихах», который включал еще несколько произведений других авторов, «ходивших по рукам в рукописных списках, вследствие неудобства издания их в печати». На заседании Петербургского цензурного комитета, состоявшемся 13 декабря 1867 г., было принято решение о запрещении этого издания: «Те же причины, которые делали невозможным напечатание их доселе, существуют и поныне». Произведение Федотова характеризовалось следующим образом: «В этом стихотворении представляется в грустном виде положение военного человека, судьба которого зависит от произвола и личного взгляда начальника, который за малейшую и не заслуживающую никакого внимания ошибку может лишить насущного хлеба своего подчиненного, употребившего большую часть жизни на военную службу и уже неспособного более ни к какому другому делу» (ЦГИА). «Поправка обстоятельств», как и № 250, тематически связана с центральным живописным произведением Федотова, картиной «Сватовство майора», и представляет как бы предысторию героя картины. Действующие лица поэмы — майор, купец Кульков, невеста, сваха — присутствуют и на полотне. Среди поэтических произведений художника поэма, несмотря на налет дилетантизма, является наиболее значительным по остроте и широте сатирического показа современной автору российской действительности. *Ст. 24. Каре* — боевое построение пехоты четырехугольником. *Ст. 29. Назначить фас* — скомандовать построение в линию, лицом к неприятелю. *Ст. 81. Ваше . . .ство* — ваше превосходительство — титулование генералов и соответствующих гражданских чинов. *Ст. 115. Крест* — здесь: орден в форме креста. *Ст. 119. Третий боевой* — определенный боевой порядок, построение войск для ведения боя. *Ст. 123. Жолнер* (или жалонёр) — солдат или офицер, поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть. *Ст. 173. Шитье* — золотая вышивка на генеральском мундире. *Ст. 178. Пансион* — пенсия. *Ст. 180. Статский* — штатский. *Ст. 183. В статской я надворным буду*. Имеется в виду соответствие майорского чина гражданскому чину надворного советника. *Ст. 186, 189. Начальник отделенья, столоначальник* — см. примеч. 197. *Ст. 213. Комиссарьят* (комиссариат) — учреждение, ведавшее снабжением армии. *Ст. 227. Ломбард* — см. примеч. 207. *Ст. 230. Сарданпал* — имеется в виду последний ассирийский царь Ассурбанипал (668—626 до н. э.), отличавшийся пристрастием к роскоши. *Ст. 241. Пр — во* — сокращ. превосходительство. *Ст. 308. Кан-*

тонист — в крепостной России — солдатский сын, числившийся со дня рождения за военным ведомством и подготавливаемый к военной службе в низшей военной школе. Ст. 335. *Конная* — площадь, где торговали лошадьми; кроме того, там производились экзекуции. Ст. 368. *Темляк* — петля с кистью у рукоятки сабли. Ст. 369. *Знак* — знак отличия, орден. Ст. 371. *Близ трактира будки Не получишь*. Имеется в виду должность полицейского-будочника; на посту его ставилась деревянная полосатая будка. Ст. 398. «*Со святыми упокой*» — цитата из молитвы «О умерших» православного «Молитвослова». Ст. 423. *Штаб* — штаб-офицер; так назывались офицеры в чине от майора до полковника включительно. *Густые эполеты*. В дореволюционной русской армии эполеты — парадные офицерские погоны, украшенные бахромой и позументами; различались в зависимости от чина по величине и украшениям. Здесь: пышные штаб-офицерские, в отличие от узких — у младших офицеров. Ст. 433. *Чин высокоблагородный*. Штаб-офицеры титуловались «ваше высокоблагородие». Ст. 465. *С бородой, в сибирках, тести* — т. е. из простонародья; бороду носили представители купеческого и крестьянского сословий. Сибирка — короткий кафтан со сборами. Ст. 511. *Почетный гражданин* — звание, учрежденное в России в 1832 г. для представителей зажиточных и именитых городских обывателей. Закон предоставлял почетным гражданам ряд преимуществ: свободу от рекрутской повинности, от телесных наказаний и т. д. Почетное гражданство, личное и потомственное, было установлено с целью удержать «вредное стремление купцов, ученых и художников к достижению (через службу) дворянства». Ст. 522. *Раздаст по корпусам* — т. е. по закрытым военным учебным заведениям. Ст. 538. *Доломан* — гусарский мундир, расшитый шнурами. Ст. 543. *Колет* — здесь: форменная короткая облегающая куртка. Ст. 560. «*Гольден трессен, Абер только нихтс цу фрессен!*» («Golden Tressen, Aber nichts zu fressen». — нем.) — «Золотые галуны, Да только нечего жрать!» Ст. 621. *Бурбон* — здесь: грубый, заносчивый, невежественный администратор. Ст. 624. *Мотыжка* — мот. Ст. 628. *Зафидонит* — от фр. *fi donc!* — междоместия, выражающего пренебрежительное отношение к чему-либо. Ст. 689. *Флигель-адъютант* — офицер царской свиты. Ст. 691. *Мундир... преображенский* — мундир лейб-гвардии Преображенского полка, осуществлявшего охрану царя и дворцовых помещений. Ст. 812. *Полный генерал* — в просторечии: высший генеральский чин (генерал от кавалерии, артиллерии или инфантерии). Ст. 841. *Пятиалтынник* — 15-копеечная монета. Ст. 918. *Преосвященный* — титул епископа. Ст. 956. *Архалук* — короткий кафтан. Ст. 960. *Аксельбанты* — см. примеч. 181.

249. П, 1854, № 1, с. 35 (см. примеч. 248); «Русское слово», 1862, № 4 (см. примеч. 248); РС, 1889, № 1; Булгаков; Лещинский. Печ. по списку ГРМ, где текст наиболее исправный (так, здесь имеются конец 42 — начало 46 ст., отсутствующие во всех других дореволюционных публикациях). Датируется по РС. Басня посвящена трагической судьбе художника в царской России. В. В. Толбин писал, что Федотов «хотел изобразить художника, у которого нет средств окончательно образовать себя и который поэтому должен оставаться в тени и нейти дальше посредственности» (П, 1854, № 1, с. 34—

35). Л. М. Жемчужников отмечал автобиографический смысл басни, «закрывающей исповедь Федотова, в которой он говорит о своем душевном состоянии и под видом «цветка» жалуется «пчеле», что утерял свой рост, цвет и аромат, потому что стена, север и тень заслоняют ему солнце» (Л. М. Жемчужников, Мои воспоминания из прошлого, Л., 1971, с. 11); далее следует рассказ о глубоком воздействии этой басни в авторском чтении на слушателей.

250. П, 1854, № 1, с. 15 (см. примеч. 248), без ст. 29—35, 61, 63—64, 86, 102, 117, 126—134, с чтением ст. 124—125: «Муж сед и именит, Хозяин добродетель чит!» и с другими изменениями; «Русское слово», 1862, № 4 (см. примеч. 248), в составе 59 ст.; «Колпак. Новый юмористический сборник Нестора Око», СПб., 1866, под загл. «Сватовство майора. Объяснение к картине П. А. Федотова, написанное им же самим», без ст. 61, 63—64, 102, 117, 126—127 и с другими изменениями; РС, 1872, № 5, в составе поэмы (см. примеч. 248) — вариант, близкий к опубликованному в П; Ростковский, под загл. «Объяснение картины», без ст. 4, 45, 63—64, 132—167 и с рядом других разночтений; Лещинский, без ст. 45 и с другими разночтениями. Печ. по Сомову, с. 11, где опубликован по списку наиболее полный вариант, с восстановлением ст. 164 по списку ПД. Публикация Сомова отличается, в частности, наличием вариаций на церковные темы, полностью или частично исключенных во всех других дореволюционных публикациях; на фоне веселого балагурства раешного стиха этот мотив звучит с явной издевкой. В списках стихотворение часто публиковалось вместе с поэмой «Сватовство майора» после нее, нередко — под загл. «Объяснение самой картины. Рассказ простонародный протяжным напевом». Датируется на основании сведений о первом публичном чтении «Рацеи» самим автором; чтение состоялось осенью 1849 г. в Академии художеств на трехгодичной Академической выставке, где экспонировалась картина «Сватовство майора». Очевидец так вспоминает об этом: «...Федотов взял меня под руку и повел к своей картине; но добраться к ней было нелегко. П. А. громким голосом обратился к публике и сказал: «Господа, позвольте пройти автору!» Публика расступилась, он подошел со мною к картине и, обращаясь к зрителям, начал, улыбаясь, объяснять ее, выкрикивая слова, как раешник: «Честные господа...» Публика была довольна, слушала и заливалась от хохота...» (Л. М. Жемчужников, Мои воспоминания из прошлого, Л., 1971, с. 109—110; ср. Сомов, с. 12). Чтением «Рацеи» Федотов сопровождал показ своей картины на вечерах в различных домах Москвы в 1850 г. Порой на одних с ним вечерах Островский читал свою новую комедию «Банкрот» (см.: И. М. Снегирев, Дневник, М., 1904, с. 452, 454, 459). Стихотворение, написанное раешным стихом, представляет собой оригинальный авторский комментарий, характеризующий персонажей и детали картины. *Рацея* — длинное витиеватое рассуждение или сочинение назидательного характера. *Очутишься в будке* — см. примеч. 248. *А в густых-то будь зять* — в «густых» эпюлетах (см. примеч. 248). *Сиречь* — то есть, иными словами. *Сиделец* — приказчик, продавец в лавке. *Шугай* — крестьянская короткополая кофта. *Угрешская обитель* — Николо-Угрешский монастырь на реке Угреш вблизи Москвы. *Святитель* — здесь: святой Николай.

Кульнев, которому в славу и честь Даже у немцев крест железный есть. Имеется в виду «Кульмский крест» — так называли в России прусский военный орден (железный крест), вручавшийся прусским королем отличившимся участникам Кульмского боя (17—18 августа 1813 г., близ селенья Кульм в Чехии) между союзными войсками (в их числе была русская пехотная дивизия) и французской армией, закончившегося победой союзников. Генерал Я. П. Кульнев (1763—1812), участник Отечественной войны 1812 г., скончался за год до Кульмского боя; отношения ни к бою, ни к «кресту» не имеет. *Елавайский* — А. И. Иловайский (ум. 1796) — генерал, войсковой атаман Донского войска, участник нескольких войн.

251. ЛН, т. 67, М., 1959, с. 589. Печ. с исправлением ст. 34 и 47 по автографу ПД. Предположительно датируется 1849 г., временем усиления произвола царской цензуры, против которой и направлена «притча». Так, в 1848 г. был запрещен «Иллюстрированный альманах». Федотов сделал для него иллюстрации к рассказу Достоевского «Ползунков» (в 1849 г. альманах вышел, но в урезанном виде, без иллюстраций Федотова). «Притча» была известна современникам: В. В. Толбин упоминает о ней как о «замечательном произведении» (П, 1854, № 1, с. 43). Но, вследствие своей антицензурной направленности, «притча» не могла в то время быть напечатана. *Тарпейская скала* — утес Капитолийского холма в Древнем Риме, откуда сбрасывали приговоренных к смерти преступников. *Крест* — здесь: орден.

252. П, 1854, № 1, с. 38 (см. примеч. 248); РС, 1890, № 4, под загл. «Хавронья»; Булгаков; Лещинский. Печ. по П, с восстановлением ст. 28 по РС (тот же вариант стиха — в списке ГРМ) и ст. 66—67, отсутствующих во всех публикациях басни, — по кн.: «Московская Румянцевская галерея». Редакция и объяснительный текст Н. И. Романова. М., [1905], с. 63, где приведены ст. 59—67; по указанию Романова, первоначально басня была озаглавлена «Цензура». Предположительно датируется 1849 г., временем усиления произвола царской цензуры, олицетворенной в басне в образе Хавроньи. А. Н. Майков, ценивший эту басню выше других стихотворений Федотова, писал: «Под нею не отказался бы подписать свое имя и Крылов и, конечно, поставил бы ее наряду с удачейшими своими произведениями» (ОЗ, 1854, № 3-4, отд. 4, с. 46).

253. Лещинский, с. 117, где опубликовано по черновому автографу из рукописной тетради Федотова (ГРМ), с искажениями в ст. 1, 3 и пропуском ст. 5—8. Печ. по автографу. К ст. 8 в автографе — приписка сбоку: «Да против репки — и сей и оный крепки». Датируется по месту в тетради. *Сенковский О. И.* (1800—1858) — писатель, журналист и востоковед, редактор журнала «Библиотека для чтения». *Стреляет в сей и оный репой.* Имеется в виду разгоревшаяся в середине 1830-х годов оживленная журнальная полемика между Сенковским и Н. И. Гречем об употреблении местоимений «сей» и «оный» («этот» и «тот»); Сенковский считал их устаревшими и требовал заменить, Греч же (на его стороне был и Н. А. Полевой) упорно отстаивал их, обвиняя Сенковского в порче русского языка. *Отправило за Енисей* — т. е. в сибирскую ссылку. *Гусиное*

перо Крылова и т. д. Подразумевается басня И. А. Крылова (1768—1844) «Гуси» («Предлинной хворостиной...»).

254. П, 1854, № 1, с. 47 (см. примеч. 248) — отрывки (71 ст.), связанные пересказом неприемлемых для цензуры мест; «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора», Лейпциг, 1857, без указания автора (см. примеч. 248); «Русское слово», 1862, № 4; РС, 1872, №№ 5 и 8 (дополнения и варианты по нескольким спискам); Лещинский. Печ. по кн. Ростковского, Приложение, с. 30, где опубликовано как самостоятельное произведение по списку П. И. Рейслера, с исправлением искажений в ст. 56, 120 и 188 (правильное чтение этих стихов в целом ряде списков и публикаций). По предположению А. И. Сомова, стихотворение было набросано вчерне еще в бытность Федотова в полку и только впоследствии было переработано (Сомов, с. 10). Датируется началом 1850 г. согласно следующему указанию В. В. Толбина: «Будучи в Москве, где стихи его читались с восторгом, он сам поспешил оградить себя от неуместных похвал, написав воззвание к своим почитателям...» (П, 1854, № 1, с. 47). Многочисленные списки с различными, порой значительными, разночтениями хранятся в архивах Москвы и Ленинграда; в некоторых списках стихотворение в качестве предисловия или первой главы входит в состав поэмы «Поправка обстоятельств». Стихотворение с поэмой органически не связано и было включено в нее, вероятно, уже после смерти автора; так, редакционное предисловие в РС указывает на самостоятельный характер произведения: «„Предисловие к читателям“ написано автором вообще по поводу его стихотворений, но оно всего более соответствует его поэме, а потому и предпослано нами „Рассуждениям майора“» (№ 5, с. 773). В одном из списков (ЦГАЛИ) — под загл. «Гарнизонная крыса» и с подзаг. «К читателям». Кто б ни был, добрый мой читатель и т. д. Перифраз стихов Пушкина из романа «Евгений Онегин»: «Кто б ни был ты, о мой читатель, Друг, недруг, я хочу с тобой Расстаться нынче как приятель» (гл. 8, строфа 49). ...*То перо, что носят в иляпе*. Перо в треугольной шляпе — деталь офицерской формы того времени. *Аванпосты* — передовые посты. *Феб* — здесь: солнце. *Звезды земные* — награды, ордена. *Ведь есть же Лизин пруд у нас* и примеч. Имеются в виду герои повести Карамзина «Бедная Лиза». *С трубою, с крыльями кумир* — богиня победы. *Косарь* — здесь: большой нож с толстым и широким лезвием.

255. РС, 1890, № 4, с. 195, без ст. 31 и 104 и с др. изменениями; Лещинский. Печ. по списку ГРМ.

256. П, 1854, № 1, с. 37 (см. примеч. 248); РС, 1890, № 4; Булгаков; Лещинский. Печ. по списку ГРМ, где текст наиболее исправный. «„Тень“, — писал Ф. И. Булгаков, — это обстоятельства, парализующие развитие таланта; в таких высоких сферах, откуда светит благодатное солнце, как бы не существует понятия о тени, которая лишается солнечных лучей, озаряющих и согревающих всех одинаково, и потому талант в этих сферах от самого «Солнца» не встречает себе ни сочувствия, ни помощи против гнетущих его обстоятельств. Ярче трудно выразить взгляд самого художника на безвы-

ходно роковое положение своего таланта» (Булгаков, с. 3). *Стать в пень* — недоумевать.

257. П, 1854, № 1, с. 32 (см. примеч. 248); Лещинский. Печ. по П, где текст более исправный. Список — ГРМ.

Н. В. БЕРГ

258. М, 1845, № 1, с. 30, с подзаг. «с шведского», без указания автора оригинала. Печ. по «Переводам и подражаниям Н. В. Берга», СПб., 1860, с. 191. Перевод стихотворения шведского поэта И.-Л. Ру-неберга (1804—1877). Положено на музыку П. П. Булаховым.

259. «Краледворская рукопись. Собрание древних чешских эпических и лирических песен, перевел Н. Берг», М., 1846, с. 58. Датируется по письму Берга к С. П. Шевыреву от 20 декабря 1845 г. (ГПБ), где Берг сообщает об окончании перевода «Рукописи», начатого в 1844 г. «Краледворская рукопись» — подделка под старочешскую поэзию, созданная В. Ганкой (см. примеч. 263) вместе с литератором И. Линдой и якобы найденная Ганкой в 1817 г.; подложность ее была доказана лишь в 1880-х годах; оказала большое влияние на чешскую литературу.

260. «Развлечение», 1860, № 9, с. 1, с датой: 2 августа 1857 г. Однако упоминание об этом стихотворении содержится в письме Берга к С. П. Шевыреву от 5 декабря 1845 г. (ГПБ); уже тогда оно, предназначенное для М, находилось у Погодина; датируется по письму. Автограф с незначительными разночтениями — ГПБ. Вольное переложение в стихи «плача» Ярославны из «Слова о полку Игореве»; «плач» здесь превращен в песню. См. также: Ф. Б. Миллер, № 281.

261. «Сербские народные песни. Перевел Н. Берг», М., 1847, с. 38. Перевод песни «Везир Зејна по бостану везла...» *Баклава* — слоеный пирог с орехами в сиропе.

262. М, 1848, № 12, с. 123, под загл. «Ей». Печ. по кн.: [Н. В. Берг], *Srngâratilakam*, или Книга любви..., Познань, 1881, с. 8. Входило в песенники (с 1880-х годов), иногда как цыганский романс.

263. М, 1849, № 21—24, с. 108, с подзаг.: «с чешского», без указания автора оригинала, с эпиграфом: «Ach wy, oĉi, oĉi!» и другим порядком строф. Печ. по кн.: *Srngâratilakam*, или Книга любви..., с. 10. Перевод стих. чешского поэта и филолога Вацлава *Ганки* (1781—1861) «*Modre oĉi*» («Ach wy, oĉi, oĉi...»).

264. А. Л. Гурилев (Отд. изд. с нотами), СПб., (ц. р. — 1851 г.). Печ. по «Переводам и подражаниям», с. 265. Датируется по ц. р. первой публикации. Перевод стихотворения польского поэта Йозефа *Масальского* (1800 — ок. 1845). Положено на музыку П. П. Булаховым и А. Л. Гурилевым; оба романса были популярны.

265. «Песни разных народов», М., 1854, с. 5, без указания автора оригинала и с разночтениями; «Русская беседа», 1858, № 10, в составе отрывка из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод»; «Переводы и подражания» (в составе того же отрывка). Печ. по кн.: «Переводы из Мицкевича Н. Берга», Варшава, 1865, с. 195 (в составе того же отрывка). Перевод песни Вайделота («O wieści gminna, ty arko przypierza...») из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод».

266. «Песни разных народов», с. 47. Перевод песни «Pulkoratis» («Asz turĕjau mązą Bróli...»).

267. Там же, с. 51. Перевод песни «Wąrnas» («Atlĕke ĵudas Wąrnas...»). *Иверни* — осколки.

268. Там же, с. 145. Перевод краковяков «Bieży konik, bieży, bardzo się zadyszał...» и др. *Краковяки* — куплеты, которые нередко поются при исполнении краковяка, польского народного танца.

269. Там же, с. 169. Перевод песни «Minun sulhoni soassa...» («Muien on sulhonsa kotona...»).

270. Там же, с. 173. Перевод песни «Omat on wirret oppimani» («Ei ole seppä sen parempi...»).

271. Там же, с. 183. Перевод песни «Τελευταῖος ἀποχαιρετισμὸς τοῦ κλέφτη» («Ροβόλα κάτω ἔσ τὸν γιάλον, κάτω ἔσ τὸ περιγιάλι...»). Второй, более точный перевод помещен в примечаниях, с. 202. Ранее песня была переведена Н. И. Гнедичем. *Клефты* — вольнолюбивые греки, которые, не подчинившись власти турок, поработивших страну, ушли в горы и образовали там независимые общины; принимали активное участие в борьбе за освобождение Греции в 20-х годах XIX в. *Пречистая* — богоматерь.

272. Там же, с. 331. Перевод песни «Женидба врапца Подунавца» («Кад се жени врабац Подунавац...»). *Чекуша* — хохлатый жаворонок. *Чанура* — рыжая цапля. *Шеверлюга* — полевой жаворонок. *Косово поле* — котловина в Южной Сербии, где 15 июня 1389 г. турки разгромили объединенные войска сербов и боснийцев; это было началом жестокого многовекового угнетения Турцией народов Балканского полуострова.

273. Там же, с. 531. Перевод песни «Mort et convoi de l'invincible Malbrough» («Malbrough s'en va-t-en guerre...»). В примечании Берг пишет: «Кто не знает песни «Мальбрук в поход поехал!» В конце прошлого столетия она пронеслась по всей Европе, была переведена на все языки, везде стала народна. Во время войны с Наполеоном в нашей армии звучало нередко „mironton, mironton, mirontaine“» (с. 552). *Мальбрук* — искаженное имя герцога Джона Чёрчилля Мальборо (1650—1722), английского полководца и политического деятеля; он одержал ряд крупных побед над французами,

в частности, в битве при Мальплаке (1709), когда и сложилась, как предполагает Берг, эта песня. «Повод к сочинению песни... — пишет он, — был подан слухом, распространившимся в войсках накануне битвы... что Мальбрук убит» (с. 552). *Мальбрукова супруга* — герцогиня С.-Д. Мальборо (1660—1744), пользовалась большим влиянием при английском дворе. *Кираса* — металлический панцирь, закрывающий спину и грудь.

274. М, 1855, № 12, с. 43, в тексте «Севастопольских писем» Берга. Некрасов откликнулся на стихотворение сочувственным отзывом. Перепечатав его целиком в С, в своих «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года», он писал: «Нам понравились... небольшие стихи г. Берга... В этих стихах слышится живой голос, живое чувство очевидца, — вот отчего такая разница между ними и множеством стихотворений на ту же тему, сочиняемых в Москве, в Петербурге и во всех городах, где есть грамотные люди...» (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., т. 9, М., 1950, с. 330, 331). *Ты плачешь, море, что не стало Тебе знакомых кораблей*. Во время Севастопольской обороны, 11 сентября 1854 г., для предотвращения прорыва на сева-стопольский рейд флота противника поперек входа в бухту было затоплено несколько военных кораблей.

275. М, 1855, № 19-20, с. 148, в тексте «Крымских писем к М. П. Погодину», без загл., подпись: Б. Печ. по кн.: Śrngâtilakanî, или Книга любви..., с. 14, где опубликовано под загл. «Ей же», — предыдущее стихотворение называется «Афи». *Муэдзин* — служитель при мечети, возглашавший часы, установленные для молитв и обрядов (намаза).

Ф. Б. МИЛЛЕР

276—279. 1. М, 1844, № 1, с. 24 (ц. р. — 28 декабря 1843 г.), без указания автора оригинала; Стихотворения 1841—1848, М., 1849, под загл. «Романсы о пирате», без 3-й части. Печ. по Стихотворениям 1840—1860, [т. 1], изд. 3, М., 1872, с. 1, с исправлением неверной даты по ц. р. первой публикации. Перевод стих. немецкого поэта Фердинанда Фрейлиграта (1810—1875) «Piratenromanze» («Auf dem Decke der Gabarre...»). *Габара* — плоскодонное морское судно. *Дека* (дек) — навесная палуба судна. *Гоанго* — Хуанхэ, река в Китае. *Фанданго* — испанский народный танец. *Райна* (то же: рей) — круглый брус, крепящийся горизонтально к мачте; служит для несения парусов. *Лазарони* (лаццарони) — нищий, бродяга. *Оттоманский бриг* — под флагом Оттоманской империи, Турции. «*Иль-Алла!*» — воинственный возглас мусульман.

2. М, 1845, № 4, с. III; Стихотворения 1841—1848. Печ. по Стихотворениям, [кн. I], изд. 2, испр. и доп., М., 1860, с. 13. Перевод стих. Ф. Фрейлиграта «Gesicht des Reisenden» («Mitten in der Wüste war es, wo wir nachts am Boden ruhten...»). *Дромадер* — одногорбый верблюд. *Идут девы, как Ревекка* и т. д. Имеется в виду эпизод из Библии, повествующий о встрече Ревекки у колодца с Исааком, когда она напоила его и его верблюда водой из кувшина. *Мекка* —

город на Аравийском полуострове, главное место паломничества мусульман. *Баб-эльмандеб* (или Эль-Мандеб — врата скорби) — пролив, отделяющий Аравийский полуостров от материка Африки. *Алла* — Аллах.

3. М., 1848, № 4, с. 258. Печ. по Стихотворениям 1841—1848, с. 94. Перевод стих. Ф. Фрейлиграта «Banditenbegräbnis» («Auf blut'ger Bahre gastet...»). В переработанном виде стало популярной в России «разбойничьей песней» (см.: «Песни и романсы русских поэтов», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965, с. 939, 1039—1040). *Сбир* (от итал. *sbirro* — служащий инквизиции) — здесь: сыщик. *Колет* — см. примеч. 248.

4. «Поэтические эскизы», альманах стихотворений, М., 1850, с. 31. В сокращенном варианте (в составе 6 строф) — «Русский вестник», 1856, № 3. Печ. по Стихотворениям, [кн. 1], изд. 2, с. 246, где Миллер вернулся к первоначальной редакции. Автограф — ПД. Перевод стих. Ф. Фрейлиграта «Requiescat!» («Wer den wucht'gen Hammer schwingt...»).

280. «Московский городской листок», 1847, 15 июля. Печ. по Стихотворениям, [кн. 1], изд. 2, с. 232. Положено на музыку П. П. Булаховым.

281. М., 1848, № 10, с. 28. Печ. по Стихотворениям 1840—1860, с. 151. См. также: Н. В. Берг, № 260.

282. Стихотворения, т. 6, изд. 2, М., 1880, с. 312, в составе цикла «Подписи к картинкам (для детей первого возраста)». Вошло с незначительными изменениями в устный обиход.

283. «Русский вестник», 1857, № 3-4, с. 284. Датируется по Стихотворениям, [кн. 1], изд. 2.

284. «Развлечение», 1861, № 22 (47), с. 272, подпись: Гиацинт Тюльпанов. *Яко се добро* (старослав.) — что это хорошо.

285. «Развлечение», 1865, № 44, с. 297. Печ. по Новым стихотворениям. 1861—1873, М., 1873, с. 34.

286. ОЗ, 1873, № 4, с. 458. Печ. по Новым стихотворениям. 1861—1873, с. 329. Стихотворная обработка старинной сатирической повести о несправедном суде *Шемяке*, обличающей произвол и корыстность суда; эта повесть получила распространение в рукописях в XVII—XVIII вв. и пользовалась широкой популярностью; включалась во множество лубочных изданий и послужила сюжетом для многих лубочных картинок. *Оголовок* — нижняя деревянная часть хомута. *Кружало* — в старину на Руси: кабак, питейный дом.

287. Стихотворения, т. 6, изд. 2, с. 128. *Чуйка* — длинный суконный кафтан.

288—290. Печ. впервые, по автографу П.Д.

1. Направлена против В. В. Григорьева (1816—1881), крупного востоковеда, автора, в частности, ряда работ по истории монголов. В 1874—1880 гг. занимал пост начальника Главного управления по делам печати; служебная деятельность его имела реакционный характер. Указание о службе Григорьева в цензуре, содержащееся в эпиграмме, позволяет датировать ее 2-й половиной 1870-х годов (так же датируются нами две следующие эпиграммы, записанные на том же листе).

3. *Красовский* А. И. (1780—1857) — цензор в 1821—1828 гг., председатель Комитета иностранной цензуры в 1833—1857 гг.; своей крайней реакционностью заслужил ненависть современников, «человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещение» (А. В. Никитенко, *Дневник*, т. 1, [Л.], 1955, с. 463; ср. А. Я. Панаева, *Воспоминания*, М., 1956, с. 88—89).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между с. 64 и 65.* Е. П. Ростопчина. Миниатюра (1833).
2. *На обороте.* Э. И. Губер. Дагерротипный портрет.
3. *Между с. 96 и 97.* Е. П. Гребенка. Портрет работы Т. Г. Шевченко.
4. *На обороте.* М. А. Стахович. Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамоннова.
5. *Между с. 256 и 257.* Н. Д. Хвоцинская. Гравюра.
6. *На обороте.* Ю. В. Жадовская. Гравюра.
7. *Между с. 288 и 289.* Ф. А. Кони. Литография М. Тюлева с рисунка Клюквина (1840-е годы).
8. *На обороте.* П. А. Каратыгин. Гравюра (1843).
9. *Между с. 352 и 353.* И. И. Панаев. Литография П. Бореля.
10. *На обороте.* П. А. Федотов. Автопортрет (рисунок) (1846—1848).
11. *Между с. 384 и 385.* П. А. Федотов. «Сватовство майора» (1848). Государственная Третьяковская галерея.
12. *На обороте.* Н. В. Берг. Гравюра И. И. Матюшина.

СОДЕРЖАНИЕ

Русская поэзия 1840—1850-х годов. <i>Вступительная статья</i> <i>Б. Я. Бухштаба</i>	5
--	---

Е. П. РОСТОПЧИНА

<i>Биографическая справка</i>	63
1. Когда б он знал! <i>Подражание 2-же Деборд-Вальмор</i>	67
2. Мечта	68
3. К страдальцам-изгнанникам	70
4. Простонародная песня	71
5. Отринутому поэту	73
6. Осенние листья	74
7. Надевая албанский костюм	76
8. На прощанье.	77
9. Последний цветок	79
10. Безнадежность	80
11. Разговор во время мазурки	81
12. Ссора	82
13. Вы вспомните меня	84
14. В степи	85
15. Двойные рамы	87
16. Две встречи	89
17. Село Анна	93
18. Как должны писать женщины	94
19. На дорогу!	96
20. Не скучно, а грустно	97
21. Опустелое жилище. <i>(Из цикла «Неизвестный роман»)</i>	98
22. Насильный брак. <i>Баллада и аллегория</i>	99
23. Слова на серенаду Шуберта	102
24. Цыганский вечер	103
25. Цирк девятнадцатого века	104
26. Зачем я люблю маскарады?	114

27. Чего-то жаль. По прочтении новым друзьям старых стихотворений	116
28. Слова для музыки <i>Испанская песня</i>	117
29. Минувшему высокосному 1852 году	118
30. Колокольчик	118
31. Дума вассалов	119
32. Слова для музыки («И больно, и сладко...»)	120
33. Слова для музыки («Бывало, я при нем живее...»)	121
34. Голубая душегрейка. <i>Слова для музыки</i>	121
35. (Стихотворение Элейкина. Из комедии «Возврат Чанкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки»)	122
36. Слова для музыки («Не сотвори себе кумира . . .»)	124
37. От поэта к царям	125
38. В майское утро	127

Э. Н. ГУБЕР

<i>Биографическая справка</i>	129
39. Судьба поэта	132
40. На кладбище	133
41. Три сновидения	134
42. На смерть Пушкина	138
43. Награда поэта	140
44. Художнику	141
45—46. (Из трагедии Гете «Фауст»)	
1. (Монолог Фауста) («Вестником неба весна прилетела...»)	142
2. (Песня Маргариты) («Тяжка печаль...»)	143
47. Душе	145
48. Могила	145
49. Цыганка	146
50. Новгород	147
51. Смерть и Время	148
52. На покой	149
53. Сердце	150
54. Любовь	150
55. Охлаждение	151
56. Бессонница	151
57. Песня («На душе свободной...»)	152
58. Расчет	153
59. Иным	154
60. Проклятие	156
61. Последний друг	157
62. Странник	158
63. Прометей (<i>Поэма</i>)	160
64. Станный дом	176
65. «Думал мужик: „Я хлеб продам...“»	177
66. «Я по комнате хожу...»	177
67. «В эту ночь, чуть горя...»	179
68. «И снова вдали замирают...»	179

69. У люльки	. 180
70. «Свободен я! Царей гробница...» .	. 181

Е. П. ГРЕБЕНКА

<i>Биографическая справка</i>	. 182
-------------------------------	-------

71. Казак на чужбине (<i>Украинская мелодия</i>)	. 183
72. Признание	. 184
73. Украинская мелодия («Не калина ль в темном лесе...»)	. 185
74. Гетман Свирговский	. 186
75. Песня («Молода еще девица я была...»)	. 188
76. Почтальон	. 189
77. Черные очи	. 190
78—81. (Из поэмы «Богдан. Сцены из жизни малороссийского гетмана Зиновия Хмельницкого»)	
1. (Песня казаков) («В поднебесьи мчатся тучи...»)	. 190
2. «Тихо утро загорелось над землей...» .	. 191
3. Песня («Зеленая трава моя...»)	. 193
4. (Песня бандуриста) («Были у орла два сына...»)	. 194
82. Степь	. 195
83. Песня («Светла речка под окном твоим шумит...»)	. 195
84. «Опять передо мной знакомые поля...» .	. 196

Е. Л. МИЛЬКЕЕВ

<i>Биографическая справка</i> .	. 197
---------------------------------	-------

85. Утешение	. 199
86. Демон	. 199
87. Титан	. 200
88. «С туч, беременных дождями...»	. 201
89. Вавилон	. 201
90. «День рассеянный, день нестройный...»	. 202
91. Свет	. 203
92. «Как ветер закрутит мгновенно прах летучий...»	. 204
93. Смертному	. 205
94. К портрету Пушкина	. 206
95. Рекрут	. 206
96. Участь	. 208

И. П. КРЕШЕВ

<i>Биографическая справка</i>	. 209
-------------------------------	-------

97. Фавн	. 210
98. Дриада	. 212
99. Последняя роза (<i>Из Томаса Мура</i>)	. 212
100. Наяда. Эскиз <i>Андрея Шенье</i>	. 213
101. Осенние цветы	. 213
102. Элегия («Еще блестит лазурь твоих прекрасных глаз...»)	. 214
103. (Из Горация) («Друг! не всегда цветут холмы...»)	. 214

104. Элегия («Синела ночь. Из каждого куста...») .	215
105. «Сошлись мы порой унылой...» .	215
106. Лорелея	216
107. Разлука с жизнью. <i>Из Гервега</i>	216
108. Из Рюккерта («Певец, когда на голос свой...») .	217
109—111. (Из Горация)	
1. Отдых ростовщика .	217
2. Талиарху .	219
3. Барине .	220

М. А. СТАХОВИЧ

<i>Биографическая справка</i> .	221
112. Пальна	223
113. Осень	224
114. (Песня Алехи из «Зимней сцены (из русского быта)» «Изба») («Не светла звезда, не восходящая...») .	226
115. Станция .	227
116. Разлука	231
117. Старуха на печке	232
118. (Песня Вани из «Летней сцены (из русского быта)» «Ночное») («Ах вы злые дни, мои горькие...») .	232
119. Праздник, или Горе от пляски .	233
120. Песня к милой (<i>Из Гете</i>) .	235
121. Вечерняя песня	235
122. Былое. <i>Стихотворная повесть</i> .	236
123. Зимнее утро .	258

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ

<i>Биографическая справка</i> .	259
124. «Есть дни: душа как будто в сон печальный...» .	261
125. Детский бал	261
126. «Среди борьбы и разрушенья...»	263
127. «Три слова! Что нам в них? Довольно, в самом деле...» .	264
128. «Не могу я приняться за дело...» .	265
129. «Свой разум искусив не раз...»	265
130. «Солнце сегодня за тучею черной такой закатилось...» .	266
131. «Нет, я не назову обманом...»	266
132. «Ночь холодна, темна; холмы, река, поля...» . .	267
133. «Шумит осенний дождь, ночь темная нисходит...» .	268
134. Слово	268
135. «Под шум заботы ежедневной...»	269

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

<i>Биографическая справка</i> .	271
136. «Много капель светлых...» .	273
137. «Лучший перл таится...» .	273

138.	«Ты скоро меня позабудешь...»	273
139.	Приближающаяся туча	274
140.	Возврат весны .	274
141.	Теперь не то	275
142.	«Всё ты уносишь, нещадное время..»	275
143.	Вечер	275
144.	«Я всё еще его, безумная, люблю...»	276
145.	Взгляд	276
146.	Признание (<i>Отрывок</i>)	277
147.	Возрождение	277
148.	Сила звуков	278
149.	Прощай	278
150.	«Ты всюду предо мной: повеет ли весна...» .	279
151.	«Всё бы я теперь сидела да глядела!..»	279
152.	П*** («Напрасно ты сулишь так жарко славу мне...»)	280
153.	«Люди много мне болтали...»	280
154.	«Любви не, может быть меж нами...»	281
155.	Скучный вечер	281
156.	«Ночь. Всё тихо. Только звезды...»	282
157.	«Грустная картина!..»	283
158.	«Да, я вижу, — безумство то было...»	283
159.	Н. Ф. Щербини	284
160.	На пути	285
161.	Нива	285
162.	«Не зови меня бесстрастной...»	286
163.	«Увы! и я, как Прометей...»	286
164.	«Много лет ладью мою носило...»	287
165.	«Тихо я бреду одна по саду...»	287
166.	Туча	288
167.	Посев	288
168.	«Говорят — придет пора...»	289
169.	Тупеядцам	290
170.	«Не твердил он мне льстивых речей...»	291
171.	Н. А. Н(екрасо)ву	291
172.	«Чем ярче шумный пир, беседа веселей...»	292
173.	«Нет, никогда поклонничеством низким...»	292

Ф. А. БОНН

<i>Биографическая справка . . . . .</i>	294	
174.	Серенада	296
175.	Песня о царьке в городке... <i>(Из Беранже)</i>	297
176.	Цветок. <i>Русская песня</i>	299
177—178.	<i>(Из фарса-водевиля «Жених по доверенности»)</i>	
1.	<i>(Куплеты Жанно) («За счастьем гонятся на свете...»)</i>	300
2.	<i>(Куплеты Терции) («В связях с аптекой лекаря...»)</i>	300
179—181.	<i>(Из волшебной сказки-водевиля «Принц с хохлом, бельмом и горбом»)</i>	
1.	<i>(Куплеты Губернатора) («В старину у наших дам...»)</i>	301

2.	〈Куплеты Губернатора и Тортиколя〉 (〈Ты на все мои вопросы...〉)	301
3.	〈Куплеты Рике〉 (〈Да, в жмурки все играем мы на свете...〉)	303
182.	〈Роман из комедии «Деловой человек, или Дело в шляпе»〉 (〈Рано, цветик, рано ты...〉)	304
183—184.	〈Из водевиля «Карета, или По платью встречают, по уму провожают»〉	
1.	〈Куплеты Дюкре〉 (〈В театрах наших очень сходно...〉)	305
2.	〈Финальные куплеты Дюкре〉 (〈Поглядишь, на белом свете...〉)	306
185.	〈Куплеты Фредерика из водевиля «Муж в камине, а жена в гостях»〉 (〈Свяжись-ка с судьями, поди...〉)	307
186—189.	〈Из комедии-пословицы «В тихом омуте черти водятся»〉	
1.	〈Куплеты Незацепина〉 (〈У вас всегда уважен вдвое...〉)	307
2.	〈Куплеты Незацепина〉 (〈Под благовидною причиной...〉)	307
3.	〈Куплеты Весельева〉 (〈Наука света нелегка!...〉)	308
4.	〈Финальные куплеты〉 (〈Хоть свет велик, а люди бьются!...〉)	308
190.	〈Куплеты Морина из драмы-водевиля «Тереза»〉 (〈Вы оглянитесь кругом...〉)	309
191.	Гондольер	311
192.	〈Монолог Трагивраля из водевиля «Страсть сочинять, или «Вот разбойники!»〉 (〈Кинжалы и яды...〉)	312
193.	〈Финальные куплеты из комедии с куплетами «Женская натура»〉 (〈Тут секретарь одним присестом...〉)	313
194.	История бала	314
195.	〈Финальные куплеты из водевиля «Лакей невпопад»〉 (〈Я из бар попал в лакеи...〉)	317
196—201.	〈Из комедии с куплетами «Петербургские квартиры»〉	
1.	〈Куплеты Алены Ивановны〉 (〈Ох, уж эти мне гусары!...〉)	318
2.	〈Куплеты Щекоткина〉 (〈Начальник отделения...〉)	318
3.	〈Куплеты Присыпочки〉 (〈Ползать и кланяться...〉)	320
4.	〈Куплеты Задарина〉 (〈Премудренная задача...〉)	321
5.	〈Куплеты Задарина〉 (〈По числу наличных денег...〉)	322
6.	〈Куплеты Кутилина〉 (〈Мог тогда б понтировать...〉)	323
202.	Алпухара. Гранадская баллада. 〈Из Мицкевича〉	324
203.	〈Эпиграмма на М. С. Воронцова〉 (〈Могуч, величествен и грозен...〉)	327
204.	Любовь	327
205.	Измена	328
206.	Булгарин	329
207.	Биография благородного человека	329
208.	Дифирамб искреннему другу мелочному лавочнику	333
209.	〈Куплеты Гальяра из водевиля «Сэр Джек, или Не угодно ли Вам быть повешенным?»〉 (〈Если вдовушка уж в летах...〉)	334

210. <Куплеты Бородавкина из шутки-поговорки «Всякий черт Иван Иванович!»> («Питер — дивная столица...»)	335
211. <Куплеты Регенти из комедии с куплетами «Беда от сердца и горе от ума»> («Вы видали ль: шасто бродит...»)	337
212. «Не жди, чтобы цвела страна...»	339

II. А. КАРАТЫГИН

<i>Биографическая справка</i>	341
213. <Куплеты Иванова из водевиля «Заемные жены»> («Красавице в семнадцать лет...»)	343
214. <Куплеты Понукалова из водевиля «Чиновник по особым поручениям»> («Задеть мою амбицию...»)	343
215. «Трем переводчикам «Гамлет» не удался...»	344
216—218. (Из водевиля «Булочная, или Петербургский немец»)	
1. <Куплеты Карлуши> («Во мне нет никакого смысла...»)	345
2. <Куплеты Флюгерова> («Жена, действительно, как древо...»)	345
3. <Куплеты Клейстера> («Могу сказать, я точно мейстер...»)	346
219. <Куплеты Разгильдяева из водевиля «Вицмундир»> («Жизнь холостая мне очень наскучила!...»)	346
220. <Куплеты Ивана Вихляева из шутки-водевиля «Натуральная школа»> («Новую школу ума и словесности...»)	347
221. <Куплеты Бирюкова из водевиля «Петербургские дачи»> («Надоела дача эта!...»)	348
222—223. «Весельчак»	
1. «Ну вот, «Весельчака» прочел я первый номер...»	350
2. «Ты лопнул со смеху, несчастный «Весельчак»...»	350
224. «Воевода, или Сон на Волге»	350
225. <Эпиграмма на А. К. Толстого> («Бессмертный Пушкин наш изобразил „Бориса“...»)	351

II. П. ПАНАЕВ

<i>Биографическая справка</i>	352
226. К чудной деве	354
227. К друзьям	354
228. Наполеон	355
229. К азиятке	356
230. Могила	357
231. Серенада («В томной неге утопая...»)	357
232. К*** («Почтительно люблююся тобою...»)	359
233. Requiem	359
234. Два отрывка из большой драматической грезы «Доминикино Фети, или Непризнанный гений»	360
235. «Напрасно говорят, что я гонюсь за славой...»	367
236. Будто из Гейне	368
237. «Ты мне всё шепчешь: „Постой!“...»	368

238. К Фанни Эльслер. <i>Подражание одному московскому стихотворцу</i>	369
239. Серенада («Уж ночь, Акулина!..»)	370
240. Греческое стихотворение	370
241. Поэт	371
242. «В безумных оргнях уходит жизнь, как сон»	372
243. Сельская тишина	373
244. На дороге	374
245. Она и я	374
246. Far niente	375

И. А. ФЕДТОВ

<i>Биографическая справка</i>	377
247. Картина «Свежий кавалер, или Где завелась дурная связь, там и в великий праздник — грязь»	379
248. Поправка обстоятельств, или Женитьба майора (<i>Предисловие к картине</i>)	380
249. Пчела и цветок	404
250. Радея. (<i>Объяснение картины «Сватовство майора»</i>)	406
251. Тарпейская скала. <i>Притча</i>	410
252. Усердная Хавронья	412
253. «Гусиное перо людей...»	414
254. К моим читателям, стихов моих строгим разбирателям	414
255. Кот	419
256. Тень и солнце	422
257. Садовники	424

И. В. БЕРГ

<i>Биографическая справка</i>	426
258. Жалоба девы (<i>Из Рунеберга</i>)	428
259. Кукушка (<i>Из «Краледворской рукописи»</i>)	429
260. Песня Ярославны (из «Слова о полку Игореве»)	430
261. Зейнино заклятие (<i>Из сербских народных песен</i>)	431
262. Л. («Ты еще не умешь любить...»)	432
263. Очи (<i>Из Ганки</i>)	432
264. Право, маменьке скажу (<i>Из Масальского</i>)	433
265. (Из Мицкевича) («О песня, ты святой ковчег...»)	434
266—267. (Из цикла «Литовские песни»)	
1. Лихач	435
2. Ворон	436
268. Краковяки (<i>Из цикла «Польские народные песни»</i>)	436
269—270. (Из цикла «Финские песни»)	
1. Мой жених на войне	438
2. Сам я выучился петь песни	438
271. Последнее прощание клефта (<i>Из цикла «Греческие песни»</i>)	439
272. Женитьба воробья (<i>Из цикла «Сербские народные песни»</i>)	440
273. Смерть и погребение непобедимого Мальбрука (<i>Из цикла «Французские песни»</i>)	441
274. «О чем ты стонешь, сине море? . . .»	443
275. (Афи)	444

Биографическая справка .	. 446
276—279. (Из Фрейлиграта)	
1. Пират	. 447
2. Воздушный караван .	450
3. Погребение разбойника .	451
4. Труженик	453
280. «Полно, зачем ты, слеза одинокая...»	. 455
281. Плач Ярославны (из «Слова о полку Игореве»)	456
282. «Раз, два, три, четыре, пять...»	. 457
283. Ворон	457
284. Порода хищных	. 458
285. Сказка о купце, о его жене и о трех пожеланьях .	458
286. Судья Шемяка .	. 462
287. Труженики-дети .	. 467
288—290.	
1. «Все тайны монгольских наречий...» .	. 468
2. «Плуты, вору, самодуры!...»	468
3. «Блаженной памяти Красовский...» .	. 468
Примечания .	. 469
К иллюстрациям	531

ПОЭТЫ 1840—1850-х ГОДОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1972.
544 стр. План выпуска 1972 г. № 318.

Редактор *Л. С. Гейро*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 16/VIII 1971 г. Подписано
в печать 25/XI 1971 г М 45624. Печ.
л. 17,0+6 вкл (29,18). Уч -изд. л. 28,69.
Бумага 84×108¹/₃₂ № 1. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 1205. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28. Ленинградская типогра-
фия № 5 Главполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров СССР,
Красная ул., 1/3.

«Б И Б Л И О Т Е К А   П О Э Т А»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Б о л ь ш а я   с е р и я

Второе издание

ЛИТОВСКИЕ ПОЭТЫ XX ВЕКА

ПОЭТЫ 1790—1810-х ГОДОВ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Полное собрание стихотворений

М а л а я   с е р и я

Третье издание

ПОЭТЫ ТУРКМЕНИИ

«Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А»

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Б о л ь ш а я с е р и я

Второе издание

АРМЯНСКАЯ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИРИКА

МУКИМИ. ФУРКАТ

ПОЭТЫ XVIII ВЕКА

(2 тома)

М а л а я с е р и я

Третье издание

ПОЭТЫ ТАДЖИКИСТАНА
